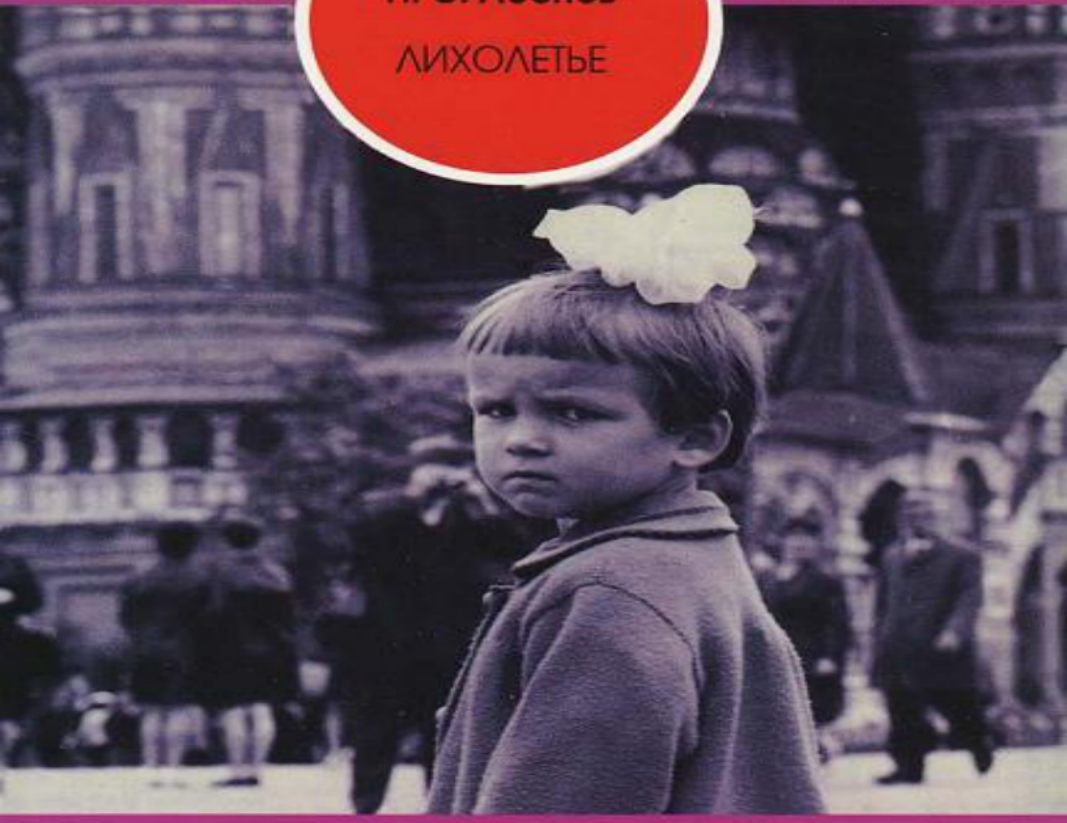
СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

Н. С. Леонов

ЛИХОЛЕТЬЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга — воспоминания о жизни и работе автора в разведке. Николай Леонов (р. 1928) — генерал-лейтенант, бывший сотрудник внешней разведки. Опираясь на личный опыт, автор рассказывает о борьбе спецслужб СССР и США, о роли советской разведки в формировании внешнеполитического курса СССР, о ранней диагностике угроз для страны. Читатель познакомится со скрывавшимися от общественности неразберихой и волюнтаризмом при принятии важнейших политических решений, в частности о вводе советских войск в Афганистан, о переговорах по разоружению, об оказании помощи странам «третьего мира». Располагая обширной информацией, поступавшей по каналам КГБ, автор дает свою интерпретацию событий 1985–1991 годов в СССР и России.

- Леонов Н. С
  - Начало пути
  - Первые шаги в разведке
  - В Мексике, на переднем крае
  - Работа в центре. Разведывательные вылазки за рубеж
  - Переход на информационно-аналитическую работу
  - Большие и малые хлопоты разведки
  - Раковые клетки социализма
  - «Бермудский треугольник»
  - Начало конца
  - Обреченная революция
  - Горькие думы аналитиков
  - Последний луч надежды
  - Афганистан
  - Лицом к лицу со спецслужбами США
  - Нелады в разведке
  - «Горбаниада»
  - Прощание с разведкой
  - На посту главного аналитика Лубянки
  - Finita la comedia

Леонов Н. С
Лихолетье

Начало пути

Довелось мне родиться летом 1928 года в неприметной рязанской деревушке с красивым названием Алмазово, расположенной на самом стыке трех областей: Рязанской, Тульской и Московской. Мужики вечно шутили, что у нас самые горластые петухи: их слышно сразу в трех губерниях. В 20 верстах от деревни раскинулось Куликово поле. В хорошую погоду от околицы можно было увидеть золоченый купол обелиска на Мамаевом кургане.

Вся моя жизнь точно уложилась в рамки советского времени. Первый свой крик я издал под копной сжатой ржи на собственном поле в последний год свободного крестьянствования. На следующее лето наша пашня уже была включена в колхозные поля. В отставку же я ушел после известных событий августа 1991 года, когда рухнула старая власть и началось новое летосчисление. 63 года, пробежавшие между этими датами, и являются предметом моих размышлений в этой книге. «Как раз на жизнь свобода опоздала», — сказал поэт про моих современников.

Точная дата моего рождения так и осталась неизвестной. В разгар жатвы родителям было некогда ехать в соседнее село, где был сельсовет, для регистрации новорожденного, а когда управились с урожаем и стали выправлять метрики, то, чтобы избежать штрафа за просрочку, назвали первое попавшееся число, поближе ко дню визита в сельсовет. Так и определили мне 22 августа как день рождения.

Моя мать Леонова Наталья Владимировна была обыкновенной крестьянкой. Когда я появился на свет, ей было 22 года и на ее плечах лежали заботы по поддержанию хлопотного середняцкого хозяйства. У нас была своя лошадь, корова, в хлеву всегда хрюкала пара свиней. Во дворе толпилось десятка полтора овец да кудахтала пара дюжин кур. Отец Леонов Сергей Михайлович, тоже из крестьян, исправно делал всю мужицкую работу, но с приходом колхозного строя решил поменять свою судьбу. Он уехал учиться на рабфак в Бобрик-Донской, там вступил в коммунистическую партию, а вскоре и обзавелся новой семьей. Возвращаться в деревню — к навозу, квасу, соломе — ему уже не хотелось. Он развелся с матерью, и я только пять десятков лет спустя узнал, что он служил в армии, дошел до чина подполковника и завершил свои дни в Минске военпредом на тамошнем автомобильном заводе. Никакого влияния на мое формирование он не оказал. Но его членство в партии едва не стоило мне жизни. Он строго-настрого запретил крестить меня, а

поскольку сам был единственным коммунистом в деревне, то и я оказался единственным нехристем. Никто из бабок не соглашался приглядывать за мной, когда мать работала в поле, полагая, что я навлеку беду на дом. Однажды соседка, уступившая просьбам матери, во время разыгравшейся грозы в ужасе стала пятиться от окна, споткнулась о большую кадку, в которую сливали на пойло скоту остатки от обеда, квасную гущу, воду от мытья посуды и пр. Бабка выронила меня, завернутого в лохмотья, прямо в кадку и убежала из дому. Опомнилась она уже на улице, опрометью влетела назад в избу и вытащила из мутной жижи полуживого нехристя. Меня откачивали как утопленника, но сидеть со мной впредь наотрез отказались все. Я стал беспризорником.

Матери-разведенке с мальцом на руках в деревне стало жить трудно и неуютно. В 1929 году прошли устрашающие раскулачивания. В Алмазове, где на 120 дворов не было ни одного батрака и ни одного крупного хозяина, все-таки были раскулачены две семьи. Дикое разорение крестьян, отправка в ссылку ближних соседей, отчаяние и ужас баб, вывших от бессилия, окончательно убедили мать в том, что жить по старым крестьянским традициям уже не придется. Она списалась со своей теткой, давно работавшей в Москве трамвайным кондуктором, и перебралась в столицу, поступив на работу на ткацкую фабрику. Скоро она забрала меня к себе, и с 1931-го по 1934 год я проходил школу воспитания в детских садах текстильщиков. Жили мы вчетвером — бездетная тетка с мужем и я с матерью — в крошечной, девятиметровой комнатушке в Третьем Павловском переулке.

Я рос не только непоседливым, шаловливым, но, может быть, и просто невоспитанным мальчишкой — как многие дети разрушенных семей. В детском саду я «внедрил» в быт регулярные футбольные игры, в которых вместо мяча использовалась чья-нибудь шапка. Когда в конце недели наши мамы приезжали, чтобы взять нас на выходной, то они бурно возмущались, увидев состояние шапок своих отпрысков. Расследование выводило карателей на меня, и наступало неотвратимое наказание.

В коммунальной квартире я как-то забил хозяйственным мылом носик чайника, принадлежавшего нелюбимым соседям, и те долго не могли сообразить, что происходит с их чаем. Я был наказан ремнем и посажен в темную уборную, но даже из-за двери продолжал хулить весь белый свет неизысканными словами. Пришлось матери отправить меня обратно в деревню к другой своей тетке.

В розвальнях, когда мы ехали со станции в Алмазово, я уловил обрывки разговора мужиков о том, что враги убили

Кирова и что теперь «жизнь будет становиться все хужее». Незаметно мы втягивались в политику. Мужики стали шушукаться по углам, отчего даже пацанам становилось страшно. Повсюду нам стали мерещиться невидимые вредители. Мы, мальчишки, искали в рисунках отрывного настенного календаря скрытые фашистские знаки, образы разных гадких животных, видя во всем происки «шпионов».

Но люди никак не хотели расставаться с добрыми старыми привычками и обычаями. Плесень недоверия, подозрительности едва тронула толщу крестьян. Поэтому четыре года, прожитые в деревне до 1938-го, остались в моей памяти как самые светлые и безмятежные. Я никогда не был так сознательно близок к земле и к своему народу, к его традициям. Не будь этих лет, я бы считал себя безнадежно обездоленным. Ну где теперь увидишь такие проводы старого года, когда напротив села, на другой стороне речушки, ребятня натаскивала огромную копну соломы, которую поджигали, и она озаряла на добрую версту вокруг заснеженные поля и все Алмазово. Называлось это «сжиганием старого года» со всеми его невзгодами, лихостями и неудачами. Мальцы с визгом носились вокруг кострища, парни и девушки с хохотом играли в снежки, барахтались в сугробах. Деревенский гармонист творил чудеса на своей поношенной, но безотказной гармонике. И на все это безоглядное веселье с радостной грустью смотрели изо всех изб глаза мужиков и баб и их отцов-стариков.

Горя мы не ведали, каждая пора года приносила свои радости. Появлялись первые проталинки на Пасху, и начинали мы катать крашеные яйца. Чье дальше укатится, тот и выиграл. Или бились острыми концами пасхальных яиц. У кого скорлупа лопалась, тот проигрывал и должен был отдать святое яичко победителю. Бывало, целый вечер просидишь у лукошка, выбирая яйцо с дополнительным наростом на конце. Церковь в селе уже не работала, попа сослали неизвестно куда, а традиции теплились: всюду пекли куличи, готовили сладкую пасху.

Потом интерес мальчишек захватывал весенний смотр техники и инвентаря. Колхоз наш был не особо мощный, но и не тщедушный. Недели за две до сева на большой луговине напротив домика правления колхоза выставлялось все наше нехитрое хозяйство. Рядами блестели плуги и бороны, пузатились веялки и крупорушки, на генеральском месте возвышались молотилки. Задрав оглобли в небо, замирали телеги, водяные бочки, увешанные залатанной и приведенной в порядок сбруей. Ну чем не праздник? Если бы не страсти 1937–1938 годов и не война, может быть, и сложился бы новый уклад, утвердились праздники, до которых деревня так охоча…

Пахота и сев проходили на одном дыхании. По работе мужики успевали основательно соскучиться и вкалывали на совесть. Обедали на борозде, отдыхали только из-за лошадей. Управлялись всегда в срок, не помню вздохов из-за ушедшей в лето без посева земли.

Но главное в деревне — жатва. Это всем праздникам праздник. Ничто не доставляет человеку такой радости, как вид результатов своего труда. Жатва и трудна, и празднична, как никакая другая страда в сельской жизни. Вся деревня переселялась на гумна и оставалась там до конца жатвы. В домах скрипели только старики да старухи, готовившие харчи, нянчившие малых детей да приглядывавшие за скотиной.

Мы дневали и ночевали на гумне. Рабочей силы в деревне было достаточно, нас отовсюду гоняли, чтобы мы не мешали и не попали случайно под вилы. Нас отсылали в ближайшие лощинки с родниками за водой либо поручали утаптывать солому в огромных ометах, чем мы и занимались до изнеможения, захлебываясь от восторга.

Когда же солнце садилось и машины вынужденно останавливались, вся молодежь шла на речку купаться. Речушка в нашей деревне крошечная, но ее старательно с весны запруживали, и она разливалась длинным и глубоким озерцом, в котором с гоготом и визгом плескалась шумная стая алма-зовских парней и девчат. Для них это была лучшая награда за тяжелый день, за четырежды просоленные рубахи, за тысячи остей от пшеничных колосьев, которые резали и кололи до боли даже порядком задубевшую кожу рязанских хлеборобов. Сама собой появлялась гармоника, и вперемежку сыпались частушки — озорные от парней и задумчиво-мечтательные от девушек. Гомонили допоздна, чуть не до зари, а с солнышком опять вилы в руки, и снова шли гулять снопы по их острым зубьям из полевых копен до зева молотилки.

К осени, когда завершалась уборка, вся деревня начинала готовиться к большому празднику конца полевых работ. Какой бы председатель ни был в то время в колхозе, он всегда выделял быка, пару-тройку баранов, поросенка для организации общего стола. Женщины занимались праздничной кухонной работой. Они варили студень, чудесную требушиную колбасу, в косы заплетали промытые и сочившиеся жиром кишки, которые на огне превращались в золотистые лакомства, жарили на сале печенку вперемешку с кусками застывшей крови. Само мясо мы испокон веков пользовали только для первых блюд и никаких разносолов из него не делали, а вот из субпродуктов выходили все деликатесы, на которые бабы были мастерицы.

Пили тоже от души, но закусывали так сытно, что пьяных я не помню. Гулянье с песнями и плясками длилось два-три дня. Бывало, осенняя распутица начисто изолировала деревню от всех: ни проехать, ни пройти было по нашим раскисшим дорогам и лощинам; телефона, электричества, радио не было. Хлестали с неба серые дожди, стыла в окружавших деревню буераках набрякшая водой земля, а на взгорке, занятом деревней, клубились веселые дымы над трубами, наяривала гармоника и переливались песни.

Хозяйство было почти натуральное. Уже поздно осенью доставали со дна реки снопы конопли, положенные туда на отмокание, просушивали их, потом клали в мялку, вычесывали костру и готовили волокно к прядению. Всю зиму неутомимые женщины пряли либо коноплю, либо шерсть. На домашних, почти первобытных станках зимними вечерами ткали они длинные серые полотна, которые по весне расстилали бесконечными дорожками на лугу под яркими лучами солнышка на отбелку. Чего только из этих холстов не делалось: и онучи к лаптям, и простыни, полотенца, и нижнее белье, штаны и рубахи для живых и саваны для усопших. Матушка-конопля с ног до головы одевала непритязательных односельчан. Теперь ее запрещено сеять: она, видите ли, содержит в своей пыльце наркотики.

Из шерсти всю зиму вязали носки, варежки, но главным образом она шла на валенки. В начале декабря в деревне появлялась бригада шабашников-валяльщиков, которые снимали у кого-нибудь избу и валяли валенки для всего села, а над деревней несколько дней клубился пар и разносился тяжкий дух распаренной шерсти. Редкий хозяин не заказывал двухтрех новых пар. Для невест и молодых женщин обязательно делали белые, парадные, изящные валеночки, детям катали маломерки, а главным товаром были черно-серые рабочие валенки, которые сразу, еще не надеванные, подшивали двойной подошвой, чтобы они помогали хозяину вынести любые морозы. Мужики, у кого голова была на плечах, все умели шить обувь, шапки и дубленые шубы и тулупы. Редко кто щеголял в суконных пальто.

Так и шла моя свободная донельзя жизнь до того момента, когда пришлось идти в школу. Первой учительницей была Валентина Матвеевна — красивая, умная и добрая, какими должны быть все учителя. Она меня встретила очень тепло, знала, что я «безотцовщина», к тому же и мамы не видел больше года. Доброты мне всю жизнь не хватало, поэтому я старался отвечать на ее проявления тем же. Учился я истово, подбадриваемый теткой и другими взрослыми.

А тем временем моя мама вышла вторично замуж за выходца

из нашей же деревни, с такой же фамилией Леонов, работавшего на железной дороге около города Электросталь. Родилась моя первая сестра Тоня, и меня решили забрать из деревни в город.

Живо помню теплое утро раннего лета 1938 года, когда меня посадили в телегу и повезли на железнодорожную станцию. Инстинктивно чувствовал я, что закатилось мое детство и не видать мне больше вольной деревенской жизни. Я сидел на задке телеги и со сладкой болью прощался с Алмазовом, купавшимся в петушиных песнях, подпиравшим небо столбами своих дымов и постепенно таявшим в утреннем тумане. Я не знал тогда, что человеческая память хранит любимые образы лучше, чем цветная фотография. И до сих пор не только вижу то утро, но и слышу его, чувствую запах гречихи соседнего поля и неизбывную боль прощания с родиной, с укладом, который уже не вернется.

Последующие десять лет, до 1947 года, я прожил в новой семье. Отчим Леонов Константин Устинович оказался на редкость добрым, умным человеком, он принял меня как родного сына, и я не чувствовал никакой ущербности. Жили мы в двухэтажном дощатом строении с засыпными стенами, которое было воздвигнуто для строителей железнодорожной ветки Фрязево — Ногинск как временное жилье. Строители давно ушли, и теперь здесь поселились эксплуатационники, потому что жить было негде. Дом стоял в двух километрах от станции и города Электросталь, на работу и в школу приходилось ходить пешком. Железнодорожники были полурабочими-полукрестьянами. Жалкие зарплаты не давали возможности сводить концы с концами, поэтому все мы разбивали огороды, строили сараи, заводили скотину. Продуваемый насквозь дом-времянка не имел ни водопровода, ни канализации, да и электричество провели только в годы войны. Но, несмотря на все трудности, семейство быстро прибавлялось. К 1947 году я был осчастливлен четырьмя сестрами, с которыми до сих пор живем душа в душу. Кроме школы все мои заботы сосредоточивались на воспитании малолетних сестричек, следовавших одна за другой, на заготовке дров на зиму, сена корове и на уходе «за огородом, нашим подлинным кормильцем. В моем отчиме крестьянин умер гораздо раньше, чем в других его коллегах, он с неохотой занимался огородно-коровьими делами, кротко сносил упреки матери в бесхозяйственности и полагался на меня, «второго мужика» в семье.

В нашем кругу хорошо учиться считалось непрестижным, почти позорным, мои сверстники рано бросали школу и уходили на работу на завод или в ФЗУ (фабрично-заводские училища). Я же из класса в класс переходил без больших хлопот, пока летом

1941 года не грянула война. Мы, мальцы, давно были убеждены, что «на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». Нам были еще неведомы сомнения в правдивости печатного слова, утверждавшего все время, что мы самые могучие, самые сильные в мире. Нам было непонятно, отчего ревут наши матери, почему почернели лица отцов, куривших одну «козью ножку» за другой. Мы радовались, что враг своим нападением дал нам блестящую возможность показать нашу силу. Откуда нам было знать, что пресса создана больше для вранья, чем для информации.

1941 год стал годом первых крушений иллюзий, годом начала критического отношения ко всему происходившему.

Наших отцов-железнодорожников в армию не брали, они были переведены на казарменное положение и жили в пустовавшем помещении эвакуированной химической лаборатории местного завода, выпускавшего противогазы. В первые же дни малограмотные мужики отыскали в брошенных незакрытыми шкафах бутыли, колбы с жидкостью, напоминавшей спирт, и, естественно, не удержались от соблазна. Спирт оказался метиловым, несколько человек умерло, а часть ослепла. Это были наши первые собственные «военные» потери.

В тяжелую октябрьскую пору, когда каждую ночь немцы сыпали на нас зажигательные бомбы и сбрасывали вороха листовок с призывами не допускать эвакуации промышленного оборудования, наш дом потрясло трагическое событие. Один из соседей, Кирилл Семкин, работавший сцепщиком вагонов на станции Электросталь, принял после работы стакан водки и начал громко заявлять, что ему не страшен приход немцев, что все равно, при какой власти «жрать дерьмо», пусть, дескать, коммунисты «кладут в штаны от страха».

Наутро его уже не было дома: забрали. Судила его «тройка». Мой отчим как секретарь парторганизации железнодорожной станции был приглашен на суд. Кирилла приговорили к расстрелу и приговор привели в исполнение в 24 часа. Его жена, 29-летняя цветущая Анастасия, осталась с четырьмя ребятишками на руках, старшему из которых, моему ближайшему другу Сашке, было 12 лет. Единственной опорой убитой горем вдове стала наша семья, вернее, мой отчим. Он долго скрывал от нее факт приведения приговора в исполнение, говорил о штрафных батальонах. Анастасия надеялась, помню, даже сажала паука в стакан, веря в народную примету, что если паук соткет в гладкостенном стакане паутину — значит, муж жив, а если нет, то уж… нет. Чтобы семью не выгнали

из крошечной комнаты в 12 квадратных метров в нашем

железнодорожном доме, отчим убедил начальника станции принять убитую горем женщину на работу. Мы с приятелем Сашкой стали ходить за почасовую оплату на очистку железнодорожных путей от снега.

Закрутилась горькая рулетка войны, выдававшая кому похоронку, кому тяжелого инвалида, кому пропавшего без вести, кому арестованного своими. Как пелось в песне Высоцкого, «кому от Сталина, кому от Гитлера…»

Два года я не ходил в школу: она не работала. Отец пропадал на работе, дома его почти не было видно. Все силы и мысли сосредоточивались на том, чтобы выжить, сберечь сестренок, помочь матери, не дать своей душе расстаться с телом. Нужда заставила меня совершать дальние поездки за хлебом в Горьковскую область, где мы меняли иголки, дешевую бижутерию на муку, пшено, крахмал. Поездки были очень опасными: на крышах вагонов, в товарных составах. Защитой от милиции и уголовников были крайняя тщедушность и мальчишеские слезы. Больше рассчитывать было не на что. Однажды пришлось ехать пару суток, закопавшись в каменный уголь в открытом полувагоне, под непрестанным дождем, но думы о голодных сестренках не давали ни уставать, ни болеть. Зато дома нас встречали со слезами на глазах, как кор-мильцев-спасителей. Даже отец, смущенно кашляя, одобрительно поглядывал на лоснившийся от грязи мешок с мукой и пшеном и покрикивал на мать: «Наташк, накорми хлебопашца, будет топтаться без толку!» А мать плакала без стеснения, вытирая покрасневшие глаза передником, пришептывая: «Господи, да нешто я послала бы тебя… кабы не жисть эта проклятая… Спасибо тебе, сыночек, спасибо». И трудно было понять, за что мать благодарит меня: за то, что я привез еду, или за то, что вернулся жив и здоров и снял с нее бремя мучительного страха за жизнь единственного сына. А сам я, как большинство в моем положении, наслаждался «вниманием благодарной аудитории» и рассказывал целый день о бесконечных перипетиях поездки, не жалея красок и порядком привирая.

После пары лет такой волчьей жизни мне было нелегко привыкать снова к школе, куда я вернулся в 1943 году, когда отчим пригрозил применить все доступные меры наказания. Меня окружали чистенькие, упитанные подростки, дети по большей части инженерно-технического персонала завода «Электросталь». У меня появлялись позывы отомстить им за их грамотность, воспитанность, благообразие, но усилиями чудесного педагога Марии Семеновны Мальвиновой (мне везло на учителей!) они были подавлены, и благодаря ей вскоре мне пришлось сидеть в

Большом театре и слушать вместе с классом оперу «Евгений Онегин», чувствуя, как по спине пробегает озноб от пения волшебного Ленского-Лемешева. Завелись преданные друзья из благополучных семей. **Самым** близким был Виктор Рейтблат. Его отец Лазарь Аронович Рейтблат был до войны директором той самой школы, где мы учились; с первых дней ушел на фронт политработником и там погиб, оставив жену, учительницу начальных классов той же школы, с тремя маленькими ребятишками. **Это** была дивная еврейская семья — дружная, интеллигентная и всегда бедная. В самое тяжелое время, когда мне случалось заходить к Виктору, его мать Доба Савельевна всегда находила лишнюю тарелку супа для гостя, хотя свои дети пухли от недоедания.

Виктор давал мне читать книги из библиотеки своего отца. Так я прочитал «Историю гражданской войны в СССР», «Историю колониальных и зависимых стран», «Историю германского фашизма». Под влиянием этих книг я увлекся историей и со временем стал заниматься ею профессионально. Он же привил мне любовь к изучению иностранных языков. Сам он лучше других владел немецким. Помню, как библиотекарша клуба имени Горького в Электростали цепенела от страха и восторга, глядя, как мы копаемся в грудах неучтенных книг, оставленных в свое время немецкими специалистами, работающими на заводе. А вскоре я читал в подлиннике «Так говорил Заратустра» Ницше.

Я бесконечно благодарен судьбе за то, что она наделила меня в юности друзьями — людьми образованными, стоявшими выше меня по общему развитию. Мне всегда было с кого брать пример, за кем тянуться. На более поздних этапах эта же судьба, к несчастью, отказала мне в этой бесценной милости.

А какие были преподаватели! Директор школы Виктор Иванович Миловидов, словесник, был мастером по внеклассной работе. Трудно сейчас поверить, что мы ставили под его руководством «Горе от ума», «Вишневый сад». Созданный им школьный хор был просто чудом. Оставшиеся участники его и по сию пору, полвека спустя, собираются и исполняют тот старый репертуар с таким же упоением и страстью. И те же запевалы — Никитина Клава и Бохан Клава.

Незабываем и математик Ирошников Николай Петрович — тощий, очкастый, умный, беспокойный, как Жак Паганель. Отдыхая от математики, увлекался литературой, философией, без конца изобретал каверзные вопросы, на которые мы всем гамузом безуспешно пытались ответить.

1947-й, год окончания школы, выдался для нашей семьи особо тяжелым. Мать ждала рождения четвертой сестры Жени и

еле двигалась по дому. Рано кончились запасы своей картошки, от коровы пришлось отказаться из-за нехватки кормов, жили только тем, что получали по карточкам. Я готовился к экзаменам на аттестат зрелости и не мог уезжать надолго из дома. Помогал семье, лишь распиливая сухие слеги из ограды огорода и продавая аккуратные вязаночки сухих дров на базаре за кусок хлеба, фунт отрубей или плитку хлопкового жмыха. До слез тронули меня учителя из школы: они тайком собрали в складчину деньги и купили мне абонемент в школьную столовую с правом получения хотя и жидкого, но горячего обеда. Там питались только дети работников «Электростали», но для меня сделали исключение.

Окончив школу с золотой медалью, я шатался от счастья и истощения. «Ура! — орали мы. — Все позади!» — не ведая, что все было впереди. Ради правды надо сказать, что таких материальных трудностей и лишений, как в те годы, мне, к счастью, больше испытать не довелось.

Жизненная дорога круто пошла на подъем. Решение продолжить учебу в вузе было естественным, другие пути даже не рассматривались. Мое сердце больше всего склонялось к карьере юриста. Я не мог еще сказать, хотел ли я стать прокурором — обличителем зла или адвокатом — защитником невинно страдающих, но мне хотелось быть причастным к судьбе и боли конкретных людей. Выбор помогли сделать два человека: мой друг Виктор Рейтблат и постовой милиционер на трамвайной остановке в начале Павловской улицы. Первый поколебал мои планы, предложив податься в Институт международных отношений, а второй забил окончательный гвоздь, сказав, что ехать к Московскому государственному институту международных отношений значительно ближе и проще, чем к Московскому государственному университету. В кармане у меня в этот момент лежали два заявления в оба эти учебные заведения.

В те годы еще не свирепствовала эпидемия блата. В МГИМО приняли документы провинциального медалиста без задержек. Экзамен по немецкому я сдал играючи и, выбрав для специализации испанский язык под впечатлением республиканской эпопеи 1936–1939 годов, был зачислен студентом. Выбор был сделан.

Институтские годы в целом остались в моей памяти как тяжелое и неприятное время в моей жизни. Я до сих пор вспоминаю институт с отвращением и никогда не возвращался в его старое здание у Крымского моста. Гнетущее впечатление, что это не храм науки, а карьерный трамплин, овладевало многими, кто попадал в его коридоры и залы. Студенты были трех мастей.

Одни, так называемые «зеленошляпники», принадлежали к партийно-государственной элите. В нее входили настоящие «элитники» вроде дочерей Молотова, Косыгина, маршала Жукова, сыновей министров. К ним примыкали представители средней и мелкой служилой интеллигенции. Это была наиболее образованная часть студенчества, из которой впоследствии вышли многие видные дипломаты, ученые, журналисты. Но среди них было немало людей, смолоду зараженных вирусом карьеризма. Особенно неприятными и дачге опасными оказывались те, чьи жизненные расчеты явно не обеспечивались способностями и знаниями. Такие молодцы компенсировали свои недостатки повышенной активностью на поприще «общественной работы». Их, конечно, было меньшинство, но своей назойливой крикливостью они искажали лицо тогдашнего мгимовского студенчества и отравляли общую атмосферу жизни.

Второй по влиятельности, но очень тонкий слой составляли бывшие фронтовики. В 1947 году из армии приходили все новые группы демобилизованных, и часть их на льготных условиях поступала в институт. По возрасту они были всего на четыре-шесть лет старше, но по опыту жизни, самостоятельности возвышались над нами, как Эверест. Часть из них не выдержала академических трудностей, но большинство выстояло. Я их глубоко уважал, звал всех «стариками», и среди них остались все лучшие друзья того времени.

Многочисленной, но затюканной, презираемой массой были выходцы из простолюдинов, особенно из провинции. Без влиятельных родителей, без опыта жизни они были тихими зубрилами, которые вели нескончаемую борьбу за выживание. Мне выпала «честь» принадлежать к этому непочетному легиону. Шанс как-то заставить уважать себя крылся только в отличных успехах. Мы не могли позволить себе, как Уинстон Черчилль в молодости, учить только то, что нравилось.

Нашими учителями были самые разные люди. Среди них попадались великолепные профессора: историк Е. В. Тарле, географ Н. Н. Баранский, юрист-международник В. Н. Дурденевский, специалист по древнему миру А. А. Бокшанин, философ П. С. Попов, читавший логику, востоковед Г. Б. Эренбург (однофамилец писателя Ильи Эренбурга). Но полным-полно было серых, случайных преподавателей вроде специалиста по марксизму некоего Лихолата, или отставного дипломата, читавшего курс международных отношений, или академика Иванова и др.

Учебный курс в основном был неплохо спланирован и предусматривал добротное, широкое образование. Тут были и

классическая философия, история отечественная и зарубежная, право, литература, политэкономия, экономгеография и т. д. Но сама учеба временами приобретала уродливый характер, превращаясь в начетничество и зубрежку. Я до сих Пор помню, что единственную четверку за все время обучения в институте получил за незнание деталей биографии Сталина по курсу отечественной истории. Четверка не огорчила сама по себе, но она означала, что я потеряю 25 % прибавки к стипендии как отличник. Я напросился на пересдачу, три дня как чумной учил жизнеописание вождя и учителя и все-таки провалился опять на каких-то деталях, связанных то ли с его бегством, то ли с законным освобождением из ссылки. По тем временам это было чем-то вроде клейма на лбу. Изучение марксизма не касалось творческой сути как философского учения, а состояло в зазубривании. Скажем, надо было знать семь определений диктатуры пролетариата (по разным работам). Мыслить не учили, инако мыслить не разрешалось вообще, и всякий отход от линии грозил анафемой и оргвыводами. Огромное количество времени терялось на бесконечное конспектирование бесчисленных трудов классиков.

Чем дальше от политических дисциплин, тем свободнее не только говорили, но и поступали наши профессора. Помню, как один экзаменатор спросил нашего фронтовика, не ответившего по билету по западноевропейской литературе: «Скажите, вы читали «Песнь о Роланде»?» — «Нет». — «Не приходилось ли листать рассказы Чосера?» — «Нет». — «Знаете ли вы, что такое «Ад» Данте?» Опять последовало сакраментальное «нет». Профессор вздохнул, поставил «четверку» в зачетную книжку и сказал: «Завидую вам, молодой человек: вам предстоит в жизни большое счастье открыть для себя столько прекрасного!»

Внеаудиторная общественная жизнь студентов была отравлена премерзостным духом гниющей сталинской диктатуры. Непомерный груз культа Сталина, казалось, сломал хребет нации. Одна за другой кампании морального террора захлестывали наши вузы. Сначала возникло какое-то дело о «моральном разложении» студентов Ленинградского университета. Всякий, кто подозревался в поддержании внебрачных связей, принуждался к немедленной женитьбе или подвергался риску исключения из института по подозрению в неблагонадежности. Глумление над людьми творилось страшное. Достаточно было написать заявление в партком, и «виновного» беднягу немедленно волокли на позорную дыбу — комсомольское собрание. Там его в самой унизительной форме спрашивали обо всем, клеймили и требовали безоговорочной капитуляции. Я не помню случая,

чтобы кто-то осмелился защитить себя, он был бы смят и растерзан инквизиторской машиной.

Но самой страшной была кампания борьбы с космополитами. На наших глазах густо мазали дегтем и вываливали в перьях многих любимых преподавателей и профессоров, которых потом высылали в далекую провинцию. Мало того, что моральные казни совершались для устрашения, открыто, при всех, нас заставляли принимать в них активное участие. Обязательно среди выступавших экзекуторов должен был быть представитель «рядового студенчества», и загодя начинались поиски такого хунвэйбина. Чаще всего им становился особо алчущий хорошего распределения «борец за чистоту марксистско-ленинских идей» из числа натужных активистов. Эти люди, как правило, все хорошо устроились после окончания института, а еще через несколько десятилетий из них же вышли самые крикливые «демократы». Нормой их поведения всегда оставался беспринципный оппортунизм.

Время от времени накатывались истеричные волны изучения сталинских «трудов», причем чем ничтожнее был «труд», тем свирепее доказывалось его величие и беспощаднее требовалось его изучение в виде зазубривания. Особенно досталось нам с «Марксизмом и языкознанием», написанным маразматировавшим вождем под влиянием гостившего у него на даче летом профессора языкознания из Грузии. Пришлось все без исключения предметы сдавать под углом зрения «идей», изложенных в тощей брошюре.

В отлично задуманном институте, к тому же поселившемся под крышей старого лицейского здания, вход в которое стерегли скульптуры Сократа и Платона, глубоко засел дух карьеризма, тщеславия, шкурничества. Казалось, что здесь собрались не беззаботные студенты в самую красивую пору своей жизни, а маленькие чиновники, которые рано повели борьбу за будущие теплые места, стали искать знакомств и связей, выгодных женитьб и замужеств, рвались очертя голову в партию, куда доступ строго дозировался, стремились к общественной работе лишь потому, что она давала дополнительный шанс попасть на глаза администрации и партийным боссам. Для подавляющего большинства студентов-разночинцев это было неприемлемо и вызывало отвращение.

Я часто задавал сам себе вопрос, как я относился к советской власти, к правительству за все годы жизни. И отвечал: «Рассудительно, критически, без идеологической зашоренности!» Все мое уважение к компартии и ко всем властным структурам проистекало из того, что они олицетворяли в моих глазах

государство, Родину. Точно так же, как в давние времена патриот отечества мог на протяжении своей жизни служить трем-четырем различным государям, различавшимся своими характерами, государственными взглядами. Сам институт самодержавной монархии осуждался большой частью русской прогрессивной общественности, но к топору звали Русь лишь единицы. Большинство честно служили своему народу в условиях достаточно деспотичной царской власти. У меня были и свои особые обиды на советскую власть, обиды, полученные незаслуженно. Боль от них и сейчас саднит сердце.

Зимой 1952 года мы, студенты последнего курса МГИМО, сдавали экзаменационную сессию. Это была последняя сессия. Все уже получили предварительное распределение. Мне, в частности, досталось направление в МИД, куда я сдал соответствующие анкеты. Направление завидное, но ведь я все годы был отличником и к тому же довольно активным комсоргом академической группы.

К экзаменам мы в те времена готовились группами: так было проще и эффективнее. Одна из групп в составе пяти моих товарищей занималась, за отсутствием домашних условий, в здании института. И туда к ним заглянула незваная девица из наших же студенток, смазливая и крайне честолюбивая, давно державшая на них зуб за то, что ей отказали в рекомендации для вступления в партию. Уж как она вела себя там, не ведаю, только в какой-то момент она закатила истерику, завопила, что ее хотели изнасиловать, выбежала и изобразила обморок. Надо знать нравы и обычаи того волчьего времени да еще в таком карьеристски-бюрократическом заведении, как тогдашний МГИМО, чтобы представить себе последствия. Мамаша этой девицы написала письмо министру иностранных дел А. Я. Вышинскому, требуя расправы над «насильниками». И карательная машина заработала. Всех пятерых наших товарищей лишили направлений на работу, а среди них были три ветерана Великой Отечественной войны, у них уже были семьи. Все дело, как выяснилось после моих бесед с пострадавшими, оказалось полной чушью, местью злой, капризной трясогузки. В число пострадавших попал даже парторг группы. Я, комсорг, вроде бы остался за старшую власть и употребил ее, как умел. С помощью друзей мы составили письмо тому же Вышинскому, в котором рассказали все, как было, и просили остановить инквизиторскую машину. Письмо было подписано всеми студентами группы, кроме одного. Мне и в голову не пришло скрывать свою роль инициатора этого послания.

Велико же было мое удивление, когда пару дней спустя в

общежитие института, где я обитал, прибыла черная машина и мидовский чиновник ледяным голосом пригласил меня проследовать за ним. Я как был в лыжном костюме, так и поехал. Без задержки меня доставили в приемную министра и через небольшую анфиладу комнат ввели в его собственные апартаменты. Я аж вздрогнул, увидев по-рачьи согнувшуюся над столом фигуру министра — зловещего Андрея Януарьеви-ча. Мой конвоир-чиновник усадил меня на стул, шепнул что-то министру и вышел неслышной тенью. Минуту-другую меня никто не замечал. Потом Вышинский вдруг вскинул голову, всмотрелся сквозь сильные очки в невзрачную фигуру, одетую в лыжный костюм, и резко рявкнул: «Ну что, доигрались, шпана, хулиганье из Марьиной рощи? Институт опозорили. МИД срамите! Коллективки писать вздумали в защиту насильников! Тоже мне вожак комсомольский сыскался! Не-друмки из вас вышли, а не политические работники! А вас еще к тому же кто-то сообразил в МИД на работу рекомендовать. Вы этого не заслуживаете и недостойны! Мы пошлем вас в Сибирь, учителем в школу!»

Мне стало все предельно ясно. От сознания полной безнадежности пришло хладнокровие, я решил прервать поток слов **и** сказал: «Товарищ министр, ничего страшного в том, чтобы работать учителем истории, нет, а Сибирь ведь тоже русская земля!» Вышинский, мне показалось, даже на секунду опешил от такой наглости, но, машинально поправив нормально сидевшие на носу очки, снова взорвался: «Вы не понимаете, что вы натворили. Если правильно пишет мать пострадавшей, то все ваши подзащитные пойдут под суд, а вы и все, кого вы подбили поставить подписи под коллективкой, понесете партийную ответственность. Надо посмотреть, место ли вам в МГИМО вообще. Идите!» Последнее слово упало резко, как команда в тюрьме. Я поднялся и вышел. Вся беседа длилась, наверное, три-четыре минуты. Чиновник молча провел меня мимо постов охраны и оставил на улице. Никакая машина меня не ждала. «Ну и слава Богу!» — подумалось невольно. Я побрел пешком, размышляя: что бы все это значило, зачем надо было вызывать меня для такого разговора? Наверное, чтобы запугать, застращать таким коротким, сокрушительным ударом по нашей будущей судьбе.

Наутро я был снят с поста комсорга, получил строгий выговор. Всех пострадавших пятерых товарищей исключили из партии. Это был конец! Наказания остальным были поменьше. Н. Сидоров, секретарь парткома МГИМО, молниеносно созывал послушных членов комитета и после каждого очередного звонка от руководства МИД навешивал новые наказания на шеи

«виновных».

Мы, собравшись на квартире одного из товарищей, решили, что терять все равно больше нечего и нужно бороться до конца. Пожаловались во Фрунзенский райком партии на несправедливость. Там секретарем тогда была Е. А. Фурцева. Разбор нашей жалобы превратился в еще одну публичную порку. Все было оставлено в силе. Апелляция в горком партии принесла новые синяки и шишки. Отчаяние наше росло. Приближалась весна, нас могли не допустить к государственным экзаменам. Оставалась последняя надежда — комиссия партийного контроля. Чуть ли не кровью сердца писали мы свою жалобу туда. Никто из нас не был допущен на слушание нашего дела, а вот решение было ошеломляющим: «Все партийные наказания отменить как необоснованные». Ура! Есть, выходит, справедливость! Только ее надо долго и упорно искать! Да здравствует родная коммунистическая партия!

На дворе цвела сирень. Полгода мы провисели на дьявольской дыбе в роли подозреваемых и пытаемых. На торжество в институте уже не оставалось времени. МИД покарал нас по-своему: все навсегда были отлучены от работы в его стенах. Мне не разрешили поступить в аспирантуру МГИМО по причине «полной бесперспективности как ученого». Ну и плевать на них! Мы весело шагнули в мир — искать свою судьбу в других пампасах.

Мне дали самое унизительное, непрестижное направление на работу в Издательство литературы на иностранных языках, которое размещалось на Зубовском бульваре в здании бывшего приюта для дефективных детей. Определили меня практикантом контрольного редактора с минимальной по тогдашним временам заработной платой — 1200 рублей в месяц. Был выделен кусочек стола в чулане под лестницей, за которым я должен был выполнять норму контрольного редактирования — 10–12 страниц в день. Мне давались два политических текста на русском и испанском языках, а я сравнивал правильность перевода. Делалось это потому, что многие испанцы-республиканцы, работавшие переводчиками, недостаточно хорошо знали русский язык и допускали неточности при переводах. Вылавливать их была моя задача. Серость, скука и бесперспективность такой работы вызывали отчаяние.

Память о каких-то проблесках справедливости не давала мне покоя, и я решил попробовать поступить, вопреки официальному полузапрету, в аспирантуру Института международных отношений, поскольку туда люди шли все же не по распределению, а по конкурсу. Я подал заявление и, еще не имея

согласия, явился на вступительные экзамены. Получив «пятерку» по иностранному языку, через пару дней я пришел сдавать экзамен по спецдисциплине (история международных отношений). Вытянув билет, готовился к ответу, уверенный в своих силах, когда вдруг дверь аудитории отворилась и, погромыхивая палкой и протезом, ко мне направился тогдашний куратор аспирантуры Леонид Кутаков. Он подошел к моему столу и зло прошипел: «Прошу вас оставить аудиторию. Вы не допущены к вступительным экзаменам. В решении ученого совета института ясно сказано, что вы бесперспективны как ученый». Обида обожгла сердце, но унизиться до разговора с таким верноподданным ученым я не захотел. Собрав все записи, я постарался принять как можно более независимый и гордый вид и вышел, сопровождаемый своим конвоиром.

Память об этом незаконном изгнании и унизительной формулировке ученого совета послужила самым лучшим стимулятором моего интереса к науке. С тех пор прошло 40 лет. Я так и не смог поучиться в аспирантуре, но занимался наукой в свободное от работы время и защитил сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертации, написал четыре монографии, две из которых переведены на иностранные языки и изданы за рубежом.

«Ну что ж, издательство так издательство», — решил я. Надо постараться взять максимум возможного из сложившейся обстановки. А взять, как выяснилось, можно было многое. В испанской редакции, где я работал, подавляющее большинство сотрудников были испанцами по национальности, повзрослевшими детьми республиканцев, которых привезли в СССР в разгар гражданской войны на Пиренеях. Мне приходилось с утра до ночи говорить с ними на их родном языке, много работать со словарями, спорить с переводчиками. Незаметно для себя я начал все свободнее пользоваться выученным в институте, но бывшим тогда для меня еще мертвым языком. Вскоре я был принят испанцами в их круг, пил с ними по два раза в день кофе, участвовал во всех делах землячества, получая по ходу дела бесценные лингвистические дары и набираясь жизненного опыта. Я влюблялся в испанский язык, которым, по словам Ломоносова, «с Богом говорить можно».

В один прекрасный день на мою голову свалилось неожиданное счастье. Меня вызвал к себе директор издательства и сказал, что есть возможность закрепить и развить знание испанского языка, поучившись в зарубежном университете. Мне предлагали поехать на пару лет в Мексику стажером советского посольства и в течение этого времени посещать занятия на

филологическом факультете университета, чтобы подготовиться к выполнению в будущем обязанностей переводчика для всех случаев жизни.

Он пояснил, что правительство приняло решение направить за границу для языковой учебы 15 человек, разделенных на пять групп по три человека, каждая из которых специализировалась в каком-нибудь иностранном языке. Группы должны были выехать в Англию, Францию, ГДР, КНР и Мексику, поскольку Испания оставалась закрытой для граждан СССР. Исполнение этого решения было возложено на издательство.

Господи! Для меня эти слова звучали божественной музыкой. Я даже не отказывался для приличия и сразу помчался делать фотографии и выполнять иные формальности. Вся зима 1952/53 года прошла для меня в возбужденном ожидании отъезда. Свои служебные обязанности я выполнял хорошо, но автоматически, выбила меня из нормальной колеи только смерть Сталина 5 марта 1953 г. Скорбь и горе всех моих сослуживцев были неподдельными. Но еще больше нас убивались испанцы. Общественный психоз в те дни вышел из берегов. Миллионы людей рвались к Колонному залу, где, успокоенный наконец, лежал «вождь и учитель».

Вместе с группой ребят из издательства я тоже пролез под военными грузовиками и втиснулся в толпу где-то между Петровкой и Пушкинской улицей. Скоро стало ясно, что никакого продвижения вперед не было, а толпа начала опасно колыхаться на идущем под откос тротуаре. Теснота нарастала, над толпой висело густое облако пара. Кое-где раздавались крики.

Мне стало не по себе, дело явно могло кончиться бедой: я с великим трудом мог пошевелить руками, прижатыми к груди, пуговицы пальто были наполовину оборваны, и полы, захваченные сдавленными телами, тащили меня в пучину человеческого водоворота. Галоши с ботинок давно пропали, и боль от топчущихся на моих ногах чужих сапог становилась нестерпимой. К тому же ноги насквозь промокли. Оставшийся от крестьянской жизни инстинкт самосохранения толкнул меня на единственно правильное решение — отказаться от вроде бы неотъемлемого права взглянуть на покойника. С огромным напряжением я «выгребал», работая локтями, из человеческого моря все ближе и ближе к берегу и наконец нырнул под спасительные военные грузовики.

Придя в себя, я залез в кузов автомашины и взглянул туда, откуда только что выбрался. Там было преддверие ада. Отдельные крики уже сливались в общий вой, края толпы активно размывались, но в центре люди с белыми от страха лицами

тщетно молили о помощи. Сделать ничего было нельзя. А в полукилометре на самой Трубной площади в это время разыгралась настоящая трагедия. Сотни людей были сбиты с ног неудержимым потоком толпы и раздавлены. Культ личности уносил с собой в могилу несколько сотен своих последних жертв. Много лет спустя мне довелось познакомиться с Николаем Ивановичем Крайновым, исполнявшим в те дни должность начальника милиции Москвы, а затем разжалованным и исключенным из партии за беспорядки, допущенные при похоронах Сталина. Он рассказывал, что на заседании политбюро, где обсуждался вопрос *«о* прощании с вождем», он доложил о невозможности силами одной столичной милиции обеспечить порядок и просил ввести войска в Москву, чтобы избежать беды. На него зашикали сразу двое — Хрущев и Берия: «Ты паникер, недооцениваешь политическую сознательность нашего народа и хочешь снять с себя ответственность за выполнение долга». Ничего не было сделано, и жизнь быстро доказала, что милиция совершенно бессильна, когда на улицу выходит ее величество толпа. По какому бы поводу эта толпа ни выходила на улицу, она сразу становится всесильной, внушает страх и ужас властям. Остановить толпу можно, только признав ее требования или даже пригрозив ей крупным наказанием.

Я и сам был подвержен общественному психозу, поэтому, придя домой, сменил обувь, соответственно оделся и вновь оказался на Пушкинской площади, намереваясь пройти подвалами или крышами к центру. Долго плутал по грязным катакомбам подземелий, но дороги так и не нашел. К этому времени в город были введены воинские части и все дыры были «заштопаны». Так я и не простился со «стариком Хот-табычем», как я называл Сталина за его капризное всесилие. В момент его помещения в Мавзолей, когда заревели все гудки заводов, фабрик, средств транспорта, я с группой сотрудников стоял на крыльце издательства со слезами на глазах и думал, что теперь нашей стране будет плохо, совсем плохо.

В конце апреля 1953 года я получил загранпаспорт и отправился в дальнюю дорогу в Мексику. Тогда большинство командированных пользовались только сухопутными или морскими путями. Сказывались еще не изжитые привычки Сталина, который очень не любил самолеты, боялся летать. Привычки вождя становились обязательными для всех чиновников. Именно поэтому в МИД СССР мне купили железнодорожный билет от Москвы до Рима через Вену. Из Рима я должен был местным поездом добираться до Генуи и там сесть на пароход, отправлявшийся в Мексику. Меня это очень

обрадовало. Представлялся шанс посмотреть полмира за казенные командировочные.

5 мая 1953 г. я поднялся на борт невзрачного торгового судна «Андреа Гритти», которое везло около 200 итальянских эмигрантов в Латинскую Америку. В крошечном отсеке наверху, претенциозно названном «первым классом», разместилось десятка полтора пассажиров, чей статус был чуть выше эмигрантского. Путешествие изобиловало многими курьезными происшествиями, случившимися со мной из-за искаженности представлений о западном мире у воспитанника большевистско-крестьянской России. Ориентироваться в новой обстановке приходилось, только повинуясь здравому смыслу.

Во время почти месячного плавания от Генуи до Веракруса я впервые завел «несанкционированное» знакомство с иностранцами — тремя латиноамериканскими юношами, одним из которых оказался кубинец, студент второго курса Гаванского университета Рауль Кастро, а два других были гватемальцами. Они возвращались к себе на родину после участия в подготовительных мероприятиях, связанных со всемирными фестивалями молодежи. Все мы были примерно одного возраста, говорили на одном языке, понимали друг друга с полуслова, горели желанием отдать свои жизни служению народу. Мы стали друзьями и, как бы ни била нас судьба потом, какие бы политические вихри не отрывали нас друг от друга, остались верными нашей дружбе. Один из четверки не дожил до наших дней. Он был убит в Гватемале 15 лет назад террористической организацией «Белая рука» за то, что, будучи юристом, защищал интересы рабочих профсоюзов. Его звали Бернарде Лемус.

У Рауля Кастро, единственного из нас, был фотоаппарат, и за время плавания им было сделано немало общих снимков. Когда же настал момент расставания в Гаванском порту, я внезапно для своих друзей потребовал, чтобы мне были переданы все негативы снимков, на которых присутствую я. Сейчас стыдно вспоминать свое поведение. Но еще перед отъездом из Москвы работники кадрового аппарата МИД напутствовали нас: «Не позволяйте себя фотографировать, ваши снимки могут быть использованы для провокаций!» Это был не единственный пещерный запрет, из-за которого молодые советские дипломаты попадали в нелепые ситуации. Муравьиный инстинкт подчинения сделал свое дело. Никакие уговоры на меня не действовали. Пришлось вырезать из пленок часть кадров, которые я, к счастью, не уничтожил, а сохранил на всю жизнь.

Так уж получилось, что при выходе с корабля в Гаване Рауль Кастро и его товарищи сразу же попали в руки политической

полиции как члены прокоммунистических организаций. У них были отобраны вся литература и фотоматериалы, которые они везли с собой. Вместе с ними навсегда исчезла и пленка с нашими корабельными снимками, и единственными сохранившимися кадрами оказались как раз те, что остались у меня. Поистине не бывает худа без добра.

Лишь к середине июня наша морская посудина добралась до мексиканского порта Веракрус. Я высадился на землю, которая почти на 15 лет станет моей второй родиной. Описывать ее не буду, скажу только, что правы мексиканцы, когда, не моргнув глазом, говорят: «Такой страны, как Мексика, на земле больше нет!»

Пост посла СССР в Мексике в ту пору занимал Александр Иванович Капустин, который не был карьерным дипломатом. Инженер-механик по образованию и опыту работы, он, по рассказам, был командирован в Тегеран накануне знаменитой встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в 1943 году с задачей привести в порядок систему фонтанов на территории советского посольства. С поручением справился нормально. Когда Сталин поинтересовался, кто же поддерживает в тяжелые военные годы в порядке систему фонтанов, ему ответили: «Есть у нас тут первый секретарь посольства — золотые руки!» Он не замедлил отреагировать: «Таких людей надо ценить!» Эта фраза решила судьбу инженера Капустина. Он был командирован советником в Вашингтон, но, не имея ни опыта, ни знаний для дипломатической работы, занимался административно-хозяйственными делами.

В 1945 году в Мексике произошла трагедия: в авиационной катастрофе погиб советский посол Уманский. На его Место почти без колебаний был направлен А. Капустин. Он провел восемь тяжелых лет «холодной войны» в Мексике, не вызывая огонь на посольство и отсиживаясь в круговой обороне. Посольство и его квартира были заполнены строгальными, фрезерными станками, он все время что-то мастерил, привел в порядок систему водоснабжения и канализации, обновил электросеть. Сам не гнушался работать Киномехаником, потчуя сотрудников в десятый раз «Кубанскими казаками» или «Свадьбой с приданым». Он искренне хотел передать и мне любовь к технике, терпеливо втолковывал волшебные качества «мальтийского креста» — важнейшей детали кинопроекционного аппарата, но не обиделся, когда стало ясно, что я совершенно не приспособлен к этой науке.

Капустин проникся уважением ко мне, когда получил из Москвы депешу, предписывавшую пристроить меня в соответствии с решением правительства в университет на

предмет обучения языку и философии. Он часто беседовал со мной, и его рекомендации обычно были такими: «Изучи внимательно историю и жизнь этой страны, в ней очень много интересного. Во многом они ушли дальше нас. Упаси тебя Бог отвергать чужое только потому, что оно не наше». Спасибо ему за эти отеческие советы, за мудрость умного, работящего человека, случайно попавшего в дипломатию.

Я поступил в университет и стал посещать лекции, семинарские занятия по целому ряду предметов. Пришлось одолеть курс испанской и мексиканской литературы, написать кучу сочинений по языку и много чего другого. Главное, я лез из кожи вон, чтобы заслужить похвалу преподавателей. Мое имя мало кого интересовало в университете, но то, что пришел учиться «русский», было известно всем. Я больше всего опасался бросить хоть малейшую тень на образ «русского человека». Кончилось тем, что я в течение двух неполных лет одолел полный курс факультета философии и словесности, сдал экзамены и получил право на преподавание испанского языка в испаноговорящих школах.

Вновь приехавший посол А. Г. Кулаженков вызвал меня, поздравил с окончанием учебы и распорядился, чтобы впредь я работал как стажер посольства на общих основаниях. Совершенствовать знания мне было разрешено только с приходившим в посольство учителем, бывшим офицером республиканской армии Мартином Иглесиасом, который любил повторять: «Запомни, друг Леонов, наше знание ограниченно, наше невежество энциклопедично».

Язык мы с ним изучали просто: читали страницу за страницей о похождениях рыцаря Печального Образа — бессмертного Дон-Кихота Ламанчского и комментировали каждое новое слово, оборот, выражение, пословицу или поговорку. Посольские давно признали меня мэтром в испанском языке.

Так и шла бы моя жизнь маленького посольского чиновника с лингвистическим вывихом, если бы не грела мое сердце память о Рауле Кастро, давно сидевшем в тюрьме на острове Пинос за участие в штурме казарм Монкада, его брате Фиделе, которого я не знал лично, но которым восторгалась вся молодая Латинская Америка. По прессе, радиопередачам я следил за всеми перипетиями их политической одиссеи, узнал наконец, что они были высланы в Мексику.

Однажды летом 1956 года, устало бредя по улице с покупками в руках, я увидел группу скромно одетых молодых ребят, оживленно разговаривавших. Я невольно остановил свой взгляд на одном из них и ахнул: «Да ведь это же Рауль!» Но я

боялся ошибиться и окликнуть. Тем временем группа поравнялась со мной и прошла дальше, не прекращая завидно веселой беседы. Уже порядком отойдя, я все же оглянулся и встретился глазами с тем парнем, также смотревшим на меня. Я не сдержался и закричал: «Рауль, ты ли это, дружище?» Ноги легко понесли меня к нему, да и он почти бежал навстречу.

Домой я летел на крыльях. (Я теперь мог чихать на все и на всех.) Я наконец встретил своего друга — героя Монкады. Мне одного этого хватило бы на много-много лет. Он не забыл дать мне свой адрес, а я не забыл взять его. Это было залогом, что мы встретимся еще.

Считая знакомство и дружбу с Раулем исключительно личным делом, я не сказал ничего ни послу, ни советнику, хотя знал, что по тем временам меня по головке за это не погладили бы. Мне казалось, что мое положение полустудента-полустажера дает мне определенную свободу.

Некоторое время спустя я побывал у Рауля в его квартире. В тот день он был болен, и около его кровати сидел симпатичный молодой человек, с живейшим интересом рассматривавший меня, как пришельца из других миров. «Это Че Гевара, — сказал Рауль, показав глазами в его сторону. — Он считает себя врачом и взялся вылечить меня от гриппа, но, по-моему, он пришел раздобыть свежих сигар, которые нам только что прислали друзья с Кубы». Легко вскочив с кровати, Рауль порылся в дальнем углу и вернулся с дюжиной очень длинных, грубовато свернутых, домашнего изготовления сигар. Многие из них имели необрезанные концы, которые живописно лохматились табачными листьями. Гевара тут же закурил одну и еще несколько сунул в нагрудный карман рубашки. Общими усилиями мы заставили Рауля забраться под одеяло, и потекла безбрежная беседа обо всем, что произошло между 7 июня 1953 г., когда мы расстались в Гаванском порту, и июлем 1956-го, когда судьба вновь свела нас на торговой улице города Мехико. Че подробно расспросил меня, чем я занимаюсь в посольстве, попросил достать ему книги о советском характере, точно назвав, к моему удивлению, «Чапаева», «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке». Я обещал, смутно вспоминая, что где-то в посольстве я видел на пыльных полках эти книги на испанском языке. Достав из кармана свою визитную карточку, я протянул ее Геваре со словами: «Спросите у дежурного, и меня сразу разыщут».

Встреча с Раулем и Че потрясла меня. Они говорили о политике как о дороге к смерти или бессмертию, за простыми словами чувствовалась полная отрешенность от забот о своем «я», абсолютная их поглощенность делом революции. Они мне не

рассказывали о своих конкретных планах, но не скрывали, что будут бороться против диктатуры Батисты до конца. Как разительно отличалось это от нашей болтовни на политические темы в протертых креслах третьеразрядного посольства! До сих пор мне не приходилось встречать людей, так глубоко верящих в правоту своего дела. Я знал о самоотверженности русских раскольников, о несгибаемом мужестве декабристов, наконец, на памяти были коммунары, рожденные нашей революцией и гражданской войной, вставшие под расстрел и шедшие под казачьи шашки, но заражавшие своей отвагой целую нацию и пугавшие врагов презрением к смерти. Мои новые друзья были им сродни. Люди в моем привычном окружении совсем не были похожи на них. Когда я возвращался домой, у меня четко сформировалось убеждение: «Они могут погибнуть, но станут национальными героями!»

Через пять-шесть дней Че Гевара в стареньком пиджачке и странно выглядевшей в Мексике серенькой кепке с длинным козырьком, отчего походил на нашего рабфаковца 20-х годов, пришел в посольство, разыскал меня и горячо благодарил за полученные книги. Для обстоятельной беседы у него не было времени, и мы условились собраться как-нибудь потом, в другой раз, созвонившись с Раулем. А этот «другой раз», когда мне пришлось увидеть Гевару, был уже после победы кубинской революции, через четыре года.

Прошло всего несколько дней, и однажды утром, раскрыв газеты, я похолодел. На первой полосе «Эксельсиора» я увидел крупный заголовок «Арест кубинских заговорщиков», а под ним фото, на котором я сразу же узнал Рауля, его друзей, милую добрую хозяйку дома Марию-Тересу. Прочитав статью, я узнал, что агенты Батисты выследили Фиделя и часть его группы, донесли обо всем правительству и оно потребовало от мексиканцев принятия мер по предотвращению подрывной деятельности. У Фиделя и его товарищей были отобраны оружие, снаряжение, боеприпасы.

Вскоре и для меня начались кое-какие осложнения. При обыске в доме Гевары ищейки обнаружили мою злополучную визитную карточку, и им померещилось, будто они поймали «волосатую руку Москвы». В том же «Эксельсиоре» под интригующим заголовком «Идя по следу» борзописцы вскоре стали плести несусветную чушь о моей принадлежности к мифической секретной службе МИВ (просили не путать с КГБ) и т. д. Так я оказался отмеченным связью с «заговорщиками», «путчистами», как в то время называли Фиделя Кастро и его товарищей не только мои коллеги по посольству, но и многие

коммунисты Кубы, которые не воспринимали новые формы борьбы против диктатуры Батисты. С окончательным штампом на биографии «не годен к несению дипломатической службы» я вскоре был по решению посла откомандирован на родину во избежание каких-либо осложнений. Для пущей гарантии, чтобы я не наделал глупостей в дороге, в сопровождающие мне дали, ни много ни мало, советника посольства Михаила Фроловича Черкасова, который благополучно отконвоировал меня поездом до Нью-Йорка, а дальше на крупнейшем по тому времени лайнере «Куин Элизабет» до Англии, откуда на родной «Балтике» добрались до Ленинграда. Слава Богу, из-за сохранявшейся боязни самолетов опять удалось посмотреть полмира.

Но поездка не оказалась безмятежной. Переход через Атлантику совпал с самыми драматическими днями венгерских событий октября 1956 года, когда советские войска вошли в Будапешт. На корабле вокруг нас создалась очень напряженная обстановка, я впервые почувствовал, что такое бойкот. Под дверь каюты ежедневно «любезная» рука подсовывала публикации об ужасах венгерских событий, в столовой вокруг нашего столика образовалась полянка, соседи перебрались подальше, а потом вообще решили не входить в зал, пока там будут русские. Пришлось отомстить: я стал затягивать время обеда и действовать им на нервы. Так же мы вели себя в кинозале, на палубе. Русские оказались непробиваемыми, «бойкот» бил по бойкотирующим, но удовольствие от путешествия было, конечно, испорчено.

Вообще, насколько приятна была поездка из Москвы в Мексику в 1953 году, настолько же, а может, и более омерзительным оказался путь обратно. Даже в сонном консервативном Стокгольме пришлось пережить неприятные минуты. Выйдя в город во время стоянки корабля и побродив по улицам, мы вдруг поняли, что заблудились. Попробовали узнать у прохожих дорогу в порт, спрашивая по-английски и по-испански, но не тут-то было, никто нас не понимал. Наконец я громко и смачно выругался по-русски. И вдруг впереди шагавший человек остановился и спросил на родном наречии: «А вам куда нужно?» — «В порт!» — закричали мы радостно. «Нам почти по пути, пойдемте, я провожу вас», — услышали мы в ответ. Незнакомец сначала начал расспрашивать о Союзе, резко комментируя наши ответы. Мы стеснялись поначалу, а потом стали отвечать по принципу «око за око». Дискуссия перешла в перепалку, и на подходе к порту мы были на волосок от драки. Хотя мы были признательны эмигранту-перемещенцу за то, что он вывел нас в порт, но, когда он вдогонку крикнул: «Вон ваша плавучая

тюрьма!», я от души пожелал ему сгнить на чужбине среди предателей родного народа.

Приезд в Москву и возвращение на работу в Издательство литературы на иностранных языках не принесли никакой радости. Меня встретили тот же темный с зарешеченными окнами «кабинет» под лестницей, невероятная теснота столов с кипами наваленных рукописей, повышенная норма выработки — 14–16 страниц контрольного редактирования и 1500 рублей зарплаты. Прямо как в сказке о рыбаке и рыбке: та же избушка и то же разбитое корыто. Мне стало невыносимо скучно от неизменности кислого подлестничного бытия. Никому не было дела до моего «заграничного» образования. Правда, меня вскоре избрали секретарем комсомольской организации издательства, говорили в глаза, что я являюсь «перспективным работником», но я решил твердо переменить свою жизнь. Под предлогом невероятной скученности я выхлопотал для себя право работать дома, тем более что переводческая и редакторская работа не требует обязательного присутствия на службе. За один нормальный рабочий день я легко выполнял трех-четырехдневную норму, а свободное время мог использовать по своему усмотрению.

Я стал готовиться к поступлению в аспирантуру в один из институтов системы Академии наук. В науке вообще сохранялись какие-то демократические порядки. Ученые степени и звания присуждались все же в результате тайного голосования на ученых советах. Обсуждения работ велись открыто. Выбор тем для исследования в большой степени зависел от самих ученых, особенно в гуманитарных отраслях. В советское время нередко уходили в науку, как раньше уходили в монастырь, чтобы максимально отдалиться от превратностей и треволнений общественно-политической жизни. Убежище не было совершенно безопасным, но все-таки оставалось убежищем. И чем дальше был предмет исследований от советской действительности, тем больше было шансов у ученого на относительно спокойную творческую жизнь.

Будучи в Мексике, я часто ходил по букинистическим магазинам, приучился работать в библиотеках и хранилищах печати. Привез оттуда много книг. Среди них было немало монографий и документов по определенным темам, одна из которых и стала темой моей кандидатской диссертации. Меня увлекла история борьбы мексиканского государства с католической церковью в XIX–XX веках. Финальной фазой этой борьбы была жуткая гражданская война 1926–1929 годов, получившая название «восстание кристерос», когда темная крестьянская масса поднялась по призыву церковников на войну с

правительством. Наверху шла борьба за власть в стране, за реальное влияние на государственные дела, а внизу это выливалось в кровавые расправы с учителями, государственными чиновниками, нападения на маленькие гарнизоны с поголовным уничтожением сопротивлявшихся, массовую организацию крушений поездов и т. д. Войска отвечали не менее дикими репрессиями в виде групповых расстрелов бунтовщиков, массовых казней через повешение и т. д. Одним словом, как всегда бывает при борьбе за власть, паны дерутся, а у холопов чубы трещат.

Я думал и дальше углубляться в пласты латиноамериканской истории, поскольку судьба практически не оставила мне других путей.

Работу приходилось вести дискретно, чтобы не раздражать издательское начальство своими дезертирскими настроениями. Наверное, все было бы хорошо и летом 1957 года я бы пошел по «ученой стезе», но новая неожиданность поломала все планы.

В июне 1957 года я получил повестку из военкомата с предписанием явиться на учебные сборы офицеров запаса сроком на полтора-два месяца. Какая досада! Эти месяцы как раз совпадали со сроком сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру. С военкоматом спорить бессмысленно, ибо на все аргументы солдафоны отвечали: «Если хочешь говорить со мной — молчи!» Когда собрались все новоиспеченные призывники, я удивился, увидев многих бывших однокашников — выпускников МГИМО. Среди них не было только тех, кто поступил работать в солидные учреждения — ЦК КПСС, МИД, КГБ. Собрались те, кто осел в издательствах, органах печати, организациях культуры и т. д.

Нас привезли в Тулу, помыли в санпропускнике и выдали солдатскую форму с погонами младших лейтенантов и с прикрепленным значком парашютных войск.

Вскоре удалось выяснить, что тогдашний военный министр, крутолобый Г. К. Жуков, выдвинул идею захватить в случае войны вражеские ракетно-ядерные базы в Европе путем выброски на них крупных парашютных десантов. Для этой цели каждой боевой авиадесантной части должны быть приданы группы военных переводчиков. Так и собрали нас, знатоков иностранных языков, с целью обучить боевому десантированию, а заодно и действиям в составе боевых диверсионных групп. Военная метла собрала нас в лагерях 100-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, расположенной в 30 верстах от Тулы.

Жизнь в парашютных частях особая, дух необычный. Все мы быстро отпустили усы — так полагалось по традициям подчеркивать элитарность своей части. Воспитательные приемы

несколько отличались от рекомендаций Песталоцци и Макаренко. Всякого, кто отказывался от службы в ВДВ и боялся надеть на себя парашют, отдавали на воспитание старослужащим. Они будили его ночью, выводили труса на учебный плац, привязывали к тренажеру и бешено крутили до тех пор, пока он не клялся прыгнуть с любого летательного аппарата. Страх перед повторением этой операции, как правило, пересиливал страх перед прыжком в бездну.

Помню, как один из наших мгимовских выпускников, работавший в тбилисской газете «Заря Востока», не выдержал напряжения и убежал из лагеря. Его искали целый день по окрестным деревням и обнаружили к ночи рыдающим в лесном овраге. Можно было заплакать, глядя на жалкого человека, испуганного до смерти. Когда его вели в лагерь, он был похож на дезертира, которого ждала свежевыкопанная могила на лагерном плацу. Расправились с ним иначе: исключили из партии и отправили домой.

Я к превратностям судьбы отнесся с крестьянским фатализмом: надо — значит, надо. Исправно выполнил всю программу, рассчитанную на семь прыжков разной сложности, совершал вместе со всеми положенные марш-броски, научился рассчитывать и готовить взрывчатку для диверсий, «снимать» часовых, питаться консервами из вспухших банок и всякой иной солдатской премудрости.

В общем, все завершилось для нас благополучно, и мы с песнями вернулись в Москву при отросших усах, с закаленной волей, с чувством превосходства над «гражданскими крысами», а я еще и с окончательным решением любой ценой уйти из издательства.

Первые шаги в разведке

За окном стоял 1958 год. Страна давно уже оплакала Сталина и начала забывать его. Нам было стыдно вспоминать, что столько лет мы не представляли себе жизни без «великого и мудрого вождя», в искреннем горе и страхе за будущее проливали слезы в день его кончины. Мы были наркотированы упорно вбивавшейся мыслью о том, что существующий порядок вещей является единственно возможным, что у него нет альтернативы. Лишь XX съезд коммунистической партии, слегка приоткрывший доступ к кладовой мрачных преступлений Сталина, послужил началом выздоровления нашей памяти и совести. Теперь и страна, и люди становились другими. Самое главное — исчез страх перед неожиданным арестом и бесследным концом. Физический террор отошел в прошлое. В общественном сознании он был осужден как преступление против народа, и никакое правительство уже не могло вернуться к нему. Появились и признаки раскрепощения духовной жизни. Мы зачитывались «Не хлебом единым» Дудинцева, впервые прозвучало вскоре имя Солженицына. Одним словом, вовсю шла «оттепель».

Я по-прежнему работал в Издательстве литературы на иностранных языках, активно занимался комсомольской работой — был секретарем комитета комсомола и членом Фрунзенского райкома ВЛКСМ. К этому времени уже поступил в заочную аспирантуру Института истории Академии наук по курсу истории Латинской Америки, чтобы со временем полностью посвятить себя научной работе. Партийная карьера меня не привлекала. Я успел насмотреться на партийных боссов разных рангов, и они внушали мне отвращение.

И вот как-то весной меня вызвали в отдел кадров издательства. Инспектор, кивнув на сидевшего за столом невзрачного человека, сказал: «Вот, с тобой хотят поговорить». И тут же выскользнул за дверь. Мы остались одни. Человечек достал из кармана красную книжечку с вытесненными золотом буквами «КГБ» и тихим, спокойным голосом стал расспрашивать о моей работе, планах, здоровье. А потом просто заявил: «Мы за вами наблюдаем давно, люди о вас отзываются хорошо, предлагаем вам перейти на работу в КГБ, а конкретнее — в Первое главное управление. Подумайте до завтра, если примете предложение — позвоните и приходите в отдел кадров». Я молча кивнул в знак согласия.

Беспокойная ночь тянулась долго. Аргументы «про» и «контра» громоздились в мозгу, налезали друг на друга,

сложившаяся вроде стройная пирамида их внезапно рушилась и превращалась в бесформенную груду. Главное, что сдерживало, — это принадлежность разведки к КГБ, за которым упрочилась дурная слава репрессивного органа. Разумом я понимал, что разведка, созданная в 1920 году, была первоначально задумана как прямое продолжение карательных органов, как карающая рука ВЧК, направленная против русского белогвардейского движения, которое эмигрировало за рубеж после неудачной для него гражданской войны. Но ведь с тех пор прошло много времени, давно изменились цели разведки. Уже с 1929 года работа против германского фашизма и его союзников стала главной заботой разведки. А после второй мировой войны СССР превратился в великую мировую державу, за ним стояло целое содружество социалистических государств, разведывательные задачи превратились в глобальные. Они дочти не несли запаха репрессий, как в начале 20-х годов. Лишь отдельные террористические акты, проводимые против военных преступников эпохи второй мировой войны, напоминали о преследовании предателей за границей. После убийства С. Вендоры в 1959 году в Германии карательные функции разведки отмерли.

В 1958 году мне, как и многим моим сверстникам, было присуще чувство принадлежности к государству, к обществу, за которыми будущее. Мы выиграли чудовищно трудную войну, непостижимо быстро восстановили разрушения, обрели ядерное оружие, стояли на пороге выхода в космос. Жизнь действительно становилась лучше год от года. Хрущев повернул в какой-то степени внимание государства к нуждам народа. Впервые началось массовое строительство жилья, производство товаров потребления. Мы смело кидали вызов капиталистическому миру, утверждая, что в мирном соревновании мы непременно победим. Никита Хрущев в США бросил слова: «Мы вас закопаем!», а в программе коммунистической партии записал: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Все трагичные издержки нашей истории после 1917 года были списаны на счет «культа личности», и думалось, что с этим покончено.

Теперь, в новых обстоятельствах, мне стало казаться неразумным хоронить себя в тиши библиотечных кабинетов и заниматься лишь историей чужих народов и стран. Куда заманчивее принять вызов судьбы и отдаться активной работе, острой и опасной, чтобы помочь Отечеству стать могучим и процветающим. Вирус честолюбия не беспокоил меня, спокойно воспринималась мысль о том, что разведчик обрекает себя на

безвестность, вечную анонимность.

Наутро решение созрело. Жребий брошен: я иду в разведку! К зданию на Лубянке я подходил не без трепета. В памяти моей с этим зданием не ассоциировалось ничего хорошего.

Вспомнилось, что в 1952 году, когда я заканчивал Московский государственный институт международных отношений и все мы с нетерпением ждали распределения, с одним моим приятелем приключилась беда, связанная с этим зданием. Кто-то из его знакомых недругов решил подшутить над ним, позвонил вечером по телефону и сказал: «Вам звонят из КГБ. Мы здесь рассматриваем ваши документы на предмет использования у нас на работе. Прошу вас приехать сейчас, пропуск заказан в подъезде № 3, спросите у часового». Приятель обомлел, он забыл спросить фамилию звонившего, этаж и номер кабинета. Но ослушаться не посмел. Сел в метро и около 11 часов вечера вошел в подъезд № 3 и стал спрашивать у часового о пропуске. Тот, ничего не поняв, вызвал старшего по наряду, который, в свою очередь, пригласил незадачливого визитера в караульное помещение и всю ночь выяснял его личность, цели прихода в КГБ и пр. Лишь к утру исстрадавшийся приятель был отпущен с миром и смог успокоить не менее настрадавшуюся мать.

Я знал все реквизиты своего вербовщика, без труда нашел его, и начался процесс оформления в кадры разведки. Мне было объяснено, что, прежде чем начать работать, надо пройти курс специального обучения в разведывательной школе длительностью два года. Каждому, кого зачисляли на учебу, устанавливали тот уровень зарплаты, который он получал на последнем месте работы. Повсеместно нарушавшийся принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» в разведшколе вообще был забыт. Разница в содержании слушателей достигала 300 %. Все зависело от того, откуда ты пришел на учебу: в самом выигрышном и привилегированном положении оказывались наши коллеги, пришедшие в офицерском звании из органов КГБ. Гражданские штафирки, вроде меня, стояли на низшей ступеньке.

Учебный курс начался 1 сентября 1958 г. на засекреченном объекте под Москвой. Поток наш насчитывал около 200 человек. Подавляющее большинство курсантов должно было составить пополнение разведки, но часть предназначалась в контрразведку, к пограничникам, в местные органы государственной безопасности. Все кандидаты должны были отвечать главным кадровым требованиям: быть безусловно «преданными делу коммунистической партии», обладать крепким здоровьем и иметь приемлемые способности к изучению иностранных языков.

Никакого тестирования психики, проверки силы и быстроты реакции интеллекта не проводилось.

Повальное засекречивание всего и вся приводило к тому, что подавляющее большинство зачисленных в разведшколу до первого сбора 1 сентября в актовом зале не имели точного представления, на что они дали согласие в ходе предварительных бесед. Им говорили, что они идут на важную и ответственную работу, и все. Задавать вопросы, проявлять любопытство вообще не было принято. Это могло кончиться отчислением из списка кандидатов. Поэтому первая встреча с начальником школы генерал-майором Гридневым для многих оказалась шоковой. Его слова о разведке, об условиях работы за кордоном, о риске и т. д. привели к тому, что сразу же два-три человека подали рапорт с просьбой освободить их от такой чести. Удерживать их не было никакого смысла. Остальные еще долгое время ходили в каком-то придушенном состоянии. В головах людей стоял опоэтизированный литературно-кинематографический образ разведчика, и многие понимали свою полную неспособность когда-либо приблизиться к этому образу.

Молодость, природный оптимизм, общество таких же цветущих товарищей быстро сделали свое дело. Мы жили оторванно от семей, на казарменном положении в красивом, заросшем лесом поместье, откуда выезжали в Москву только на субботу и воскресенье.

Программа подготовки включала изучение марксизма-ленинизма. Тогда усвоением этой «науки» занималось все население Советского Союза практически в течение всей жизни. К. зазубриванию основных постулатов люди относились как к заучиванию расхожих молитв. Затем следовало изучение иностранного языка. Занимались им истово, под руководством хороших педагогов. Но методики преподавания были антикварными, никаких аудио-помощников не было. Фильмы на изучаемых языках были крайней редкостью. Все лингвистические высоты брались только пролетарским упорством.

Спецпредметы, то есть собственно разведывательные дисциплины, такие, как «вербовка агентуры», «связь с агентурой», «специальная оперативная техника», «наружное наблюдение» и пр., преподавали бывшие разведчики, исчерпавшие свой потенциал по различным причинам.

Много внимания уделялось спорту, хотя материально-техническая база для этого была просто жалкой. Приходилось нажимать летом на бег, зимой на лыжи. Маленькую лесную полянку приспособили под футбольное поле, и там азартно колотили друг друга по ногам, закаляя характер и волю. Отдых

душе давали в традиционной русской бане.

Весь контингент слушателей был разбит на отделения, 10–15 человек каждое, под командой полковника-воспитателя. Он отвечал перед вышестоящим начальством за нашу успеваемость, политическую безупречность, моральную устойчивость. Одним словом, за все.

Все призванные под знамена разведки молодые люди были уже сложившимися гражданами. Каждый имел высшее образование, гражданскую или военную профессию. Таково было правило, ибо жизнь в разведке сопряжена с немалым риском: тебя могут выслать как персону нон грата, может расшифровать какой-нибудь предатель, ты можешь подхватить какую-нибудь зарубежную хворь, которая станет препятствием для дальнейшей работы. На этот случай человек должен иметь запасные позиции в виде его первоначальной профессии. Почти все, за редким исключением, были семейными. Холостяки в те времена вообще с большой неохотой отпускались за границу из-за опасений, что их жеребячья невоздержанность может привести к беде.

И тем не менее среди этих проверенных, образованных в массе своей людей нет-нет да и происходили так называемые чрезвычайные происшествия, приводившие к отчислениям из школы. Основная часть ЧП была связана со злоупотреблением алкоголем. Суббота и воскресенье всегда оставались самыми опасными днями. Случалось, что загулявший с приятелями слушатель не приходил в установленное время к автобусу, ожидавшему в конспиративном месте, и не являлся в понедельник на занятия. Бывало, какой-нибудь гуляка затевал препирательства с милицией и оказывался вообще за решеткой. А такой исход был почти гарантирован, когда потерявший самоконтроль курсант доставал свое удостоверение Комитета госбезопасности и начинал угрожать «возмездием» охранителям общественного порядка. Это в сталинские времена три буквы «КГБ» внушали страх всем, в том числе и милиции, а теперь частенько сотрудники КГБ становились объектами реванша. Одним словом, наши руководители заранее планировали такую «усушку» и «утруску» в размере 5–8 %.

Слушатели были очень неоднородными по своей подготовке. Приехавшие из провинции оказывались обычно на голову ниже своих столичных сверстников, выходцы из среды сотрудников госбезопасности отличались подчеркнутой дисциплинированностью и усердием в учебе, гражданские были, безусловно, эрудированнее и подготовленнее для работы за рубежом. Кое-кто из последних, вроде меня, уже успел поработать за границей и прилично знал один иностранный язык, а в школе

изучал второй по собственному выбору. Но в целом, спаянные чувством общей судьбы, курсанты держались дружно, внутренние конфликты между ними были крайне редки. Многие остались друзьями на всю жизнь.

Мы быстро и глубоко втянулись в классные занятия, ставшие рутиной. Но когда наступала пора так называемых «городских занятий», эмоциональный накал достигал высшего уровня. В ходе этих занятий слушателям приходилось делать все, как в боевой обстановке в чужом городе. Экзаменуемый стоял какое-то время на открыто просматриваемом месте с ясным опознавательным признаком, например с газетой, свернутой в рулон, в левой руке. Это делалось для того, чтобы бригада наружного наблюдения могла со скрытых позиций идентифицировать человека и установить за ним квалифицированную слежку. Затем в течение отведенного времени слушатель должен был завершить любую цепь естественных, хорошо связанных разработанной легендой действий, чтобы обнаружить за собой наружное наблюдение «противника», установить численность работавшей против него бригады, выявить ее автомашины и описать все это в своем отчете. У нас не было автотранспорта, что сильно усложняло решение задачи, но эта своеобразная игра в кошки-мышки необыкновенно возбуждала. Вхождение в образ разведчика, оказавшегося под наблюдением спецслужб, у одних вызывало растерянность, выражавшуюся в запутанности действий, у других, наоборот, стимулировало повышенную четкость, расчетливость, у третьих провоцировало агрессивность, грубость в поведении.

Задания с каждым разом усложнялись. Сначала надо было после выявления наружного наблюдения незаметно, естественно «оторваться», ускользнуть от него. Затем провести под наружным наблюдением, но обязательно незаметно для наблюдающих передачу малогабаритных материалов предполагаемому «агенту», с которым заранее отрабатывались все детали операции по приему-передаче. К тому же сделать это надо было так, чтобы у следовавших по пятам сыщиков не возникло даже тени подозрений, что «агент» имеет какое-то отношение к разведчику. Потом требовалось «обработать тайник», то есть заложить либо изъять материалы из тайника, опять-таки действуя под наружным наблюдением. Таким заданиям нет конца, в ходе их отрабатываются все элементы реальной разведывательной работы. Помнится, каково было облегчение, когда удавалось по неопровержимым признакам установить, что слежка за тобой действительно идет. Теперь хозяином положения становился разведчик. Используя богатый арсенал тактических элементов, он, как рыбак, постепенно подтягивал к себе подсеченную на

крючке рыбу, выявляя всю бригаду наружного наблюдения.

И нет ничего хуже, чем не видеть «противника». В этом случае разведчик никогда не знает наверняка, есть за ним слежка или нет. Вероятно, ее просто нет, а может быть, он ее не видит? Понадеяться на авось — значит провалиться на практике; до бесконечности сомневаться — значит подвергать свою психику опасному перенапряжению. Начнут мерещиться преследователи там, где их нет, а отсюда один шаг до срыва.

В подавляющем большинстве случаев мы справлялись с задачами вполне успешно. А сколько было восторженных рассказов о хитроумных приемах раскрытия слежки, изобретательных уходов от нее! Вообще надо сказать, что овладение специальными дисциплинами, то есть техническим инструментарием разведчика, шло успешно. Гораздо сложнее обстояло дело с изучением иностранных языков. Начинать учить чужой язык впервые в жизни в 30-летнем возрасте — дело малорентабельное. Свободного владения им достичь практически невозможно. Поэтому и в школе, и потом, в разведке, подлинное, раскованное владение языком было редкостью. Большинство без затруднений объяснялись, понимали содержание высказываний собеседника, относительно свободно читали, но все-таки не улавливали многих нюансов, теряли скрытый смысл, не понимали регионализмов, сленговых выражений и т. д. Мне было проще, я в 1953–1956 годах успел побывать в командировке в Мексике, а в Издательстве литературы на иностранных языках моим постоянным окружением были испанцы-переводчики, редакторы, корректоры, с которыми мы говорили только на их родном языке. Я и сейчас теплею сердцем, когда вспоминаю этих милых, добрых невольных учителей моих.

Еще хуже обстояло дело с общеполитической, страноведческой подготовкой будущих разведчиков. Почему-то никому в голову не пришло включить в программу подготовки курсы «Современная внешняя политика», или «Внешняя политика Советского Союза», или «Основные региональные проблемы современности». Куцые курсы страноведческого профиля давали элементарные справочные знания. Мы не изучали и не знали внешней политики тех стран, куда готовились ехать на работу. В школе не было профессоров-политологов, специалистов-международников, социологов, юристов. Не было и соответствующей литературы, пособий. Практически вся информация ограничивалась читкой газет. Эта зияющая прореха в учебных программах давала о себе знать на протяжении всей жизни выпускника школы. Такая «черная дыра» превращала разведывательную школу в ремесленное училище, выпускавшее

специалистов в лучшем случае средней квалификации. Наиболее способные продолжали свое образование уже во время практической работы, а большинству это оказывалось не под силу. Окончить полный курс разведывательной школы мне не удалось, хотя в моем личном деле и подшит диплом, свидетельствующий о том, что я «с отличием» завершил учебу. Едва начался второй год обучения, в один из октябрьских дней 1959 года меня пригласил начальник школы и сказал, что меня вызывают в Кремль к начальнику Девятого управления КГБ, который ведал охраной руководства партии и правительства и держал свою штаб-квартиру непосредственно в Кремле. Шеф «Девятки» встретил меня покровительственно и сказал, что намечена поездка тогдашнего первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Анастаса Микояна в Мексику в качестве личного гостя посла СССР для открытия выставки достижений советской науки и техники. Столь необычный визит не предполагал никакой свиты, но и без охраны не положено было отпускать члена политбюро, каковым был почти всю жизнь Микоян. Вот и возникла мысль послать меня в двух качествах: личного переводчика и личного охранника.

Я заметил, что никогда в жизни не был ни тем, ни другим и вряд ли справлюсь с поручением. Но мне не дали рассуждать долго, сказали, что вопрос давно решен, что моего знания страны и языка достаточно, а как охраннику мне надо только всегда быть рядом и в случае чего прикрыть собой Микояна. Оружия, слава Богу, мне не навязывали.

Поездка была в известной степени загадочной. Второе или третье лицо в государстве летело за океан в качестве личного гостя посла с пустячной вроде бы целью — открыть выставку достижений советской науки и техники в Мехико. Мексиканцы недоумевали, что могло привести столь высокого гостя в их широты. Они составили для него изматывающую программу, включавшую посещение города Монтеррея на севере, нефтяных промыслов около Поса-Рики, нефтеперерабатывающих предприятий в южном штате Табаско. Микоян все выносил стоически, горстями ел огненный мексиканский перец, не меняя выражения лица, месил в полуботинках тропическую грязь, глотал сухую пыль северных пустынь. И даже когда в личной беседе президент Мексики Лопес Матеос больно уколол Микояна, рассказав, как непристойно и агрессивно ведут себя мексиканские коммунисты, и попросил «угомонить» их, он не сумел выбить старого большевика из седла. Анастас Иванович старательно пытался пробить традиционный закостеневший панцирь советско-мексиканских отношений и вывести их на новый широкий

простор.

Обстановка была благоприятная. Десять месяцев назад «барбудос» вошли в Гавану, и революционное правительство Фиделя Кастро все больше и больше оглядывалось по сторонам в поисках возможных союзников в неотвратимо надвигавшемся конфликте с имперскими амбициями США. События в Карибском бассейне соответствовали представлениям сторонников доктрины о нарастании национально-освободительного движения, которое трактовалось как резерв международного коммунистического движения, возглавлявшегося коммунистическими и рабочими партиями. СССР чувствовал себя просто обязанным оказать этому движению посильную помощь и поддержку. Возникновение острой болевой для США точки в Латинской Америке могло оказаться стратегическим выигрышем для СССР, который со времени создания НАТО был окружен американскими союзниками и военными базами. А. Микоян, по-видимому, хотел посмотреть на месте, насколько вероятно и посильно для нас укрепление позиций СССР в непосредственной близости от южных границ США.

Мексика традиционно была настроена настороженно по отношению к США. Настороженность, связанная с исторической болью от утерянных в ХІХ веке территорий, от многократных вторжений, питалась глубоко проникшими в сознание народа патриотическими антигринговскими настроениями. И это отчетливо увидел Микоян.

Но в то же время нельзя было не понимать, что геополитическая привязанность Мексики к США, полная зависимость во внешней торговле, взаимное сращивание деловых кругов не давали Мексике большого простора для политического маневрирования. «Бедная Мексика: она так далеко от Бога и так близка к Соединенным Штатам» — эти слова многолетнего президента-диктатора Порфирио Диаса лишь подчеркивали историческую обреченность этой страны.

Мексиканцы сделали вид, что не поняли зондажных заходов Микояна. Его поездка должна была бы кончиться ничем, если бы Внезапно в столице не появился специальный посланник гаванского правительства, совсем мальчик, Эктор Родригес Льомпарт, который от имени Фиделя Кастро попросил по окончании предусмотренного срока экспозиции в Мехико перебазировать выставку достижений в Гавану и пригласил А. Микояна на Кубу. Так начались первые контакты на высоком уровне между Москвой и революционной Гаваной.

Поездка в Мексику сразу выделила меня из общей массы слушателей разведшколы. На экранах появился документальный

фильм об этой поездке, вожди очень уважали саморекламу, а поскольку я постоянно маячил за спиной у Микояна, то меня стали принимать за важную персону. А тут еще в школу пришел приказ из Министерства обороны о том, что мне присвоено звание «лейтенант». Никто не мог понять, почему младшему лейтенанту КГБ очередное воинское звание присваивает Министерство обороны. Пришлось бы каждому рассказывать, что, как я уже писал, в 1957 году, еще будучи обыкновенным офицером запаса, был призван на два месяца на офицерские сборы-переподготовку и т. д., и т. п. и за это был вознагражден изменением военной специальности (вместо штабного писаря стал воздушным десантником) и вот, как выяснилось, повышением в звании. Теперь я стал кадровым военным, а не серой гражданской мышью.

Не прошло и двух месяцев после возвращения Микояна из Мексики, как меня снова затребовали в Кремль. Наступил, правда, уже 1960 год, за окном трещали крещенские морозы, а в совминовских покоях хозяйничали мягкая ковровая теплота, благоуханное порхание чинных секретарш, сейфовая загадочность и угрюмость везде торчавших охранников и караульщиков. Меня провели в кабинет А. И. Микояна, которому в ту пору шел 65-й год. Это был невысокий угловатый человек, довольно сухой в общении, говоривший по-русски с плохой дикцией. Но я уже знал его после поездки в Мексику. Он был на редкость целеустремлен, при этом хитер и изворотлив, как истинный представитель Востока. За плечами имел сложнейший жизненный путь, Умудрился благополучно обойти все головоломные и смертельно опасные повороты в течение 1917–1959 годов. Это о нем потом будет сочинен каламбур: «От Ильича до Ильича — без инфаркта и паралича». И в самом деле, от Ленина до Брежнева никому, кроме Микояна, не удалось пройти дистанцию, не потеряв головы и с минимальным числом штрафных очков.

Его очень тяготили воспоминания о сталинском периоде нашей истории, о его роли в тех событиях. Даже перед нами, своими временными помощниками, он старался обелить, елико возможно, себя, подретушировав свою биографию. Он рассказывал, что, когда его назначили в 1938 году наркомом внешней торговли, он обратился к Сталину и попросил создать компетентную комиссию, чтобы разобраться с кадрами и оставить только тех, кто не вызывал никакого сомнения. «Товарищ Сталин, я хочу, чтобы после моего прихода на пост наркома прекратились аресты сотрудников и были сняты все подозрения относительно самого наркомата». Сталин обещал и свое слово сдержал. Слушая это, мы удовлетворенно кивали, давая понять, что одобряем

задним числом такую человечность и справедливость.

Поощряемый нашим вниманием, он вспоминал, что когда в Ленинграде возникло известное дело об очередной антипартийной группе и под расстрел пошел бывший руководитель ленинградской партийной организации Кузнецов, то он со страхом сообразил, что его собственный сын Серго, в ту пору студент третьего курса МГИМО, был помолвлен с дочерью казненного Кузнецова, студенткой того же института. Вновь пришлось идти «по личному вопросу» на поклон к Сталину. Микоян жмурил глаза, всматриваясь в тьму ушедших годов, наверное, ему виделся Коба. Он говорил, почти обращаясь к нему: «Товарищ Сталин, обращаюсь к вам как кавказец к кавказцу. Все мы знаем, что произошло в Ленинграде. Кузнецов понес заслуженное наказание. Но что делать, если мой сын и его дочь были задолго до того помолвлены, любят друг друга. Прошу вас, дайте согласие на их брак, помогите сохранить традиции и обычаи предков». И Сталин милостиво разрешил Серго Микояну жениться на дочери «предателя партии».

И уж совсем разойдясь, Микоян вспоминал про политбюровские мальчишники на ближней кунцевской даче, где в последние годы почти безвыездно жил Сталин. «Число членов политбюро всегда было нечетным, — рассказывал Анастас Иванович, — а обедать садились за прямоугольным столом, придвинутым к стеклянной двери, выходившей на балкон, в комнате второго этажа. Оставался свободным один торец стола. Сидевший за ним смотрел прямо в балконную дверь. На этом месте всегда сидел самый нелюбимый член политбюро, судьба которого висела на волоске. Сталин, боявшийся покушения, полагал, что если что-то и произойдет, то первой жертвой станет тот, кто сидит прямо напротив окна. По мере изменения своего расположения к людям он менял их места за обеденным столом, но все последние месяцы жизни Сталина роковое место занимал Микоян.

Таких рассказов было много, но их тональность не менялась: важно было сформировать у нас мнение о нем как об оппоненте Сталина. Надо сказать, что частично он своей цели добился, и лишь когда мне попались на глаза документы о массовых репрессиях, в том числе решение политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных офицеров, заверенные микояновским «за» с собственноручной подписью, тогда все встало на свои места. «Политика — грязное ремесло», — говорил А. М. Горький.

Впоследствии, когда мне (опять-таки в качестве переводчика) приходилось слышать Никиту Хрущева, я узнал, что сам Никита

хотя и держал Микояна в политбюро и правительственной верхушке, но до конца никогда не доверял ему. Припомнился его рассказ о том, что Хрущев взял лично на себя обработку Микояна накануне решительного заседания политбюро, где планировался арест Л. Берии. Он даже сам заехал за ним на дачу, чтобы довезти его в своей машине и не дать возможности увильнуть. В ходе самого заседания Микоян сидел рядышком с Хрущевым и лишь самым последним выдавил из себя слова, свидетельствовавшие о том, что он присоединяется к большинству, потребовавшему ареста Берии…

Я вошел в кабинет А. И. Микояна, пожал протянутую сухую руку и сел за приставной столик, приготовившись выслушать задание. Он начал речь издалека:

— Правду ли говорят, что вы знакомы с братьями Кастро?

— Конечно, знаком. С Раулем — с 1953 года, до штурма казарм Монкады, а Фиделя встречал в Мексике в 1956 году, незадолго до отплытия экспедиции на яхте «Гранма».

— Да, да… — выигрывая время для формулировки неприятного вопроса, протянул Микоян. — А чем вы можете доказать, что вы с ними знакомы?

Тут мне пришлось рассказать о том, как я впервые был направлен в командировку в Мексику весной 1953 года и как познакомился с Раулем Кастро. Естественно, я упомянул о сохранившихся у меня фотографиях как документальных свидетельствах моего знакомства с Раулем. По просьбе Микояна я принес дорогие памятные мне негативы. Из них было велено изготовить фотоальбом. Микоян сказал, что принято решение политбюро, в соответствии с которым ему надлежало выехать в ближайшие дни в Гавану, где он должен был открыть ту самую выставку, которую он уже открывал в Мексике. Выставка, разумеется, была предлогом. Главное заключалось в том, чтобы установить контакты с новым кубинским руководством, с лидером революции Фиделем Кастро и принципиально определить характер и пути налаживания советско-кубинских отношений, разорванных диктатором Ф. Батистой в 1952 году. Микоян предложил мне сопровождать его в качестве переводчика. Он не скрывал, что рассчитывал на мои знания о Кубе, о революции, на мои дружеские связи с руководителями Кубы, полагая, что они помогут создать доверительную обстановку в ходе предстоявших контактов и переговоров. На такое дело меня долго уговаривать не надо было, я согласился сразу же. Моя лингвистическая неуверенность после визита в Мексику испарилась. Мне там даже подарили полное собрание сочинений никарагуанского поэта Рубена Дарио с надписью «Электронному

переводчику… и т. д.» К тому же я был не один, летел напарник — сотрудник МИД Альберт Матвеев.

В деловой подготовке поездки я участия почти не принимал, помог только купить в комиссионных магазинах кое-какие подарки. Вся делегация состояла из одного Микояна, на помощь которому на всякий случай из Мексики был вызван советский посол в этой стране В. И. Базыкин. Всю долгую дорогу через Исландию и Канаду Микоян читал двухтомник Э. Хемингуэя, явно пополняя литературную эрудицию в надежде встретиться с великим писателем, проживавшим на Кубе. Наконец наш Ил-18 стал снижаться над Гаваной. Мы прилипли к иллюминаторам. Нас ждала встреча с революцией.

Блажен тот, кому довелось увидеть в своей жизни звездный час народа, который победил тирана и без меры пил хмель свободы и счастья. Все в этом народе сияло радостью, доброжелательностью, и в то же время он отличался строгим достоинством. Хотя бороды можно было носить только участникам боев в горах Сьерра-Маэстра, любой уважающий себя мужчина старался обзавестись если не бородой, то хотя бы бороденкой. Имеющееся оружие свидетельствовало о принадлежности к особой касте — дарителей свободы. Девушки в ладных оливковых костюмах выглядели куда привлекательнее, чем в традиционной одежде. И все кругом пело, смеялось, покачивало бедрами, похлопывало по плечам. Казалось, в любой точке столицы и страны в любое время суток можно было слышать волнующие звуки «Марша 26 июля», он гремел повсюду. Хотя внешне не соблюдалось никакого порядка, во всем тем не менее был какой-то строго детерминированный смысл. Беспорядка не было — это уж точно.

Когда Микоян вышел из самолета, его душа не могла не дрогнуть. Перед трапом колыхалась огромная толпа, которая не делилась на привычные компоненты: руководство, министры и дипкорпус, встречающая публика, почетный караул и т. д. Все было перемешано, лишь в центре возвышалась фигура Фиделя, похожего на матку в растревоженном пчелином рое.

Кое-как соблюдя формальности, хозяева и гости уехали в резиденцию, причем Микоян, вопреки правилам безопасности, занял переднее сиденье рядом с шофером, чтобы лучше видеть город и людей. Так началась первая официальная встреча советских и кубинских руководителей. Визит длился несколько дней и был перенасыщен эмоциями, программа формировалась на ходу под влиянием интуиции, одна неожиданность громоздилась на другую. Посол Базыкин, подавленный полным отсутствием протокольного порядка, старался только не отстать

физически от стремительно перемещавшейся группы Фиделя и Микояна. Для поездки по стране было решено использовать советский вертолет, присланный в качестве экспоната на выставку. Авиация, оставшаяся в наследство от Батисты, была совершенно изношена и не внушала доверия. Наскоро собранный и едва опробованный вертолет, ведомый летчиками-новичками в кубинском небе, дважды стал причиной беспокойства. Сначала летчики, у которых не было навигационных карт, чуть было не потерялись в просторах Карибского моря, имея в баках горючего всего на 30 минут. Фидель, большой знаток архипелагов, усеявших южное побережье Кубы, заметив грозившую опасность, сам поднялся в пилотскую кабину и лично был лоцманом, требуя беспрекословного выполнения указаний.

Затем, когда мы попытались приземлиться на дощатой платформе около охотничьего домика Фиделя в Лагуна-дель-Тесоро, расположенного на сваях в заболоченной местности, вертолет проломил слабое покрытие и чуть было не погрузился в вязкую трясину. Лишь опыт пилотов позволил им вырвать машину из ловушки и высадить пассажиров из подвешенной в воздухе машины.

Нигде нас не ждали чопорные банкеты. Мы ужинали той рыбой, которую только что сами выловили в лагуне, или ехали на обед в рабочую столовую дорожных строителей, где подавали только отварной рис с корнеплодами. Спать приходилось не в гостиничных сьютах, а на бетонном полу недостроенного кемпинга, кутаясь в солдатские шинели и согреваясь время от времени душистым крепким кофе, равного которому нигде в мире нет.

Да и самые главные переговоры состоялись не за столом, а глубоко ночью на пешеходных мостках охотничьего домика под бычий рев гигантских тропических лягушек и звон комариных полчищ. Именно там было решено установить дипломатические отношения и дать зеленый свет торгово-экономическим связям.

Моя самонадеянность переводчика получила сильный щелчок по носу. Мне стало впервые ясно, что когда две стороны не могут или не хотят договориться, то они обе ищут виновного в переводчике. В один из трудных моментов я даже стал апеллировать к послу Базыкину, единственному, кто владел и русским, и испанским языками: «Скажите, я точно перевожу? Или нет?» Посол вместо ответа мягко подталкивал меня в спину, приговаривая: «Переводите! Переводите!»

Из последующих рассказов я узнал, что с другим переводчиком в более драматических обстоятельствах происходили коллизии посложнее. В дни октябрьского ракетного

кризиса в 1962 году, когда тот же Микоян вел тяжелые переговоры с кубинцами о поисках путей выхода из кризиса и стороны временами плохо «слышали» друг друга, однажды Че Гевара достал пистолет и положил его на стол, сказав переводчику: «Я бы на вашем месте пустил себе пулю в лоб!» Это было отражением того, что стороны как певцы в неладно скроенной опере, не слыша друг друга, пели каждый свою партию, а виновным в непонимании оказывался переводчик…

Наш визит закончился очень успешно. Были заложены основы долголетнего сотрудничества. Микоян остался доволен. Нам он говорил: «Да, это настоящая революция. Совсем как наша. Мне кажется, я вернулся в свою молодость!» Было видно, что он околдован кубинской революцией.

Вспоминая об этом теперь, спустя десятилетия, приходится признать, что, если бы кубинская революция не нашла в лице Микояна в те годы очень авторитетного и влиятельного покровителя, который до конца своей активной политической жизни отстаивал советско-кубинскую дружбу, многое пошло бы иначе. Никогда в Латинскую Америку — ни до, ни после — не ездил с политической миссией столь высокопоставленный коммунист и государственный деятель. Протокольная поездка А. Н. Косыгина на 150-годовщину майской революции в Аргентину в 1960 году не в счет. Независимо от политических и экономических расчетов, Микоян прикипел душой к Кубе и вообще к «пылающему континенту», как любили журналисты называть тогда Латинскую Америку. Сын Микояна, уже упоминавшийся Серго Анастасович, не без влияния отца бросил свои увлечения историей Пакистана и Индии и на долгие годы окунулся в латиноамериканскую проблематику, став основателем и главным редактором журнала «Латинская Америка» в Москве.

На короткое время я вернулся к занятиям в разведывательной школе, но там на меня уже смотрели как на «священную корову». Никто с меня не взыскивал за плохо подготовленные задания, я был освобожден от обычных уставных обязанностей. Преподаватели поглядывали на меня даже с некоторым страхом, а коллеги — с восхищением. Удача, казалось, распростерла надо мной свои мягкие невидимые крылья.

Сам я относился ко всему происходившему как к активному участию в некоей азартной политической игре. Внешняя сторона: поездки в Кремль, встречи с тогдашним начальником разведки А. М. Сахаровским, внимание прессы и товарищей по учебе — меня не трогала совсем. Вскоре мне пришлось выполнить первое самостоятельное поручение.

После всей информации, привезенной Микояном с острова

Свободы, Никита Хрущев твердо решил воспользоваться благоприятно сложившейся ситуацией, чтобы закрепить образовавшуюся в Карибском море болевую для США точку. Представлялся реальный шанс отплатить Соединенным Штатам той же монетой, которой они пользовались в отношении СССР с конца второй мировой войны. До появления стратегических межконтинентальных ракет с ядерным оружием американская дальняя бомбардировочная авиация и флот были главными факторами, обеспечивавшими стратегическое превосходство США над СССР. Все основные административные и промышленные центры СССР находились в пределах досягаемости американских авиации и ВМС. Собственная территория Соединенных Штатов оставалась неуязвимой для средств поражения, которыми располагал до середины 50-х годов СССР. С какой бы радостью США навечно закрепили такое положение! Это и была голубая, хотя и немудреная, мечта политиков Вашингтона — располагать всегда возможностью безнаказанно, безответно наносить военные удары по любым своим противникам в любой точке мира!

Однако какое же уважающее себя государство может согласиться с ролью провинившегося ученика, над которым в любую минуту может быть учинена телесная расправа? Мысль о возможном ответном ударе не выходила из голов советских руководителей все послевоенное время. Покойный Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев однажды рассказал, что после речи Черчилля в Фултоне (1946 г.) И. Сталин распорядился изучить вопрос о сформировании и размещении на Чукотском полуострове армии вторжения на Аляску. Эта акция рассматривалась как вариант возможного возмездия, ответа на вероятные военно-воздушный и военно-морской удары. Армия должна была насчитывать около 1 млн. человек. Указание Сталина было исполнено, и офицеры Генерального штаба провели соответствующую работу. Расчеты показали невероятно высокую стоимость создания и содержания в боевой готовности такой крупной группировки в суровых, пустынных условиях Приполярья. И Сталину, при всем его необузданном волюнтаризме, пришлось посчитаться с критериями возможного. От плана создания арктической армии отказались. И вот тогда родилась другая идея — сформировать в центре Европы, на оккупированной части Германии, мощный кулак бронированных сил, которые стали бы противовесом постоянно возраставшей воздушной и морской угрозе со стороны США. Правда, такой кулак не достал бы ни при каких условиях территории США, но их позициям в Европе он угрожал основательно. С годами мощь бронетанковых соединений Советской Армии на территории

созданной в 1949 году Германской Демократической Республики выросла и достигала в разное время около 40 тыс. машин разных классов и предназначений.

Теперь, после победы на Кубе национально-освободительной революции, свергшей диктаторский режим явно проамериканского ставленника Ф. Батисты, появилась возможность, пусть даже теоретическая, создать хоть небольшой военный противовес Соединенным Штатам в самом Западном полушарии. Конечно, речь не шла в то время о каком-либо размещении советских военных баз в Новом Свете. Хрущев хотел лишь оказать посильную помощь в вооружении кубинской армии, чтобы она могла противостоять самостоятельно любым попыткам агрессии со стороны союзников или наемников США. Разумеется, это была политика «острия против острия», поскольку все политические, экономические и военные усилия Соединенных Штатов были брошены на то, чтобы не допустить вооружения строптивого Кастро.

В мае 1960 года стало известно, что военный министр Кубы Рауль Кастро выехал в Чехословакию в надежде закупить там часть бывшего трофейного немецкого вооружения, оставшегося после второй мировой войны. Меня вызвал к себе начальник разведки и сформулировал первое боевое задание. Оно состояло в следующем: надо выехать в Прагу, остановиться в доме представителя КГБ и найти способ, не обращаясь ни в коем случае к чехословацким товарищам или к посольству СССР, установить контакт с Раулем Кастро, использовать для этого только личное знакомство с ним. В случае установления контакта передать Раулю Кастро, что Никита Хрущев лично приглашает его прибыть в Москву для обсуждения вопросов двусторонних отношений.

Столь необычный способ установления контактов между руководителями государств меня не смутил. Я знал, что советское посольство в Гаване еще не функционировало в полном объеме. К тому же у кубинцев еще не было системы безопасной шифросвязи, а посол Кубы в Москву пока не прибыл. Для помощи мне был придан «дядька» — опытный старый полковник разведки, но это оказалось излишним.

Приехав в Прагу, я ознакомился с обстановкой и выяснил, что задача не столь проста, как казалось. Главная трудность заключалась в том, что Рауль Кастро был постоянно окружен сильной охраной, ездил по городу и стране без предварительно опубликованной программы, жил в особняке в закрытом для посторонних районе. Мой «дядька-наставник» выглядел растерянным. Наконец после некоторого раздумья был избран самый простой план. Решили, что я буду сидеть на городской

скамеечке на улице, по которой обязательно должен пройти кортеж машин, направлявшихся к резиденции. Расчет был на то, что Рауль узнает меня и остановится. А дальше предполагалась любая художественная импровизация. Так и сделали. Я устроился на скамеечке (поближе к часу, когда Рауль должен был ехать на обед) с громадным пакетом свежей черешни в руках. Душа радовалась сочной ягоде после долгой русской зимы и стылой, запоздавшей в тот год весны. Не помню, сколько черешни я успел съесть за долгое ожидание на пустынной улице, но с тех пор на черешню больше и смотреть не могу. Наконец появился кортеж черных автомашин. Я на него глядел намагниченными глазами, и, наверное, оттуда также смотрели на странного одинокого человека с большим пакетом в руках.

Внезапно голова колонны резко затормозила, из «татры» вышел Рауль Кастро и искренне удивленно спросил: «Николай, ты что здесь делаешь?» Я также «удивленно» ответил: «Господи, какая неожиданность! Я приехал сюда посмотреть игры спартакиады, присел отдохнуть — и, надо же, такая приятная встреча!» Конечно, я был приглашен в машину, и мы направились в особняк. Там, насколько мог, я объяснил чехословацкой охране, кто я, каким образом мы знакомы, даже пришлось показать свой дипломатический паспорт. Какое-то успокоение наступило, но чехи не спускали с меня глаз.

Улучив момент, когда Рауль повел меня, чтобы вручить сувенир, я шепнул ему, что приехал вовсе не случайно и имею поручение пригласить его в Москву. Он сразу посерьезнел, ответил, что должен посоветоваться с Гаваной и даст ответ через два-три дня. А пока просил меня присоединиться к его делегации на правах старого друга. Мне пришлось побывать на заводах, в винных погребах за Мельником, на спортивных сооружениях.

Чехи принимали посланца кубинской революции достаточно сдержанно, переговоры о продаже оружия вели, упорно торгуясь за каждый цент. Меркантильный расчет явно перевешивал идеологическую близость. Что делать? Кто-то рассказывал, что еще во время второй мировой войны чехи производили почти одну треть вооружения для гитлеровских армий, а свой протест выражали, в частности, работая в черных костюмах, то есть делали пушки, надев траур по тем, кого эти пушки должны были убить.

Через два дня Рауль получил «добро» на поездку в Москву. Для меня это означало полностью выполненное задание, и я с легким сердцем стал собираться в дорогу. Два с половиной часа полета Ту-104 из Праги в Москву прошли незаметно: мы с Раулем вспоминали о давно минувших временах, я с большим интересом

слушал его рассказы о революционной войне. Мы даже как-то забыли о той пропасти, которая теперь разделяла нас с протокольной точки зрения. Мне об этом сразу же напомнили родные советские чекисты.

Из самолета мы вышли почти рядом. Внизу у трапа его ждала толпа маршалов, генералов в серо-золотой амуниции. Я не успел разглядеть лиц, как чьи-то крепкие руки схватили меня и потащили под брюхо самолета. Рауль оглянулся назад и, увидев меня в окружении дюжих молодцев, только успел крикнуть: «Николай, увидимся обязательно!» Это меня спасло, потому что какой-то охранник, передовик соцсоревнования, уже успел больно ткнуть меня в бок пудовым кулачищем.

Первый приезд Рауля Кастро в Москву оказался полезным. Были достигнуты первые принципиальные договоренности о поставках оружия и направлении советников, прежде всего из числа находившихся в Москве испанцев-республи-канцев, которые прошли школу нашей армии и имели за плечами опыт второй мировой войны. Обо всем этом мне стало известно позже со слов друзей. Военные же наши чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы все их переговоры переводили только свои, военные переводчики. Они полагали, что от этого их секреты станут еще секретнее.

За успешное выполнение первого боевого задания я получил премию в виде месячного оклада, равного 150 рублям, меня освободили от сдачи выпускных экзаменов в разведывательной школе, и я был выпущен в самостоятельную жизнь с редким в практике школы повышением — старшим оперуполномоченным.

В то время под мощным влиянием кубинской революции во всех советских ведомствах, так или иначе занимавшихся внешними делами, шло формирование новых структурных звеньев, ориентированных на защиту этой революции. В Академии наук родился план создания научно-исследовательского Института Латинской Америки, претворенный вскоре в жизнь, в МИД формировался отдел стран Латинской Америки, в разведке также от единого американского отдела отпочковался латиноамериканский. Куба заставила иначе взглянуть на весь континент, который до этого традиционно занимал последнее место в системе приоритетов политики советского руководства.

Я пришел в разведку в новый отдел и стал сразу же руководить кубинским направлением, в котором был и начальником, и единственным работником. Передо мной были поставлены две задачи: 1) наладить работу со всей агентурой, имевшейся на Латиноамериканском материке и располагавшей

возможностями для сбора информации о подрывных действиях против революционной Кубы, и 2) подобрать среди ветеранов и опытных сотрудников госбезопасности группу людей, которые могли бы быть использованы в качестве советников и консультантов по нашим профессиональным вопросам. Я горячо занялся своим новым делом, но мое прошлое переводчика и лично знающего кое-кого из нового кубинского руководства часто и надолго отвлекало от прямых обязанностей.

В ноябре 1960 года в Москву приехал Че Гевара с группой специалистов с задачей разместить на рынках социалистических стран не менее 2 млн. т кубинского сахара. К этому времени американо-кубинские разногласия зашли далеко и торгово-экономическая блокада острова стала не угрозой, а реальностью. Поскольку я был знаком с Че Геварой, меня попросили поработать переводчиком. Я знал этого выдающегося человека с лета 1956 года, когда встречался с ним в Мексике. Мне навсегда запомнились необыкновенная лучистость его глаз, тихая, мягкая речь, в которую были отлиты четкость мысли и твердость убеждений. Я с радостью согласился.

Никита Хрущев сделал все, чтобы миссия Че Гевары не сорвалась. Он собрал всех представителей социалистических стран, которые находились при Совете Экономической Взаимопомощи в Москве, и предоставил Че Геваре возможность убедить их в необходимости социалистической солидарности и закупки кубинского сахара. СССР сразу же согласился закупить 1200 тыс. т, оставалось разместить 800 тыс. т. Переговоры с другими странами шли без большого энтузиазма, но и без непреодолимых трудностей. В итоге рынок для кубинского сахара был обеспечен.

Если меня не подводит память, то Че Гевара был первым после похорон Сталина иностранцем, который поднялся на Мавзолей Ленина на Красной площади 7 ноября 1960 г., туда, где всегда по праздникам находилось советское руководство. Помню, мы стояли с ним, дрожа от стужи, на гранитных трибунах около Никольской башни, когда подошел посыльный от Н. Хрущева и пригласил Че Гевару проследовать на трибуну Мавзолея. Че наотрез отказался, считая такую честь незаслуженной. Но посыльный вскоре вернулся с очень настойчивым приглашением. Пришлось уступить и уважить хозяев праздника.

Вечером в гостинице «Советская», где остановилась делегация, Че отогревался жидким кофе, рассыпая направо и налево шутки, остроты. Так, он обратился к официанту, принесшему кофе, с вопросом:

— Скажите, что это такое?

— Как что? Кофе, — удивился тот.

— А вы не расскажете, как его готовят? — лукаво улыбаясь, продолжал Че.

— Просто, — доверчиво лез в расставленную ловушку официант, — берем стакан воды, доводим ее до кипения и кладем в него чайную ложку кофе.

— О Господи, для настоящего кофе надо брать в обратной пропорции: на стакан кофе чайную ложку кипятка, — завершил Че под хохот собравшихся. У него была манера никогда не прибегать к назидательным сентенциям.

Вспоминается, как он боролся с распространенным в то время среди революционеров злом — неумением распределить и использовать свое время. Однажды ему пришлось в полном одиночестве выехать на переговоры в Министерство внешней торговли только потому, что к назначенному часу у выхода из отеля, где должна была собраться делегация, никого не оказалось. К вечеру он отозвал меня в сторонку и попросил на следующий день организовать для всей делегации посещение кабинета В. И. Ленина в Кремле, уговорившись предварительно с экскурсоводом, чтобы в ходе экскурсии основное внимание было уделено борьбе Ленина за дисциплину среди руководства партии и правительства. Так и сделали. Надо было видеть лица его сотрудников, когда они слушали рассказ о том, что за первое опоздание Ленин наказывал виновного, независимо от его положения, выговором, за второе — материальным штрафом, а затем могло последовать и увольнение. После этого дисциплина в делегации не вызывала нареканий.

Русские люди по своей природе очень гостеприимны. Для них великая честь, когда их дом посещает дорогой гость. Мы пригласили Че Гевару от имени группы работавших на Кубе и ради Кубы в других странах на товарищеский ужин в домашней обстановке. Долго выбирали квартиру, потому что все жили более чем скромно. Остановились на квартире Александра Ивановича Алексеева, который, независимо от своих должностей (а он прошел путь от корреспондента до посла СССР в Гаване), оставался надежным и эффективным связующим звеном между Фиделем Кастро и Н. Хрущевым. Тогда его семья занимала скромную квартиру в помпезном высотном доме на Котельнической набережной. Хозяйкой вечера была его милая умница жена Татьяна Васильевна. Сколько она вложила души и старания в сервировку стола, трудно вообразить. Но каково же было наше отчаяние, когда Че, увидя все икряно-рыбное богатство, скромно сказал: «Сеньоры, а я из-за астмы не ем ничего рыбного. Как жаль, что вы зря старались!» Он сел, перевернул

вверх дном свою пустую тарелку и, увидев на дне фирменный знак известного фарфорового французского завода, воскликнул: «А я и не знал, что пролетарии едят на севрском фарфоре». Все замерли от такой прелюдии. Че, заметив некоторое замешательство, улыбнулся широко, обезоруживающе: «Не смущайтесь, пожалуйста, помогите мне побороть смущение. Я ведь впервые в русском доме».

Тяжелые вериги свалились с души, и потекла взволнованная беседа, в которой преобладали две темы. На наш настойчивый вопрос, устоит ли кубинская революция, Че ответил: «Я не знаю, устоит ли она. Слишком велики силы, движущие ее вперед и противостоящие ей. Могу только с определенностью сказать, что если она окажется в опасности, то я ее не оставлю, возьму автомат и пойду на баррикады, буду драться до конца. Если же революция погибнет, то не ищите меня среди людей, спрятавшихся в иностранных посольствах, бегущих на кораблях или самолетах в изгнание. Вы найдете меня среди ее погибших защитников. С меня хватит печального опыта гибели в 1954 году гватемальской революции. Другого я не хочу».

Тогда я услышал единственный раз его рассказ о невероятном эпизоде. В июне 1954 года, уже после того как город Гватемала был занят наемниками Кастильо Армаса, завербованными и подготовленными ЦРУ, а законный президент страны полковник Хакобо Арбенс укрылся в мексиканском посольстве, в ночь, когда перепившиеся от радости наемники праздновали «победу», группа этих гуляк вошла в одно из «веселых» заведений. Увидев среди клиентов двух молодых людей в форме кадетов военной школы, бандиты начали куражиться и издеваться над ними. Угрожая оружием, они принудили растерявшихся кадетов раздеться догола и плясать под гогот собравшихся на шум скандала девиц и хмельных посетителей. Глумление продолжалось долго. Давно уже в военной школе прозвучал сигнал вечернего отбоя и отхода ко сну.

Когда наконец утомившиеся вояки разрешили кадетам убраться с глаз долой, на часах было далеко за полночь. Ворота школы встретили своих припозднившихся воспитанников крепкими засовами. Разбуженный звонком часовой не решился нарушить уставной порядок и поднял с постели начальника. Старый служака-полковник, выслушав рассказ вконец расстроенных кадетов, пришел в ярость: «Да как смеет эта рвань оскорблять честь и достоинство гватемальского солдата? Трубите подъем! Мы им покажем!»

Через час колонна курсантов в полном боевом снаряжении в сопровождении броневика вступила в город. До самого рассвета

кадетские патрули обходили рестораны, злачные места, притоны, собирая и доставляя на площадь очумевших от перепоя и мало чего соображавших наемников. Построив плененное воинство на площади, полковник обратился к нему, протрезвевшему на рассветном холодке, с краткой речью: «Вы, сукины дети, помните, что ваша победа — это результат политических интриг! Вы свергли коммунистов, но вы не победили профессиональную гватемальскую армию, потому что она объявила нейтралитет и не воевала с вами. Если вы забудете, кто вы такие, то мы, армия, напомним вам об этом!» С этими словами он приказал снять с наемников брючные ремни, срезать пуговицы со штанов. Когда все это было проделано, колонна вояк, придерживавших штаны руками, проследовала «торжественным парадом» мимо того вертепа, где несколько раньше наемники издевались над кадетами.

После этого акта мщения все вернулось на круги своя. Полковник увел курсантов в школу, наемники разбрелись по своим «частям». Лишь с началом нового дня поставленные в известность Кастильо Армас и посол США поняли всю опасность происшедшего. Начальник школы был немедленно отправлен на первый оказавшийся вакантным пост военного атташе за границу, наемники собраны под одной крышей, приняты все меры безопасности.

Завершая этот рассказ, Че сказал: «Многие из сидевших в посольствах вчерашних гватемальских государственных деятелей видели это в окна, но никто не решился выйти и поздравить полковника, назначить его министром обороны и возглавить стихийно осуществившийся контрпереворот. Это плоды деморализации».

Че Гевара в тот вечер обстоятельно изложил свой взгляд на роль политического руководителя. По его мнению, ни один государственный деятель, которому народ доверил судьбу страны в ходе выборов, не имеет ни юридического, ни морального права уходить в отставку по собственной слабости, под давлением обстоятельств. Он просто обязан драться до конца, погибнуть. В противном случае он предает поверивший ему народ. Это говорилось применительно к Хакобо Ар-бенсу, тогдашнему президенту Гватемалы, струсившему перед американскими наемниками и кончившему жизнь в позорном изгнании; позже в наркотическом дурмане он утонул в собственной ванне.

Сейчас, глядя на дымящиеся развалины России, часто вспоминаю эти слова Че Гевары. Что сказал бы он о нескончаемой череде наших политических пигмеев?..

В самом конце ноября 1960 года, когда Че Гевара полетел в

Северную Корею и Китай, он пригласил меня с собой. Он не был уверен, что там найдется переводчик с корейского на испанский, русский язык мог послужить ретранслятором. Кроме того, через Москву можно было переслать нужную информацию в Гавану, если бы в этом возникла необходимость. Однако корейцы, ориентировавшиеся тогда на Китай, отношения с которым у нас быстро портились, полностью изолировали меня от кубинской делегации. Ким Ир Сен сам говорил по-китайски в беседах с Че. Я мог только поставлять ему информацию, поступавшую для него из Гаваны через Москву. Восток есть Восток — это надо понимать. В разгоравшемся советско-китайском конфликте Че Гевара занимал очень Тактичную позицию. Не поддаваясь попыткам тех и других склонить его на свою сторону, он сохранял свободу суждений и действий. Но в душе, как мне казалось, он был ближе к китайской точке зрения. В разговорах со мной он неизменно хорошо отзывался о Китае, говорил, что, только побывав в Китае, он понял, что для азиатских стран социализм — это единственный путь преодоления социально-экономической отсталости.

Как бы я ни гордился своим участием в укреплении советско-кубинских отношений, я понимал, что как разведчик был бы полезнее на работе в капиталистических странах. События, вскоре развернувшиеся в бухте Кочинос, на Плайя-Хирон, окончательно убедили меня в том, что мое место «в поле», а не в представительских особняках и не за столом переговоров. Я попросился на работу за кордон, на передний край.

Драматические дни вторжения наемников на Кубу в апреле 1961 года я провел почти безвылазно в кабинете тогдашнего председателя КГБ Семичастного, который поручил мне отслеживать всю информацию, поступавшую в КГБ, и докладывать каждые два-три часа обстановку со своей оценкой и прогнозами. Я поступил просто: повесил на стену две крупномасштабные карты, взятые в Генеральном штабе, и стал отмечать ход военных действий на одной из них так, как его подавали американские информационные агентства, а на другой так, как его видели наши представители, находившиеся на Кубе и поддерживавшие контакт с кубинскими руководителями. Через несколько часов стало ясно, что американцы беспардонно врут, что их информация — просто-напросто часть психологического воздействия на население Кубы. Наши специалисты лично докладывали о событиях из тех мест, которые, по уверениям информационных агентств США, были давно захвачены вторгшимися частями или заняты восставшими антикастровскими силами. Вот тогда-то мне стало ясно, что всякая ложь, тем более инициированная государством, является

свидетельством слабости и аморальности, независимо от того, какое государство прибегает ко лжи.

В Мексике, на переднем крае

После разгрома бригады вторжения в Хироне я стал готовиться к отъезду в Мексику, куда был назначен третьим секретарем посольства.

Мексика была выбрана для меня по двум причинам. Во-первых, я уже поработал в этой стране в 1953–1956 годах, когда мне даже довелось поучиться в течение почти двух лет на факультете философии и словесности Национального университета. Я вполне прилично владел испанским языком, у меня уже сложился определенный круг знакомых. Мне не надо было терять время на так называемое обживание, знакомство со страной. Я успел полюбить эту чудесную страну, ее народ, самобытную культуру. Знакомство с ее историей потрясло меня. Драматическая судьба Мексики, начиная с завоевательной экспедиции Эрнана Кортеса и кончая революцией 1910–1918 годов, полна нескончаемых попыток иноземцев поработить ее свободолюбивый народ. Землю Мексики топтали полчища испанцев, французов, англичан, но больше всего — американцев. Вечная борьба за свою независимость наложила отпечаток на социальную психологию мексиканцев. У этого мирного, дружелюбного народа, наверное, самый воинственный национальный гимн. В нем что ни строфа, то призыв к бою. Другая главная причина моего направления в Мексику состояла в том, что США были определены для меня как основное направление разведывательной деятельности. В Мехико постоянно проживает большая колония американцев. Проникновение в секреты американцев стало целью моей работы на многие годы. Поставленная руководством разведки задача полностью соответствовала моему настроению. США были для меня не только официальным «главным противником», но и очевидным врагом моего Отечества. Конечно, какую-то роль в формировании отношения к США сыграла и назойливая казенная пропаганда, создававшая образ врага. Но главным учителем все-таки была история. Недавние предки ныне процветающих янки повинны в физическом уничтожении коренного индейского населения Америки. Причем этот геноцид происходил в годы, когда в Европе право повсеместно становилось фундаментом общества и государства.

Перед моими глазами вставала история испанской колонизации Латинской Америки, которая к тому же происходила на пару веков раньше, чем колонизация США. Среди испанцев были защитники прав индейцев, такие, как бессмертный

Бартоломе Лас Касас. Колонизаторы легко смешивались с местным населением, сам Эрнан Кортес был женат на дочери индейского касика. Со временем на обширных просторах Латинской Америки доминирующей расой стали метисы — продукт слияния двух основных рас. Совсем иное творилось на севере Американского континента. Там индеец был превращен во врага белых, подлежал уничтожению, а его образ в американской литературе и искусстве стал на долгое время пугающим воплощением зла.

Вообще я замечал, что представители романских народов Европы — испанцы, французы, португальцы, итальянцы — были человечнее, если уместно это слово, по отношению к колонизуемым, чем англосаксы. Последние оказывались оголтелыми расистами, неприязненно относились к местному населению, жили в обособленных кварталах и поселках своей господской жизнью и почти нигде не оставили крупных групп смешанного населения. И сейчас в США завезенные из Африки негры растут численно, но не растворяются в мулатской массе, как это происходит с теми же неграми, завезенными из той же Африки на Кубу или в Бразилию. Чуть-чуть окрепнув, США, отбросив всякие приличия, занялись силовой империалистической агрессией. В войне 1846–1847 годов они захватили у Мексики две пятых ее территории. Через несколько лет американские авантюристы захватили Никарагуа, восстановили там рабство и вознамерились оккупировать всю Центральную Америку, но потерпели поражение. Список фактов международного разбоя можно продолжать без конца, последним была интервенция в Панаму в декабре 1989 года. «Большая дубинка» — символ политики США в Западном полушарии — оставалась вечной, хотя этикетки на ней менялись не раз.

По отношению к СССР Соединенные Штаты всегда занимали недружественную позицию.

Сразу же после начала гражданской войны в 1918 году войска Соединенных Штатов высадились на нашей русской территории — в Архангельске и на Дальнем Востоке, стараясь поддержать сепаратистские устремления местных царьков.

Я знаю, насколько чувствительно американцы сами относятся к вопросам появления иностранных военных на своей территории. Однажды во время переговоров по поводу гастролей ансамбля песни и пляски имени Александрова в США американские представители и пресса совершенно серьезно говорили о том, что появление иностранных военнослужащих в мундирах и со знаками отличия на американской территории можно истолковать как высадку вражеского десанта. Под этим

предлогом они настаивали на том, чтобы ансамбль выступал в гражданской одежде.

Мне, русскому, и посейчас больно, когда я вижу кадры кинохроники 1918–1919 годов, показывающие американские боевые корабли в наших портах, морскую пехоту США, марширующую по улицам наших оккупированных городов. Насколько помню, мы их не приглашали.

В 1933 году США были последней из западных держав, признавших Советскую Россию.

В годы второй мировой войны мы, мальчишки, ждали, как спасения, открытия второго фронта в Европе. Надеялись, что это поможет нашим отцам и старшим братьям вернуться домой живыми. Но нет! Американцы слали нам оружие по ленд-лизу, кое-какие продукты питания, но кровь проливать в борьбе с фашизмом не торопились.

Я с большим уважением отношусь к американскому народу, к простым гражданам США. Им хватает и чувства справедливости, и сострадания к попавшим в беду. Они умеют на редкость хорошо организовать свой труд, полагаются только на свои силы, уверены в себе. Но так уж устроены государства, что народы оказываются неизмеримо лучше своих правительств. США — не исключение. Разве нормальный средний американец мечтает о том, чтобы разделить на несколько государств Германию, Китай, Россию? А вот правящая верхушка США, ее истеблишмент, никогда не оставляла такой мысли, это была ее голубая геополитическая мечта. Поэтому, говоря «США», я имею в виду те силы, которые лелеяли (или продолжают лелеять) идею мирового господства, ведя дело к ее воплощению в жизнь.

Словом, я работал против США с глубоким убеждением, что делаю доброе, угодное Богу дело, защищая свою страну и помогая десяткам других народов, на себе испытавших когтистую лапу американского орла.

Народы лучше, чем правительства! Поэтому моими помощниками были простые американцы, которые оказались достаточно умными, чтобы судить о политике Вашингтона не по словам, а по делам.

Я приехал в Мексику летом 1961 года, а через год с небольшим разразился зловещий карибский кризис, поставивший весь мир на грань ракетно-ядерной войны. В октябрьские дни, когда истерия взвинчивала нервы до предела, через северную границу Мексики на юг хлынула лавина американских беженцев. Вереницы машин с прицепными домиками нескончаемо вились по горным дорогам. Люди бежали от, казалось, неминуемой ядерной смерти. Создались трудности с расселением, снабжением

медикаментами, продовольствием. Многие из невольных беженцев кляли на чем свет стоит как вероломных русских, так и балбесов из Вашингтона, поставивших под угрозу существование США из-за каких-то политических споров вокруг Кубы.

Послы СССР метались по МИД и канцеляриям президентов по всему миру, разъясняя, как умели, правоту позиции СССР. Конечно, никто из них не знал истинного положения вещей с размещением советских тактических ракет на Кубе. Я также неоднократно сопровождал нашего посла в Мексике С. Т. Базарова в резиденцию Лопеса Матеоса, тогдашнего президента Мексики. В беседах послы делали упор на оборонительный характер действий СССР и Кубы, приводили данные о концентрации в южных районах США десантных сил, готовых к вторжению. Мексиканцы с пониманием относились к нашей информации.

Лишь потом, годы спустя, мне стала известна вся масштабность нашей военной операции, направленной на защиту кубинской революции и получившей тогда кодовое название «Анадырь». В ответ на угрозу вторжения 150-тысячной группировки, поддержанной сотнями самолетов и военных кораблей США, на остров Свободы (а эти сведения публично признаны тогдашним военным министром США Макнамарой) Советский Союз, говоря словами Никиты Хрущева, решил подкинуть Америке «ежа», то есть разместить на острове ракетно-ядерное оружие, способное сдержать любого агрессора. Напомню, что в эти годы на территории соседней с СССР Турции стояли на боевых позициях американские ракеты «Юпитер», в зоне поражения которых находились важнейшие экономические районы и города нашей страны. Мера Советского Союза по размещению ракет на Кубе была в духе политики конфронтации, но преследовала оборонительные цели — защиту молодой кубинской революции.

Сама операция «Анадырь» была уникальной, подобной ей история Советской Армии не знала. На Кубу за короткий срок — за три месяца — была переброшена на морских транспортах и торговых судах Минморфлота большая группировка вооруженных сил общей численностью около 40 тыс. человек. В ее состав входили ракетная дивизия, то есть пять полков, три из которых имели на вооружении ракеты Р-12 с дальностью полета 2,5 тыс. км и два — ракеты Р-14 дальностью 4,5 тыс. км. Правда, не все ракеты успели прибыть к моменту начала кризиса. С воздуха ракетная дивизия прикрывалась двумя дивизиями противовоздушной обороны, вооруженными ракетной системой «земля — воздух» (144 установки), полком истребителей МИГ-21.

В состав сил ПВО входил и батальон радиотехнической службы.

С суши ракетное оружие прикрывалось четырьмя полками мотомеханизированных войск. Кстати, одним из этих полков командовал полковник Д. Т. Язов. Эти полки были настолько мощными, что их даже хотели назвать бригадами. В состав каждого из них входило по одному танковому батальону и по одному ракетному дивизиону. Ракетные дивизионы имели на вооружении по две установки тактических ядерных ракет «Луна» с радиусом действия от 45 до 65 км, в зависимости от веса головной части.

Силы ВВС включали два полка ракет, по восемь установок в каждом, с дальностью полета до 150 км, вертолетный полк и отдельную эскадрилью самолетов Ил-26 — носителей ядерного оружия.

В принципе планировалось послать к берегам Кубы две эскадры кораблей — надводную и подводную, но впоследствии от этого отказались.

Решение о готовности начать такую операцию было принято 24 мая 1962 г. на заседании президиума ЦК КПСС и Совета Обороны по докладу министра обороны Родиона Малиновского. Чтобы согласовать операцию и получить «добро» со стороны кубинцев, в Гавану была направлена специальная делегация во главе с Ш. Рашидовым, которая вернулась 10 июня с согласием кубинцев.

До настоящего времени ведутся дискуссии, разумно ли было предпринимать столь масштабную военную операцию, не подкрепив ее международно-правовой базой в виде, скажем, предварительного заключения военного договора между СССР и Кубой. Приходилось слышать впоследствии, что А. И. Микоян и А. А. Громыко робко пытались обратить внимание Хрущева на эту сторону дела, но верх взяло мнение военных о том, что, в случае предварительного обнародования планов проведения операции «Анадырь», американцы не позволили бы осуществить ее и сорвали бы ее на самом раннем этапе, когда они обладали всеми преимуществами стратегического характера, а у Советского Союза не было адекватных условий для контрходов. В итоге ставка была сделана на проведение операции в условиях секретности, а мир должен был узнать о свершившемся факте 25–27 ноября 1962 г., когда планировалось прибытие на Кубу официальной делегации Советского Союза во главе с Никитой Хрущевым для подписания соответствующего договора с Фиделем Кастро.

Среди военных оказался один смелый генерал, А. А. Дементьев, который в то время работал главным советником у Фиделя Кастро. Он возразил Н. Хрущеву, заметив, что сохранить в

секрете всю операцию «Анадырь» до конца не удастся из-за открытости будущих ракетных позиций для разведывательных самолетов США. Сидевший на совещании рядом с ним Родион Малиновский, по свидетельству очевидцев, толкал под столом А. Дементьева, пытаясь «вразумить» его, но тот стоял непреклонно и, как оказалось впоследствии, был прав.

Операция «Анадырь» с точки зрения штабной проработки и организации осуществления, безусловно, была весьма успешной. Были приняты меры по зашифровке и легендированию всех погрузочных работ. Например, на борт судов, капитаны которых не знали портов назначения, грузились лыжи, теплая одежда, которые якобы предназначались для войсковых учений в полярных и приполярных районах. Каждому капитану вручались три пакета. Первый они должны были вскрыть при выходе из территориальных вод СССР. В нем содержалось предписание следовать к Босфору. Затем после выхода из Мраморного моря надо было руководствоваться содержимым второго пакета, а в нем говорилось, что надлежит держать курс на Гибралтар. Только после выхода в Атлантику следовало открыть третий пакет, где лежал приказ брать курс на Кубу.

Наверное, американцы могли почувствовать что-то неладное из-за увеличившегося количества советских судов, направлявшихся из портов Черного и Балтийского морей, а также из Мурманска на Кубу. Несколько раз их военные корабли останавливали наши транспортные суда и пытались учинить досмотр, настойчиво требуя ответить на вопрос, куда шли суда и какой груз в трюмах. Но в те годы моряки позволяли себе довольно решительно отвергать такие требования и продолжали следовать, не сбавляя хода, своим курсом.

В течение всего утомительного пути на Кубу личный состав воинских частей находился в трюмах, чтобы не демаскировать операцию. Жарища в чреве кораблей была нестерпимая, температура воздуха достигала 30 градусов. Хотя команда непрерывно поливала палубу забортной водой, духота была страшная. Выходить на палубу разрешалось на короткое время, группами не более пяти-шести человек.

При подходе к Кубе начинались учащенные облеты кораблей американской авиацией. Самолеты проносились на опасно малой высоте. Тогда выходившие на палубу солдаты даже надевали сарафаны и повязывали головы платками. Вот такой был маскарад!

Разгружали суда только ночью. Когда речь шла об обычном вооружении, его еще можно было выдать за сельскохозяйственную технику, но крупногабаритные ракеты,

самолеты пришлось вывозить из портов разгрузки также под легендой, что в данном районе проводились маневры кубинской армии. Советские офицеры и сержанты были переодеты в кубинские мундиры и знали по-испански только две ключевые команды: «Аделанте» («Вперед») и «Паре эль коче» («Стоп»).

В основном переброску войск и их размещение на Кубе удалось провести скрытно. И хваленая американская разведка, несмотря на все усилия, не смогла добыть достоверные данные о численности советской группы войск, ее вооружении, огневой мощи. В докладах ЦРУ правительству фигурировали данные сначала о 12 тыс., а затем о 16 тыс. советских солдат, расположившихся на Кубе. Ракеты были обнаружены американской воздушной разведкой только месяц спустя после того, как они были размещены на острове. О том, что наши силы береговой обороны вооружены тактическим ядер-ным оружием, США узнали лишь тридцать лет спустя, когда об этом в январе 1992 года объявили наши военные на трехстороннем семинаре в Гаване, посвященном карибскому кризису.

24 октября 1962 г. с 17.00 американцы начали морскую блокаду Кубы. К этому времени на острове уже находились 42 ракеты Р-12 и одна неполная батарея ракет Р-14, остальные оказались еще в пути и впоследствии были возвращены домой, в СССР. Однако и того ракетного соединения, которое было переброшено на Кубу, оказалось достаточно, чтобы выполнить функцию мощного средства сдерживания.

По сию пору ведутся дискуссии на тему, имел ли право командующий советской группой войск генерал армии Исса Александрович Плиев дать приказ на применение ядерного оружия или такое право Москва оставляла за собой. Свидетельства очевидцев и участников носят противоречивый характер, но можно сказать, что если бы американцы в тех условиях перешли границы разумного и рискнули совершить крупномасштабное нападение на Кубу, то не миновать было большой беды. Вряд ли удалось бы удержаться от защитного контрудара, если бы под огнем противника оказались наши части и соединения. Никто не дал бы убивать себя безнаказанно, как баранов. Американцы понимали это и, когда 27 октября советской ракетой «земля — воздух» был сбит над Кубой американский разведывательный самолет У-2, сами же постарались ослабить впечатление от этого эпизода разговорами, что у кого-то сдали нервы, что произошла ошибка, случайность и т. д. На самом деле приказ о пуске ракеты по самолету был дан заместителем командующего ПВО С. Н. Гречко, а выполнили команду ракетчики первого дивизиона 507-го зенитного полка.

Москва и Фидель Кастро были немедленно поставлены в известность о происшедшем. Мотивировка решения была проста: если дать самолету уйти, то он доставит в Вашингтон полные данные о позициях всех развернутых на Кубе ракет. Пуск ракеты был сознательным актом самозащиты. Счастье американцев, что у них не сдали нервы.

Они понимали тогда, что слишком велика ставка, чтобы рисковать жизнью миллионов людей. Моряки вспомнили случай с танкером «Винница», который вез на Кубу 9300 т технического масла и керосина. Он вошел в зону блокады как раз в день введения карантина. Вскоре к нему приблизился авианосец ВМС США, с борта которого поднялся вертолет и завис на высоте 15–20 м над палубой советского судна. В течение нескольких десятков минут он вел киносъемку, затем на смену ему появился самолет, который полчаса летал над судном на бреющем полете, ослепляя команду своими прожекторами. Судно продолжало свой путь, не обращая внимания на опасные провокации. Наконец американцы отстали, и судно благополучно дошло до берегов Кубы, вызвав восторженные комментарии прессы и горячий прием гаванцев.

В советских войсках в самые нервные дни кризиса (24–27 октября) чувствовалась понятная напряженность, но не было никаких признаков деморализации или паники. Солдаты и офицеры готовились вступить в бой рядом с кубинцами и в случае, если придется отступать, были готовы идти в горы и вести партизанскую борьбу. В городке Санта-Крус стояли моряки — ракетный полк береговой обороны во главе с майором В. С. Царевым. Личный состав полка до последнего момента ходил в гражданской одежде, но когда моряки почувствовали, что «последний парад наступает», то вместе с командованием решили принять бой, если таковой грянет, в форме военных моряков, которую каждый бережно хранил в вещевом мешке.

Когда же пришла весть о том, что руководители США и СССР достигли компромисса, то в частях и батареях раздалось громкое «ура!».

Политическое решение карибского кризиса, кроме всего прочего, означало, что Соединенные Штаты впервые в своей практике ведения дел в Западном полушарии были вынуждены под угрозой ответного удара отказаться от применения вооруженной силы.

В последующие годы были открыты многие ранее неизвестные данные о содержании и характере карибского кризиса, и серьезные исследователи и политические деятели однозначно подчеркивали взвешенность и оправданность

поведения тогдашних политических руководителей СССР и США. Позднейшие попытки некоторых публицистов представить весь карибский кризис как авантюру Хрущева, к тому же закончившуюся поражением СССР, можно воспринимать только как нехитрый прием во внутриполитической борьбе.

Потом за долгую жизнь в разведке я убедился, что американцы ставят свою безопасность несравненно выше, чем безопасность любого другого государства, собственные интересы для США приоритетнее, чем чьи-либо, жизнь американца не идет в сравнение с жизнью других землян. Эта политика может быть завалена ворохом словесного тряпья вроде общечеловеческих ценностей, права, справедливости, но, едва прикрытые, сквозь него будут явственно проглядывать пучки острых стрел, зажатых в когтях орла на гербе США.

Мои первые контакты с американцами относятся именно к тем тревожным дням. Как правило, это были молодые интеллигентные люди, которые сохраняли иммунитет от наркотического воздействия средств массовой информации. Общаясь с ними, я говорил, что являюсь советским дипломатом, что искренне хочу понять движущие мотивы американской внешней политики, чтобы лучше строить нашу. Мы подолгу обсуждали болезни нашей цивилизации, не рвущуюся, к сожалению, цепь катаклизмов в мире. Размышляли и о смысле жизни человека на Земле. Я не мог да и не хотел уходить от вопросов о социализме.

Мои новые друзья, в целом все-таки относившиеся с настороженностью ко всему социалистическому, терялись, когда я им говорил, что человеческая мечта о равенстве родилась многие тысячелетия назад. В те годы правые силы пустили в оборот лозунг «Христианству — да, коммунизму — нет». Эти слова можно было увидеть на задних стеклах автомашин, на спинках садовых скамеек, на дверях домов — везде. А я показывал им Новый завет, священную книгу христиан, открывал «Деяния святых апостолов» (гл. 4, 32, 34) и читал про первые христианские общины, созданные Петром и Иоанном: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее… Не бьшо между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного…» Авторитет Библии обезоруживал даже враждебно настроенных оппонентов. Дискуссии длились долго, но чаще всего участники удивлялись, каким же образом социалистическое общество, уходящее корнями в раннее, а следовательно, подлинное христианство, умудрилось заработать

себе репутацию безбожного и антихристова, в то время как власть имущие собственники, которым, по Библии, в рай-то попасть труднее, чем верблюду пролезть в игольное ушко, взяли на вооружение христианство и манипулируют им в свое удовольствие.

Одна маленькая победа позволяет разведчику сделать новый шаг, чтобы открыть путь к сердцу будущего помощника. Надо только выбрать такую тему для разговора, которая помогла бы раскрыть взгляды, душевный настрой собеседника. Необходимо, готовясь к разговору, не оказаться менее сведущим в обсуждаемых вопросах, чем собеседник; разведчик всегда должен иметь твердое, взвешенное, хорошо аргументированное мнение. В беседу обязательно должны входить и какие-то сведения, представляющие интерес для собеседника. Совсем хорошо, когда разговор льется легко, бывает пересыпан веселыми шутками. Вот так и начинается длительный период общения с кандидатом в будущие помощники. Он называется на профессиональном языке разведок всех стран «разработка». Нет нигде писаных инструкций, сколько времени должна длиться разработка. Все зависит от искусства разведчика, как скоро он сумеет тщательно изучить своего друга и подготовить его к финальному разговору, когда будет поставлен вопрос о негласном сотрудничестве. Надо помнить, что за разведчиком в чужой стране не стоит никакая сила. Он может опираться лишь на авторитет своего государства, своей идеологии, на свои личные знания, логику, волю и язык. И все это воплощено в самом разведчике.

Часто спрашивают, что движет действиями разведчиков и их помощников — деньги или убеждения. Конечно, главным образом убеждения, а что касается разведчиков, то, безусловно, только убеждения. Нужна обязательно острая патриотическая или идейно-классовая ориентированность, чтобы работа разведчика была одухотворена и возвышенна. То же самое с помощниками. Лучшие люди, с которыми мне посчастливилось многие годы работать за рубежом, секретно сотрудничать в интересах моего Отечества и всех «униженных и оскорбленных», были людьми, сердце которых билось в унисон с моим. Спасибо им за это! Вечное спасибо!

За деньги работали некоторые наши «источники». Даже очень неплохо работали. Но следует помнить: за деньги можно купить шлюху, даже очень красивую шлюху, которая весьма профессионально будет делать свое дело, а любовь за деньги не купишь!

Разведчик — это государственное достояние. Это человек, который в одиночку, без контроля, без понуканий, но и без

помощи пославшего его государства решает поставленные задачи. Он должен быть верен, надежен, смел, толков. Ошибаются те, кто думает, будто разведчики за рубежом получают какую-то особую высокую плату. Ничего подобного! Они получают только одну зарплату, которая соответствует их должности по прикрытию. Если я работал третьим секретарем, то ни одного цента сверх оклада, положенного по штату такому секретарю, я не получал. И если так называемый «чистый» коллега, то есть сотрудник МИД, весь день не покидал кабинета и уходил домой по окончании рабочего дня, то для разведчика не существовало временных границ «от» и «до». Чаще всего вечерами проводятся всевозможные приемы, презентации, публичные лекции, собрания землячеств, пресс-конференции и т. д. Именно туда и стремится разведчик, чтобы найти новых интересных знакомых, завязать контакты, собрать информацию у знающих людей. Если день прошел впустую, то не идет сон к активному разведчику. Долго он будет ворочаться с боку на бок, сожалея о потерянном дне — дне, которых вообще не так-то много в быстротекущей командировке.

Американцев в Мексике всегда было много. Посольство США в Мехико — одно из самых крупных по численности персонала, да и по иерархии загранпредставительств оно стоит достаточно высоко. Много американской молодежи учится в Мексике. Это и дешевле, и приятнее, да и уровень преподавания зачастую не ниже, чем у себя дома. Многочислен журналистский корпус американских средств массовой информации. В стране много представительств американских фирм. Даже немало пенсионеров из США стремятся поселиться в Мексике: здесь на свою пенсию им живется намного лучше, чем на родине. Я знал места, где кучно проживали ветераны ФБР, вышедшие в отставку. Так что поле для поисков и дальнейшей работы было немалое. Месяцы летели за месяцами. Одни заботы сменяли другие. Работа разведчика лучше всего выражена в словах поэта: «В грамм добыча — в год труды». Мы даже исходили одно время из простой десятеричной системы: из каждых 100 первичных контактов, может быть, начнется 10 разработок, а из этого десятка может получиться одна хорошая вербовка. Приобретение даже одного стоящего помощника с лихвой окупает все понесенные затраты, иной раз оправдывает всю командировку.

Когда завершается этот цикл работы, душа разведчика поет, он, как персонаж шагаловских картин, парит над обыденностью чиновничьих посольских буден. Жаль только, что поделиться этим состоянием ни с кем нельзя. Узнает об этом только резидент. Ни жена, ни дети никогда не догадаются, почему от их

мужа и отца несколько дней исходила необычная аура.

Сейчас можно спокойно говорить о профессиональной работе разведчика. Противник слишком много знает о ней от предателей. Сколько их было всего, мне неведомо, но за свою жизнь в разведке я смог бы припомнить имена примерно дюжины таких выродков. Часть их них окончила свою жизнь, как сын Тараса Бульбы Андрий, променявший Родину на польскую панночку. Некоторые смогли бежать, вроде Горди-евского, за границу и теперь натужно тщатся изобразить из себя политических противников советского строя, хотя совсем по иным причинам попали в силки иностранных разведок и контрразведок за рубежом. Эти нелюди учились в тех же стенах, что и мы, работали бок о бок с нами, знали примерно столько же о методах и приемах работы разведки — все это они и устно, и письменно сообщили нашим противникам, которые ни на словах, ни тем более на деле не собираются быть друзьями России.

Будни разведчика заполнены работой с действующей агентурой, с теми, кто был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой предыдущими сменами наших коллег, с агентами, приехавшими из других стран и т. д.

Проще всего, если обстановка в стране позволяет встречаться лично с агентом где-нибудь в кафе, в ресторане. Там можно не торопясь обсудить все накопившиеся вопросы, принять устную, а иногда и письменную информацию, передать деньги на оперативные расходы, оговорить условия встреч на будущее. Ну а если местная контрразведка активна и хорошо вооружена технически, то надо быть предельно внимательным. При работе с американцами приходилось почти сразу отказываться от таких комфортных условий связи, переходить к использованию тайников или системы моментальных передач.

Только глубоким профанам кажется, что американские спецслужбы не держат под своим контролем собственных граждан. Представители ФБР вербовали агентуру в среде американцев, заставляли всех своих чиновников в обязательном порядке докладывать о каждом контакте с советскими гражданами, проводили регулярные собеседования. Частые и продолжительные встречи с американцами опасны.

Куда надежнее было обучить помощника работать через тайники, исключавшие личные контакты, а следовательно, сводившие риск к минимуму. А еще лучше снабдить помощника специальными листами писчей бумаги, которые пропитаны особым составом и могут использоваться как копирка для нанесения невидимого текста. Эти простейшие формы безличной связи весьма надежны в практической работе, хотя есть и много

других, о которых говорить пока рано.

Работа по американской линии в Мексике всегда была активной и живой. К нам нередко заходили по собственной инициативе доброжелатели из граждан США с предложениями о секретном сотрудничестве. За несколько месяцев до моего приезда в страну в наше посольство явились два американца — оба сотрудники сверхсекретной организации, известной как Агентство национальной безопасности. Это агентство занимается разработкой шифров и дешифровальной работой. Десятки тысяч людей с подлинно американским размахом и деловитостью систематически препарируют коды и шифры всех государств мира. Как обычно, приоритетное место в этой работе в то время занимали социалистические страны. Оба визитера выразили решительное желание уехать в СССР по политическим и морально-этическим соображениям. Беседы, проведенные с ними, убедили резидентуру в том, что они действуют искренне и обдуманно. Друзья были скрытно вывезены в Советский Союз, сообщили здесь очень ценную информацию о работе АНБ и долгие годы вместе с советскими специалистами работали по схожей проблематике. Разумеется, такие «пропажи» секретоносителей поднимали на ноги всю систему спецслужб США. Рано или поздно они нащупывали канал, по которому уходили их секреты.

С начала 60-х годов американские спецслужбы стали активно забрасывать в наше посольство лжедоброжелателей — провокаторов. С одной стороны, они хотели загрузить нас ненужной и бесполезной работой, а с другой — рассчитывали скомпрометировать настоящих друзей, посеять недоверие ко всем.

Надо признать, что иногда американцы добивались своего. По сей день остро переживаю трагедию одного из военнослужащих американской ракетной базы на юге США, который пришел с предложением о сотрудничестве. Либо у нашего коллеги не хватило чуткости, либо его собеседник не смог убедить нас в своей честности, но было принято решение отклонить предложение и распрощаться. Каково же было наше сожаление, когда несколько дней спустя этот военнослужащий был арестован американцами в Панаме как дезертир и приговорен к 20 годам тюрьмы.

В подавляющем большинстве случаев нам удавалось если не сразу, то через короткое время отделить зерна от плевел, желающих искренне сотрудничать с советской разведкой от подсадных уток. Мы даже выработали своего рода технологическую памятку-инструкцию для работы с подобного

рода людьми. В самых сложных случаях, когда наши человеческие возможности не позволяли вынести окончательное суждение, кто перед нами — союзник или провокатор, мы прибегали к детектору лжи. Вернее, не к самому детектору, а заявляли о возможности его применения. Одного упоминания этого аппарата оказывалось достаточно, чтобы провокаторы немедленно вспыхивали огнем возмущения, гнева и отказывались от всяких дальнейших контактов. Американская пропаганда до такой степени убедила своих граждан во всемогуществе этого технического приспособления, что они не в состоянии противостоять ему. Те, кто не лгал, спокойно соглашались на любую проверку.

Среди многочисленных посетителей посольства из числа американцев были и люди, ставшие потом широко известными. Однажды в воскресный день осенью 1963 года, за несколько недель до покушения на Джона Кеннеди, я с коллегами играл в волейбол на спортплощадке посольства. Вдруг появился несколько возбужденный дежурный комендант и стал просить меня принять посетителя-американца и поговорить с ним. Чертыхнувшись в душе, я побежал, как был в спортивной форме, надеясь, что отделаюсь просьбой прийти в рабочий день. Войдя в комнату для приема иностранцев, я увидел молодого человека с необычайно бледным лицом. На столе перед ним лежал револьвер. Барабан был набит патронами. Я сел рядом и спросил, чем могу быть полезен. Молодой человек сказал, что его зовут Ли Освальд, что он американец, проживший несколько лет в СССР, что сейчас он находится под постоянной слежкой и хотел бы немедленно вернуться в СССР, где раньше жил и работал в Минске, и избавиться от постоянного страха за свою жизнь и судьбу семьи.

Вопрос о возвращении гражданства был крайне сложен. Надо писать мотивированное прошение в Президиум Верховного Совета СССР, долго и без большой надежды ждать, а если и придет положительное решение, то бюрократические хлопоты займут уйму времени. Я каким только мог мягким, успокаивающим тоном сообщил все это необычному визитеру. Он стал было писать прошение, но руки у него сильно дрожали. Вдруг отложил перо и твердо заявил: *«Я* их сегодня всех перестреляю. В гостинице за мной следят все: кастелянша, уборщица, привратник…» Глаза его лихорадочно заблестели, голос стал сбивчивым. На него явно накатили какие-то неведомые мне образы и сцены. Было ясно, что за столом сидел человек с перевозбужденной нервной системой, находившийся на грани срыва. Говорить с человеком в таком состоянии не имело

никакого смысла. Пришлось лишь максимально успокоить Ли Освальда, постараться убедить его не делать ничего, что могло бы помешать положительному решению его вопроса о восстановлении в гражданстве СССР и выпроводить из посольства. Обо всем происшедшем я поставил в известность консульский отдел посольства.

Когда некоторое время спустя я узнал о том, что именно Ли Харви Освальд обвиняется в совершении покушения на президента США Джона Кеннеди, увидел на экране телевизора момент его убийства в тюрьме Далласа, закамуфлированного под случайное покушение, мне стало ясно, что он был очевидным козлом отпущения. Никогда человек с такой раздерганной нервной системой, пальцы рук которого не могли твердо держать перо, не смог бы столь расчетливо, хладнокровно, с большого расстояния точно произвести фатальные выстрелы. Я говорю об этом твердо и убежденно, потому что в молодости, будучи студентом МГИМО, я увлекался стрелковым спортом, устойчиво выполнял нормативы мастера спорта и даже входил в состав сборной команды Москвы. Мне много приходилось стрелять из боевой винтовки на соревнованиях, и я знаю, что залог успеха лежит прежде всего в натренированной, закаленной нервной системе. Да и в беседе со мной Освальд, помнится, ни разу не отозвался плохо о президенте или правительстве США. Все его страхи были связаны с кем-то из ближайшего местного окружения, хотя точно объяснить, кто и за что его преследует, он не мог. Жаль таких людей, затравленных жизнью и ставших жертвами большой политической игры.

Занимаясь изучением американской колонии, находя себе помощников, мы ни на минуту не забывали, что и сами являемся объектом пристального внимания со стороны американских спецслужб. Наверное, так же как и в подавляющем большинстве других стран, американцы с помощью своей местной агентуры арендовали в ближайшем к входу в советское посольство здании этаж или хотя бы квартиру. Окна этого помещения оставались постоянно задрапированными, независимо от погоды. Занавески скрывали аппаратуру наблюдения и тайного фотографирования. Снимки каждого входящего и выходящего из посольства использовались для установления личности и пополнения оперативных данных. Средств у них на эту кропотливую работу всегда хватало, а в методичности, долготерпении и настойчивости им не откажешь. Американцы изучали наш образ жизни, привычки, черты характера, приобретая для этого своих информаторов среди привратников домов, где мы жили, владельцев лавочек, где мы покупали товары, врачей, к которым

приходилось обращаться, и т. д. Очень многие квартиры были снабжены системами подслушивания, а у многих наших сограждан проявляется неудержимый зуд посудачить о сослуживцах, о справедливости начальства, о семейных неурядицах. Таким путем американцы ведут встречную разработку, и когда они полагают, что можно переходить в решительное наступление, то следует очередное ЧП — вербовочное предложение со стороны спецслужб США.

Один из наших товарищей был страстным рыболовом. Когда мог, он проводил свой досуг со спиннингом или удочкой на водохранилище. Больших компаний не любил. И вот в доме, где он снимал квартиру, поселился американец, который сказался заядлым удильщиком. У него, конечно, были хорошая лодка, отменные снасти. Несколько месяцев соседи обменивались вестями о своих рыбацких успехах, обстановке на окрестных озерах, информацией о новых снастях, появившихся в продаже. Но однажды американец предложил собраться на совместную рыбалку на пару дней за несколько сотен километров от столицы. Это вызвало подозрения. Приглашение было обсуждено на совещании в резидентуре. Остановились на том, чтобы дать согласие на совместную рыбалку, подготовиться к тому, что американцы могут создать вербовочную ситуацию, и изучить их методику действий.

Так и получилось. На месте рыбалки компания собралась большая, приехали еще три-четыре каких-то незнакомых американца. После вечерней зорьки за ужином пошел прямой лобовой разговор. Начал его один из этих незнакомцев. Он сказал, что американцам хорошо известна подлинная принадлежность нашего товарища к разведке, привел некоторые факты в подкрепление своих слов, изрядно польстил, похвалив способности и опыт коллеги. А потом без обиняков спросил, во сколько тот оценивает свои услуги. При этом он протянул чистый чек, предложив нашему товарищу самому заполнить его, указав необходимую сумму. По предварительно согласованному плану, на рожон лезть не следовало. Цену за «свою душу» наш товарищ поставил весьма высокую, но всем своим поведением давал понять, что дело это весьма серьезное и надо тщательно взвесить все обстоятельства. Полагая, что им удалось добиться главного, американцы стали в более мягкой, спокойной форме рассуждать о перспективах сотрудничества, намечать задачи, расписывать выгоды сотрудничества с ними. Наутро, хотя и клев выдался отменный, рыбалка никого не занимала. Вернувшись в посольство, наш товарищ представил полный обстоятельный доклад о происшедшем. Естественно, был извещен и центр. С

общего согласия было решено дать понять офицеру безопасности посольства США, что наш товарищ обо всем рассказал послу и американцам не стоит рассчитывать на успех. После такого охлаждающего душа американцы надолго оставили коллегу в покое, а его незадачливый сосед-рыболов быстренько сменил квартиру.

Бывали ситуации и более грозные. Наш разведчик изучал группу американских студентов, среди которых, по-видимому, оказался агент спецслужб. Пользуясь тем, что наш сотрудник был молод, находился в первой командировке, американцы решили сломить его мощным психологическим давлением. Обманным путем они заманили его в одиноко стоявший домик, расположенный в лесном массиве в пригороде столицы. Там его опять-таки встретила группа американцев — уж очень они любят выступать в численном большинстве. Двое загородили входную дверь, а один предложил «серьезно поговорить». Наш парень был неопытен, но здоров физически. Он оттолкнул от двери караульщиков и выскочил к своей машине, стоявшей во дворе. Но капот машины был задран, над мотором притворно наклонился еще один дюжий детина, вертевший к тому же в руках финский нож. Он только что перерезал провода электропитания.

Наш работник, помня, что до магистрального шоссе было не более полутора километров, бросился туда. Тем временем в домике царило явное замешательство. Сильное нервное возбуждение — отличный стимул для скорости бега. Наш парень успел выскочить на шоссе, добраться до ближайшего поста дорожной полиции и предупредить о возможной погоне за ним. И в самом деле вскоре появился знакомый «ягуар» красного цвета, которым пользовались организаторы провалившейся засады. Последовали крики полицейских «Стой! Стой!», даже кинематографическая стрельба, но «ягуар» на скорости затерялся в городском потоке машин. Обе стороны отделались изрядным испугом.

Вот так и текли наши рабочие будни, но один раз в месяц, когда приходила дипломатическая почта, мы с удовлетворением упаковывали полученную информацию документального характера в дополнение к той, которая уже ушла в центр по шифрканалу. Нет, не даром ели хлеб разведчики нашего поколения!

Весной 1963 года Москва еще раз отвлекла меня на переводческую работу. Я несколько мистически был вызван из командировки. Резидент получил телеграмму, предписывавшую Леонову быть в Москве на следующий день. Недоумение было всеобщим, за мной не числилось ничего, что каралось бы

внезапным откомандированием. На запрос, нельзя ли дать денек на сборы, последовал окрик: «Прибыть с первым самолетом!» Так и летел, не зная, что меня ждет дома. Только в аэропорту узнал от товарищей, что на днях в СССР прибывает с первым визитом Фидель Кастро и решено использовать меня в качестве переводчика.

Сам визит был непривычно протяженным во времени — с 23 апреля по 6 июня. За это время Фидель посетил Мурманск, Волгоград, Ташкент, Самарканд, Иркутск, Братск, Свердловск, Ленинград, Киев, Тбилиси, побывал на ряде военных баз флота, ракетных войск и т. д. Ни до, ни после никому в СССР не устраивали таких приемов. Прямых деловых разговоров велось немного, главное место занимали осмотры промышленных и сельскохозяйственных предприятий, митинги, встречи, беседы, банкеты. Пожалуй, Фидель Кастро хотел познакомиться поближе со страной и ее народом, а Никита Хрущев очень хотел стереть те неприятные воспоминания, которые оставались в душе у кубинцев после карибского кризиса. От этого визита, протекавшего в очень эмоциональной, праздничной обстановке, осталось в памяти несколько эпизодов. Известно, что эпидемия секретности была постоянным фоном нашей жизни. Для встречи Фиделя, прилетавшего на военный аэродром в Оленьегорске на Кольском полуострове, в полной тайне вылетела группа во главе с А. И. Микояном. Но в Мурманске уже все шушукались «по секрету» о прилете Фиделя. В городе никогда в эту пору не красили заборы, а тут десятки маляров без устали наводили марафет. Снег еще лежал сугробами, и красили до кромки снега. Работа уже велась несколько дней, и в ряде мест снег успел подтаять, обнажив незакрашенные полосы, что придавало всей «живописи» загадочный сюрреалистический оттенок. Повсюду развешивали флаги, хотя до майских праздников оставалось много времени. К тому же флаги были не официально государственные, а просто красные и синие полотнища. Оркестр пожарников Мурманска в «секретном» порядке разучивал гимн Кубы. Все знали, что в те годы через Мурманск проходила одна-единственная международная авиалиния Гавана — Москва, по которой без необходимости промежуточной дозаправки и остановки летали ТУ-114. Да и сам неожиданный приезд А. И. Микояна, о котором уже сложилось мнение как об «уполномоченном политбюро по кубинским делам», был достаточно красноречив. Появление на вокзале специального правительственного поезда довершило картину. Всем было все ясно, но каждый старался ревностно изображать хранителя секрета. Такие игры в секретность в те годы были распространены

очень широко. Власть была довольна тем, что «приняла все меры», но эти «меры» претворялись в жизнь столь нелепо, что все выходило с точностью до наоборот.

Фидель Кастро задержался на несколько дней на Севере. Его главной задачей, как мне кажется, было воочию убедиться в наличии у Советского Союза адекватных средств ответа на ядерную угрозу со стороны США. Этим и диктовалась поездка в Североморск — главную военно-морскую базу Северного флота. К тому времени у Советского Союза не было никаких договорных обязательств союзнического характера в отношении Кубы, но Никита Хрущев в ряде своих публичных выступлений твердо заявил о том, что СССР в состоянии защитить кубинскую революцию. Общее настроение самых широких слоев народа было безусловно в пользу революционной Кубы. Складывалось впечатление, что СССР де-факто обеспечивал «ядерный зонтик» над Кубой. Не удивительно, что Фидель хотел посмотреть на этот «зонтик».

Был организован осмотр ракетного крейсера, стоявшего у причальной стенки, затем все спустились в подводную лодку «Ленинский комсомол». По просьбе Фиделя командир лодки даже приказал раскрыть люки и поднять в стартовое положение одну из ракет. Зрелище было впечатляющим, если к тому же добавить, что несколько других подводных лодок выстроились на рейде в парадном ордере.

Потом, в ходе визита, Фидель посетит также базу наземных ракет стратегического назначения и окончательно убедится: слова Хрущева о том, что «у нас есть чем защитить себя и своих союзников», не являются блефом.

Первомайскую демонстрацию на Красной площади мне в первый и последний раз в жизни удалось посмотреть с трибуны Мавзолея, где я устроился, как положено переводчикам, за спинами главных руководителей и, поскольку разговоров было мало, имел возможность спокойно оглядеться и послушать. Меня всегда удивляло, почему наши военные — маршалы и генералы — по-хозяйски обжили половину трибуны. По занимаемому месту и по численности они не уступали партийной верхушке, которая теснилась по другую сторону от центральных микрофонов. Кто и когда установил такой порядок?

Даже в царской России военные не составляли такой весомой доли в свите императора. Добро бы шла речь о нескольких заслуженных военачальниках Великой Отечественной войны, а то ведь на трибуну поднимались никому не известные своими военными подвигами люди в мундирах только потому, что они занимали определенное положение в военной иерархии.

Очевидно, политическое руководство чувствовало свою зависимость от армии, тяготилось этой зависимостью, но поделать ничего не могло. Для обеспечения преданности армии кнут и пряник по отношению к ней применялись в крайне экстремальном выражении. Репрессии предвоенных лет губительнее всего прошлись по командным кадрам армии, но зато и оказанные милости превосходили разумные нормы. СССР за годы своего существования наплодил больше маршалов, чем все страны мира за всю свою историю. Появились нелепые воинские звания вроде «главный маршал»; маршалы родов войск, генералы армии потребовали приравнивания к маршалам и добились своего, стали носить соответствующие знаки отличия. Высшее военное руководство активно участвовало в политических интригах. Да и сами генеральные секретари партии часто присваивали себе высшие воинские звания, чтобы скрепить пакт военно-бюрократических сил.

С Мавзолея Красная площадь видится несколько иначе, чем снизу. Очень четко просматриваются, например, сплошные шеренги сотрудников государственной безопасности, разделяющие площадь на коридоры. Демонстрация уже не представляется сплошной ликующей массой народа, она разрезана на аккуратные ленты, движущиеся по своим каналам. Кстати, эти шпалеры чекистов стоят спинами к Мавзолею, что и неприлично, и неприятно для глаза. Охрана должна быть эффективной, но незаметной.

В какой-то момент я заметил, как к Хрущеву подошел уже впадавший в старческий маразм К. Ворошилов и громко зашептал: «Никита Сергеевич! Дай команду чекистам, чтобы они побыстрее проталкивали колонны, а то они тянутся еле-еле. Так мы отсюда до обеда не выберемся!» Хрущева прямо взорвало. «Иди, Клим, — зло зашипел он, — знаешь куда… Ты ведь с тех пор, как стали парады да демонстрации проводиться, все время глядишь на них с трибуны. А мне в старое время приходилось вставать часов в шесть утра, идти куда-нибудь к Марьиной роще на сборный пункт, а потом часами двигаться к Красной площади. Бывало, дойдешь до цели и сердце замрет — до того хотелось постоять подольше и поглядеть на Сталина. А чекисты уже тогда нас «подбадривали»: «Давай, мол, проходи поживее». «Возьми, вон, стул, сядь и помалкивай!» — резко закончил Хрущев.

Я обратил внимание: действительно, вдоль всей трибуны стояли специальные стулья на высоких ножках. На них можно было сидеть, но это оставалось бы полностью незаметным для демонстрантов на площади.

Пришел конец праздничному шествию, и все руководство

внешне нестройной стайкой, в которой на самом деле каждое место было строго определено, двинулось в Кремль во внутренние покои. Хрущев, Брежнев, Суслов, Громыко, Фидель сели вокруг столика и стали обмениваться впечатлениями. Все были довольны, празднично возбуждены. И вдруг — слово за слово — в разговор вползла тема злополучного карибского кризиса. Забывший осторожность Никита Хрущев неуклюже зацепил ее, как баржа минреп. Фидель помрачнел и категорически сказал, что советское правительство не все сделало в дни кризиса так, как надо, и стал вновь говорить о недопустимости действий в таких вопросах без консультаций с Кубой. Все кругом напряглись, разговор по сторонам смолк.

Хрущев, ударив себя по коленке, стал оправдываться. Фидель не оставлял ни одного слова без ответа. Оба были удовлетворены, что кризис уже прошел, но каждая сторона оставалась при своем мнении относительно поведения другой. Никита Сергеевич вспомнил некоторые острые высказывания в адрес СССР, которые в дни кризиса вырвались у Фиделя, а тот, в свою очередь, сказал, что этого требовали честь и достоинство государства. Я с трудом поспевал за бешеным темпом разговора, который к тому же становился временами излишне резким. У меня в горле пересохло. Я почти инстинктивно потянулся к бокалу то ли вина, то ли воды, стоявшему на столе, но сделал это неуклюже, свалив бокал, затем упала бутылка, из горлышка которой захлестала струя коньяка на брюки сидевшего рядом Суслова. Подскочил официант, звякнуло разбитое стекло. «Ну, все, — подумал я, — кончилась моя импровизированная карьера переводчика, а может, и не только переводчика». На какой-то момент возник легкий переполох. И вдруг я услышал веселый смех Никиты Хрущева: «У нас, Фидель, посуда бьется только к счастью!» У всех отлегло от сердца. Посыпались шутки, остроты, как лучше смыть коньячное пятно на самом видном месте праздничных брюк Суслова. Мне было совестно за свою неловкость, я не знал, куда деваться от смущения, но радовался, что грозивший разгореться пожар оказался залитым фужером фруктовой воды. Я был немало удивлен, когда через несколько дней Хрущев шепнул мне: «А ты молодец, тогда догадался разбить бокал!»

К концу визита Хрущев пригласил Фиделя на несколько дней в свою любимую Пицунду. Здесь шли переговоры о поставках оружия на Кубу. Никита Сергеевич был в очень хорошем настроении. Каждый раз, когда военные согласовывали очередную переговорную позицию, он говорил: «Добавьте от меня лично еще один танк», если речь шла о поставках танков, или «Прибавьте еще одно орудие в знак личного уважения к Фиделю».

Когда в Москве в Министерстве обороны получали окончательно согласованные цифры, специалисты долго ломали голову, какая же организация войск предусматривается при таких странных количествах выделяемой техники.

Когда кончались переговорные вопросы, Хрущев начинал рассказывать о наших внутренних делах. Однажды он начал вспоминать свою инициативу о делении обкомов партии на городские и сельские. Вот что сохранилось у меня на этот счет в записных книжках. «Сидя на краю бассейна с морской водой, Никита заговорил: «Не знаю, чем объяснить, но мне часто, когда я плаваю здесь, в голову приходят новые мысли. Не так давно пришла идея поделить обкомы, потому что никто не желает в этой стране заниматься сельским хозяйством. Оформил я эти мысли на бумаге и, чтобы дать возможность товарищам по политбюро спокойно взвесить разумность предложения, разослал им записку «вкруговую». Пусть подумают! Через неделю все экземпляры вернулись без единого изменения, даже редакционного. Все одобрили. А теперь вот вижу, что мы поторопились.

Вообще в России настолько велика инерция, что побороть ее почти невозможно. Вот ты думаешь небось, что я, первый секретарь, могу что-нибудь изменить в этом государстве. Черта с два! Какие бы я реформы ни предлагал и ни проводил, в основе своей все остается по-прежнему. Россия — как кадушка с квашней: сунешь в нее руку до самого дна — и вроде ты хозяин положения, а вынешь — и останется едва заметная ямка, да и та на глазах затянется и останется ноздреватая пыхтящая масса!»

Однажды Хрущев вспомнил почему-то Лаврентия Берию. Он тут же спросил Фиделя, доверяет ли он своим политическим соратникам. Получив утвердительный ответ, назидательно протянул: «Ну и напрасно…» И стал рассказывать, что вот, мол, у нас столько лет спустя после революции нет-нет да и появляются политические предатели. По его словам выходило, что таким предателем был, в частности, Л. Берия, который, дескать, задумал ликвидировать сразу все политбюро. Для этого Берия распорядился по своей личной инициативе построить несколько государственных дач в районе Сухуми для отдыха членов политбюро. Пришлось выселить из отведенного района местное население, занять его сады, огороды. Ясно, что такие действия не могут вызвать симпатий по отношению к Москве. В Абхазии ширилось недовольство «русскими оккупантами». Берия, по словам Хрущева, предполагал пригласить всю верхушку на открытие этого дачного городка и там арестовать их, обвинить в отходе от сталинских идей и т. д.

И Хрущев решил действовать. Первый, кому он сказал о своем плане устранения Берии, был Г. М. Маленков. Тот, выслушав предложение, со слезами на глазах обнял Хрущева: «Спасибо тебе, Никита Сергеевич, за твою инициативу, за смелость. Иначе Берия всех нас перестреляет!» Затем Маленков начал обрабатывать В. М. Молотова, а Хрущев взял на себя К. Е. Ворошилова. И так далее. Когда все было подготовлено, всем членам политбюро было выдано личное оружие на случай вооруженного сопротивления Берии, в соседней комнате ждали условного сигнала маршал Конев и генералы Москаленко и Гречко. Началось, казалось бы, рутинное заседание президиума Совета Министров. Сразу же по предложению Маленкова оно было превращено в чрезвычайное заседание политбюро с обсуждением вопроса о поступивших данных о предательской роли Берии в годы гражданской войны на Кавказе. В этот момент побледневший Берия рванулся было к своему портфелю, лежавшему за спиной на подоконнике, но Хрущев сильно схватил его за руку и прошептал: «Сиди, Лаврентий, сиди спокойно». Тот обмяк и затих. Вызванные звонком генералы без труда арестовали его, отвезли в бронетранспортере в штаб Московского военного округа на улице Осипенко и разместили его в бункере, служившем в годы войны бомбоубежищем. Охрану несли офицеры в звании не ниже полковника. Потом он был перевезен во Владимирскую тюрьму, там его судили и расстреляли. По словам Хрущева, когда Берия увидел команду, готовую к исполнению приговора, он полностью потерял присутствие духа и умер, обвалявшись в собственном дерьме.

Переводя такие откровения Хрущева, я невольно думал: «Какой же поганой жизнью вы живете, господа руководители!» Смотреть на них вблизи было и горько, и смешно, настолько не вязался их реальный облик с внешним парадновыходным образом, создаваемым на потребу публике. Я был свидетелем маленького трагикомического происшествия, случившегося там же, в Пицунде. На даче почти постоянно находился тогдашний первый секретарь ЦК компартии Грузии Мжаванадзе. К столу переговоров, стоявшему на веранде, его никто не звал, а сам он из деликатности сидел обычно в смежной комнате, отделенной от веранды стенами с широкой дверью, выполненной из толстого литого стекла хорошего качества. Там он читал газеты, журналы, просматривал какие-то свои бумаги, но всегда был готов прийти по первому зову шефа.

Шли дни, а его все не звали, и он присутствовал только на обедах, на которых произносил остроумные витиеватые тосты и рассказывал о грузинских блюдах. Но однажды Хрущев громко

позвал его с веранды: «Мжаванадзе, иди-ка сюда!» Тот вскочил с кресла и, повинуясь инстинкту, рванулся на зов хозяина. И вдруг с ходу треснулся лбом о массивное стекло двери, ведшей на веранду. Удар был настолько сильным, что Мжаванадзе рухнул, будто сраженный автоматной очередью, и вытянулся на полу, уставившись пухлым животом в голубое небо родной Грузии. Каждый реагировал по-своему: Фидель бросился на помощь, Никита послал своего охранника наверх за медсестрой. А я… не мог удержаться от смеха. Столь беспощадное наказание лакейской проворности, мгновенный переход от шустрости к величественному покою напомнили сцены из немых фильмов начала века. Заметив неодобрительный взгляд Хрущева, я быстренько ретировался в привычную компанию обслуживающего персонала и охранников, которые всегда приглашали меня обедать в свою столовую. С ними можно было смеяться вволю, а еда и питье были не хуже, чем на господском столе.

Я уже привык к тому, что ложь и неправда всегда в большом ходу в правительственных эмпиреях. Это только нас бабушки пугали тем, что за каждое лживое слово черти на том свете будут заставлять лизать языком раскаленную сковороду. Здесь кривда была обычным делом. Поэтому, когда всем было сказано, что делегация поедет в Ереван, а на самом деле мы в самолете направились в Мурманск, где уже ждал заправленный ТУ-114, готовый стартовать в Гавану, я ничему не удивился.

Вскоре я вновь вернулся в Мексику к своим обычным делам разведчика, откуда меня выхватили описанные события. Но мыслью я часто возвращался к Никите Хрущеву, которого мне почти полтора месяца пришлось видеть и слышать вблизи, наблюдать в семье, на даче, в кругу своих коллег. Я и тогда чувствовал большую симпатию к этому человеку, а сейчас уверен, что в его лице Россия, тогда СССР, потеряла последнего сколько-нибудь самобытного политического руководителя. (Андропов не в счет: слишком короток оказался его срок, да и он был съеден болезнью.) Когда осенью 1964 года пришли известия о том, что Никита Хрущев ушел в отставку по собственной просьбе, я не сомневался, что это очередная ложь: не таков был характер и тип этого неугомонного человека. Пользуясь нашей наивностью и невежеством, нас убеждали в том, что он велел повсюду сеять кукурузу, даже на Новой Земле, что он стучал ботинком по кафедре в ООН, глуше говорилось о том, что он по-волюнтаристски относится к кадрам, и все. Напрочь забыли и старались не вспоминать, что он пытался демократизировать партию, ограничив срок пребывания в выборной должности тремя выборными периодами, то есть 12–15 годами. Такой срок

пребывания у власти приемлем даже для цивилизованного мира, а для России это была подлинная революция.

Мне как-то пришлось сопровождать за границей зятя Хрущева А. Аджубея, и он стал мне жаловаться за кружкой пива: «Ведь это несправедливо — обрезать политическим деятелям крылья. Мне сейчас 42 года, значит, в 54 я должен оставить большую арену (а он в то время уже был членом ЦК КПСС. — *Н. Л.)».* Первое, что поспешили убрать люди, свергшие Хрущева, были не посевы кукурузы, а именно это положение об ограничении времени пребывания у власти. Разве не Хрущев ликвидировал пресловутые «пакеты», то есть неофициальные параллельные зарплаты из кассы партии? Никто, кроме Хрущева не посмел замахнуться на персональные машины, на государственные дачи, где он предполагал разместить детские сады и ясли. Я уж не говорю о XX съезде партии — отправной точке поворота в умах.

При нем (а он был Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами и председателем Совета Обороны СССР) свершился переворот в армии, начавшей переходить на ракетное вооружение. Мы тогда вышли в космос, и было время, когда США оказались позади со своими программами.

Позоря его память, первые дома массовой застройки стали называть «хрущобами». Но по тому времени эти дома казались дворцами тем, кто вселялся в них после мытарств в коммунальных «вороньих слободках». Пошла вверх кривая рождаемости: людям хотелось жить.

Конечно, безмерная власть первого секретаря ЦК КПСС, намного превышавшая прерогативы российских императоров, развращала любого политика, а тем более такого, как Н. Хрущев, не защищенного и не отягощенного воспитанием и культурой. Он наделал немало грубых ошибок. К ним я отношу отказ от серьезных планов по восстановлению традиционных сельскохозяйственных районов страны и организацию «целинной эпопеи». Целина съела громадное количество наших ресурсов, но так и не решила зерновой проблемы, а сейчас к тому же и оказалась почти целиком за границей.

Со всех точек зрения не иначе как самодурством можно считать волюнтаристское решение о передаче под юрисдикцию Украины Крыма, чисто русской территории. Конечно, в те годы никто не мог предполагать, что пройдет время и другие самодуры начнут делить историческое наследство народов и земли, приобретенные в результате десятилетий войн с Османской империей, окажутся потерянными. Политики обязаны быть прозорливыми, должны видеть последствия своих шагов, их воздействие на будущее развитие.

Н. Хрущев из-за особенностей своего характера нанес серьезный удар по единству социалистических стран. При всех неизбежностях неровного развития советско-китайских отношений не было никакой исторической предопределенности разрыва наших связей. Резкие внешнеполитические повороты привели к утрате союзнических отношений с Албанией, значительному охлаждению советско-румынских отношений. По существу, весь тогдашний социалистический лагерь разбился на два — просоветский и прокитайский, что серьезно ослабило и скомпрометировало в мире саму социалистическую идею, надломило международное коммунистическое движение, раскололо «третий мир». Никита Хрущев был последним, кто сформулировал нашу национальную цель. Пусть она звучала наивно: «Догоним Америку по производству молока и мяса!», но все последующие администрации были просто незрячими. Ослепшая партия вела, не зная куда, слепой народ. Так вместе они и дошли до гибели государства и распада общества.

Мне искренне было жаль Никиту Сергеевича — самодуристого, своевольного, любившего принять лишнюю рюмку (это почти генетические недостатки российских руководителей), которому не хватало нормальных демократических тормозов. А тогдашнему сверхсерому политбюровскому окружению оказалось проще организовать свержение Хрущева, чем поддержать и развить им же начатые демократические процессы. И они обвинили его в том, в чем поддакивали ему в течение многих лет. А публике «повесили на уши лапшу» о кукурузе.

Кеннеди убили в 1963 году, на следующий год из Кремля убрали Хрущева. В какой-то степени они оба заплатили за карибский кризис: первый — за то, что не довел борьбу против строптивого Кастро до полной победы, а второй — за то, что подверг смертельной опасности благополучное существование кремлевской олигархии своими «новациями» во внутренней и внешней политике.

Начало 1965 года выдалось бурным из-за событий в Доминиканской республике. Весной там произошло выступление патриотических сил под руководством полковника Франсиско Кааманьо, который не скрывал своих антиимпериалистических убеждений. Вооруженные отряды повстанцев взяли под свой контроль большую часть столицы страны, и можно было ожидать их победы со дня на день. Соединенные Штаты, напуганные возможностью появления в Кариб-ском море «второй Кубы», решили идти напролом. Заполучив без особых хлопот санкцию Организации американских государств на проведение вооруженной акции, США высадили в Доминиканской республике

30-тысячный корпус. В качестве фигового листка, прикрывавшего интервенционистский срам, в Санто-Доминго было привезено несколько рот солдат мелких центральноамериканских государств. Получилась «коллективная акция» ОАГ. Центр проявлял заинтересованность в информации о том, что в действительности происходило на острове Санто-Доминго, каковы были прогнозы развития событий. Никогда раньше разведка не обращала внимания на эти страны из-за отсутствия там прямых интересов СССР. Ни в Доминиканской республике, ни в соседней Гаити испокон века не было ни русских, ни советских посольств. В разведке такие районы назывались «белыми пятнами». Теперь надо было срочно искать источники информации. На такой мощной идейной основе, как совместная борьба против иностранной интервенции и восстановление независимости страны, оказалось возможным найти хороших помощников. Больше хлопот возникло с организацией надежной бесперебойной связи с Доминиканской республикой, потому что там не было ни одного представителя или представительства СССР. Но удалось решить и эту задачу через одну из малых антильских республик, лежащих к югу от Санто-Доминго.

Эта работа никогда не была обращена против тех стран, на территории которых она проводилась. Все наши шаги были запрограммированы на проникновение в секреты США или, как в данном случае, на противодействие их прямым или косвенным интервенционистским акциям.

Особняком стояла работа с представителями коммунистических и рабочих партий. Никому из разведчиков она не нравилась. В наши времена уже действовал запрет на использование коммунистов в разведывательной работе. Но в соответствии с решением ЦК КПСС разведка была обязана обеспечивать за границей конспиративный контакт с представителями компартий для выполнения поручений ЦК. Эти поручения сводились главным образом к передаче ежегодных денежных субсидий, приглашений на отдых и лечение определенного числа представителей партии, приглашений на различного рода мероприятия (съезды, конгрессы, крупные симпозиумы) с передачей средств на транспортные расходы и т. д. Иногда в ходе встреч представители компартий передавали нам открытые или запечатанные конверты с письмами, адресованными на Старую площадь. В них излагались просьбы, информация о внутреннем положении в партии, но к разведке все это не имело отношения. Сама по себе эта работа была очень опасна, потому что многие коммунисты находились под постоянным надзором своих правительств, за ними часто надолго

устанавливалось негласное наблюдение даже при передвижении в городе. Конечно, люди, выделенные руководством компартий для поддержания с нами негласного контакта, не обладали никакой специальной подготовкой, которая позволяла бы им выявлять за собой слежку. Они могли, ничего не подозревая, привести за собой «хвост» к месту встречи.

Если в своей обычной работе разведчик старается придать каждой своей встрече характер естественного, законного, вполне разрешенного действия, то встреча с представителем компартии почти не поддается легендированию. С какой стати, скажем, мне, третьему секретарю посольства, понадобилось вдруг встретиться с совершенно мне неизвестным человеком, прибывшим в Мексику из какой-нибудь латиноамериканской страны, с которой у нас нет дипломатических отношений? Да, но в этой стране есть компартия, и в Москве определили, что контакт с ней должен осуществляться именно так, по условиям явки.

Вот и приходилось под покровом темноты встречаться с абсолютно незнакомыми людьми, передавать им закамуфлированные под бытовой груз пакеты с деньгами, принимать конверты. Сам характер операций носил абсолютно уликовый характер, и мы всегда облегченно вздыхали, когда они оставались позади.

Контакты с коммунистами для меня означали не только опасную и неприятную оперативную работу. Мне посчастливилось встретить среди них людей исключительно высокой культуры, выдающихся нравственных качеств. В Латинской Америке вообще нередко наиболее крупные представители культуры, искусства стояли на позициях социализма, например Диего Ривера, Альфаро Сикейрос, Пабло Неруда, Николас Гильен и многие другие. Вообще в Латинской Америке принадлежать к левому крылу общественных сил означало быть частью мыслящих, патриотических слоев населения.

В Мексике я встретился в те годы с одним из руководителей Гватемальской партии труда (коммунисты) — Виктором Мануэлем Гутьерресом. Во времена правительства полковника Х. Арбенса Виктор Мануэль был председателем гватемальского парламента, а после свержения демократического правительства вынужден был долгие годы скитаться в эмиграции, не оставляя партийной работы. Средства для жизни он зарабатывал преподавательской деятельностью: мало было таких глубоких знатоков истории Латинской Америки, тонких политологов и аналитиков, как Виктор Мануэль.

Он иногда заходил со своей дочкой ко мне домой на улицу

Масатлан, 206, мы пили крепкий русский чай и говорили о тяжкой доле, выпавшей центральноамериканским народам. Он заронил мне в душу глубокую любовь к этому региону. Помню его слова: «Вам хорошо жить на свете. За вами огромная страна, мировая слава культурного наследия, славная, известная история. А каково народам, о которых люди не знают почти ничего? Гватемалец, гондурасец — это для многих просто указание на принадлежность к аборигенному племени, за которым не стоит ничего, кроме этнографической привлекательности. Наши государства — парии в международном сообществе. Наши народы заражены комплексом неполноценности. Почитайте «Королей и капусту» ОТенри, и вы увидите, как нас воспринимают со стороны».

Мне захотелось побольше узнать об этом большом, мало известном моим соотечественникам районе мира, где разыгрывались невероятные исторические драмы, действовали политические фигуры, перед которыми хотелось преклонить колени, где люди страдали столько же, а может быть, и больше, чем на моей далекой Родине. Я узнал, что менявшие друг друга диктаторы центральноамериканских стран, придя к власти, первым делом начинали калечить национальные архивы, изымая все компрометирующие их материалы. По просьбе честных работников архивов ЮНЕСКО взяла на себя труд послать в ряд центральноамериканских стран подвижные фотолаборатории, которые микрофильмировали сохранившиеся фонды. Одна копия этих микрофильмов была передана на хранение в Панамериканский институт географии и истории, находившийся в Мексике. Все мои личные сбережения были использованы для покупки копии с этих копий.

В один из дней уходящего 1967 года Виктор Мануэль зашел ко мне проститься. Он нелегально уезжал в Гватемалу на собиравшееся там совещание руководства партии. Мрачные предчувствия наполняли его. Оснований для них было предостаточно. В стране бушевали правый террор в городах и партизанская война в сельской местности. Левые силы, сильно раздробленные, тратили энергию на борьбу друг с другом. Идейная непримиримость часто прикрывала обычные честолюбивые личные столкновения или, еще хуже, проделки провокаторов. Виктор Мануэль не захотел уклониться от смертельной опасности. Добрый, профессорского склада человек, невысокий рост и мягкий голос которого лишь подчеркивали его незащищенность, решил поехать, чтобы примирить несогласных, помочь им понять друг друга, вместе поискать разумный путь выхода из кровавой трясины.

Попытки отговорить его от этого решения оказались напрасными. Он передал связку книг по истории Гватемалы и сказал, прощаясь: «Послушай, если я вдруг не вернусь, обещай мне написать историю стран Центральной Америки. Мне на это так и не хватило времени!» Мы обнялись, в носу противно защемило — признак оживившихся слезных желез? Я твердо мотнул головой: дескать, обещаю. А он и впрямь больше не вернулся.

В начале следующего, 1968 года я узнал, что, выданные предателями, все участники совещания были схвачены. Никакого следствия и суда, разумеется, не было. Все они были зверски замучены в застенках. По свидетельству одного из охранников, Виктор Мануэль Гутьеррес погиб от удушья в надетой на голову резиновой маске. Тело его было сброшено с вертолета в кишащее акулами Карибское море.

Я сдержал, как мог, слово, данное этому замечательному человеку. В 1975 году в Москве вышла моя работа «Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки». Я посвятил ее тем людям, которые погибли, не изменив своим убеждениям, а их убеждения были не отмычкой для прихода к власти, но делом совести и сердца. За эту книгу мне присвоили степень доктора исторических наук. А я мысленно передал эту степень покойному Виктору Мануэлю, подвигнувшему меня на эту работу.

Вообще 1967 год выдался тяжелым. В октябре пришло из Боливии сообщение о гибели Че Гевары. Даже глядя на фотографии расстрелянного партизана, я не хотел верить, что уже нет больше на земле такого апостольского склада человека, цельного, чистого, нечувствительного к боли и страху — вечным оковам простого сметного. Социализм как учение может гордиться тем, что его сделали своим мировоззрением люди такого гигантского человеческого измерения, как Че Гевара. Его гибель потрясла тогда весь мир. Убийцы снискали не меньше дурной славы, чем палачи Христа. Мое горе и скорбь были безмерными.

Командировка между тем подходила к концу, она и так уже длилась без малого семь лет. Пора было собираться домой. Оценку своих профессиональных успехов предстояло по возвращении получить дома, в центре. А между хлопотами по сборам в дорогу думалось о том, что, кроме работы в качестве разведчика, пребывание в Мексике дало мне и богатейший жизненный опыт общения с людьми, с которыми я не встретился бы в иной обстановке. Мне довелось помогать выдающимся артистам, писателям, спортсменам, которые приезжали в те годы в Мексику. Я искренне делился с ними своими знаниями о

стране, помогал им как переводчик, как шофер, в конце концов. Как можно забыть Давида Ойстраха, Майю Плисецкую, Константина Симонова, Сергея Герасимова, Тиграна Петросяна и Пауля Кереса! Им не обязательно помнить нас, но, если они помнили Мексику и, вспоминая, лучились улыбками, мне этого достаточно.

Но о некоторых эпизодах хотелось бы рассказать. Году в 1968-м приехал в Мексику для публичных поэтических выступлений Евгений Евтушенко, о личности которого все время шли противоречивые толки. Я вспомнил, что еще в 1963 году во время пребывания Ф. Кастро в Москве Хрущев жаловался, что, мол, Евтушенко опять дурит, распускает слухи о своем неизбежном самоубийстве, перерезает телефон в своей квартире. Тогда Фидель, помнится, ответил: «А вы пришлите его на Кубу, он посмотрит на нашу жизнь, и, глядишь, дело поправится!» После этого разговора Евгений Александрович действительно ездил на Кубу. И вот теперь он в гостях у нас, в Мексике. Посол созвал совещание старших дипломатов, решая, как лучше организовать работу с неудобным, строптивым поэтом. Встал вопрос, кого прикрепить к нему в качестве консультанта и переводчика. Была выделена группа дипломатов, каждая кандидатура обсуждалась с самим Евтушенко, который отвергал их одну за другой. То, видите ли, работник был секретарем парткома, то был сотрудником ГРУ или КГБ, то слаб в искусстве. Когда список был исчерпан, кто-то предложил мою кандидатуру (я работал тогда «под крышей» заведующего бюро АПН), и он согласился, заметив: «Этот-то точно не из КГБ». И началось наше полубогемное бродяжничество, никак не совместимое с моей другой жизнью. Я помнил, что в опубликованной к тому времени «Ранней автобиографии» Евгений Александрович писал, что на вопрос, к какой партии он принадлежит, ответил бы: есть лишь две партии — порядочных людей и негодяев. Мне было приятно убедиться, что он тогда в моих глазах подтверждал свое членство в первой партии своими делами.

Я расположился к нему, когда он распорядился в огромном, на 10 тыс. зрителей, зале, приспособленном для боксерских боев, где ему предстояло читать стихи, завесить всю коммерческую рекламу большими кусками ткани с переведенными на испанский язык строфами из русских и советских поэтов. «Это стоит больших денег, это невозможно!» — кипятился кругленький, как колобок, администратор арены. «Сколько?» — невозмутимо спросил поэт. Тот наконец назвал сумму в несколько тысяч долларов. «Хорошо, я заплачу сколько надо. Только сделайте, как условились!» Поэтический вечер прошел с огромным успехом.

Публика была повержена, когда некоторые стихотворения Евтушенко читал по-испански. Я был удивлен, убедившись, что за время пребывания на Кубе он прилично изучил испанский язык и мог объясняться без помощи переводчика.

После одного из таких вечеров он с видом заговорщика сказал мне: «Послушай, Николай! Здесь в Мексике в тюрьме сидит мой старинный друг — писатель и журналист Виктор Рико Галан, с которым я познакомился на Кубе. Помоги мне организовать с ним встречу, мне стыдно давать публичные вечера, когда мой друг сидит за решеткой!» «Ну и ну!» — подумал я. Всем было известно, что Виктор Рико Галан был осужден на пять лет как опасный государственный преступник, чуть ли не замышлявший свергнуть власть в Мексике. Попасть к нему можно было, конечно, только с ведома высших должностных лиц. И уж, конечно, нельзя было ставить в известность об этом посла, он бы немедленно запретил. Поразмышляв вместе, мы выработали такой план. Я поговорю с главным редактором влиятельного мексиканского журнала «Сиемпре» Хосе Пахесом, который организовывал через два дня обед для своих сотрудников с президентом страны Диасом Ордасом, и попрошу его пригласить на обед Е. Евтушенко. Во время небольшой домашней художественной части Евгений Александрович прочитает новое стихотворение на испанском языке. Успех был легко прогнозируем. Потом он подойдет лично к столику президента и прямо попросит о разрешении повидаться с другом-узником. В такой обстановке отказ почти невероятен. План был выдержан до деталей. Стихотворение «Шахматы» писалось ночью, в номере отеля. Оно было посвящено «пешкам» (по-испански «пеонам», т. е. батракам), которых первыми бросают в бой короли, которыми жертвуют при всяких комбинациях, но только «пешки» имеют право, прорвавшись через всю доску, превратиться в «ферзя» — самую мощную и всевластную фигуру.

Обед удался, стихотворение вызвало фурор, а потом Евгений Александрович подошел к столику президента и один на один договорился обо всем остальном. Вернувшись к нашему столику, он шепнул: «Завтра в 10 утра к твоему дому придет машина секретной службы, которая отвезет меня в тюрьму. Достань, пожалуйста, бутылку водки и баночку икры!» К утру все было готово; не без беспокойства я проводил его, сопровождаемого двумя молчаливыми проворными молодцами.

Он вернулся через пару часов и, возбужденный, рассказал, что, когда приехал в тюрьму, тамошний начальник пригласил его в зал для свиданий, где разделенные решеткой родственники тихо беседовали с заключенными. Евтушенко наотрез отказался

от такой формы общения. «Я не для того обращался к президенту, чтобы не иметь возможности обнять моего друга». «Хорошо, только не поднимайте шума, — пошел на мировую генерал, — пройдите в мой кабинет. Сейчас туда приведут вашего приятеля».

Через несколько минут вошел похудевший, по-тюремному бледный Виктор Рико Галан, терявшийся в догадках, зачем его ведут в кабинет начальника тюрьмы. Радости его не было конца, когда он увидел бросившегося к нему Евтушенко. Евгений достал из бокового кармана водку и икру. Тут уже бросился к нему тюремный генерал: «Нельзя ни в коем разе. Спиртное и наркотики в тюрьме запрещены!» — «Генерал, будьте человеком, по русскому обычаю нельзя не выпить за встречу с другом после стольких лет разлуки. Разделите с нами эту радость!» И свершилось маленькое человеческое чудо. Генерал, поэт и узник распили традиционно «на троих» бутылочку, потом друзья поговорили о своем заветном и, наверное, на весь остаток жизни запомнили эту необычную встречу. Я, как видите, тоже. Мы никому тогда об этой истории не рассказали, она оставалась нашей маленькой тайной.

Я пропадал с Евтушенко несколько дней. Наш образ жизни не отличался чопорностью и трезвостью. Иногда ран-ним-ранним утром ему приходило в голову ехать на местный оптовый рынок, своего рода «чрево Мехико», и завтракать там с грузчиками и разделывателями мясных туш, читать им стихи. Благодаря ему побывал там и я. Мы ели наваристые кукурузные супы, маисовые лепешки с завернутыми в них кусочками душистого, мелко рубленного мяса, сдобренного ядреными перцами. Запивали все отличным крестьянским «пульке» — слабоалкогольным холодным напитком, приготовляемым из сока кактуса агавы. Угощавшие нас добродушные работяги уверяли, что от «пульке» «мужчина становится настоящим мужчиной, а у лысых кудрями затягиваются поляны на голове». Верить мы не верили, но просили дать еще по кружке.

После одной из бурных ночей, когда мы утром сидели в кафе отеля, пришла весть об убийстве в США Мартина Лютера Кинга. Евтушенко, потрясенный, тут же на салфетке стал писать стихи про белых людей с черными душами. Вскоре он уехал, и больше я с ним не встречался, только читал его стихи. Но как золотые крупицы воспоминаний о благородных поступках я храню в сердце зарубки, оставшиеся от приезда Евтушенко в Мексику.

В конце 1968 года я уезжал из Мексики. Она так и останется для меня «линдо и керидо» — красивой и любимой. В общей сложности я провел там почти 12 лет. Она стала моей второй родиной. Там у меня родилась, подросла и пошла в школу дочь,

которая лучше говорила по-испански, чем по-русски. Там оставались мои многочисленные друзья и помощники, без которых жизнь за границей теряет свой смысл. Многие из них продолжат работу с моими коллегами, приезжающими на замену, кое-кто уедет в другие страны, на север, и сотрудничество приобретет иные формы. Некоторые будут ждать — так тоже бывает, когда мы снова встретимся в привычных местах.

Мексика — огромная страна, мои земляки, знающие ее по географической карте, не представляют ее реальных размеров. 2 млн. кв. км, на которых уместилось все разнообразие земли — от знойных тропиков с манговыми плантациями и ананасовыми полями до вечных снегов горных вершин, от каменистых пустынь севера до непроходимых джунглей на юге. В ней живет и растет все, в чем нуждается человек. Недра Мексики сказочно богаты. В благодарность Богу испанцы ставили великолепные храмы над богатыми серебряными месторождениями, над жилами, которые давали больше половины мирового производства серебра. Эти месторождения используют и по сей день, но на первое место теперь вышли нефть, газ, полиметаллы.

Природа одарила эту страну сказочными красотами. Города Канкун и Акапулько стали мировыми центрами туризма. Мировая бюрократия — президенты, министры, послы по особым поручениям, — знающая толк в прелестях жизни, с удовольствием выбирает эти места для проведения «важных» международных совещаний, крупных конференций, региональных встреч. Поверьте мне, в этих городах противопоказана работа. Там надо, раскрыв рот от восхищения, смотреть на чудеса природы и благодарить Создателя за то, что он не пожалел благодати для своих детей. Но восторгаться великолепием карибского или тихоокеанского уголков рая лучше за казенный счет, и это хорошо знают правящие бюрократы.

Мексика — страна самобытной народной культуры. Думаю, вряд ли где еще иноземец может проснуться среди ночи, разбуженный серенадой, которую поет под окном своей возлюбленной пылкий поклонник. Еще лучше, если он поет не сам, а ему помогает слаженный оркестр мариачи и хороший певец. В таком случае вы не рассердитесь на то, что вас побеспокоили среди ночи. Вы завернетесь в одеяло и будете восторженно смотреть сквозь прозрачную занавеску. Кончится серенада, и вы умиротворенно уснете, вам даже будет казаться, что ее спели немножко и для вас. «Другой такой страны, как Мексика, нет!» — этот рефрен живет в душе каждого мексиканца, в моей — тоже.

Нигде в мире нет такой монументальной живописи, с такой

острой историко-политической тематикой, как в Мексике. Произведения Диего Риверы, Давида Сикейроса, Клементе Ороско — неотъемлемая часть культурного достояния всего человечества. Судьба подарила мне несколько встреч с Д. Сикейросом. Помню, как отчаянно он отстаивал именно монументальную живопись, аргументируя свою точку зрения тем, что работает для своего народа и его произведения нельзя увезти за границу и спрятать в частных коллекциях. Они будут вечно доступны всем на фронтонах зданий, стенах стадионов, в интерьерах конференц-залов. В последние годы он отказывался писать станковые полотна. От души хохоча, рассказывал, как недавно, уступая настойчивым домогательствам богатых туристов из США, посетивших его студию в Куэрнаваке, продал им свою большую фанерную палитру, на которой смешивал краски. Туристы приняли ее за эскиз новой работы и уговорили продать за несколько тысяч долларов. У кого-то лежит сейчас это загадочное «полотно», под которым стоит насмешливый росчерк «Сикейрос».

Великий художник щедро делился своими профессиональными секретами. Он пригласил из разных стран 12 учеников, работавших у него помощниками и стажерами. Горевал, что не было среди них только русского. То ли у наших тогдашних властей не хватило денег на дорогу стажера, то ли они не сошлись в выборе кандидатуры молодого художника. Так и не коснулась нас своим крылом муза Давида Сикейроса.

Разведчику некогда услаждать душу созерцанием природных красот, но не заметить этого чуда Творца он не может. У меня был свой любимый уголок Мексики. Он лежит в самом центре страны, там, где должно быть ее сердце. По этой заповедной зоне проходит кольцо шоссе с символическим названием «Дорога свободы». По ней можно попасть в самые святые места, где зародилась мексиканская независимость и свобода: Керетаро, Сан-Мигель-Альенде, Долорес-Идальго, Гуанахуато, Гвадалахару, Морелию. Именно здесь скромный провинциальный священник Мигель Идальго поднял знамя борьбы против колониального ига. Его церковь и сейчас исправно несет свою духовную службу, а медная плита на паперти отмечает место, с которого священник открыто заявил, что он еще и гражданин. Патриотической церкви было мало только лишь утешать паству в ее земной юдоли, надо было помочь ей добиться права жить по-человечески.

По этим дорогам текла в 1810 году крестьянская армия повстанцев, там же она потерпела поражение. В центре города Гуанахуато и сейчас стоит здание, на четырех углах которого торчат крюки с надписями «Мигель Идальго», «Альенде» и др. На

эти крюки были насажены отрубленные головы руководителей восстания. Отлученный от церкви, проклятый, преданный анафеме священник, казалось, был втоптан в историческую грязь. Но прошли годы, и все встало на свои места. Больше полутора веков упиралось руководство католической церкви, не желая признать свою ошибку, но все-таки не устояло под давлением совести: реабилитировало Мигеля Идальго по всем статьям и велело молиться за его бессмертную душу. Не в одной России политиканство и совесть идут по разным дорогам.

Этот район Мексики славен не только историей. Он наиболее типичен, он — слепок всей страны. Пройдись по городскому базару в Гуанахуато и выйдешь ослепленным от богатства выдумки и мастерства рук ремесленников. Ни в одной стране так называемого цивилизованного мира не найдешь таких поделок, как здесь, где все индивидуально, все самодельно, все уникально: керамика и фаянс, тисненая кожа и все, что можно сделать из нее, шерстяные вязаные вещи, резьба по дереву, украшения из серебра и из чего угодно…

А если захочется перекусить и попробовать народные блюда, то нет места лучшего, чем базар в Гвадалахаре. Все, что было создано за всю историю страны и в ее разных концах по части народной кулинарии, можно найти здесь. От одних запахов ошалеваешь. Мясо, запеченное в банановых листьях, в земляной ямке, накрытой железом, на котором разводится костер, основа всех блюд. Ароматные, мягкие кусочки такого мяса заворачивают в свежую маисовую лепешку, сдабривают бесконечно разнообразными соусами, обязательно острыми, и отправляют в рот, исторгающий восклицания восторга и удовольствия. Да, еда острова! Рассказывают, что когда заехавший в Мексику Шаляпин отведал этих деликатесов, то на вопрос «Ну как?» едва ответил, задыхаясь: «Фу! В рот как будто выстрелили из пистолета». Но зато от таких харчей и характер будет не вялый, филистерский, а настоящий мексиканский.

Вернуться к этому больше нельзя, но одно воспоминание примиряет в какой-то мере с нашей раздерганной жизнью, которую мы сами толчем в какой-то дьявольской ступе пестиками политических амбиций, непримиримости, национальной вражды. Как поется в песне: «Мои года — мое богатство».

Работа в центре. Разведывательные вылазки за рубеж

В Москву я вернулся под самый конец 1968 года. Мне исполнилось 40 лет. Служба вроде бы складывалась беспроблемно. Вскоре меня назначили заместителем начальника латиноамериканского отдела. Такое повышение было беспрецедентным — я сразу перескочил через две должностные ступени. Но я, видимо, тогда разделял ту максиму, которую потом сформулировал начальник разведки Л. В. Шебаршин: «Ничего не проси, ни от чего не отказывайся». Я еще свято верил в то, что «начальству виднее», а следовательно, оно знает, что делает.

Семейные мои обстоятельства к тому времени сложились так, что мне стало невозможно на длительные сроки выезжать в заграничные командировки. Пришлось ограничиваться временными поездками за рубеж с конкретными разовыми заданиями. Кстати, к такому варианту подталкивали меня и новые свалившиеся на голову обязанности организационноуправленческого характера.

Вскоре подоспело время попробовать и новую форму работы. Осенью 1968 года в Перу произошло выступление националистически настроенных военных во главе с генералом Веласко Альварадо и было создано новое правительство, гораздо более открытое для контактов со всеми странами. Прежние власти держались крайне правого внешнеполитического курса. СССР никогда не имел дипломатических отношений с Перу, для нас это была закрытая страна, одно из «белых пятен». Теперь обстановка позволяла провести серьезное знакомство на месте с глубиной и размахом начавшегося революционного процесса. Руководство разведки решило послать меня под прикрытием корреспондента агентства печати «Новости», тем более что в агентстве меня знали и были вполне удовлетворены тем, как я выполнял свои обязанности по «крыше» еще в Мехико. Ехал я на абсолютно чистое место. В стране не было нашего посольства, никаких других представительств. Я оказался единственным советским человеком. Связи с центром у меня не было, кроме обычной почтовой. Жить приходилось в гостинице «Крильон», где все пожитки, я это знал, каждодневно перетряхивались осведомителями спецслужб из местной обслуги. Искать защиты было не у кого, и некуда было жаловаться.

Задача, которую я сам сформулировал себе в центре,

состояла в том, чтобы завести как можно более широкий круг контактов в правительственных и политических кругах страны, превратить эти контакты в устойчивые связи, собрать информацию о положении в стране, перспективах военного режима, составить оценки ведущих деятелей государства. Это было необходимо, чтобы оказать поддержку Перу против нараставшего давления со стороны США. Для передачи интересующей центр информации я мог выехать в Чили, где было посольство и, естественно, канал шифрованной связи. Забегая чуть вперед, скажу, что один раз я действительно летал в Чили, чтобы «разгрузиться» от накопленной информации.

Появление в Перу советского журналиста было своего рода сенсацией. Всюду, где мне приходилось бывать, на меня смотрели, как на инопланетянина, со смешанным чувством страха и любопытства. Многолетняя пропагандистская обработка, которая велась в этой стране, заставляла людей видеть в советском человеке прежде всего противника, загадочного, непонятного, далекого и очень чужого. К счастью, человек недаром называется «гомо сапиенс». Пары встреч и бесед обычно хватало, чтобы растопить лед, намороженный в душах людей щелкоперами и борзописцами.

Первым делом я пошел в отдел печати Министерства иностранных дел, сообщил занимавшему кресло его начальника подполковнику Оскару Хараме о своем прибытии и сразу выразил желание взять интервью у президента страны, ряда ведущих министров. На стол легли заранее подготовленные вопросы: я ведь легально занимался легальными журналистскими делами. Мне было обещано содействие. Я рассказал в общих чертах о масштабах своей заинтересованности в ознакомлении с положением в стране, о связях, которые был намерен завести. Мне хотелось убедить подполковника, что никакими конспиративными разведывательными операциями заниматься не собираюсь. Это было необходимо, ибо американцы могли сообщить имевшиеся у них сомнения относительно «чистоты» моей журналистской профессии. Мои опасения, к сожалению, оправдались. В первые дни пребывания в Перу на меня было оказано огромное психологическое давление с целью добиться моего отъезда. По телефону как-то раздался голос, который по-русски, с употреблением крупногабаритного мата, заявил мне: «Мы тебя очень хорошо знаем… (такой-то ты сын!). Если ты не уберешься, то мы размозжим тебе голову! Запомни… (и следовало ругательство)!» Что было делать? Действовать по схеме, которая на такой случай была заранее продумана? Ведь было совершенно естественно предположить такой поворот

событий, а психологическая подготовленность равна солидной вооруженности. Струсить и уступить — значит навсегда потерять себя в своих собственных глазах, в глазах друзей и товарищей и в глазах врагов тоже. Здравый смысл подсказывал, что если кто-то действительно задумал тебе размозжить голову, то сделает это без телефонного предупреждения. Не велика доблесть, но и навар невелик — убить одного безоружного, беззащитного, не скомпрометировавшего себя ничем человека. Нет, не пойдут мои недруги на «мокрое» дело!

Поэтому, выслушав все, я таким же крупногабаритным языком заявляю в телефон: «Я занимаюсь нормальной журналистской деятельностью, запугать себя не позволю никаким… А сегодня собираюсь в кино и пойду туда по улице такой-то». Последние слова произнес в запале, наверное, с ненужным Ьызовом. Но поезд, как говорят, ушел. Вечером собрался в кино — теперь уже надо было выполнять обещанное. Не скажу, что фильм в тот раз доставил мне удовольствие. Но, когда вернулся в свою гостиницу и ничего со мной не произошло, я крякнул от радости, что одержал очередную маленькую победу. Только когда стал принимать душ перед сном, увидел в своих руках пучки собственных волос, навсегда покинувших голову.

Были «фокусы» и потом. То в ресторан, где я, не таясь, обедал с кем-нибудь из знакомых, внезапно ворвется «бродячий» фотограф и в упор, с применением мощного светоимпульса сделает снимки, то на улице начнет преследовать автомашина с полуголыми девицами, то еще что-нибудь.

При очередном визите в отдел печати МИД за чашкой кофе с подполковником Харамой я посетовал на крайне низкий профессиональный уровень местных спецслужб. Он взорвался: «Это не мы, это американцы!» — «Для американцев такой провинциализм был бы вообще позором», — заметил я. После этой беседы напряжение значительно спало, только на почте при отправке корреспонденции меня настойчиво про-сили не заклеивать клапаны конверта клейкой лентой (я знал, что очень трудно вскрывать такие конверты, не оставив следов перлюстрации).

Работа без выходных, по 14–15 часов в сутки была праздником. Каждый день включал в себя три-четыре деловые встречи, открывавшие для меня новые пласты информации и сводившие с интересными людьми. Пришлось составить план освоения перуанского «белого пятна». Сначала это были встречи с министрами или их заместителями, в крайнем случае — со старшими чиновниками. Когда эта жила была отработана, наступила очередь политических партий, общественно-

политических движений. Потом последовали университеты, студенческие организации. Отдельно стояли центры промышленного производства, современные предприятия по переработке продукции сельского хозяйства. Из людей меня больше всего привлекали те, кто владеет уже накопленной и основательно переваренной информацией: ученые — экономисты, социологи, профессора, а также журналисты.

Перу в то время переживала период радикальных преобразований. Военное правительство национализировало американские нефтеперерабатывающие заводы и выдерживало обычный в таких случаях напор угроз и шантажа со стороны США. Кроме того, решался вопрос об аграрной реформе, надо было традиционное латифундистское землевладение заменить современной системой, открывающей путь к капиталистическому развитию сельского хозяйства. Движителем всего революционного процесса были вооруженные силы, взявшие на себя ответственность за модернизацию страны. На ведущих министерских постах стояли генералы, благо их было в избытке, как и в каждой слаборазвитой стране. Патриотический курс правительства поддерживало большинство населения, кроме части постоянно бунтующих студентов. В открытой оппозиции находились только сторонники «апризма» — партии, являвшейся разновидностью социал-демократии.

Перуанские военные рассчитывали прежде всего на поддержку других латиноамериканских стран, на большее они не замахивались. Выступление военных в Перу было отражением общего поведения армейского руководства в Латинской Америке в ту пору. В том же 1968 году в Панаме к власти пришел генерал Торрихос, доставивший потом немалую головную боль Соединенным Штатам. Как уже говорилось, в 1965 году американцам с трудом удалось подавить выступление военных в Доминиканской республике. Поведение военных было реакцией на полное банкротство традиционных политических партий, запутавшихся в коррупции и лакействе перед иностранными интересами. Во многих случаях временное пребывание военных у власти оказало очистительное воздействие на общественно-политическую жизнь своих стран и подготовило почву для укоренения более здоровых ростков демократии.

Отношение латиноамериканских военных к Советскому Союзу было двойственным. С одной стороны, оно определялось традиционной враждебной настороженностью по отношению к социалистической идеологии. Одномерность мышления — удел не только носителей коммунистической идеологии. С другой стороны, нельзя было отказаться от соблазна опереться при

необходимости на помощь и поддержку Советского Союза. Наша огромная в ту пору, закрашенная на карте ядовитым красным цветом страна лежит очень далеко от Латинской Америки. Мы никогда ни с кем не воевали на этом континенте, никому не успели нанести никаких обид, нас вообще плохо и мало знали. Но мы всегда стояли в оппозиции к США, главному врагу Латинской Америки. Поэтому СССР, естественно, рассматривался как потенциальный союзник в любой трудной ситуации. «Враг Соединенных Штатов — наш друг» — таковым было практическое кредо многих политических деятелей. Вот на такой зыбкой основе — «и хочется, и колется» — и строились зачастую отношения между так называемыми прогрессивными военными режимами в Латинской Америке и Советским Союзом.

Наша страна (вернее, ее тогдашнее руководство) не имела стратегически ориентированной, разработанной, обеспеченной людскими и материально-техническими ресурсами политики в Латинской Америке, как и вообще в странах «третьего мира». На партийных съездах обычно декларировалось общее направление поддержки национально-освободительного движения, а дальше начиналась обычная импровизация по принципу «давай-давай, шуруй-шуруй». Никакой сколько-нибудь серьезной научной проработки государственных целей и потребностей не велось. Люди со Старой площади надулись от важности, когда изобрели маловразумительную формулировку о «некапиталистическом пути развития». Волюнтаристское навешивание такой этикетки на ту или иную страну могло оказать воздействие на нашу практическую политику. Под влиянием групповых, а иногда и чьих-то личных интересов СССР делал резкие зигзаги в своей и без того запутанной линии в «третьем мире».

Разведка, честно говоря, не имела в Латинской Америке четко поставленной задачи, детерминированной государственными интересами. Мы сами разрабатывали программу своих действий, ориентируясь в общем на потребности страны. Хотя, чего греха таить, иногда и нам хотелось привлечь к себе внимание, представить нашу работу высокозначимой. Это уберегло бы от захирения и вымирания латиноамериканское направление в разведке. В целом нам удалось убедить руководство КГБ в том, что Латинская Америка представляет собой политически привлекательный плацдарм, где сильны антиамериканские настроения, а традиционный антисоветизм искусственно поддерживается постоянной накачкой из США по каналам средств массовой информации, но не имеет реальных корней в сознании общественности. Мы сумели доказать, что и в научно-технической разведке через каналы связи Латинской

Америки с США и с развитыми странами Запада и Японией можно добиться серьезных результатов. Одним словом, мы сами искали себе фронт работы, сами разрабатывали инструментарий, необходимый для достижения поставленных целей. Хотя ЦК партии и считался «вдохновителем и организатором всех наших побед», разведку он явно ни на что не вдохновлял и не организовывал. Старая площадь давала только согласие на то, о чем мы просили или что предлагали. Отказы были крайне редки, они вряд ли составляли 1 % всех предложений. Создавалось впечатление, что «там» только автоматически ставится штамп «добро», начисто отсутствует критическое отношение к инициативам снизу и нет времени и энергии, а может быть, и умения по-настоящему организовать дело.

Поскольку желающих выделиться, отличиться всегда значительно больше, чем добросовестных инициативных тружеников, то наверх шел возрастающий поток цветисто написанных предложений-пустышек. Все они благословлялись двумя словами «есть согласие», которые иногда передавались по телефону из ЦК в секретариат КГБ каким-нибудь второстепенным сотрудником партийного аппарата. И начиналась хаотическая имитация деловой активности, своеобразный бег на месте. Это была форменная «болезнь Паркинсона» советского партийно-государственного аппарата, доведшая его до полного паралича.

Только групповая совесть разведки и личная честность руководителей и офицеров оставались тормозом, предотвращавшим соблазн превращения службы в орудие и место достижения своих личных шкурных целей, хотя отдельные случаи такого рода имели место.

Общими соображениями государственного интереса руководствовался и я в своей работе в Перу. Встречаясь, беседуя с людьми самых различных социальных слоев и разных уровней государственной ответственности, старался нащупать зоны соприкосновения интересов своей страны и Перу, найти точки взаимозаинтересованности, внести предложения о путях налаживания сотрудничества и торговли. Честно скажу, что для меня было откровением, когда я узнал, что Перу занимает первое место в мире по улову рыбы и располагает огромными запасами рыбных ресурсов. На 10 млн.

населения страна добывала 16 млн. т рыбы, то есть более 1,5 т на **душу** населения. Подавляющее количество добытой рыбы поступает на фабрики по производству рыбной муки — идеальной добавки к корму скота. 26 % всего экспорта страны в стоимостном выражении давало море. Рыболовство и переработка велись на низком техническом уровне. Вот и зарождалась мысль о

сотрудничестве в этой области: всем было известно, что у нас истощались рыбные богатства и одновременно рос численно рыболовный флот, уходивший все дальше и дальше от родных берегов в поисках новых промысловых зон.

Голые цифры — аргументы для ума, но хотелось и сердцем ощутить реальность самого богатого рыболовного угодья в мире. Удалось найти друзей (без них вообще ничего не сделаешь), которые на примитивном рыболовном баркасе с двигателем от обычного трактора устроили выезд в зону гуа-новых островов. «Гуано» — это вековые, многометровые по толщине отложения птичьего помета, покрывающие острова около перуанского побережья серой шапкой. Кое-где ползают по этой шапке козявки-трактора, взрыхляя гуано, которое потом упаковывают в мешки и продают за границу как лучшее удобрение. Медленно плюхает баркас мимо островов, усыпанных к тому же по кромке воды стадами тюленей, а мысль крутится вокруг одного вопроса: «Сколько же надо развести птиц, чтобы сотворить чудо гуановых островов?» И как бы подслушав мои размышления, рулевой показал вдаль по курсу: «Вон сидит на воде стая, сейчас мы разрежем ее». Я обомлел: почти весь горизонт был покрыт сплошной черной накидкой. Можно было подумать, что мы шли к берегу. Стая спокойно дождалась баркаса и, как бы желая устроить спектакль чужеземцу, поднялась, когда мы уже врезались в нее. Десятки, сотни тысяч огромных отъевшихся бакланов взвились в воздух. Плотность поднявшейся тучи была невероятная. Как они умудрялись не поломать крылья друг о друга? Истошные, тревожные крики, свист ветра и бесчисленных крыльев создавали демоническую картину. Ван Гога болезненно поразила стая ворон на поле, и это стало сюжетом его знаменитого полотна. А если бы он увидел это зрелище?

Миллионы морских птиц, гнездящихся на островах, создали уникальные в мире гуановые залежи. А сколько же надо рыбы, чтобы прокормить это несметное летающее полчище? Без пищи нет жизни. Эти два понятия идут рядом. В водах 200-мильной экономической зоны Перу природой созданы уникальные условия для развития планктона, а следовательно, и рыбы. Холодное течение Гумбольдта, смешиваясь с разогретыми водами субтропиков, образует идеальную для этого среду. Рыбы здесь столько, что каждый спуск трала приносит полный кошель. Ее высасывают по трубопроводу прямо в трюм и также по трубопроводу от причала отправляют на фабрику для производства рыбной муки.

Эквадор и Чили также очень богаты рыбой, но им далеко до Перу. Именно эти три страны и стали инициаторами

установления 200-мильной экономической зоны, где запрещается промысел иностранным судам без надлежащей лицензии. Долго упирались государства, считающие себя владыками морей, прежде всего США. Не хотели признать ограничений, шли напролом. Множились конфликты, крепла солидарность слаборазвитых государств, и они все-таки победили. Теперь этот международный принцип признан повсеместно. На мои вопросы, почему был выбран именно предел в 200 миль ширины для экономической зоны, мне ответили, что проведенными океанографическими исследованиями установлено, что именно до этой границы в воде обнаруживаются взвешенные частицы, вынесенные реками и дождевыми стоками с прилегающей земли. Дальше океан нейтрален и чист, а до 200 миль испытывает сильнейшее воздействие берегов, которые омывает.

Чтобы завершить эту тему, лучше бы всего попробовать типичные латиноамериканские блюда из рыбы. Они также необычны. Очищенные от костей кусочки рыбы заливают свежим выжатым лимонным соком. Эта процедура заменяет варку или жарение. Через 30 минут рыба готова, надо только слить сок, добавить соль и перец по вкусу. Мало того, что это блюдо готовится быстро и просто, оно необычайно вкусно и полезно. Я не помню ни одного соотечественника, который бы, попробовав хоть один раз это блюдо, не облизывался потом при воспоминании о нем. Ему чуть-чуть сродни сибирская строганина.

Прошли годы, и СССР наладил долгосрочное сотрудничество с Перу в области рыболовства. Наши рыбаки на долевой основе ловили рыбу в этих широтах, ремонтировались в местных доках, самолеты Аэрофлота отвозили и привозили бригады-экипажи, а на столах у людей была и заливная, и жареная, и маринованная рыба, выловленная в этих водах.

В мае 1969 года в Лиму приехали первые сотрудники только что открытого посольства, и мы вместе с моим бывшим однокашником, новым послом Юрием Лебедевым делали тогда первые стежки и наметки для этого сотрудничества.

Деловых встреч было бесконечное множество, но иногда бывали и чисто человеческие контакты, тревожившие душу и даже выбивавшие из запрограммированного ритма. Однажды ко мне в гостиницу пришел 17-летний юноша с чистым открытым лицом и на безупречном русском языке сказал: «Мой папа Дмитрий Мефодьевич убедительно просит вас найти время и заехать к нам в гости. Он бывший советский солдат, заброшенный судьбой сюда. Сейчас работает сторожем на заводе автомобильных стекол в пригороде Лимы». Запрыгали в голове

опасения и сомнения: «Зачем я поеду, что мне это даст? А может, там уготована западня?» Но лицо парня было честным. И, вопреки надоедливой рассудочности, я решил поехать в неизвестное место к неизвестному человеку. Разведчику так делать не следовало бы, но я уже поступал как журналист, которому не безразлична судьба соотечественника за границей.

Меня встретил крепкий 55-летний красавец, как будто сошедший с плакатов, изображавших балтийских матросов революционной эпохи. Плечист, усы вразлет, кулаки (думаю про себя) пудовые. Весь светится счастьем и радостью. Ведет в домик, построенный позади чистенького, ухоженного завода. Тут он и работает, и живет. Переступаю порог, и у меня срываются пушкинские слова: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» Стеллажи, полные советской литературы, на стенах балалайки, мандолина, на табуретке рядом наша тульская гармонь. Стол уставлен милыми сердцу солеными огурчиками, квашеной капустой в кочнах, говяжьим холодцом, стопкой дымятся блины. Когда такую картину видишь в предгорьях Анд, под чужим небом, ей-богу, начинает щемить в груди. Сели, выпили за знакомство по чарке «Смирновской», и пошел рассказ о нашем национальном горемычестве. Поведал мне Дмитрий Мефодьевич, как он был первым плясуном в полку, на действительной, когда грянула война. В 41-м же году под Киевом попал в окружение и оказался в плену. Начались мытарства в лагере под открытым небом около Владимира-Волынского. Голод, отчаяние, начавшаяся дизентерия — призрак бессмысленной смерти. А тут подкатили вербовщики из Русской освободительной армии. «Подумалось, что сумею выжить, тогда и смогу бежать».

А потом… попал в охранники, караулившие наши русские железные дороги от русских партизан, помогал возить на фронт немецкую армию. Полоцк, Борисов… Голос его начинает затихать, становится неровным. На партизан ходить приходилось, гнали… «Правда, Богом клянусь, нет на мне родной крови. Но мне никто никогда не поверит. Мы все были власовцами и знали, что ждет нас петля или пуля от своих». Когда началось наступление советских армий, бежал в западные зоны Германии — преследовал страх, что выдадут русским. Так и пришла мысль уехать куда-нибудь далеко-далеко, на край света. Среди русских девушек, освобожденных победой из концлагерей и от принудительной работы на заводах и в поместьях, нашел себе такую же неприкаянную душу, и уехали они в неведомую страну Перу, где и создали крошечную молекулу русской жизни.

Здесь родились их двое детей, здесь они разбили такой же огородик, как в любом пригороде, обустроили погреб для

привычных солений (в тропиках никто не консервирует овощи) и доживали жизнь почти забытые, как на необитаемом острове. Жена умерла пару лет назад, и теперь Дмитрий Мефодьевич просил только об одном: «Примите Петьку и Олесю на Родине, они же чистые, незапятнанные русские. Пусть вернутся в родное Ставрополье и продолжат наш род казачий. Я останусь здесь с женой, мне домой ход заказан!» Последние слова уже произносились с надрывом. Могучий, казалось, мужчина на глазах поник, завял, в голосе слышалась смертная тоска от растерзанной жизни.

Я не полностью поверил в искренность исповеди, наверное, не все рассказал мне солдат РОА о своих делах в военное лихолетье, но кто же должен нести самую главную ответственность за миллионы разоренных домов, миллионы изувеченных судеб, за трагедию народа? И ответ только один: те, кто захватил право решать судьбу страны. За то, что немецкие армии дошли до Сталинграда, выморили голодом Ленинград, унесли жизни 27 млн. людей, ответ перед историей будут нести Сталин и те, кто по его доверенности проводил политическую и военную линию партии. Власовцев, пошедших ради спасения своей жизни на службу к немцам, мы безжалостно, без суда и следствия уничтожали. Вред, нанесенный ими, велик, но не идет ни в какое сравнение с тем, что натворили многие тогдашние политические и военные руководители.

Сколько их, перемещенных русских, разбросано по всем странам и континентам. Мы говорим о трех волнах эмиграции: послереволюционной, военной и диссидентской. Вряд ли какая другая страна знала такие мощные демографические интеллектуальные протуберанцы на протяжении всех 70 лет. Но теперь начинается четвертая волна — экономическая — эмиграции из разоренной, неустроенной России. Не окажется ли она «девятым валом» для нашего народа? Редко-редко кто из эмигрантов возвращается окончательно на свою бывшую родину. Бывает, наедут, бросят благотворительную копеечку, организуют вечера «в свою честь» да и вернутся в удобный для жизни Запад. Это я говорю о холеных удачниках, а простой русский так и остается навек на чужбине, не забыв о Родине, но забытый ею.

Возвратившись в Москву, я подготовил список своих «связей» с подробными характеристиками, чтобы вновь создаваемая резидентура начала работать не с нуля. Тем более что с некоторыми «связями» отношения зашли достаточно далеко и перед ними уже можно было ставить конфиденциальные задания.

На пару месяцев я остался во главе латиноамериканского отдела из-за болезни своего непосредственного шефа, и, как на

грех, в это время случился один из самых неприятных «проколов» — захват нашего разведчика при попытке изъять содержимое тайника. Провал случился в Аргентине, где работала пара нелегалов, контакт с которыми изредка поддерживался через тайники. И в этот драматический день наш работник, действовавший под прикрытием дипломатической должности, вышел на операцию, заключавшуюся в том, чтобы взять закамуфлированный контейнер с материалами из скрытой зеленью ниши в каменном заборе. При подходе к месту расположения тайника работник заметил крытый автофургон, припаркованный у тротуара малопроезжей улицы. Что-то беспокойное шевельнулось в душе. Мы и теоретически, и практически знали, что всякие крытые кузова могут использоваться как передвижные наблюдательные посты, они легко маскируют оперативную технику. Появление таких фургонов около жилых домов сразу же приводило в действие дополнительные ресурсы осторожности и внимания.

Но можно понять и разведчика, который перед выходом к тайнику несколько часов старательно «проверялся», окончательно убедился в отсутствии наружного наблюдения и теперь должен был решить, идти или не идти к тайнику только потому, что недалеко стоял крытый грузовик. Ведь может быть сто естественных причин, почему он стоит здесь! Идти — значит чуточку рисковать, не ходить — значит упрекать самого себя потом за мнительность, казнить за невыполненное задание. Каждый решает, как ему подсказывает его сердце. Знаю людей, которые чутьем дикого зверя улавливали опасность и выскальзывали прямо из захлопывающегося капкана, поставленного ФБР. Бывало, однако, и иное. И в этот раз работник рискнул. Стоило ему только опустить руку в нишу, как немедленно вспыхнули заранее поставленные скрытые прожектора, завыла сирена, из злополучного фургона с гиканьем выскочила группа захвата и кинулась к разведчику. Оглушенный криками, ослепленный режущими лучами, наш товарищ с зажатым в кулаке контейнером бросился бежать. Сработали все защитные инстинкты, спасти в этом случае могли только ноги. К счастью для него, контрразведка не позаботилась о сплошном кольце оцепления, ибо полагала, что он будет парализован светошумовыми эффектами. Не тут-то было! Он понесся, как лань. Отбежав в темную часть улицы, еще слыша за собой топот погони, он со всего размаху запустил далеко за ряд особняков, в густоту их садов, контейнер, имитированный под камень. Ищи-свищи теперь улику! Дальше уже бе-жалось легче, раскованнее, стресс всегда отступает перед физическими нагрузками. Ему

самому не поверилось, когда, оглянувшись, он не увидел преследователей. Пробежав еще два-три квартала по зигзагообразному случайному маршруту, он перевел дух. Ну, слава Богу, оторвался!

Но радость оказалась преждевременной. Больше часа он бродил по улицам, пока наконец не решил возвратиться домой. Нервное утомление дало себя знать. Он вышел на широкую проезжую улицу, остановил проходившее такси и уже открыл дверцу, когда сзади на него навалились трое. Да! Весь район был оцеплен, были предупреждены все полицейские посты, всюду рыскали машины поиска, и в последний момент они увидели его. Дальше были полицейский участок, требования отдать контейнер, побои, камера. На другой день удалось выручить товарища, еще через день он уехал из страны. Только потом стало известно, что контрразведка вышла на тайник с другой стороны, со стороны нелегала.

Хотя и говорят, что «за одного битого двух небитых дают», все-таки такой ценой приобретать опыт не следует. В работе за рубежом нам не раз приходилось терять боевых товарищей в сомнительных обстоятельствах, смахивающих на преднамеренное убийство. Были случаи, когда группа вроде бы уголовников догоняла машину разведчика в пустынном месте и в упор расстреливала его. Один из наших товарищей погиб, когда на загородном шоссе стал менять одно из лопнувших колес. Стоило ему, съехавшему на обочину, открыть багажник, чтобы достать домкрат, как сзади в него ударила незнакомая и невидимая машина, переломившая ему ноги и тазовые кости. Смерть наступила почти мгновенно. Убийцы исчезли.

Приходилось быть осторожным на приемах и раутах. Были примеры тяжелых, иногда смертельных отравлений. У каждой контрразведки свой почерк. На ее стороне все преимущества: она действует в своей стране, может мобилизовать любые силы и средства, ее всегда прикроют свои власти. Против грубых силовых приемов или психологического давления разведчик бессилен. Что стоит контрразведке, например, послать на дом жене разведчика гроб с венком, якобы заказанный для него в похоронном бюро!

Для того чтобы тайная война разведок велась в рамках традиционных джентльменских правил, исключающих дикие расправы над разведчиками, мы не раз вели консультации с представителями ЦРУ. Они вроде бы соглашались с нашими предложениями, но говорили, что не могут отвечать за конкретные случаи, происходящие в союзных им странах. Разведка — это война умов. К силе прибегают тогда, когда недостает ума.

Я уверен, что в Ленгли — штаб-квартире ЦРУ — нет такого памятника, который стоит под березами в «Ясенево». На памятнике написано: «Вечная память разведчикам, отдавшим жизнь за Родину». Под памятником нет могилы, прах наших товарищей покоится в разных местах, но сюда всегда приносят цветы по памятным датам ветераны и молодые разведчики, отдавая должное тем, кто не вернулся однажды к своим семьям, не закончил командировку возвращением на Родину.

Переход на информационно-аналитическую работу

В 1971 году в моей службе произошел крутой поворот. Мне было сделано предложение стать заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки. Еще через два года я стал начальником этого управления. По традиционно бытовавшей в разведке в те времена оценке такое назначение представлялось крайне неудачным. С военных и послевоенных лет высшим пилотажем в разведке считалось приобрести хорошего агента-документалыцика (того, кто добывает подлинные документы политического и научно-технического характера), получать от него пачки материалов или микрофильмы и направлять их без обработки прямо в ЦК партии или в заинтересованные ведомства. До поры до времени в разведке вообще не ощущали необходимости иметь информационное подразделение. До 1943 года обходились без него, из добытых документов отбирали наиболее интересные, по мнению начальства, и направляли «в живом виде» Сталину, Молотову и другим иерархам ведомств.

К концу войны, однако, поток добываемых разведывательных материалов резко вырос, победы советского оружия делали явной скорую перспективу превращения СССР в великую мировую державу с многочисленными обязательствами и широким спектром интересов. Потребовалось создать подразделение, которое бы фильтровало поток информации по ее значимости и качеству, вело систематическое накопление добытых данных и занималось анализом всей собранной документации. Сотрудники этого подразделения поначалу совсем не ездили за рубеж, проводили рабочее время в режиме кабинетного затворничества, что не соответствовало традиционным представлениям о разведчике. На работу туда принимали людей с небольшими физическими дефектами. Даже — о Боже! — в порядке исключения допускалось использование на офицерских должностях женщин.

Подавляющее большинство руководящего состава разведки относилось к информационной работе пренебрежительно. Рейтинг управления стоял на невысоком уровне. На работу в управление не шли по доброй воле, чаще всего туда попадали либо проштрафившиеся, либо не состоявшиеся как «полевые» разведчики. Немногие из сотрудников управления бывали в долгосрочных командировках и имели личный опыт работы «в

поле». В отличие от других подразделений разведки, в информационном управлении был большой процент женского персонала, преимущественно вольнонаемного, и это существенно усложняло процесс управления. В 1971 году руководство управления раздирали внутренние разногласия, что отражалось и на остальном коллективе.

Переход из географического оперативного отдела в управление информации был равносилен переводу из столичного гвардейского полка в провинциальный захолустный гарнизон.

Но все-таки эта неприглядная картина скорее отражала печальное наследие прошлого, чем объективную бесперспективность информационной линии в работе разведки.

С приходом в 1967 году на пост председателя КГБ Ю. В. Андропова медленно, но неуклонно работа разведки становилась более интеллектуальной, более осмысленной. Образно говоря, на место прежних поисков только самородков золота приходила технология горно-обогатительных фабрик, которые готовили концентраты высокой чистоты. К этому толкали и объективные факторы. Если в годы войны и в первые послевоенные годы советская разведка приобрела широкую агентуру исключительно ценного качества в решающих звеньях государственных аппаратов благодаря высокому авторитету СССР, завоеванному всем советским народом в годы борьбы с фашизмом, то с началом «холодной войны» приток новых источников стал замедляться. Психологическая обработка населения западных стран, волны шпиономании, сменявшие одна другую, делали свое дело. Условия для работы разведки в западных государствах становились все сложнее. Советские посольства и представительства накрывались своеобразным колпаком. Спецслужбы, контрразведки наращивали свои силы, расширяли масштабы использования технических средств против разведки СССР. Полностью парализовать работу разведки, разумеется, они не могли, но им удалось снизить коэффициент ее полезного действия. Золотых жил стало поменьше.

Для компенсации потерь разведка постоянно стремилась к расширению фронта работы. Школа разведки увеличивала число подготавливаемых специалистов. Создавались новые прикрытия в торгпредствах, морагентствах, корреспондентских пунктах и т. д. В какой-то мере этот процесс можно понимать как стремление компенсировать качество количеством. Хотя справедливости ради следует подчеркнуть, что до самого последнего момента существования СССР разведка располагала высококлассными источниками информации по важнейшим направлениям политики, науки и техники.

Расширение фронта работ разведки диктовалось и расширением задач, которые возникали перед ней в результате самого развития мира. Могучие тектонические процессы, разрушившие старые колониальные империи и приведшие к созданию «третьего мира» в виде многих десятков новых независимых государств, потребовали создания новых подразделений разведки. Резидентуры создавались в таких городах, где прежде их никогда не было.

Возникали проблемы, которые просто невозможно было решить с помощью какого-либо одного «источника», независимо от его ценности. Эти проблемы надо было осмысливать, анализировать. Так, на долгие годы на Дальнем Востоке появился фактор враждебности Китая, ставший предметом особых политических и военных забот для нашего государства. Эта враждебность явилась результатом действия целого пучка йричин, часть которых находилась в Китае, а часть — может быть, большая — у нас, в Кремле. Наконец-то пришло понимание того, что в социалистических странах Восточной Европы (Польше, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии) развитие по предписанному им пути двигалось сложно, натыкалось на массу препятствий объективного и субъективного порядка.

События в Венгрии в 1956 году или в Чехословакии в 1968–1969 годах так и не подверглись серьезному критическому анализу в советских директивных кругах. Ограничились теми политическими оценками, которые были призваны сыграть пропагандистскую роль, но никак не ориентировали тогдашних лидеров на поиск причин болезни и подбор подходящих лекарств против нее.

Приход Ю. В. Андропова в КГБ приоткрыл дверь для свежего воздуха. Действия всех звеньев КГБ — а разведка была одним из них — из сплошных профессионально-технических манипуляций по выполнению указаний сверху превращались в политически осмысленную систему. Приходило понимание смысла и направленности всей работы. Вспоминалось старое правило русского полководца А. В. Суворова: «Каждый солдат должен понимать свой маневр».

Андропов очень уважительно относился к информационно-аналитической работе, с большой заинтересованностью и неподдельным вниманием выслушивал личные доклады начальника разведки, руководителей управления анализа и прогноза, мог изменить или даже полностью отказаться от своих взглядов на тот или иной вопрос под воздействием информации и аналитических выкладок. Это было неслыханно в те времена, когда члены политбюро считались непогрешимыми, равными

статусу папы римского. В его кабинете нередко бывали доктора наук Г. А. Арбатов, Н. Н. Яковлев и др. Человек с ученой степенью не вызывал у него аллергии, как это было в прежние времена в Комитете госбезопасности. Кстати, до прихода Андропова в разведке отношение к ученым было также более чем прохладное.

Одним словом, к началу 70-х годов сложилась обстановка, которая потребовала радикального изменения постановки дела с информационно-аналитической работой в разведке. Не исключаю, что в моем назначении в 1973 году на пост начальника управления сыграли роль и формальный факт получения мной степени доктора исторических наук за свою работу по истории Центральной Америки, и относительная «молодость» — мне минуло 44 года.

Давая согласие на переход на новую работу, я прежде всего исходил из понимания важности этого участка работы, сознания необходимости его реформирования с целью усиления влияния разведки на выработку государственной политики. Привлекала и мысль о возможности взглянуть пошире на всю панораму всемирной схватки между капиталистической и социалистической системами через подзорную трубу разведывательной информации. Работа в любой резидентуре, даже с несколькими источниками, не дает такой возможности. Там видишь мировую панораму как бы сквозь смотровую щель танка. Пресса же частенько искажает картину событий, выкрашенную в пропагандистский колер политической заданное™.

Важно, что, работая в информационно-аналитическом управлении, получаешь секретные и конфиденциальные материалы западных дипломатов, политиков, военных, посвященные Советскому Союзу, имеешь возможность знакомиться с их оценками положения у нас, прогнозами и предложениями, с которыми они обращаются к своим правительствам. Обретаешь таким образом возможность видеть свою собственную страну в перекрестке двух лучей — собственного опыта и знаний о нас западников.

К этому времени разведка переехала в красивый новый комплекс на окраине Москвы. Вместо скученности, когда разведке приходилось ютиться в старом здании на Лубянской площади, теперь в ее распоряжении был просторный, удобный комплекс зданий, где непривычно вольготно разместился персонал разведки. Изысканная планировка, наличие обслуживающих структур (спортивный, медицинский центры, залы для конференций и кино), лесопарковое окружение и даже декоративный водоем перед главным зданием с немедленно

поселившимися в нем стаями диких уток — все располагало к хорошему душевному настрою, к качественному сдвигу в отношении к работе.

Кстати, чтобы подчеркнуть свой первоочередной интерес к информационно-аналитической стороне работы разведки, Ю. В. Андропов разместил свой собственный кабинет в ее здании, рядом с управлением. Двери председательского кабинета и кабинета начальника управления разделялись только коридором. Довольно часто Андропов покидал свою штаб-квартиру на Лубянке и приезжал в разведку, где обстоятельно обсуждал заранее намеченные вопросы. Мне как начальнику информационно-аналитического управления нередко приходилось принимать участие в совещаниях в его кабинете. Скоро я убедился, что приглашения на совещания носили непротокольный характер, каждый участник был обязан высказать свои соображения по обсуждаемому вопросу. Если выступавший начинал уныло повторять общеизвестные позиции, то Андропов мог грубовато-властно прервать его: «Если нечего сказать, то помолчи!» Но очень заинтересованно мог слушать вне всякого регламента тех, кто со знанием дела докладывал о проблеме да к тому же предлагал нестандартное решение. Для меня первым боевым крещением в этом кабинете был, пожалуй, разговор об отношении к правительству Сальвадора Альенде, возникший весной 1973 года, когда тучи сгустились над правительством народного единства в этой далекой латиноамериканской стране.

Тогда Андропов спросил мнение разведки о целесообразности оказания финансовой помощи правительству Альенде, которое срочно изыскивало средства для приобретения товаров по импорту. Свободных валютных резервов у СССР уже не было, всякие собственные экстраординарные расходы покрывались с огромным трудом, а речь шла о выделении для Чили 30 млн. долларов. Деловое обсуждение всех аспектов внутри- и внешнеполитического положения в Чили привело к выводу, что правительство Альенде не имеет рычагов и воли изменить основные тенденции, действовавшие в стране и разрушавшие мало-помалу его социальный базис. При сохранении же этих тенденций судьба правительства обречена и его поражение — лишь вопрос времени. И 30 млн. долларов ни в коей мере не в состоянии изменить обстановку, а могут лишь оттянуть развязку на некоторое, к тому же весьма короткое время. Можно было не формулировать рекомендации, они вытекали сами собой.

Как трудно было нам высказываться на этом совещании! Ведь

мы всей душой и сердцем были на стороне чилийских коммунистов, социалистов и их союзников, которые пришли к власти не путем заговора и переворота, не в результате вторжения Советской Армии, а в результате демократических выборов, волеизъявления чилийского народа. А Соединенные Штаты организовали, как теперь досконально известно, настоящую травлю чилийского правительства и повели самую активную работу по подготовке военного переворота. Сальвадор Альенде наивно думал, что можно противостоять этому напору, не выходя из конституционных рамок. Рок обреченности повис над демократическим правительством Чили.

Подобные обсуждения, результаты которых совсем не вписывались в идеологически запрограммированную концепцию, убедили всех нас в необходимости тщательно готовиться к ним, заранее формулировать свое видение проблем и их возможных решений. Стало ясно, что спрос с управления будет иной.

Профессиональная свобода восторжествовала в информационно-аналитическом управлении раньше, чем в целом в разведке и тем более в КГБ. Это были свобода мышления и выработки предложений и демократия в методах изложения результатов своего анализа и синтеза.

Огромную помощь нам оказал В. А. Крючков, ставший к тому времени начальником разведки. Во-первых, ему принадлежит формула: «Информационная работа в разведке — это профессия». При его поддержке была радикально изменена кадровая политика по формированию штатов управления. На работу сюда больше не принимались «отходы» оперативной деятельности. Мы делали исключение только для двух категорий: либо высланные как персона нон грата активные разведчики, либо те, кто по семейным обстоятельствам не мог длительное время находиться за границей. Главными критериями все больше становились интеллектуальный потенциал, знание страны, региона, международной проблематики. Косная традиционная система подбора кадров не могла нам дать свежие силы. Мы создали свой собственный кадровый аппарат из состава знающих аналитиков, понимающих, какое качество людского материала нам нужно. Они, преодолевая сопротивление своих же чиновников от кадровой работы, знакомились с выпускниками МГИМО, Института иностранных языков, Военного института, МГУ. Удалось подобрать первых 50–60 молодых людей, толковых, грамотных, рвущихся к знаниям. Преодолевая немало искусственных барьеров, мы зачислили их на работу в управление без прохождения курса разведшколы. К примеру, запрещалось брать на работу в разведку людей, носящих очки (?!). Может быть,

это оправдано, когда речь идет о работе «в поле», хотя оттуда не гонят людей, когда они по возрастным причинам в 40–50 лет надевают очки. А применительно к информационно-аналитической работе это бьшо просто нелепостью. Кто виноват, что среди наиболее начитанных, эрудированных, способных к анализу людей больше всего очкариков?

С помощью Крючкова мы «открылись» миру. Доселе ни один из разведчиков не смел выступать за стенами КГБ в качестве сотрудника Первого главного управления. Бывало, широко общаясь за рубежом с коллегами-дипломатами, работниками торгпредств, журналистами, военными, мы не виделись и не встречались с ними, работая в СССР. А если и встречались, то опять тянули свою легенду о принадлежности к некоему другому ведомству, хотя ясно понимали, что наши коллеги давно и твердо знают о нашей ведомственной принадлежности. Теперь сотрудники информационно-аналитического управления открыто участвовали в научных конференциях, симпозиумах, «круглых столах» (тогда на них началась мода), устанавливали контакты по интересам в институтах Академии наук, общались с коллегами-странове-дами в МИД. Теперь это было разрешено. Более того, в управлении стало правилом, что наиболее сильные аналитики могли не приходить на работу в штаб-квартиру в «Ясенево» один раз в неделю, посвятив это время своим встречам и контактам в городе. Мне удалось тогда познакомиться с академиками Н. Н. Иноземцевым, Г. А. Арбатовым, будущим академиком Б. М. Примаковым и многими другими, кто занимался международной проблематикой. Мы стали различать все запахи общесоюзной кухни, где «выварились» оценки и предложения по внешней политике.

Бывшая разведшкола № 101 теперь была повышена в статусе до Краснознаменного института и также вовлечена в процесс наших реформ. Там была создана специальная кафедра информационно-аналитической работы, кадры которой были укомплектованы на первое время специалистами нашего управления. Все первоначальные учебные пособия были в спешном порядке подготовлены также в управлении. Пройдет время, и мы напишем учебник по информационно-аналитической работе. Нам нужны профессионалы, и мы начинаем готовить их в меру наших способностей. Для новичков, пришедших непосредственно в управление, будут организованы курсы из полутора десятков лекций, которые прочтет руководящий состав управления в рабочее время, в перерывах между выполнением практических каждодневных заданий.

Узнав о том, что управление научно-технической разведки,

всегда сильно зараженное «хуторскими», сепаратистскими настроениями, тихой сапой начинает создавать при себе научно-исследовательский институт по обработке открытых и полузакрытых материалов, мы ввязываемся в борьбу за то, чтобы такой институт носил общеразведывательный характер и обслуживал все ее направления. В конце концов удалось добиться этого, правда, потеряв какое-то время.

Постепенно появляются первые результаты. Мы их чувствуем в возросшем уважении, которое стали оказывать нам оперативные отделы. Мы охотно принимаем на стажировку их сотрудников, присылаем им на апробацию всю аналитическую продукцию, касающуюся их зоны ответственности, даем оценки работы их «источников» и целых резидентур.

Начальник разведки по-прежнему поддерживает нас. В ходе работы расширенных советов разведки, когда отчитывался руководитель подразделения или приехавший из-за рубежа резидент крупной точки, первое слово после самого отчитывающегося предоставлялось постоянно руководителю информационно-аналитического управления. Он мог задать тон всему обсуждению. Естественно, это придавало особый вес, но и налагало немалую ответственность на выступающего.

Признание полезности нашей работы иногда проявлялось в том, что резиденты стали обращаться с просьбами прислать к ним на постоянную работу специалиста управления. Мы с удовольствием это делали, когда речь шла о крупных точках с большим объемом информационной работы.

С годами информационно-аналитическое управление превратилось в одно из самых гибких и продуктивных подразделений разведки. Оно работало в круглосуточном режиме, непрерывно вело обработку поступающих материалов, было в состоянии в кратчайший срок мобилизовать любую группу для «мозгового штурма» внезапно возникшей проблемы. Сотни разных запросов ежедневно поступали в управление, и мне кажется, что мы оптимально удовлетворяли ожидания заказчиков. Но в силу атавистичности мышления, из-за низкой продуктивности оперработников «в поле» количественные параметры нашего управления оставались скромными. Если в ЦРУ соотношение между добывающими информацию работниками и информационно-аналитическими сотрудниками составляет 1:1, то в нашей разведке это соотношение едва равнялось 10:1.

Помнится, что когда во второй половине 70-х годов специальная сенатская комиссия обследовала ЦРУ, то она в своем заключении записала, что слишком много средств и людей занято

добычей информации и недостаточно поставлена аналитическая работа. И это при соотношении 1:1! А у нас этот перекос, выходит, был в десять раз больше.

Наша система информационного обслуживания советского руководства по вопросам внешней политики была безнадежно устаревшей. Существовали четыре основных потока информации: один шел из МИД, второй — из КГБ (в основном материалы разведки), третий — из Минобороны (военная разведка) и четвертый — из отделов ЦК, где существовали международный отдел, ведавший вопросами, связанными так или иначе с капиталистическим миром, и просто отдел ЦК, ориентированный на работу с соцстранами. Никакого четко определенного разделения труда между этими ведомствами не существовало. Если к МИД в этом отношении претензии были вполне определенные — послы обязаны следить за всеми процессами, то информация КГБ могла касаться как внешней политики, так и внутренней — экономических, социальных, идеологических и иных вопросов. Нередко резиденты разведки вторгались и в военно-стратегическую сферу, в вопросы строительства вооруженных сил иностранных государств, освещали не только политическую, но и военную сторону международных конфликтов. Одним словом, их информация становилась все шире по своей тематике, а сами задачи разведки превращались в необъятные.

Наши военные коллеги не оставались в долгу. Продолжая заниматься своими прямыми профессиональными темами, они тем не менее все больше увлекались общеполитическими проблемами, к освещению которых были менее подготовлены. Иногда это приводило к тому, что обе разведки начинали соревноваться не в качестве освещения той или иной проблемы, а в быстроте передачи первого сообщения о ней наверх. Создавалась вызывавшая горькую улыбку ситуация, при которой обе разведки вели себя как Добчинский и Бобчинский из гоголевского «Ревизора», каждый из которых оспаривал право быть первым, кто обнаружил «ревизора».

МИД, КГБ и ГРУ получали главный поток своей информации в виде шифртелеграмм. Весь массив телеграмм, поступавших из зарубежных представительств, предварительно просеивался в МИД секретариатом министра, в КГБ — информационно-аналитическим управлением, в ГРУ — соответствующим рабочим аппаратом и затем шел в общий отдел ЦК КПСС, откуда он и направлялся адресатам. Время, необходимое для получения информации конечным потребителем от «источника» (посольства, резидентуры), иногда составляло два дня. Доставка секретной

информации от ведомств в ЦК и пересылка ее между ведомствами осуществлялись специальной фельдъегерской службой, сохранившейся с XVIII–XIX веков. Документацию перевозили в кожаных портфелях младшие офицеры, обычно в звании лейтенанта. Все отличие от их исторических предшественников заключалось, в том, что они ездили не верхом, а в черной «Волге» и на боку висел не кремневый пистолет, а последняя модель «Макарова».

Информационные телеграммы готовились по принципу вольного творчества. Как правило, они оставляли удручающее впечатление обилием слов и скудостью мыслей. Нередко в них содержались и льстивые протокольные реверансы в сторону вероятных адресатов. Особенно этим грешили послы: ведь на их телеграммах была их собственная подпись, и так хотелось, чтобы их заметили, а еще лучше — отметили. Нередко приходили «простыни» по 10–15 страниц, из которых практически важная информация занимала от силы одну-две страницы. Резиденты обеих разведок были сдержаннее. Во-первых, их постоянно одергивали из центра, призывая к краткости; во-вторых, их телеграммы рассылались без указания фамилии подготовившего, а в-третьих, у них было все-таки поменьше политических амбиций.

Объемы поступавшей ежедневно на доклад руководству внешнеполитической информации становились огромными, где-то не менее 300–400 страниц. Могу судить об этом лишь потому, что вся поступавшая в адрес Ю. В. Андропова как члена политбюро ЦК КПСС внешнеполитическая информация направлялась в копии и к нам, в информационно-аналитическое управление, с тем чтобы мы лучше ориентировались в обстановке и, главное, чтобы не дублировали, не давали то, что уже известно.

Не только переварить, но даже просто прочитать такой объем нашим геронтократам было явно не под силу. Сначала из аппарата Брежнева последовала команда печатать все информационные материалы, направляемые в политбюро, самым крупным шрифтом. Все тексты стали набираться только заглавными буквами. Дело кончилось тем, что телеграфную информацию перелопачивали помощники и они же нередко устно пересказывали ее содержание своим шефам.

Все фильтрующие этапы, вплоть до помощников, были озабочены тем, чтобы на глаза шефов не попала тревожная, критическая информация. Ее подавали в подслащенном, приглаженном виде, где все шипы были загодя срезаны.

Точно так же, как бояре и вельможи в старое время боролись за право быть поближе к уху царя-батюшки, министры,

руководившие ведомствами, ни в какую не соглашались на изменение установленного порядка информирования правительства. В соответствии с этим «порядком» единственным адресатом всех бесчисленных телеграмм и записок был первый руководитель партии и государства. Каждый ревниво оберегал неприкосновенность своего права на доступ к уху генерального секретаря.

У некоторых государственных чиновников, имевших прямое отношение к информационным делам, особенно у разведчиков, знакомых с их организацией в западных странах, время от времени возникали проекты создания у нас государственного органа наподобие Совета национальной безопасности США, который бы осуществлял координацию работы ведомств и способствовал выработке разумной системы доклада информации главе государства. Но таким проектам не давали хода.

В СССР еще в конце 40-х — начале 50-х годов при Сталине была предпринята попытка объединить все потоки информации в один пучок. Тогда был создан Комитет информации во главе с В. М. Молотовым. Ему были подчинены все информационные службы разведки и ГРУ за границей. Комитет и его руководитель, разумеется, получали огромное влияние в государстве. Это могло напугать Сталина и совершенно не устраивало пострадавших вельмож — министра обороны и шефа КГБ. Вскоре все вернулось на круги своя, и снова в информации начались хаос и беспорядок.

Кроме шифртелеграмм внешнеполитические ведомства использовали для информирования руководства так называемые «записки». (Само название унаследовано от царских времен.) Ими широко пользовались во времена всех советских администраций. Обычно это был четырех-пятистраничный обзорный или аналитический документ, посвященный одной теме, одному вопросу. Иногда он содержал рекомендации или хотя бы соображения относительно наших действий. «Записки», как правило, подписывались руководителем ведомства — министром, директором исследовательского института и т. д. В постановке вопроса, в информационном освещении темы, в рекомендациях нередко просматривался интерес ведомства. Видимо, поэтому в последние годы существования СССР получила развитие практика составления коллективных «записок» по комплексным вопросам международного положения, таким, как разоружение, гуманитарные проблемы и т. д. Подготовка таких «записок» шла трудно, занимала уйму времени на согласование, сбор виз, подписей. Стоило одному министру заупрямиться — и вся работа останавливалась на неопределенный срок. Чтобы выйти из тупика, исполнители искали и часто находили

«взаимоприемлемые» формулировки, но документ выхолащивался и становился просто ненужным. А указание руководства надо было выполнять, и «записка» появлялась на свет, чтобы тут же, по получении регистрационного номера, сгинуть в архивах общего отдела ЦК.

Разведка очень часто пользовалась «записками» как самостоятельной формой информационного документа. Наши «записки» были короткими — три-четыре страницы, в них проблема подавалась в комплексе мировых событий с отражением ее динамики, эволюции. Мы привыкли к тому, что любой вопрос надо подавать как бы заново, максимально полно и сжато. Наши записки встречали неплохой прием. Вскоре наш опыт переняли военные, которые до середины 70-х годов не решались выступать с внешнеполитическими «записками». Но отделы ЦК откровенно злоупотребляли всеми нормами делопроизводства. Приходилось видеть «записки» объемом 50–60 страниц, посвященные таким темам, как «Отклики в международном коммунистическом и рабочем движении на (очередной) съезд партии», или реакция на пленум, или просто выступления генерального секретаря. Темы подбирались так, чтобы ласкать слух.

Одним словом, информации накапливалось горы, немало было дублирования и противоречий, регулярно что-то подкрашивалось розовым флером оптимизма, скрывая нарастающие трудности. Когда же ситуация выходила из-под контроля, и шифртелеграммы, и «записки» внезапно приобретали панический тон.

Андропов, Крючков отдавали себе полный отчет о состоянии информационного дела в стране, но у них не было ни сил, ни возможности что-либо изменить. В один из приездов Андропова в разведку на обсуждение был поставлен вопрос о создании центра по обработке иностранной печати и материалов зарубежного радио и телевидения. Наши министерства и ведомства выписывали громадное количество иностранной периодики, тратили валюту, но всего лишь кое-как просматривали полученные материалы, а потом издания расходились по рукам или оседали в библиотеках. Мы предложили создать один общесоюзный центр, который бы препарировал, ведя досье по широкому рубрикатору, всю прессу, наладил ксерокопирование материалов и удовлетворял все заинтересованные ведомства. Андропов, помнится, повел плечами, как будто ему стало вдруг зябко, и сказал: «Нет, ничего не получится, давайте решать эту проблему в рамках нашего ведомства».

Вся огромная страна на глазах расщеплялась на удельные владения — ведомства, и они имели только свои местнические

интересы. СССР становился чем-то вроде апельсина, который снаружи походил на красивый монолит, а сними кожуру — и представал перед глазами в виде долек, каждая из них была либо ведомством, либо союзной республикой. Процесс расщепления начался давно, но особенно ускорился при администрации Л. И. Брежнева и, в частности, после перенесенного им в 1975 году инфаркта. Вообще этот год по многим признакам можно считать кульминационной точкой развития советского государства, известного под названием СССР, после которой практически началось неуклонное движение вниз, завершившееся в конце 1991 года распадом. 16 последних лет длилась агония нашего «исторического произведения».

Политбюро ЦК КПСС потеряло роль совещательного органа при единовластном вожде, как это было при Сталине и какое-то время при Хрущеве. При Брежневе оно превратилось в классический олигархический орган, каждый член которого все больше заботился о своих интересах. Даже персональный состав политбюро свидетельствовал о деградации государства. В него входили чисто партийные функционеры типа Суслова, Гришина, министры, возглавлявшие политические ведомства, — Громыко, Андропов, Устинов, руководители республиканских партийных организаций вроде Щербицкого, Кунаева и др. В высшем руководящем органе страны не было почти никого, кто отвечал бы за основу основ — экономику государства. В состав политбюро входил по должности Председатель Совета Министров СССР, и все! Там не было руководителя Госплана, представителей промышленности, сельского хозяйства. В политбюро заседали те, кто тратил деньги, но не было тех, кто должен их зарабатывать. Руководство поворачивалось спиной к экономике страны. Ее перепоручали секретарям ЦК, а те, в свою очередь, норовили ускользнуть.

Упорное нежелание видеть объективную обстановку в стране сказалось на отношении к информации вообще. Никто в реальности не хотел внедрения современных информационных систем, ибо культура их использования связана с необходимостью введения в банки данных точных, проверенных, четко сформулированных сведений. Современная информатика не позволяет давать произвольные оценки действительности, то есть лгать. Объективная информация вынуждает руководителя принимать вполне определенное решение, не оставляет места для волюнтаризма, отказаться от которого советские и российские руководители никак не могли. Оттого-то и часты формулировки в наших правительственных бумагах типа «поручить Министерству финансов изыскать необходимые средства…». На практике это

означает, что средств нет, но кому-то хочется, чтобы они были, и их найдут, сделав очередное насилие над экономикой, над здравым смыслом.

В катастрофическом отставании информатики в целом в СССР повинна не только наша технологическая ущербность, ее можно было преодолеть, как это видно на примере военно-промышленного комплекса. Главное, что отбрасывало информационное обслуживание правительства назад, состояло в отсутствии реального интереса у тогдашнего руководства страны, предпочитавшего ограничиваться общими оценками, которые передавались по телефону или во время совещаний. Но тогда информация может быть радикально искажена. Эти явления известны давно. Они назывались «лакировка действительности», «очковтирательство», «замазывание недостатков» и пр. (Видимо, руководству так жить было удобнее.)

Что касается информационно-аналитической работы конкретно в разведке, то у нас существовало правило — нести честно свою профессиональную службу. Андропов напутствовал нас: «Никогда не пишите неправду! Я не заставляю вас подделываться под заранее данные оценки».

В декабре 1993 года информационно-аналитическое управление внешней разведки отмечало 50 лет своего существования. Оно было создано, когда обозначился перелом в военных действиях в Великую Отечественную войну и на горизонте замаячил выход СССР на широкую мировую арену в качестве великой державы. Из этих 50-ти мне довелось 11 лет (с 1973 по 1984 г.) быть ее руководителем, и могу с чистой совестью сказать, что ни разу мы не давали информацию по принципу «чего изволите». В жуткие застойные времена, когда было стыдно за государство, за ее полуживых руководителей, за нараставший маразм, мы честно несли свою службу, не лгали.

Работа над основными аналитическими документами, устные «мозговые штурмы» велись обычно коллективно. С самого начала было установлено, что при анализе проблем участники перестают делиться на начальников и исполнителей. Весомость высказанного мнения зависит не от должностного положения, а от новизны, неординарности, глубины аргументации. В такой обстановке поддакивание, послушничество, безропотное соглашательство становились заметными и вызывали отторжение со стороны коллектива.

Мы быстро научились полагаться на свои силы. Пришлось с сожалением убедиться в том, что состояние нашей страноведческой академической науки безрадостно и рассчитывать на ее помощь в наших аналитических разработках

практически бесполезно. Институты были слабо обеспечены информационными материалами, особенно в той части, которая касалась текущей политики государств. Чувствовалась их оторванность от прямых практических задач. Сами результаты проводившихся исследований редко поступали к высшему партийному и государственному руководству, а стать достоянием общественности им мешали цензурная сетка и вечная нехватка бумаги, типографских мощностей (академические работы, увидевшие свет, можно было пересчитать по пальцам). Руководители институтов активно втягивались в политиканскую возню, искали своих покровителей в высших сферах, участвовали в подготовке партийных и иных отчетных или программных документов, но действовали скорее как исполнители, нежели как представители авторитетной, независимой науки. Они были «перьями» в большей степени, чем «головами». Очень много сил академики тратили на получение званий, на фракционную борьбу в своей среде.

В 1974 году в беседе с одним из ведущих сотрудников Института США и Канады я пожаловался на то, что СССР осуществляет в США бесприцельную пропаганду, выбрасывая огромные суммы. Рассказывал ему, что, когда в Мексике в 1968 году проводились Олимпийские игры, советское посольство в Вашингтоне, даже не уведомив предварительно меня, в то время представителя агентства печати «Новости» в Мехико, прислало несколько грузовиков с нереализованными, невостребованными номерами издававшегося в США журнала «Совьет лайф» для бесплатного распространения среди гостей Олимпиады. Десятки тонн пропагандистских журналов, полиграфически выполненных превосходно — на лучших сортах мелованной бумаги, стали практически макулатурой и были списаны, уничтожены. Я предложил провести исследование американского общества с точки зрения его реакции на наши пропагандистские усилия и по результатам исследования поставить вопрос об изменении содержания и форм пропаганды. Куда там! Из путаного потока слов моего собеседника я понял, что институт этого сделать не в состоянии и заниматься этим не будет.

С директором этого института Г. А. Арбатовым у меня состоялся единственный, но памятный для меня разговор. В один из летних дней 1978 года я поехал к Арбатову по прямому указанию В. А. Крючкова для обсуждения проекта под девизом «Северное сияние», за который тогда активно ратовал академик. Проект предусматривал постройку крупного газопровода из Западной Сибири до Архангельска, а то и до Мурманска. В этих городах-портах предполагалось соорудить заводы по сжижению

газа, а затем продукцию отправлять на специальных танкерах в США. Американцы изъявляли готовность выделить под этот проект необходимые средства, которые оплачивались бы поставками жидкого газа. Арбатов исходил из того, что газа в СССР «практически неограниченное количество», а сейчас надо получить валюту для страны.

В разведке существовало убеждение, что торговля невозобновляемыми ресурсами, особенно энергоносителями, является непозволительным мотовством, ставящим под угрозу экономическое будущее государства. Легкое сиюминутное получение валюты за счет благополучия завтрашних поколений россиян лишь ослабляет поиски других, более надежных и стабильных путей оздоровления внешней торговли. Перед глазами стоял пример самих США, стремящихся сохранить каждую тонну своих природных ресурсов и предпочитающих наращивать импорт нефти из-за рубежа. К тому же вырученная валюта в СССР не шла на коренную реорганизацию промышленности, на развитие науки и техники, на подготовку рывка в развитии экономики, деньги-то преимущественно тратились на покупку устарелого оборудования, годами гнившего на открытых площадках, да на оплату ежегодного импорта зерна.

Большинство экспертов из министерств геологии, нефтяной и газовой промышленности, специалисты из Тюмени, с которыми мы связывались, были против проекта. Они доказывали, что в условиях агрессивной среды Севера основные сооружения планировавшегося газопровода должны были прийти в полную негодность как раз к тому времени, когда стоимость газопровода была бы оплачена поставками газа в США. Нам в наследство остались бы только разрушенная экология трассы, опасно изношенные трубы и компрессорные станции на грани остановки.

Вот эти доводы я высказал в беседе с академиком, который защищал противоположную точку зрения в поисках экономического наполнения политической разрядки в отношениях с США. Разговор кончился ничем, и больше деловых встреч у нас не было.

Более устойчивые и плодотворные контакты наладились с Институтом мировой экономики и международных отношений, особенно в тот период, когда руководил им академик Е. М. Примаков. Мы принимали участие во многих ситуационных анализах, научных конференциях, работали там рядом с военными коллегами, с практиками из других ведомств. Этот институт был более открыт для советских экспертов, там меньше чувствовалась неприязнь, настороженность в отношении сотрудников разведки. Обсуждения проблем носили более

деловой и, можно сказать, демократический характер. Мы старались быть полезными, откровенно высказывая свою точку зрения, и сами приобретали бесценный опыт общения с научной общественностью.

К сожалению, не получили должного развития наши контакты с Институтом экономики мировой социалистической системы (директор О. Т. Богомолов). Мы удовлетворились тем, что имели всю научную продукцию ученых института и тщательно сопоставляли их аргументы и предложения с собственными данными.

Если честно сказать, то расширению сотрудничества между разведкой и академической страноведческой наукой мешала принадлежность разведки к КГБ, от страха перед которым не могли отделаться очень многие. С нашей стороны иной раз проявлялась недооценка научного потенциала академических институтов, нас завораживало обилие имевшихся у нас информационных материалов, что порождало порой самонадеянность. Слава Богу, мы все-таки раньше других стали привлекать ученых к участию в контрактных разработках.

Сотрудничество с военными коллегами и с работниками Министерства иностранных дел было более продуктивным и полезным в силу конкретности и практичности обсуждавшихся вопросов. Степень взаимопонимания с военными товарищами была очень высока, особенно если речь шла о работниках Главного разведывательного управления. С мидовцами в Москве дело обстояло посложнее, контакты с ними были вежливыми, корректными, деловыми, но всегда чувствовался холодок от спрятанной в глубине наших взаимоотношений вечной мерзлоты. Заскорузлый страх перед КГБ, безотчетное опасение подвоха, видимо, с давних пор передавались из поколения в поколение дипломатических работников и отравляли атмосферу сотрудничества. Мешало работе с ними и то, что они были очень медлительны, неповоротливы. Сильная зацентрализованность, бюрократизм не позволяли рабочим звеньям высказываться по проблемам с такой же свободой, какой пользовались мы.

Обретенная открытость, насыщенность политической информацией дали нам необходимый кислород для активной аналитической работы. Чтобы ввести ее в четкое русло и подчинить практическим интересам государства, мы один раз в шесть месяцев составляли план, то есть перечень тем, по которым были готовы представить свои информационно=аналитические документы. План утверждался лично Ю. В. Андроповым и был обязателен к выполнению. Жизнь всегда богаче, чем ее предвидение даже на шесть месяцев вперед, и никто не мешал

нам откликаться на все вновь возникающие ситуации.

Большие и малые хлопоты разведки

В 70-е годы большое место в наших политических заботах занимали страны так называемою «третьего мира». Интерес к ним менялся по интенсивности и по формам своего проявления. В годы администрации Н. С. Хрущева СССР, еще не потерявший уверенности в своих силах, старался не только перепрофилировать политическую ориентацию новых независимых государств, но и подводить под дружбу с ними экономическую базу. К тому времени относится строительство Асуанской плотины в верховьях Нила, металлургического комбината в Бхилаи (Индия), крупных объектов гражданского назначения в Индонезии. При этом имелись в виду не только экономические, но и политические соображения. Везде наша помощь способствовала, по мнению Старой площади, укреплению государственного сектора в экономике, то есть базы, сближавшей нас с этими государствами. Наши займы и помощь вели к формированию рабочего класса, а он, как вытекало из марксистско-ленинской доктрины, считался нашим естественным социальным союзником. Американцы, дескать, преследуя противоположные цели, направляют свои займы и капиталовложения преимущественно в развитие частного сектора экономики других стран, способствуя тем самым формированию и укреплению класса буржуазии, то есть своего социального союзника.

К концу 60-х годов стало ясно, что решение столь фундаментальных задач в странах «третьего мира» нам не по плечу. Вопрос о крупных индустриальных проектах отпал сам собой. Но политические амбиции продолжали крепко держать нас в своих объятиях. ЦК партии никак не мог отказаться от убежденности, что «третий мир» является резервом социализма. В решения съездов партии неизменно вписывались разделы о национально-освободительном движении в странах «третьего мира», о нашей солидарности с ними. К этому прибавилось соперничество с Китаем в борьбе за влияние в этом мире. Но СССР никак не мог подкрепить свои претензии экономическими возможностями. В силу этого в сотрудничестве нашей страны с новыми независимыми государствами на передний план стали выходить факторы военно-технического характера: поставки оружия, направление военных советников, налаживание военного строительства начинали играть преобладающую роль.

Другими словами, объективно ЦК КПСС и наши военные благожелательно относились к расширению фронта

сотрудничества со странами «третьего мира». Разница была в том, что международный отдел ЦК поддерживал это направление чисто политически, исходя из общих идеологических построений, а Министерство обороны вело широкую практическую работу по освоению новых областей сотрудничества.

В то же время в расширении масштабов нашей вовлеченности в дела «третьего мира» не было никакого смысла. Возможности не соответствовали нашим амбициям. Активность носила какой-то автоматический, инерционный характер. Мы походили на армию, наступление которой выдохлось, основные ее силы залегли в окопах, но некоторые части еще в запальчивости продолжали продвигаться вперед, надеясь заслужить похвалу командования.

Все ведомства, ведавшие экономической сферой жизни СССР, занимали явно негативную позицию по отношению к требованиям расширения экономической помощи новым государствам. Госплан, министерства финансов и внешней торговли, как могли, сопротивлялись многочисленным постановлениям Совмина, основанным на решениях ЦК КПСС, о выделении новых и новых ресурсов для стран «третьего мира». Поставки туда росли, как раковая опухоль, отнимая силы у слабеющего организма нашего собственного государства.

МИД СССР и его руководитель А. А. Громыко относились к «третьему миру» откровенно пренебрежительно. Андрей Андреевич с большим удовольствием посещал и принимал своих коллег из малых европейских государств, чем возмутителей спокойствия из стран «третьего мира». Даже политбюро не могло загнать его на Ближний Восток, в Африку или в Латинскую Америку. Поездки в страны этих регионов — единичные случаи в его, казалось, бесконечной карьере министра иностранных дел.

КГБ и, в частности, разведка занимали срединное положение. У нас не было ведомственной заинтересованности в безмерном расширении социалистической системы, мы достаточно ясно видели, как усиливается из года в год перенапряженность экономики нашей страны, учащаются конфликты между Востоком и Западом из-за соперничества в «третьем мире». В 1975 году в информационно-аналитическом управлении разведки был подготовлен и представлен на доклад Ю. В. Андропову документ о перспективах нашей политики в этих странах. Стержневая мысль документа заключалась в том, что СССР не может позволить себе роскошь разбрасывать средства и усилия по безмерному пространству трех материков: Азии, Африки и Латинской Америки. Необходимо сосредоточить внимание на ограниченном числе государств, которые были бы политически наиболее близки, в стратегическом отношении — наиболее

выгодны, а экономически — малоёмки. В документе содержались ссылки на пример великих в прошлом держав, в частности Англии, которая, контролируя всего лишь несколько точек на карте — Гибралтар, Мальту, Суэц, Аден, Сингапур, — обеспечила себе господство на важнейшем морском пути из Европы в Индию.

Применительно к Ближнему Востоку в документе говорилось, что наша широкозахватная политика ведет к огромным затратам технических и денежных ресурсов, не давая и не суля в будущем ни политических, ни стратегических преимуществ. Мы напоминали о том, что ни Египет, ни Сирия, ни Ирак не собираются ни платить свои долги, ни выстраиваться в кильватерную колонну вслед за нами в мировом сообществе, ни предоставлять нам военно-стратегические возможности. Вся многолетняя игра вряд ли стоит свеч.

В документе предлагалось выбрать одну страну и сделать из нее образец сотрудничества, кстати, и проверить нашу способность добиваться конечных целей. Рекомендовался Южный Йемен в силу того, что правивший там режим был «самым марксистско-ленинским», левее него в арабском мире не было. Аден в военно-стратегическом отношении был важен для влияния на Индийский океан и на Средиземное море. Имеющийся в городе нефтеперегонный завод обеспечивал бы энергоресурсами флот, авиацию. Самой стране для развития требовалось не так уж много средств. Надо было найти нефть, побольше воды, и основные проблемы были бы решены. Более того, страна удалена от основных конфликтных узлов региона. У нее нет близко расположенных противников, от Саудовской Аравии Южный Йемен отделен пустынями с зыбучими песками. Надо было замириться только с Северным Йеменом. В крайнем случае организация военной защиты от него не представляла труда.

Предлагалось разработать долгосрочный план перестройки государства Южный Йемен, его ускоренного развития, формирования кадров в учебных заведениях Советского Союза и т. п.

Заканчивался документ предложением подобрать ограниченное число стран и сосредоточить на них наши небеспредельные силы и средства, остальным странам «третьего мира» оказывать ту самую политическую, моральную помощь и поддержку, ресурсы которой безграничны.

Ю. В. Андропов держал документ несколько дней, затем вернул с рекомендацией сократить его, потом еще раз он был возвращен с новой рекомендацией: «Убрать предложения, оставить информационную часть». В результате от документа остался обрубок, не представлявший интереса. Мы были уверены,

что высказанная нами мысль оказалась пущенной в оборот в личных переговорах с членами политбюро, но не получила поддержки и умерла, не воплотившись даже в официальный документ КГБ, адресованный в ЦК КПСС.

Понимая, что плетью обуха не перешибешь, разведка стала использовать расширение влияния СССР в «третьем мире». При разведывательном институте был создан специальный факультет по подготовке кадров для спецслужб развивающихся стран. Мы рассчитывали получить в лице выпускников этого факультета политически и профессионально ориентированных на нас союзников. Развивающиеся страны приобретали возможность бесплатно готовить свои квалифицированные кадры. Во многих новых государствах были открыты представительства КГБ, которые на месте оказывали консультативную помощь по всем вопросам строительства национальных служб безопасности. Через представительства чаще всего оказывалась безвозмездная помощь в виде поставок специальной оперативной техники (средств контроля, связи и т. д.).

Оглядываясь теперь на нашу политику в странах «третьего мира», нельзя не улыбнуться — уж очень она походила на крыловскую басню о лебеде, раке и щуке: никакой общей осмысленности, стержневой линии, всё без руля и без ветрил. Вот любопытная запись из дневника от 6 декабря 1974 г.: «Случилось очередное чудо из чудес. В далекой нищей Дагомее, в Котону, тамошний президент Кереку провозгласил себя марксистом-ленинцем с 4 декабря с. г., а свою страну — идущей по пути строительства социализма. Он просит нашей помощи в организации армии, спецслужб, не говоря уж об экономике. Наш посол, которому он все это изложил, вспотел от страха и не мог ответить ни да, ни нет… Акция дагомейцев выглядит абсурдом… 80 % трехмиллионного населения неграмотны, власть в руках кучки военных. Нет ни промышленности, ни партий, ни классов. Правду говорят, что если нельзя, но очень хочется, то можно!»

Мы в разведке стали искренне пугаться расползания по планете красной сыпи «социализма», потому что во многих странах, провозглашавших социализм, ничего действительно социалистического не было и не могло быть из-за отсутствия производственной базы, неразвитости гражданского сознания, невысоких морально-нравственных и человеческих качеств лидеров. Даже угандийский диктатор Иди Амин, как выяснилось впоследствии, каннибал, играл социалистическими лозунгами. Вся спекулятивная круговерть вокруг социализма преследовала цель только получить помощь и поддержку от Советского Союза и социалистического содружества в борьбе за укрепление своей

национальной независимости, а нередко и в борьбе за власть в стране. Так случилось, например, в Анголе, где к моменту ликвидации колониального режима Португалии было три основных претендента на политическое наследство: МПЛА (социалистическая ориентация), ФНЛА и УНИТА (прозападная, капиталистическая). Такая раскладка сил в стране, как правило, предвещала длительную и упорную гражданскую войну, что уже было продемонстрировано ранее в Конго трагическими событиями, унесшими жизни Патриса Лумумбы и его сторонников.

Во все кризисные пертурбации того времени в «третьем мире» Советский Союз вовлекался стихийно, сплошь и рядом против своей воли. Помнится, как в той же Анголе, когда нависла реальная угроза установления власти прозападных группировок, поддержанных решительной позицией ЮАР, в ноябре 1975 года наши советники и специалисты, находившиеся в этой стране, получили приказ перебазироваться в Конго (Браззавиль) и стали спешно собирать пожитки, когда в дело вмешались кубинцы, решительно настаивавшие на принятии оборонительных мер. Они прислали первые боевые отряды, малочисленные и скромно вооруженные, которых оказалось достаточно, чтобы защитить Луанду и спасти МПЛА от стремительно продвигавшихся к столице Анголы наемников. Только после этого под постоянным нажимом ангольцев и кубинцев начала увеличиваться наша вовлеченность в ангольские дела.

Долгие годы создавался миф о страшной «руке Москвы», тайно и неудержимо ворочавшей миром. Ничего более далекого от действительности быть не могло. В 1972 году в Египте возник без всякого участия со стороны СССР острый внутриполитический кризис. Подавляющая часть египетского руководства, включавшая военного министра Фавзи, министра внутренних дел Гомаа, руководителя правящей партии Сами Шарафа и др., выступила против А. Садата, считая, что он проводит линию, не отвечающую должным образом национальным интересам страны. Возник заговор, получивший название «заговора крокодилов». Заговорщики не стеснялись открыто говорить о своих планах с советским послом в Египте С. А. Виноградовым, ожидая от него хотя бы какого-то знака одобрения и поддержки. Тот молчал, млея от страха.

Наконец они его прямо спросили, поддержит СССР такую акцию или нет. Парализованный ответственностью и полным отсутствием каких-либо указаний из Москвы, посол молчал. Недоумевавшие заговорщики растерялись. Уходили драгоценные часы, которыми воспользовался Садат, чтобы нанести силами

личной охраны упреждающий удар. Все заговорщики были арестованы и отданы под суд.

Какая уж тут «рука Москвы»? Неуверенная, дряблая политика СССР в делах «третьего мира» не была секретом для руководства многих стран. Афганские офицеры, начинавшие в апреле 1978 года саурскую революцию и намеревавшиеся придать ей социалистическую направленность, вообще решили не ставить заранее в известность руководство СССР. Они дали знать о своих планах военного выступления против правительства Дауда всего за два-три часа до начала акции. Свою позицию они мотивировали весьма любопытно: «Иначе вы стали бы отговаривать нас от восстания». Уверен, что офицеры были правы в своих опасениях. На таком общем нерешительном политическом фоне нельзя было говорить о каких-либо энергичных, целенаправленных действиях разведки. В среде офицеров оживленно и даже с профессиональной завистью комментировались, к примеру, некоторые акции израильской разведки, которая с ведома и при поддержке правительства проводила рискованные, но в то же время эффективные операции Чего стоила, например, акция по захвату и вывозу в Израиль в 1960 году военного преступника Эйхмана, проживавшего в Аргентине. Не дрогнув перед нарушением международного права, израильтяне воспользовались приглашением прислать делегацию на празднование 150-летия аргентинской антиколониальной революции и направили в Буэнос-Айрес спецсамолет. В обстановке праздничной эйфории это не вызвало подозрения у аргентинцев, хотя такие самолеты прислали только две страны — СССР и Израиль. Специальная группа захвата без труда взяла Эйхмана, местонахождение которого было известно заранее и находилось под постоянным наблюдением агентуры израильской разведки. Он был приведен в бессознательное состояние с помощью медпрепаратов и под видом пьяного члена делегации погружен в самолет, который и доставил его в Израиль. Дальше уже пошла стрижка политических купонов с этой разведывательной операции.

Нам тоже хотелось доказать, что мы в состоянии проводить боевые операции, способные иметь большой политический резонанс. После военного переворота в Чили, когда режим Пиночета развернул в стране кампанию террора против тех, кто, будучи у власти, не решался прибегнуть к насилию, это желание стало особенно острым. У нас в информационно-аналитическом управлении родился план осво-вождения политических узников во главе с Л. Корваланом, которые находились на небольшом острове в Магеллановом проливе в специальном

концентрационном лагере. В операции должны были принять участие торговое судно, под верхней палубой которого находились бы три укрытых военных ударных вертолета, и две подводные лодки, которые скрытно, в погруженном состоянии, должны были стоять в условленном месте в определенное время. Контроль за морской и воздушной обстановкой должен был обеспечиваться средствами космической разведки. Вертолеты поднимаются с палубы торгового судна при подходе к зоне расположения концлагеря и на бреющем полете атакуют казармы охраны и радиостанцию лагеря. Внезапность и мощь удара должны были подавить всякое сопротивление. После этого с вертолетов высаживается небольшой штурмовой десант, который довершает дело — обеспечивает посадку освобожденных узников на вертолеты, которые переправят их на подводные лодки вместе со штурмовой группой. После завершения операции вертолеты предполагалось взорвать, чтобы они рассыпались на куски и затонули на большой глубине. Торговое судно продолжало бы свой обычный рядовой рейс.

План был дерзкий, не без элементов авантюры, но вполне реальный и посильный для разведки. У нас были снимки и макеты лагеря, на которых можно было отработать все элементы операции. Но, как говорится, бодливой корове Бог рог не дает. Наш план не получил поддержки и одобрения ни у кого. Причем не было сделано даже попытки обсудить его с профессиональной точки зрения. Иногда у собеседников загорались на какое-то мгновение глаза, но потом они гасли, наступала апатия, побеждали неверие в свои силы, нежелание рисковать, а может быть, недоступная нашему пониманию политическая мудрость.

Нам вновь пришлось концентрировать свои усилия на информационно-аналитических делах. В 70-е годы огромное место в нашей внешней политике занимали Дальний Восток и Юго-Восточная Азия, что было связано с нараставшими противоречиями с Китаем и войной во Вьетнаме. Китайский фактор, безусловно, является жизненно важным для нашей страны. Колоссальная держава с неисчерпаемыми людскими и материальными ресурсами граничит с нашими обширными слабонаселенными районами Сибири и Дальнего Востока: на всем пространстве за озером Байкал в лучшие времена проживало менее 5 млн. человек. Весь этот огромный регион связан был с центральными районами СССР только одной железнодорожной магистралью, которая к тому же проходила в некоторых местах на расстоянии винтовочного выстрела с китайской территории. Иными словами, никакой возможности защитить эти районы от какого-либо нападения со стороны Китая у Советского Союза не

было, кроме как с помощью ядерного оружия. Китайская же сторона в те годы и официально, и еще чаще неофициально давала понять, что претендует на 3 млн. кв. км советской территории. Это подливало масла в огонь конфликта.

В Советском Союзе сложились две определенные «партии» по отношению к китайским делам: «ястребы» и «голуби». «Ястребы» были в подавляющем большинстве. Трудно сказать, как делились силы в политбюро, но видимым на поверхности главой «ястребов» был первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС О. Б. Рахманин. Он был и членом ЦК, и депутатом Верховного Совета, но главное — представителем самых активных антикитайских сил в советском партийном и государственном руководстве. Лейтмотивом всех «записок», которые в ту пору готовились в отделе ЦК по китайскому вопросу, была угроза с Востока, в них акцентировались все моменты разногласий, шло запугивание неизбежностью большой войны с Китаем. Постепенно эти настроения захватили и разведку. Китайская опасность временами ставилась на один уровень с угрозой со стороны США. О китайцах стали говорить как о главном противнике.

Надо сказать, что поведение Мао Цзэдуна давало основание для этого. В 1969 году китайцы стали инициаторами кровавых событий на острове Даманском, на реке Амур, где применили оружие, решая вопрос о государственной принадлежности острова. В 1971 году Пекин тайком пригласил Киссинджера в Китай. Эта миссия вызвала переполох во всем мире и настоящую истерику в Кремле. В следующем году китайцы пригласили Никсона с официальным визитом. Ей-богу, было от чего серьезно задуматься.

Разное понимание китайской опасности нашими «ястребами» и «голубями» происходило оттого, что первые считали неизбежным стратегический союз между Китаем и США, неотвратимой конфронтацию с китайцами и непреодолимыми идеологические разногласия. Все «ястребы» в основном гнездились в здании на Старой площади, но у них были союзники и среди военных, которых пугала возраставшая ракетно-ядерная мощь Китая.

В правительстве насчитывалось немало разумных людей, которым претило нарочитое нагнетание напряженности между СССР и Китаем. Известна попытка разрядить обстановку, предпринятая А. Н. Косыгиным во время встречи с Чжоу Эньлаем в пекинском аэропорту в 1969 году. МИД СССР, хотя и подчинялся общепартийным командам, все же держался линии, продиктованной здравым смыслом. Посты послов в Пекине занимали тогда представители партийной бюрократии, но, когда

представители МИД оставались в роли поверенных в делах, они старались внести в политику струю рассудочности. Запомнился советник-посланник в Пекине Брежнев — однофамилец генерального секретаря, — который, безусловно, старался своими телеграммами образумить бушевавших «ястребов». Но не тут-то было. Рахманин внимательно следил за позицией каждого чиновника, причастного к китайским делам, и делал все возможное, чтобы отстранить любого «диссидента», не разделявшего «ястребиные» взгляды.

В разведке, может быть, в силу ее обособленности и даже географической отдаленности от центра Москвы была определенная доля автономности мышления в китайских делах. Ю. В. Андропов, не полагавшийся на собственные знания китайской действительности, постоянно имел при себе специального консультанта по Китаю. Сначала это был Ю. Галено-вич, затем В. Шарапов. В свое время из аппарата ЦК КПСС вместе с Андроповым пришел Ф. Мочульский — специалист по Китаю и Дальнему Востоку. В информационно-аналитическом управлении разведки работали свои квалифицированные китаеведы с хорошей академической подготовкой и опытом практической работы в Китае — К. Мартынов и В. Королев, опиравшиеся на группу специалистов-исполнителей. И характерно, что большинство из тех, кто пришел из ЦК или поддерживал частые контакты по телефону с «ястребами» со Старой площади, были и у нас носителями крайне радикальных антикитайских взглядов. Те же, кто держался подальше от политиканской кухни, кто жил своими собственными представлениями и опирался на конкретику советско-китайских отношений, склонялись к группе «голубей».

Я не скрывал своей неприязни к Рахманину, который пользовался весьма своеобразными средствами для возбуждения антикитайских чувств в руководстве. Он мог, например, составить подборку антисоветских карикатур из китайских газет и послать ее высшему эшелону руководства просто так, без подписи и без регистрационных номеров. Не раз докладывал я о своей позиции В. А. Крючкову, который относился к ней терпимо, давая в разведке «расцветать всем цветам».

«Голуби» считали, что СССР и Китай — это два великих государства, у которых в мире и в истории одна судьба — быть союзниками или добрыми соседями. Эти две державы обращены друг к другу «спинами», то есть наименее развитыми и удаленными от центра регионами. СССР повернут пока лицом к Европе, к Западу, Китай — к Тихому океану и к Юго-Восточной Азии. Экономики двух стран — не конкуренты друг для друга, не

соперники, наоборот, они естественно дополняют одна другую. Практические территориальные споры — о линии прохождения границы по Амуру и Уссури — легкоразрешимы. Нам было ясно, что муссирование утверждений о якобы огромных территориальных претензиях Китая к Советскому Союзу является попыткой определенных кругов в Китае использовать напряженность в советско-китайских отношениях в своих внутриполитических целях. Когда-то, в далекие времена, Китай сам построил свою северную границу, воздвигнув Великую китайскую стену, а она, как известно, находится в нескольких десятках километров от Пекина.

Мы утверждали, что идеологические расхождения — эти упражнения в схоластике — вообще не причина для межгосударственной вражды, а территориальные претензии в огромной степени отражают внутриполитические схватки в самом китайском руководстве, где карта «русской угрозы» так же подло разыгрывается в борьбе за власть, как китайская угроза на Старой площади. Стратегические интересы Китая, естественно, говорили мы, лежат в Азии, где во многих странах живут многочисленные богатые и влиятельные китайские колонии. Юго-Восточная Азия близка Китаю по корням расовой цивилизации, по религиозно-нравственным стандартам, по климату, по образу жизни.

Сближение с американцами является тактическим шагом, дающим временную выгоду в конфликте с нами, а может быть, и порожденным этим самым конфликтом. Киссинджер столь же спекулятивно ведет игру, сколь и Мао Цзэдун. США и Китай не могут быть стратегическими союзниками — они будут соперниками в борьбе за влияние в Азиатско-Тихоокеанском районе.

Вот таков был ход рассуждений «голубиной» группы в разведке, к которой я принадлежал целиком и полностью. Нам было очень трудно пробиться в политбюро с изложением этих соображений. Андропов не подписал бы ни одного аналитического документа с такими выкладками, он не смог бы противостоять превосходящей когорте «ястребов». Но тем не менее одну тропинку для изложения наших взглядов мы все-таки отыскали. Дело в том, что в те годы политбюро заседало по четвергам, один раз в неделю. Накануне к нам в управление поступала из секретариата Ю. В. Андропова повестка дня заседания политбюро с указанием подготовить материалы для устного выступления по каким-либо вопросам, связанным с внешней политикой. Мы всегда ждали среды в напряжении: сколько будет вопросов, какова их сложность. Для работы нам оставались обычно считанные часы, частенько приходилось

прихватывать и ночь. Мы готовили неформальные, неофициальные справочные материалы и могли свободно высказывать свои предложения, точки зрения и т. д. Пользуясь этим, по вопросам, связанным с Китаем, мы всегда подбрасывали «голубиное воркование».

В частности, когда обсуждался вопрос о выделении из бюджета дополнительно 10 млрд, рублей на строительство укрепрайонов вдоль советско-китайской границы, мы не преминули написать, что в конкретных условиях советско-китайского противостояния и реального соотношения военных потенциалов двух стран на Дальнем Востоке все затраты на обычные вооружения и строительство классических оборонительных районов — это выброшенные на ветер деньги. Против преднамеренного крупномасштабного военного вторжения со стороны Китая нет другой зашиты, кроме как применение ядерного оружия. Чтобы вариант ядерной защиты не вызывал никаких сомнений, предлагалось создание вдоль границы пояса ядерных мин или фугасов.

Однажды в руководство не по каналам разведки попала информация о том, что между Китаем и Румынией достигнуто соглашение о полномасштабном военном сотрудничестве и в Румынию переброшено какое-то количество ядерного оружия из Китая. Понадобилось не менее пары недель различного рода проверочных мероприятий, чтобы убедить встревоженное политбюро, что в данном случае мы имеем дело с фальшивкой, подброшенной с нечистыми целями. Спасибо военным коллегам, они поддержали наше заключение.

В то время во Вьетнаме бушевало пламя войны. Полумиллионная армия США тщетно старалась спасти гибнущий режим Сайгона, а проще говоря, закрепиться на континентальном плацдарме Юго-Восточной Азии. Ход войны складывался для США крайне неудачно. Превосходя противника в сотни раз, если брать сравнительную огневую мощь, располагая всеми новинками военной техники, американцы оказывались бессильными против солдат-партизан, вооруженных в основном стрелковым оружием. В этих условиях нам казалось особенно недопустимым сыпать соль на раны советско-китайских разногласий. Ведь и китайцы, и мы помогали, как могли, Вьетнаму. Наши «ястребы» и здесь старались влить ложку дегтя. Кто-то из них пустил в руководстве слух, что эшелоны с боеприпасами, которые направлялись из СССР во Вьетнам через китайскую территорию, по дороге «теряли» большую часть своих грузов, а иногда пропадали и целые поезда. Была даже придумана целая система, как проверять у вьетнамцев, сколько же грузов они получали в конечном счете.

Восток, однако, есть Восток. Вьетнамцы поняли смысл этих проверок и на все вопросы вежливо отвечали, что грузы пришли полностью в соответствии с отгрузочными документами. Причем они отвечали так даже в том случае, когда в документах указывались завышенные количества грузов по сравнению с реально отправленными.

К весне 1975 года стало ясно, что США терпят во Вьетнаме поражение. Однажды в середине апреля в штаб-квартиру разведки приехал Андропов и созвал специальное совещание по вопросу о перспективах развития обстановки во Вьетнаме и вокруг него. Заслушав сообщения руководителей оперативных отделов и информационно-аналитического управления, которые были выдержаны в духе оптимизма и убежденности в неотвратимости поражения США, Андропов встал, прошелся вдоль длинного стола пару раз, затем опять сел и, медленно роняя слова, сказал: «Вы помните корейскую войну и ход ее развития? Тогда тоже северокорейские войска заняли почти всю территорию Южной Кореи. Бои шли вокруг оставшегося небольшого Пусанского плацдарма. Тогда американцы организовали крупную десантную операцию в тылу северокорейцев, отрезав и разгромив основную часть армии Северной Кореи. В считанные дни ход войны изменился. Сейчас складывается весьма похожая ситуация. Все силы Северного Вьетнама брошены на юг, на помощь патриотам. Практически Северный Вьетнам беззащитен. Если американцы предпримут нечто похожее на корейский десант, то дело может принять тяжелый оборот. Оборону Хайфона несет всего лишь один батальон танков Т-34, укомплектованный экипажами из числа выписанных из госпиталей раненых и больных. Дорога на столицу практически не прикрыта. Что вы скажете о вероятности такого развития событий?» Несколько минут мы молчали. Не раз случалось, что разведка лучше знала обстановку на стороне противника, чем у своих союзников или у себя дома. Андропов располагал информацией, полученной по партийным и государственным каналам.

В завязавшейся дискуссии большинство участников подтвердили свое первоначальное мнение о том, что США обречены на поражение во Вьетнаме. Но Андропов еще раз прервал выступавших, сказав: «Учтите, что стоит вопрос о посылке тихоокеанской эскадры к берегам Вьетнама. Это мероприятие и в политическом, и в военном отношении весьма острое. Необходимо просчитать возможные реакции не только США, но и Китая. Я уж не говорю о большой стоимости такого дальнего и сложного похода эскадры. Прошу вас с полной ответственностью проанализировать всю ситуацию и высказать

свое мнение через сутки». На этом обсуждение было прервано.

В управлении был сыгран, выражаясь флотским языком, аврал. Все наиболее авторитетные специалисты по США, Китаю, военно-стратегическим вопросам оставались на рабочих местах до окончания «мозгового штурма». Уговаривать никого не пришлось, сотрудники сами рвались в бой, в авральной группе царило естественное здоровое возбуждение. Сначала было предложено всем поодиночке продумать свою оценку ситуации и вариант решения. Потом все собрались за столом и провели обстоятельное обсуждение по специально разработанному вопроснику, в котором постарались не упустить из виду ни одного существенного момента. Разброс мнений оказался не столь большим, как мы думали. Почти все сходились на том, что США сейчас не в состоянии предпринять десантную операцию типа корейской. Специалисты по США аргументировали свою позицию тем, что в США разворачивался самый крупный внутриполитический кризис, антивоенные настроения раскололи общество, которое психологически не готово вынести нарастающие жертвы во имя неубедительных политических целей. Китаеведы убеждали, что такая акция США почти на границе с Китаем приведет к резкому росту антиамериканских настроений и вся спекулятивная политическая линия Киссинджера, старательно выстраивавшаяся с 1971 года, рухнет. Не стоит описывать все перипетии подробного ситуационного анализа. К утру была Готова «записка», в которой внешняя разведка однозначно утверждала на основе имевшихся в ее распоряжении данных, что Соединенные Штаты не пойдут на наращивание силовых действий во Вьетнаме, а скорее предпочтут смириться с поражением.

Наутро, когда Андропов ознакомился с результатами нашего ночного бдения, он позвонил мне и сказал: «Вижу, вы основательно поработали. Я склонен согласиться с вашими выводами. Но дело чрезвычайно ответственное, поэтому прошу вас связаться с нашими военными товарищами и еще раз «прокрутить» с ними весь ход ваших рассуждений.

В Главном разведывательном управлении была тщательно проработана военная сторона ситуации, рассмотрены все вооруженные силы США в зоне Тихого океана, их дислокация, степень боеготовности, транспортные возможности и т. д. Эта работа заняла целый день. Наши политические выводы были подкреплены чисто военными выкладками. Американцы не имели ни достаточных сил и средств, ни времени для создания мощного оперативного соединения, способного осуществить десантную операцию в Хайфоне или в другом пункте побережья ДРВ.

Совместный документ был направлен в политбюро.

Начались довольно напряженные дни слежения за активностью американцев. Мы наблюдали, чем занят флот США: готовится к эвакуационным мероприятиям или намеревается открыть проходы в мощных минных полях, которые сами американцы поставили вокруг побережья Вьетнама, чтобы обеспечить морскую блокаду страны. Фиксировались передвижения всех транспортных средств. Велась активная радиоразведка. Сигналов о признаках подготовки внезапного удара не поступало. А тем временем из Южного Вьетнама шли вести о развале фронта, о победном наступлении вьетнамских патриотов. 30 апреля 1975 г. пал Сайгон. Перехваченные нами телевизионные передачи о том, как происходила эвакуация американского посольства из Сайгона, окончательно убедили в том, что мы не ошиблись в своих прогнозах.

Япония в те годы занимала значительно меньше места в системе политических приоритетов СССР. Под сенью американского «ядерного зонтика» она вовсю набирала экономические жиры, не претендуя на значительную политическую роль. Япония не ставила тогда вопрос о возвращении «северных территорий», во всяком случае, эта тема не звучала тревожным колокольчиком очередного международного кризиса. Перед тогдашним Советским Союзом постановка такого вопроса выглядела бы неуместной. Не одни мы относились тогда так к Японии. Генри Киссинджер однажды поделился с видным советским дипломатом своими впечатлениями о японцах. Он говорил, что вот, мол, нация сильна своим муравьиным усердием, дисциплиной, трудовым инстинктом, но нет у нее способности рождать людей со стратегическим масштабом мышления, нет лидеров даже европейского класса, не говоря уж об американских мерках. В самом деле, экономическая мощь Японии давно не соответствовала ее политической роли в мире и даже в Азии. В годы войны во Вьетнаме Япония покорно выполняла роль базы тылового обеспечения для американских вооруженных сил. Но это не значит, что Япония не находилась в поле нашего зрения, просто она была не в фокусе нашего внимания.

Наши рабочие будни изредка прерывались какими-нибудь чрезвычайными мероприятиями вроде учебных тревог, которые вызывали чувство едкой досады и сопровождались язвительными комментариями сотрудников.

Примерно раз в год проводились проверки нашей готовности к возможной ядерной войне, ни больше ни меньше. Самой такой подготовкой в разведке занималось специальное подразделение в

составе нескольких человек, возглавлявшееся в течение длительного времени полковником Райским. Вся известная нам система мер поражала своей бестолковостью и полной неприспособленностью к реальной действительности. Ведь подлетное время американских ракет со стартовых баз до района Москвы составляло примерно 35–40 минут. Это время и было единственным реальным резервом для принятия мобилизационных мер по сохранению личного состава, ибо только фиксация техническими методами контроля массового старта ракет противника и моментальное оповещение становились в случае начала войны директивными сигналами для действий. В распоряжении наших мобилизационных органов не было организационно-технических средств, чтобы именно в этот срок уложиться с немедленной подготовкой к войне. И не было у них мужества, чтобы сказать всем вышестоящим инстанциям, что нет ни временной, ни физической возможности уберечь людской и производственный потенциал от ракетно-ядерного удара. Так велась вселенская игра в обман! Огромные мобилизационные силы по всей великой стране де-лапи вид, что усердно готовят шанс к выживанию и победе в будущей войне, руководство страны, скорее всего, не вникало в суть этого и удовлетворялось насквозь лживыми донесениями о подготовке к военному конфликту. Правдой в этих досадах было только одно — сведения о колоссальных, миллиардных затратах.

Разведчикам, привыкшим смотреть на вещи прямо, было невмоготу видеть вакханалию очковтирательства и по приказу сверху даже принимать в ней участие. Начать с того, что сигнал тревоги обязательно подавался после 6 часов утра или около того. Всем было ясно, что война может начаться, коли **того** захотят противники, в любое время, но в Москве метро начинает работать в 6 утра и раньше проводить тревогу просто невозможно: добраться на работу не на чем.

Сам процесс сбора занимал вдвое больше времени, чем полет ракет супостатов. Потом еще с час мы упаковывали в мешки дела, подлежащие первоочередной эвакуации. Предполагалось, что у подъезда нас ждут машины с урчащими моторами, которым еще надо не меньше часа, чтобы выбраться из зоны возможного поражения. Работники тем временем должны были укрыться в специальных убежищах, которые язвительно называли «братскими могилами», поскольку они, по расчетам, не выдержали бы и десятой части нагрузки в результате ядерного взрыва. Мест в бомбоубежищах на всех не хватало, всем не попавшим туда рекомендовалось: «Закрыть документы в сейф, взять партбилет, паспорт и удостоверение личности, покинуть

здание и укрыться в складках местности». Ясно, что вся эта чушь была основана на допотопных представлениях о войне и полном невежестве в вопросах, связанных с последствиями ядерного нападения.

Нам было известно, что эти «сатанинские игрища» проводятся регулярно по всей стране. Каждое ведомство, каждый обком партии создавал свою подсистему, строил свои «братские могилы». Только однажды, будучи по делам в Бресте, в беседе с первым секретарем обкома партии Соколовым я с удовлетворением узнал, что он категорически воспротивился строительству так называемых убежищ и направил все выделенные средства на сооружение хранилищ сельскохозяйственной продукции. Главным аргументом, которым он обосновывал свою позицию, было полное несоответствие технических характеристик убежищ реальным параметрам ядерной войны. Нормальный разум простых людей не мог смириться с мобилизационной паранойей. Однажды во время туристического круиза на красавце теплоходе по мариинской системе меня пригласили попариться в сауне. За стаканчиком пива между заходами в парилку меня кто-то из офицеров команды спросил: «А знаете, где мы устроили баню?» Я изобразил вопросительное недоумение. «В морге! Да, да, не удивляйтесь. Этот отсек корабля, мобилизационное предназначение которого — служить плавучим госпиталем, должен быть оборудован для морга. Но мы решили, что, пока дело до войны не дошло, попаримся лучше в свое удовольствие».

А самые большие верхи тем временем создавали для себя такие глубокие и дорогостоящие долговременные убежища, что подтолкнули американцев на разработку специальных ядерных боеприпасов, способных проникать на большую глубину. Казалось бы, здравый смысл должен восстать против очевидной нелепости. Западные страны, до которых доходили сведения о наших планах гражданской обороны, давали им однозначную оценку: «Если русские создают у себя подземные укрытия, значит, они готовятся к нанесению первого удара, к войне». Секретность, окружавшая эти программы, не позволяла нам даже пропагандистски защищать их. Документы мобилизационных подразделений имели гриф «Особой важности. М». Это порождало еще большее недоверие к нам.

Мы сами уже много лет изгалялись над китайской программой строительства подземных сооружений на случай войны, причем иронизировали как раз по поводу их примитивности и ненужности. Неужто наша пресса была разумнее и прозорливее, чем само руководство страны, которое

повторяло след в след китайский опыт, только с большими затратами? Выходит, что да!

Притчей во языцех у нас всегда была нехватка хранилищ для сельхозпродукции. «Вот, — думали мы, — направить бы все стройматериалы, израсходованные на убежища разного типа, на сооружение элеваторов, овощехранилищ… Сколько металла, цемента, дорогого оборудования навек закопано в сырую землю из-за извечного головотяпства власть имущих, нежелания их ценить народную копейку, из-за отсутствия контроля над государственной казной». Должен честно признаться, что так или примерно так мыслили все офицеры и руководители разведки, не скрывавшие своего негативного отношения к мобилизационному «липачеству», но ни у кого не нашлось мужества открыто и публично выступить против него. Все молчаливо играли в мерзкую расточительную игру.

Информационно-аналитическое слежение за развитыми странами капиталистического мира — США и Западной Европой — имело свои особенности. Их внутриполитическая стабильность, экономическая устойчивость, социальная консервативность не внушали опасений, мы не думали, что там могут произойти какие-то неожиданные по своей глубине и последствиям перемены. Внутриполитическая проблематика этих стран стояла на втором плане нашего интереса, основное же внимание уделялось внешнеполитическому курсу. При каждых очередных выборах глав государств или парламентов мы прежде всего внимательно изучали внешнеполитические разделы программ претендентов или основных политических партий, пытаясь вычленить все различия и определить наше отношение к ним.

Тогдашнее высшее партийно-государственное руководство проявляло несколько гипертрофированный интерес к тому, кто лично одержит победу. Оно невольно переносило кремлевское понимание роли личности на другие государства и строило на этом многие расчеты, питало надежды. Прямые телефонные линии, конфиденциальные встречи и переговоры, доверительные каналы связи через особых эмиссаров создавали впечатление, что наши руководители могут тет-а-тет решать крупные межгосударственные вопросы. Поэтому почти «дежурным блюдом» был заказ на прогностический документ о предполагаемом исходе выборов в той или иной стране. Несмотря на всю искусственно поддерживаемую иллюзию неопределенности исхода выборов, наша разведка практически не испытывала никаких затруднений, чтобы точно назвать победителя. Наши прогнозы по США и Западной Европе за все

годы, что мне довелось возглавлять информационно-аналитическое управление, ни разу не были ошибочными. Мы даже бравировали своей прозорливостью и вызывали, может быть, кое у кого неприязнь. Бывали случаи, когда начальники секретариата Андропова начинали оспаривать наши прогнозы, они ведь первыми читали наши документы. Исчерпав все аргументы, мы предлагали просто поспорить на шампанское. Расходоваться на шампанское нам не пришлось ни разу.

В странах, где установились и давно укрепились демократические системы управления, анализ политической линии исполнительной власти представляется делом трудоемким, но достаточно благодарным в том смысле, что полученные результаты будут близки к объективно неизбежным. В формировании политики принимают участие очень многие структуры: научно-исследовательские центры, политические партии и их аппараты, общественные организации, парламенты, пресса и т. д. Трудоемкость определяется тем, что для получения правильного вывода приходится изучить очень много факторов, учесть вес и авторитет каждого из них, наложить результаты на особенности характера главы исполнительной власти. Политическая кухня в большой степени открыта для экспертов и аналитиков. В работе приходится сталкиваться скорее с феноменом переизбытка информации, нежели с ее нехваткой. Никаких особых «золотых ключиков» в виде секретных решений, документов, которые перевернули бы с ног на голову наше понимание политической жизни в демократических странах, мы найти не могли. Роль политического лидера в демократической стране полностью соответствует концепциям работы В. Плеханова «Роль личности в истории». Лидер действительно выражает взгляды и настроения большинства общества. Здесь мы не вдаемся в рассуждение, каким образом эти взгляды и настроения формируются. А у нас в СССР, в России, как и во многих странах «третьего мира», роль личности в политике всегда преувеличена, иногда до драматических и даже трагических масштабов. Потому-то и характерны для нашей политики волюнтаристские шараханья, произвол и непредсказуемость. Потому и не доверяют многие страны нашим декларациям, клятвам и заверениям.

У нас в разведке никогда не стихали дискуссии о том, как строить политику в отношении США — нашего главного в те годы противника, чего можно ждать от них в ответ на те или иные инициативы. Всегда были сторонники поиска договоренностей с США за столом переговоров, но находились и сторонники силового противостояния как единственного условия сохранения равенства с США. Конечно, переговорный процесс выглядит

намного предпочтительнее, но вся беда в том, что ход любых переговоров с США сразу же выявлял центральную линию американской стороны — обеспечить главенство американских интересов в ущерб интересам партнера. Психологически Соединенные Штаты никогда не признавали Советский Союз равным партнером, и вся работа американских дипломатов строилась на исходном принципе превосходства США над СССР, которое только надо было закрепить в итоговых документах. Многие темы, тесно связанные с международной безопасностью, вообще исключались американцами из переговоров как не соответствующие их национальным интересам. Такая судьба постигла предложения об отказе от инициативы ядерного нападения, об отказе от воздействия на природные силы в военных целях, о демилитаризации космоса, об ограничении военного противостояния в Индийском океане и т. д., и т. п. Другие проблемы — противоракетная оборона, сокращение стратегических наступательных вооружений, прекращение подземных ядерных испытаний — порождали многолетние тягучие «посиделки», в ходе которых США, следившие за все увеличивавшейся экономической слабостью СССР, просто ждали момента, когда наконец руководство СССР, а потом России дрогнет и согласится на их условия. Как бы это ни звучало горько для наших дипломатов, но в переговорной борьбе США неизменно переигрывали нас и постепенно ограничивали, связывали наши амбиции, более расчетливо ставили вехи для будущего вероятного хода развития мира. Стоит только посмотреть на хельсинкский переговорный процесс, результатом которого мы так гордились и который оказался в большой степени фатальным для судьбы СССР.

В мировой политике США просматривается пронизывающая все заряженность на руководящую роль в мире. Эта претензия не зависит от смены администрации в Белом доме. Она может носить грубо-откровенный характер, что хорошо просматривалось в речах Рейгана, Буша, а может быть задрапирована декоративными идеями, как во времена Картера. Пожалуй, нежелание американцев принять за исходную точку равенство партнера на переговорах и подпитывало сторонников силового противостояния.

Адепты политики конфронтации в отношениях между СССР и США утверждали, что единственное средство убедить США вести честную партнерскую политику — это противопоставить им силу. Другого пути заставить себя уважать нет. Причем подавляющее большинство исповедовавших эту точку зрения составляли те, кто много лет проработал в США и знал страну не только по

книжкам.

Сторонники этого направления утверждали, что Соединенные Штаты отступили в карибском кризисе, так же как отступил и СССР, не выдержав реальной угрозы ядерного конфликта. Это потом, много лет спустя, станет насаждаться версия, будто отступил только Советский Союз. Далее США не выдержали груза потерь во Вьетнаме. Они не могли взять в толк, почему сопротивляется народ, у которого были разрушены все города, заводы, дороги, мосты. Они ушли, вьетнамцы победили их психологически, а следовательно, и стратегически.

Много раз пробовали американцы зацепиться за арабскую землю, но стоило арабам взорвать казарму морских пехотинцев в Бейруте и похоронить под обломками две с половиной сотни оккупантов, как почти сразу же раздался звук рога, протрубившего отбой.

Как хотелось американцам наказать строптивого Хомей-ни, сторонники которого осмелились (неслыханное дело!) захватить американское посольство в Тегеране! На редкость театральную и рискованную операцию придумали они с «Морскими жеребцами» в пустыне, но после ее провала не решились на прямую конфронтацию. Проглотили боль и обиду только потому, что против них стоял фанатично настроенный противник, который не пощадил бы своей жизни в обмен на чужую.

За все долгие годы работы в разведке так и не удалось убедить руководство СССР в том, что расчеты на дружбу с США, основанную на одинаковом понимании прав и обязанностей, на равной безопасности, беспочвенны. Американские президенты постоянно исходили из того, что СССР является слабейшей стороной, делали все для того, чтобы он всегда оставался таковым. Если и были какие-то колебания в этой политике, то они диктовались строго рассчитанными интересами. Скажем, американцы никогда, за исключением одного года, не отказывались от поставок зерна в СССР, потому что это экономически выгодно им, закрепляет нашу привычку не производить, а покупать, обескровливает нашу экономику, отбирая столь нужную валюту. Приятно видеть, как ваш противник год за годом превращает в навоз свои скудные золотовалютные запасы. И в то же время американцы никогда не продадут нам современное промышленное оборудование, хотя речь идет также о мировой торговле. Им не нужен потенциальный конкурент. Они создали систему всемирной технологической блокады СССР под предлогом того, что, дескать, промышленное оборудование используется для военных целей. Это неуклюжая уловка, они сами признают, что военно-промышленный комплекс

СССР работал на уровне американских стандартов и производил сопоставимые виды вооружений. Блокировали США гражданскую мирную промышленность: энергетику, металлургию, транспорт. Здесь был очевиден корыстный интерес США.

Сотни раз мы писали и докладывали устно, что было бы непростительной наивностью полагать, что США при каких-то обстоятельствах окажут СССР финансовую или экономическую помощь. Брежнев и особенно Горбачев прожили свои незадачливые политические жизни, так и не поняв, что американцы частенько водили их, как кроликов, по своим тропкам, помахивая перед носом «морковкой» в виде обещания помощи. После августа 1991 года на эту же «морковку» загипнотизированно смотрели новые правительства России, месяцами не стихали разговоры взахлеб о 24 млрд, долларов помощи. Где они? Неужто так трудно понять, что интересам США не соответствует возрождение России? Зачем им возрожденная, сильная Русь? Без нее им куда лучше и удобнее живется в мире, а от добра, как говорят, добра не ищут.

Информационно-аналитическая работа по США для нас была постоянной борьбой против иллюзий, за трезвый расчет, за действительный учет взаимных интересов. Как обидно было видеть, что наши лидеры, возвращаясь со встреч на высшем уровне с американскими президентами, выбивались из сил, чтобы доказать выгоду от проделанной ими работы, успех своей миссии. Им не терпелось немедленно заявить об «исторических» достижениях. В считанные часы созывалось политбюро, которое принимало решения об одобрении, давались указания внешнеполитическим ведомствам развить успех и т. д. Барабанным боем звучал пропагандистский аккомпанемент. А мы в разведке с горечью наблюдали, как американский президент спокойно возвращался к себе домой и без всякого шума подсчитывал со своими помощниками полученные выгоды.

Раковые клетки социализма

1975 год представляется сейчас годом максимальных внешнеполитических успехов Советского Союза. На фоне продолжавшегося перекрашивания стран «третьего мира» в просоциалистические цвета, крушения португальской колониальной империи и драматических событий в Эфиопии тогда произошли два из ряда вон выходящих события. Об одном уже говорилось — это поражение США во Вьетнаме, вызвавшее глубокие потрясения в американском обществе и серьезное временное ослабление внешнеполитической активности Вашингтона. Второе — совещание в Хельсинки глав государств и правительств.

Заключительный акт Хельсинкского совещания на первый взгляд оставлял впечатление большой победы Советского Союза, ибо он утверждал послевоенные границы в Европе — предел мечтаний советского руководства. Только специалисты находили в этом монументальном акте слабости, незаметные на первый взгляд, которые грозили в будущем крупными неприятностями Советскому Союзу. В частности, наши эксперты без труда увидели в документе оговорку о том, что границы в Европе могут, оказывается, изменяться, но лишь мирными средствами. И, когда мы в разведке прочитали это, перед нами сразу встал образ разделенной Германии.

В ГДР, несмотря на все внешнее благополучие, давно нарастал заряд недовольства. Разница в материальных условиях жизни, обвальная, четко поставленная радио- и телепропаганда со стороны ФРГ, естественное желание видеть родину воссоединенной — эти факторы исподволь работали в пользу изменения границ. Есть основания полагать, что при проведении на территории ГДР совершенно открытых, под беспристрастным международным контролем выборов результат был бы один: население высказалось бы за воссоединение.

Жизнь показала, что всего через 14 лет сработала не статья о нерушимости границ, а именно маленькое исключение из этого общего принципа, и все потому, что исключение базировалось на учете абсолютно реального положения в Германии, а сама статья фиксировала добрые пожелания политиков, в первую очередь приехавших из Москвы.

Экономические вопросы (так называемая «вторая корзина») были так аккуратно отодвинуты на последний план западными дипломатами, что обтекаемые, ничего не значащие формулировки сохранили по существу нетронутой всю

капитально возведенную вокруг СССР к тому времени систему торгово-экономической блокады, валютно-финансового карантина.

Зато уступки по вопросам гуманитарного сотрудничества, свободы передвижения людей, обмена идеями и информацией («третья корзина») оказались разрушительными для советской системы. Международное сообщество навязывало таким образом Советскому Союзу свои понятия о демократии, вынуждало его принимать игру, к которой он не был готов. В те дни складывалось впечатление, что Брежнев и его окружение действовали, рассчитывая на русский авось. Им казалось, что они достигли настолько крупной победы в виде признания послевоенных границ, что за нее можно поступиться мелочами, составляющими гуманитарные послабления. Я убежден, что на самом деле они рассуждали примерно так: можно признать, подписать соглашения, но вовсе не обязательно их выполнять. Собственно, вся последующая практика показала, что партийно-государственное руководство исходило именно из такого понимания «третьей корзины»; хотя соглашение было подписано, в СССР сохранялось большинство унаследованных от прошлого ограничений демократических свобод граждан. Не было учтено только одно обстоятельство — что Запад видел именно в этой «третьей корзине» целую программу практической работы по расшатыванию существовавшей в СССР системы. Начиная с Хельсинкского совещания не было ни одной сколько-нибудь значащей встречи между руководителями или высшими должностными лицами СССР с его западными соседями, в которой бы не поднимались конкретные вопросы, связанные с невыполнением со стороны СССР положений соглашения. Выражаясь спортивным языком, со стороны Запада был организован прессинг по всему полю. Каждая беседа обязательно завершалась вручением списка граждан еврейской национальности, которых непременно надо было отпустить за рубеж. Кончались еврейские мотивы, начинались темы немцев Поволжья, татар и т. д. Вода, говорят в народе, по капле падает, да камень точит. Постепенно под нарастающим давлением большинство послов стали рекомендовать делать уступку за уступкой. Непоколебимый А. А. Громыко начал говорить о необходимости приведения советского законодательства в соответствие с мировым в части, касающейся гуманитарных прав.

Вся работа США и западноевропейских стран по расшатыванию устоев монолитного идеологизированного советского общества заслуживает высокой оценки и профессионального уважения. Ее можно изучать как образец

сочетания четко сформулированной политической цели, маскировки этой цели в привлекательные лозунги, навязывания своему противнику правил и условий игры, а главное — многолетней, упорной, последовательной практической борьбы за осуществление выработанной политики.

Я смотрю на жизнь глазами профессионала и не могу не видеть, что Запад, который яростно защищал права каждого нашего диссидента, каждого «пятидесятника», каждого правозащитника, сразу же после распада СССР потерял всякий интерес к защите прав человека или этнических групп на обширной территории бывшего Советского Союза. Никто сейчас не вспоминает о «третьей корзине», никого не беспокоят массовые нарушения прав граждан по признаку их этнической принадлежности или религиозных верований, не волнуют тысячи убитых и искалеченных, миллионы обездоленных беженцев. «Права человека» как понятие исчезли из арсенала внешнеполитических отмычек сразу же, как только была достигнута политическая цель: уничтожение своего главного противника — СССР. Но это все стало ясно потом, да и то далеко не всем. А тогда, в начале 70-х годов, эйфория плескалась от края и до края нашей страны и даже по горным вершинам.

Апофеозом стал собравшийся в конце февраля 1976 года XXV съезд коммунистической партии СССР, на котором было все мажорно, празднично, жизнеутверждающе. Вот какие пометки я сделал в дневнике 10 марта 1976 г.: «Съезд окончился, поднятые им страсти улеглись. Все оглушены словесной канонадой и не могут рассмотреть настоятельно стучащиеся в дверь проблемы… На фоне внутриполитической грызни в Китае, где мадам Цзянь Цинь подъедает старичков из племени Чжоу Эньлая, на фоне вьетнамо-ангольских катастроф, чудовищного расстройства государственной машины США, склок между конгрессом и администрацией Форда, внутрипартийных дрязг, разоблачительных кампаний против ЦРУ, ФБР, «Локхида» и т. д., и т. п. наш съезд — воплощение спокойствия, уверенности, прочности в вихляющемся мире. Мы одной фразой о «стабильности цен» можем убивать оппонентов с той стороны, в ужасе зажмуривающихся от инфляции».

Прошло всего два месяца, и Л. И. Брежневу было присвоено звание Маршала Советского Союза. Со всех точек зрения это выглядело нелепо и неумно. Кто первый предложил дать руководителю партии высшее воинское звание в период активной борьбы за разрядку, за упрочение мира, за претворение в жизнь решений Хельсинкского совещания, не знаю. Вспомнился только услышанный однажды в коридорах дома на Старой площади

рассказ о том, как Н. В. Подгорный, бывший Председатель Президиума Верховного Совета СССР, узнав о предстоящем снятии его с этого поста и отправке на пенсию на очередном заседании политбюро, не стал пассивно дожидаться решения своей участи. Как только заседание было открыто, он попросил первым слово и внес предложение… о присвоении Л. И. Брежневу звания Героя Советского Союза в знак признания выдающихся… и пр. Удар пришелся в солнечное сплетение. И вопросы, подлежавшие обсуждению, были изменены на ходу. Подгорный на несколько месяцев сохранил свое кресло. Наверное, и предложение о маршальском звании внес какой-нибудь очередной Подгорный.

Все внешне казалось хорошо. Жить бы да радоваться, бодро маршируя от съезда к съезду, но сердце грызла глубокая озабоченность завтрашним днем Отечества, судьбой народа. Какими же счастливыми мне представлялись годы, проведенные за кордоном на «полевой» разведывательной работе! Конечно, приходилось читать много критических материалов в адрес СССР, но они казались клеветническими. К тому же и в самом деле они были пропитаны не добрым желанием помочь нам, а нездоровым пропагандистским ядом. Вдали от Родины я ощущал десятикратную потребность встать на ее защиту против любого обидчика. Да, я внутренне защищал сам себя от всякого намека на раздвоенность. Мне ведь каждый день приходилось во встречах с моими «контактами» убеждать их в незыблемости и непоколебимости социализма.

Работа в информационно-аналитическом управлении дала возможность увидеть многие вещи в ином свете. Приходилось читать документы политбюро, записи бесед высшего руководства с руководством соцстран, где разговор иногда шел начистоту. К нам приходил «Информационный бюллетень ЦК КПСС», где под непременным грифом «Секретно» публиковались материалы, проливавшие свет на истинное положение вещей в стране и в партии. Значительно расширился круг знакомств среди работников аппаратов ЦК, МИД, от которых также постоянно шла какая-то информация. Я не замыкался в чисто чиновничьей среде.

Я и сам, как уже писал, из семьи рабочего-железнодорожника, поддерживал и поддерживаю тесные связи с четырьмя сестрами, которые замужем за настоящими представителями пролетариата: муж одной — сталевар на заводе «Электросталь», второй — слесарь высшего разряда на машиностроительном заводе, третьей — связист на железной дороге, четвертой — мастер на телефонной станции в Москве. Каждый раз, когда я встречаюсь с ними, разговор заходит о жизни рабочих, настроениях,

отношении к власти. Раз в год, в отпуск, я обязательно приезжаю в свое родное Алмазово. Там стараюсь вволю натрудить руки на покосе, заготовке дров, но одновременно и отдохнуть душой от кабинетной затхлости, и поговорить с родными местными мужиками. Один из них, мой одногодок, полный тезка по имени и фамилии, сидевший со мной за одной партой в первом и втором классах начальной школы, успел поработать и трактористом, и пастухом, а теперь стал пенсионером. Он многое может рассказать о сельских заботах, как и моя двоюродная сестра Манефа Иосифовна Шишкова, отдавшая всю жизнь тяжелому сельскому труду в колхозе, не изменившая ни разу своему предназначению — растить в поте лица своего хлеб наш насущный.

В отличие от зарубежных злопыхателей, в родном доме я слышал критические отзывы о нашей действительности от людей, которым было больно за нелады в своем Отечестве. Родные, друзья, товарищи по работе почти все одинаково страдали от лжи, разъедавшей общество, партию, от углублявшейся пропасти между словами и делами правившей партийно-государственной верхушки. Тяготение к критическому осмыслению реальности становилось всеобщим. Разговоры о наших внутренних бедах не были тайными, закулисными.

14 мая 1975 г. к нам в разведку приехал тогдашний директор Экономико-математического института Академии наук СССР академик Николай Прокопьевич Федоренко. Он пытался решить задачу автоматизации обработки всех экономических показателей по народному хозяйству страны, чтобы кардинально улучшить управление им. Академик нарисовал к>гда обобщенную картину положения в стране, что было важно для нас, разведчиков, проводивших все свое основное время в изучении зарубежных стран и их проблем. Вот как выглядело основное содержание его выступления по сохранившимся записям: «Хозяйство у нас большое, разлапистое. За все первое десятилетие советской власти (1918–1928 гг.) в капитальное строительство было вложено 1,5 млрд, рублей, а сейчас ежегодно вкладываются 80 млрд, в сопоставимых ценах. В стране 120 млн. человек наемного труда, что соответствует 50 % населения. 300 тыс. предприятий промышленного и сельскохозяйственного производства трудятся над выполнением планов.

Признаком здоровой экономики является ее преимущественный рост за счет научно-технического прогресса. Если 2/3 всего прироста годового производства идут за этот счет, а 1/3 — за счет экстенсивного развития, тогда можно не беспокоиться за судьбу страны. У нас эти цифры стоят как раз в

обратном порядке.

Мы обогнали США по общим объемам произведенных капиталовложений, а общее производство едва достигает 60 % их уровня. У нас посевных площадей в 1,8 раза больше, чем в США, но зерна не хватает постоянно в тревожно нарастающих объемах. Мы просим хлеба не краюшками, а миллионами тонн. Мы превзошли США по производству стали, цемента, угля, но эти товары остаются остродефицитными. Их странным образом не хватает.

Сметные и реальные стоимости строительства разнятся, как небо и земля, иногда даже в 2–3 раза. В США даже нет такого понятия, как «время, отведенное на освоение новой техники»: построенный завод сразу начинает давать продукцию в полную силу, а у нас освоение мощностей занимает четыре-пять лет. Ручной труд в СССР составляет 60 % в промышленности, 80 % — в сельском хозяйстве, 70 % — в торговле, 60 % — в строительстве, 50 % на транспорте. Откуда взять рабочие руки, если рождаемость падает из года в год?» А дальше в дневнике следует такая запись: «В общем, от его выступления то смех, то слезы пробирали аудиторию… Картинка получилась действительно «веселенькой». Но самое грустное — это тупиковая философия, отсутствие путей выхода из углубляющейся стагнации. Красноречивый академик, саркастически обыгрывавший все данные о нашем горе-печали, как только перешел к теме «что делать?», стал бубнить под нос что-то маловразумительное, иссиня-бледное. Кроме призывов к улучшению управления производством, мы ничего не поняли, а дело явно не только в совершенствовании административного аппарата».

Выступавшему было задано очень много вопросов. Разговор получился тяжелый, но честный. Слушатели вышли из зала взъерошенные, приговаривая: «Н-н-да! Ну и ну!» Я тоже был изрядно подавлен и угнетен: «Неужто мы уверенно проигрываем экономическое соревнование — главную форму утверждения социализма? Война «горячая» невозможна, а победы в мирном соперничестве не видно сквозь непроходимые джунгли наших социальных и экономических непорядков».

Вспоминаю об этом выступлении только потому, что оно состоялось пару месяцев спустя после эйфорического XXV съезда партии, когда было ой как далеко до тех времен, в кои можно стало говорить об этом безбоязненно. Да и сам разговор состоялся в разведке, руководство которой только-только принял В. А. Крючков.

Под Рождество 1975 года, когда хотелось подвести какой-то

итог прожитому, я записал: «Родина, тяжело ступая, входит в новую пятилетку. Измученная хлебными недородами, отягощенная внешними обязательствами, с военным и гражданским чиновничеством, все более наглеющим в требовании наград, льгот, выгод и все менее склонным к самоотдаче в труде, с ослабевающим значением идеологии и возрастающим политическим «люфтом», она еле-еле идет в будущее. А ведь мы когда-то пели: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» Во всей политике партии чувствуется «бесполетность» и «беспи-лотность». На предстоящую пятилетку уже не поставлено никаких общественно-политических целей. Нет никаких социальных качественных задач. Речь идет только о качестве товаров, о людях забыто».

Люди! Люди! Все чаще стало думаться о том, кто мы теперь, какими мы стали почти 60 лет спустя после революции. Ведь теперь страна была населена гражданами, родившимися при советской власти и воспитанными ею. Никто из нас уже не знал частной собственности, которая могла бы быть источником дохода, мы знали только личное имущество, предназначенное для пользования в индивидуальных или семейных целях. Труд был единственным и привычным источником средств для жизни. Провозглашенные нормы морали и нравственности состояли из безупречного набора принципов, заимствованных из Библии, последующего опыта человечества и также ориентированных на уважение к обществу, государству. На морально-этическом и правовом уровне, казалось, преодолены все элементы дискриминации и неравноправия по отношению к людям иных национальностей. Накануне войны за употребление слова «жид» могли возбудить судебное преследование. Идеи национального и расового равенства, воплощенные в фильмах «Цирк», «Свинарка и пастух» и др., воспринимались нами без сомнений.

Религиозные верования, казалось, окончательно отступили из человеческого сознания под влиянием просвещения, науки. Короткая вспышка религиозности в годы войны объяснялась неимоверными испытаниями, выпавшими на долю народа, страхом за жизнь и здоровье родных и близких, оказавшихся на полях сражений, в плену, на оккупированных территориях, в далекой эвакуации.

Наша культура, особенно музыка, балет, театр, кино, давала выдающиеся примеры в мире. Более скромными были достижения в литературе, архитектуре, но и там были свои сияющие высоты в виде «Тихого Дона», произведений М. Булгакова и т. д.

Наши социологи стали уже громко говорить о создании новой исторической категории — «советский народ». И все-таки

реальность была совсем не той, которую задумывали творцы социализма в теории и на практике. Нового человека создать так и не удалось. Более того, почему-то люди скорее менялись в худшую сторону. Размышления приводили к грустным выводам: повседневная практика советской действительности убивала те человеческие качества, которые теоретически постулировала социалистическая мысль. Сталинские репрессии отучили от смелости в отстаивании своих взглядов, от помощи товарищу, попавшему в беду, да мало ли от чего еще. Генофонд народа был основательно подорван за годы XX века. Из первых полвека 15 лет Россия непрерывно воевала (русско-японская война, первая мировая, гражданская, финская, вторая мировая), потеряв в общей сложности 35–37 млн. молодых здоровых мужчин. На фронтах всегда в первую очередь гибнут самые смелые, честные, совестливые люди. Даже во время войны лучше выживают симулянты, трусы, приспособленцы, от которых, скорее всего, будут рождаться такие же дети. Русские пословицы всегда точны: «Яблоко от яблоньки недалеко падает».

В годы коллективизации и сопутствующего ей раскулачивания были уничтожены миллионы самых крепких крестьян-хозяев, тех, кто к обычным сельским занятиям добавлял работу на крупорушках, мельницах, маслобойках, в дубильных мастерских и т. д. Руководство сельским хозяйством с тех пор всегда находилось в руках людей, любивших командовать, но не умевших трудиться и неспособных разумно организовать труд сельских тружеников. С конца 20-х годов русский крестьянин как тип человека был глубоко и очень надолго исковеркан.

Репрессии 30-х годов вновь ударили по самому ценному человеческому материалу. Волокли в застенки и ставили к стенке тех, кто имел смелость высказать свое мнение, кто отказывался писать доносы, оговоры, кто не желал стрелять в невинных. Выживали подхалимы, провокаторы, трусы и доносчики.

Вся наша жизнь превращалась в страшное ситечко, сквозь которое фильтровалось в будущее все низкопробное человеческое отребье, а большая часть того материала, которое Библия называет «солью земли», выбрасывалась в виде исторического шлака. Теперь нам нечего удивляться, что пьянство стало всеобщим и не бытовым, а патологическим. Им поражены все сферы общества — от самых заоблачных до бомжей. С таким человеческим материалом светлое здание счастливого будущего не построишь.

В гораздо большей степени эти процессы затронули верхушечную часть общества, что и выразилось в деградации нашего политического истеблишмента, в канонизации

клятвопреступничества, расцвете пошлейшего словоблудия, умственной и организационной импотенции.

Расхождение слова с делом стало, на мой взгляд, главной «черной дырой», в которую провалились все наши титанические усилия по созданию нового человека. Нельзя проповедовать правдивость и одновременно лгать на каждом шагу, призывать к скромности и быть воплощением чванливости, твердить о демократии и всячески отодвигать граждан страны от участия в управлении. Справедливый лозунг социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду», который практически действует в развитом капиталистическом обществе, в реальной жизни СССР вовсе не действовал. Вместо способных наверх выталкивались те, кто имел связи, протекцию, не чурался подхалимажа. Вместо дохода по труду насаждалась уравниловка. В результате действия этих причин и остановилась вся общественная машина, вконец разладились взаимоотношения народа и власти, началось гниение человеческой души.

Примеров разложения с каждым днем приходилось видеть все больше и больше. Министр культуры Екатерина Фурцева, та самая, которая распекала нас в 1952 году, будучи первым секретарем Фрунзенского райкома партии, за то, что мы якобы нарушили коммунистическую мораль, когда выступили на защиту оболганных товарищей, была уличена в том, что строила личную дачу из материалов, которые выделялись на реконструкцию Большого театра. Когда ее упрекнули в этом на политбюро, она вспыхнула и бросила в лицо сидевшим: «Нечего меня обвинять, на себя посмотрите!»

Стыдно было даже слышать, к примеру, о том, что тогдашний председатель Союза общества Красного Креста и Красного Полумесяца, Герой Советского Союза Троян была снята со своего поста за то, что присвоила 100 кг шерсти-мохер, поступившей в фонд оказания помощи жертвам стихийных бедствий.

Так уж сложилось, что в течение восьми или даже более лет мне пришлось быть членом партийного комитета разведки, то есть высшего партийного органа в ПГУ. Состав его формировался в большой степени по принципу представительства в нем крупных подразделений разведки. Скажем, если информационно-аналитическое управление имело несколько сот коммунистов в своих рядах и занимало видное место в структуре, то оно должно было быть обязательно представлено в парткоме. Я с благодарностью вспоминаю эти годы, потому что они дали возможность видеть жизнь еще с одной стороны, ранее мне неведомой. Наряду с поражавшим своей формальностью, бессмысленностью и ненужностью утверждением бесконечных

характеристик для выезда за границу там обсуждались и так называемые «персональные дела», которые выворачивали такие судьбы и приоткрывали дверь в такие потемки нашей жизни, что после этих заседаний приходилось дома пить валокардин, чтобы заснуть. Одно из таких «дел» пришлось как раз на описываемое время. Слушание состоялось 3 октября 1975 г. Перед парткомом предстал сотрудник управления внешней контрразведки М. (того самого, которым тогда руководил молодой генерал О. Калугин), работавший под прикрытием поста заместителя торгпреда в одной европейской стране. По роду службы он должен был обеспечивать соблюдение всеми советскими гражданами в этой стране норм морали и правил поведения за границей. И вот что я записал по свежим впечатлениям от этого разбирательства.

«Трудно представить себе более омерзительного, даже внешне, субъекта. Почти 50-летний мужик с физиономией плакатного кулака-мироеда был бы находкой для Ломброзо. Жидкие рыжевато-белесые волосы еле скрывают расползающуюся лысину. Узкий лоб подпирается резко вздутыми надбровными дугами, которые сразу настораживают: «Берегитесь, перед вами пещерный человек!» Глаза цвета застиранного голубого исподнего белья, выпученные, внешне ничего не выражающие, как у лягушки. Мигают редко, но иногда жестко смотрят по углам, как бы выискивая, что можно схватить длинным липким языком.

Приплюснутый, хрящеватый нос вкупе с увесистым подбородком говорит о том, что этому неандертальцу «все по плечу». Вот про таких-то и говорят: «Способный, очень способный, на все способный!»

Четыре часа мы слушали ответы этого человека, и наша общая ненависть к нему крепла. В июне с. г., уезжая в очередной отпуск после пяти с половиной лет пребывания в стране, он оставил запечатанной сургучной печатью пухлую папку в хранилище резидентуры. Но во время его отсутствия резиденту срочно понадобились условия агентурной явки, которые должны были храниться именно в папке у М. Папка была вскрыта, и на глазах изумленного резидента из нее вывалились пачки банкнотов, золотые, платиновые украшения, изделия из драгоценных камней. Сразу вспомнилось, что он недавно оформил покупку второй «Волги», что его жена по 5–6 раз в году ездила «по семейным обстоятельствам» в Москву, каждый раз набивая купе поезда под потолок картонными коробками. Было принято решение досмотреть его багаж на таможне. В нем оказалось, как в магазине, всего по 50: 50 пар обуви, 50 костюмов, 50 плащей, 50 отрезов и т. д.

Четыре часа он врал, выкручивался, потом стал угрожать, что

«потащит за собой кое-кого из верхов», а кончил тем, что обмяк, пустил лжеслезу, сказав, что болен раком, хотел обеспечить семью, и затем заявил: «Многие делают, как я!»

Так ни в чем он и не признался, а мы ограничились его исключением из партии и, естественно, увольнением из разведки. Надо было бы отдать его под суд, но все понимали, что суд будет бессилен провести расследование за границей и М. удастся выкрутиться.

Дело М. надолго оставило чувство не только гадливости, но и тревоги. «А что, — думалось, — если эти сокровища не продукт его взяток с фирм, торговавших с Советским Союзом, а подношения спецслужб противника в благодарность за предательство? Почему он держал их за рубежом, а не привез в Москву «для обеспечения семейства?» Значит, намеревался бежать?..»

Как ни горько было признаваться самому себе, но против обступавших со всех сторон фактов нечего было возразить. Раковые клетки смертельной болезни, поразившей нашу модель социализма, пошли в рост с нарастающей скоростью.

Не одному мне приходили в голову мысли: «Что же делать? Как определить свою позицию?» Не раз мы обсуждали эти навязчивые вопросы в кругу самых близких сослуживцев. Горькие темы завтрашнего дня Отечества занимали основное время нашего внеслужебного общения. Надо признать, что идея бунтарства, выступления в какой бы то ни было форме против существовавшего строя казалась нам неуместной. Все мы искренне и бесповоротно верили в социализм как в более высокую и гуманную социальную формацию, чем капитализм. Мы также были убеждены, что все наши беды проистекают из-за субъективного фактора — человеческих качеств вождей, надеялись и верили, что придет вскоре к власти новое, молодое, просвещенное поколение партийных и государственных деятелей. Вспоминали персидскую поговорку: «Разозлившись на блоху, не стоит жечь кальсоны». Перед нами был пример такого человека в лице Андропова, «белой вороны» в тогдашнем руководстве, человека беспредельно честного, педантично сдававшего в госдоход все поступавшие к нему подарки от коллег из-за рубежа, умного, эрудированного, широко смотревшего на все проблемы, без шор. Но тогда время цивилизованных руководителей еще не пришло. Андропов работал всегда как бы под конвоем двух своих заместителей — С. Двигуна и Г. Динева, ближайших сторожевых псов Брежнева, которые следили за каждым шагом Юрия Владимировича.

Вера и надежда не покидали нас. Не сговариваясь, я и мои

ближайшие друзья пришли к решению выполнять до конца наш солдатский долг разведчиков: говорить и писать правду, помогать по мере сил формировать критическое отношение к миру и к самим себе.

«Бермудский треугольник»

Неплохим лекарством, подкреплявшим душевное равновесие, были поездки за рубеж для выполнения некоторых задач, носивших скорее политический, чем разведывательный характер, хотя черту между этими категориями провести иногда затруднительно. К тому времени уровень моей информированности был достаточно высок, чтобы проводить компетентные консультации с представителями высшего эшелона власти зарубежных государств. Чаще всего мои маршруты пролегали в страны Латинской Америки, которые я лучше знал, языком которых владел достаточно свободно, где у меня было много друзей и «связей». Я не подменял наших послов — официальных представителей государства, потому что часто выезжал в страны, с которыми не было дипломатических отношений, или в страны, где отношения были заморожены на низком бюрократическом уровне и носили формальный характер. Во время контактов с неофициальными представителями всегда проще, без каких-либо обязательств, можно обсудить любой вопрос в предварительном, зондажном порядке.

В мае — июне 1977 года в разведке появилась тропка, которая вела в Панаму к ныне покойному генералу Торрихосу, проводившему тогда трудные переговоры с Соединенными Штатами относительно заключения нового договора о канале, вернее, договора о передаче канала Панаме. Панамо-американские отношения в то время были одним из напряженных кризисных узлов в мире. Нам, естественно, хотелось оказать поддержку Панаме и ее лидеру в справедливом стремлении получить полный контроль над каналом, проходящим по ее территории. Для США утеря военных баз в Панаме была бы чувствительным ударом. До 1977 года у нас не было прямых выходов на Панамское руководство, отсутствовали дипломатические отношения, и вот теперь одна из наших «связей» предложила вывести советского представителя на прямой контакт с самим генералом Торрихосом, завоевавшим к тому времени широкую известность и популярность как честный патриот, умный и энергичный защитник интересов своей страны.

На поездку к Торрихосу рассматривалось несколько кандидатур, и тем не менее начальство остановилось почему-то на мне. В прежние годы начальникам информационно-аналитической службы выезд за границу обычно бывал закрыт: считалось, что они слишком много знают и не стоит подвергать даже случайной опасности источники особой важности, о которых

руководитель управления безусловно знал. Приказы в разведке, понятно, не обсуждают, их выполняют.

25 июня я уже приземлился в Париже, где пару дней наслаждался жизнью туриста, затем перебрался в Латинскую Америку. А дальше началась операция, которую я условно назвал «Бермудский треугольник» — столько в ней было неизвестного, загадочного, а может быть, и опасного. Чтобы не подводить никого из друзей, помогавших мне в тех делах почти двадцатилетней давности, не буду называть точных географических мест и имен. Скажем так: необыкновенно живой и расторопный полковник, которого, видимо, все знали как очень влиятельного человека, доставил меня на своем автомобиле в дальний уголок Н-ского аэродрома, где стоял двухтурбинный реактивный самолет без опознавательных знаков. Мой чемоданчик улетел в грузовой отсек, сам я оказался один в пустом салоне. Самолет быстренько разбежался и легко вспорхнул в облака. Смотреть вниз на вату туч было скучно, и я стал осматривать салон самолета. В нем все дышало казармой. Часть столиков была поломана. Кожаная обивка кресел вытерта, испачкана, местами поцарапана, никаких салфеток, подушечек, как и никаких признаков буфета — непременной принадлежности персональных самолетов глав правительств или государств либо личных машин миллионеров. Крошечный удобный туалетик тоже был порядком захламлен. Но это был личный самолет генерала Торрихоса — главы правительства и командующего Национальной гвардией Панамы, одного из замечательных людей, знакомство с которым подарила мне судьба.

Вдруг дверь пилотской кабины отворилась, и молодой статный офицер-летчик спросил:

— Куда вас везти?

Я на мгновение оторопел от неожиданности:

— А разве вам не сказали?

— Нет.

— Тогда везите туда, где находится генерал.

— В Панаму или в Фаральон?

— Туда, где находится сейчас генерал, — твердеющим голосом отвечал я.

— Значит, в Фаральон, — подытожил мой собеседник.

— Стало быть, туда, — поставил я окончательную точку, хотя понятия не имел, что такое Фаральон и где он находится.

Через некоторое время самолет, покрутившись у кромки океанского берега, стал заходить на посадку, и я почувствовал холодок в сердце, когда увидел, что рядом с посадочной полосой стоял бронетранспортер, из башни которого высунулся по пояс

стрелок, провожавший стволом крупнокалиберного пулемета наш самолет. Стоило только черному, как ночь, пулеметчику нажать на гашетку, и мы как подстреленный воробей шмякнулись бы на бетонные плиты полосы.

Как только самолет сел и подрулил к стоянке, туда же подкатил и этот бронетранспортер, стрелок которого не переставал целиться в единственного пассажира. «Вот зараза, — подумалось невольно, — ну что ему надо?» И лишь когда пилот поздоровался с вояками из бронированного ящика, чуть отлегло от сердца. Подали машину, и я поехал в дом генерала, сопровождаемый все тем же бронетранспортером.

Как потом оказалось, Фаральоном называлась прежняя американская военно-воздушная база Рио-Ато, которая арендовалась в годы войны и потом, после нее в течение 25 лет, под предлогом организации защиты входа в Панамский канал из Тихого океана от всяких опасностей. В 1970 году панамцы уже под руководством Торрихоса отказали в продлении договора и попросили вернуть базу. Рассердившиеся янки разрушили ее, сломали все постройки, даже забили камнями колодцы. Осталась только взлетно-посадочная полоса, которую и приспособил для нужд Национальной гвардии Торрихос. Он не любил жить в городе Панама, в «пяти минутах езды на джипе от американских военных фортов в зоне канала», и предпочитал работать здесь, в доброй сотне километров к северу от столицы. К тому же здесь стоял батальон гвардии с 18–20 бронетранспортерами.

Дом генерала находился в полутора километрах от аэродрома. Снаружи его почти не видно, его заслоняют мощные кроны манговых деревьев, крытый навес для автомашин и какое-то подобие летней кухни. Однако его местонахождение выдавали круглая бетонированная площадка для посадки вертолетов да огромный шатер из пальмовых листьев, опиравшийся на деревянные столбы, под которым сидела группа охранников и, разморенная тропическим зноем, лениво играла в домино. Оружие и подсумки горкой лежали на столе, висели на спинках стульев.

Не успел я захлопнуть за собой дверцу автомашины, как меня сразу же провели в дом. У порога меня встретила секретарь генерала Эстер, которая и провела к Торрихосу.

Я привык видеть его на фотографиях в военной форме, а здесь, дома, он был в светлой вязаной рубашке и темных брюках. На ногах болтались сандалии. Точь-в-точь мелкий служащий на воскресном отдыхе. Не успел я как следует рассказать о себе, как вошли двое: один очень тучный мужчина — президент республики доктор Лакас, а второй — президент Национального

банка. Генерал попросил подождать, пока он не решит с ними неотложные дела.

Прекрасно, у меня появилась возможность осмотреться и поговорить с Эстер. Вся обстановка комнаты, где я находился, состояла из пары диванов, составленных под прямым углом, да двух кресел-качалок, разделенных низеньким журнальным столиком. Диваны и кресла были обиты такой мягкой и пушистой искусственной шкурой, что посетитель в ней буквально тонул. Для тропиков это непрактично, здесь все, как губка, пропитано влажной духотой. Но меня предупреждали, что у генерала многое будет непривычным. Он никогда не пользовался услугами поваров, портных, декораторов, на всю жизнь остался в привычках простым солдатом. Все, что как-то облегчает быт, либо оставлено прежними владельцами, либо подарено кем-нибудь из друзей. На стенах висели две картины неизвестного живописца, изображавшие невероятно толстых женщин с грудями, выпиравшими из выреза платья; манера письма модерновая, видимо, тоже подарок случайного поклонника.

По профессиональной привычке стараюсь разговорить Эстер. Узнаю, что генерал начинает рабочий день в 5 утра и заканчивает в 10 вечера. Отдых его — это обычно путешествие по провинции, куда он отправляется на вертолете, постоянно дежурящем на пятачке перед домом. Все управление осуществляется телефонными распоряжениями или устными указаниями, которые Торрихос дает должностным лицам, когда они приезжают к нему с докладом. Никакого бюрократического аппарата практически нет. Но нет и случаев невыполнения указаний. Всего три секретаря несут вахту в Фаральоне. Они принимают бесчисленные телефонные звонки, передают заранее подготовленные указания и рекомендации генерала, ведут несложное делопроизводство и попутно выполняют функции денщиков: варят кофе, подают сигары, воду, чистят после прогулки в горах солдатские ботинки. Отдежурив трехсуточную вахту, они уезжают на отдых в Панаму.

Президент и банкир уехали, и Торрихос снова вышел ко мне. Я старался нащупать ту волну, на которой говорит и мыслит генерал. В тон ему я снял галстук, так же, как он, поджал под себя одну ногу на диване, чтобы удобнее было сидеть к нему вполоборота. Наконец мы затронули тему, которая для нас была одинаково интересна, — США. Зацепились за эту тему вроде бы случайно: плохо работавший телевизор прохрипел, что, по данным опросов, в Соединенных Штатах 28 млн. женщин систематически избивают их мужья, однако они вынуждены молчать из-за материальной зависимости. «Вот, — почти

радостно закричал генерал, — на лету хватай такие сведения о нарушении прав человека в США! А вы из-за какой-то дюжины диссидентов разводите мировые стенания. Вообще вы люди без юмора. Неужели в нынешнем мире, где кругом царят беззаконие и насилие, вам необходимо делать вид, будто борьба Джимми Картера за права человека касается в первую очередь вас? Да отшутитесь, превратите все в хохму. Бросьте неуместную в данном случае серьезность.

Права человека — это проблема для нас. В Чили исчезло без всякого следа около трех тысяч человек, военные режимы в Аргентине, Уругвае отправили на тот свет десятки тысяч… а что творится в Бразилии, Парагвае! Там никого не судят, просто убивают, к тому же не за идеи, а за подозрение, что человек может иметь идеи… Мы Картера поддерживаем, нам здесь надо говорить о правах человека, а вам-то зачем? Какие вы обидчивые, невеселые люди…» Слава Богу, разговор пошел.

Вскоре приехали еще два министра — финансов и иностранных дел. Сели за стол, подошло время обеда. Беседа стала очень оживленной. Меня засыпали вопросами, пришлось говорить самому, хотя я предпочитал бы слушать. Я внутренне сердился на себя, потому что чувствовал, что трудно понимаю речь генерала: тембр голоса у него был низкий, глухой, артикуляция нечеткая, незнакомая, сама речь очень образная, афористичная. Однако через полчаса все встало на свои места.

Обед оказался на редкость скромным: сухой отварной рис, жесткое жареное мясо, овощной салат, вареная фасоль — все, никаких разносолов. На стол не поданы ни спиртные напитки, ни пиво, только холодная колодезная вода. «А как же надоевшие рассказы американских газет о болезненном тяготении генерала к выпивке, разговоры о циррозе печени?» — сам собой выплыл вопрос, на который есть только один ответ: пресса — не столько средство информации, сколько орудие политической борьбы.

За разговором не заметили, как стало смеркаться. Генерал подошел ко мне и сказал: «Знаешь, мне бы хотелось продолжить беседу с тобой, но, к сожалению, на завтра у меня назначено заседание Государственного совета высоко в горах, где расположено крупное месторождение меди Сьерра-Коло-рада. Если нет возражений, давай полетим завтра вместе туда на вертолете, сможем продолжить разговор, а заодно посмотришь нашу страну. А ночевать останешься у меня дома. Идет?»

Вопрос был лишним. Конечно, я мотнул головой в знак согласия. Главное было сделано — удалось установить первый контакт, создать поле взаимопонимания, перекрестного интереса с высокой политической плотностью.

Более суток я провел бок о бок с генералом, большую часть времени сидя рядом с ним в вертолете. Он был моим гидом и наставником. С горечью показывал мне крохотные заплатки земли, распаханные на крутых горных склонах, — помещики все более и более теснили крестьян с плодородных равнин. «Чтобы посеять что-то на этих обрывах, приходится стрелять туда семенами из ружья», — не то шутя, не то всерьез говорил Торрихос, попутно замечая, что под американскими банановыми плантациями в Панаме занято несколько десятков тысяч гектаров отличных земель, которые держатся в резерве. Бананы сильно истощают землю, поэтому через семь-восемь лет ей нужно дать отдых для восстановления плодородия. «Американцам бананы нужны для фруктового десерта, а нам не хватает риса и кукурузы для пропитания». Мечты о процветании Панамы, заботы о благополучии своего народа так или иначе прорывались в каждом его комментарии, замечании. После окончания полевого заседания Государственного совета, когда все приглашенные министры, бизнесмены, иностранные эксперты со скоростью похоронной процессии спускались вниз по скользким после дождя горным дорогам, Торрихос внезапно обратился ко мне: «Обидно, что слушали сейчас иностранных специалистов, докладывавших технические и экономические обоснования проекта, и не нашлось среди нас панамца, который по деловому раскритиковал бы проект. Пусть бы в чем-то оказался не прав, но обязательно дал бы им по зубам». Спросив руководителя работ о молодых специалистах, которые уже успели хорошо проявить себя, он пригласил их к разговору. Подошли три молодых человека. Они рассказали о себе, и генерал без всякой передышки предложил им поехать учиться на пару лет за границу. «Сами выберете себе страну, где лучше всего поставлено меднорудное дело, и не возвращайтесь без докторского диплома. Ведь как здорово будет звучать: «Синьор Лопес, панамец, доктор геолого-минералогических наук». Если поедете в США, то, ради Бога, не женитесь на американках. Они эгоистичны, да и нам от них пользы мало».

По счастливой случайности оказалось, что на руднике работал выпускник Университета дружбы народов, которого тоже позвали, и он, сияющий, уже издали кричал мне по-русски: «Да здравствует Советский Союз!» К сожалению, он оказался не геологом, а экономистом. Известно, насколько примитивно знали и изучали экономику тогда в Советском Союзе, где даже академики от экономики выглядят беспомощнее рядовых управленцев коммерческих фирм Запада.

Но главное место в наших бесконечных разговорах занимали,

конечно, Панамский канал и панамо-американские переговоры о заключении нового договора, предусматривавшего передачу канала Панаме в собственность с 1 января 2000 г. Тем временем в Вашингтоне шли тяжелые, напряженнейшие переговоры по доработке текста договора. Торрихос хотел использовать любую возможность нажима на американцев. Он не собирался скрывать свои встречи с представителем из Москвы, попросил дать мой московский телефон, заговорщически прошептав при этом: «Послушай, не удивляйся там, в Москве, когда я позвоню тебе и буду спрашивать совета, как поступить в тех или других вопросах. Отвечай как можно туманнее и загадочнее. Они любят слушать все наши международные переговоры, перехватят и этот. То-то будет у них переполох!» Они — это, конечно, американцы. Надо сказать, что эту игру мы довели с ним до конца. Он действительно звонил из Панамы на мою московскую квартиру, и мы, посмеиваясь в душе, разыгрывали несуществующие сцены. А потом он мне рассказывал, что расчет оправдался и на переговорах с американцами эффект угрозы сближения с Москвой действовал неотразимо: Вашингтон шел на уступки.

Но главное, Торрихоса заставляла искать с нами контакты серьезная озабоченность, что Соединенные Штаты могут отказаться от подписания договора о канале. Тогда перед генералом, связавшим свою политическую судьбу с борьбой за возвращение канала Панаме, не оставалось бы никаких иных путей, кроме как начать силовые действия против американцев: уйти в сельву, начать партизанскую борьбу, встать на путь диверсий. Эту альтернативу он излагал публично, но я видел, что она пугает его самого, что он был бы рад, если бы она сработала как угроза, не претворившись в реальность. Но надо было готовить позицию на случай срыва переговоров, и тут без помощи Советского Союза было не обойтись.

Торрихос без конца рассказывал о Панамском канале. Вспоминал, как в период строительства канала американцы выселили из переданной им зоны площадью 500 квадратных миль вдоль трассы канала всех местных жителей, чтобы не иметь никаких проблем. 30 % всей зоны Панамского канала американцы заняли своими военными городками и базами, разместив на постоянной основе около 10 тыс. солдат — это втрое больше, чем все вооруженные силы Панамы. Давно многократно окупивший себя канал и его зона оставались колониальным анклавом, разрезавшим Панаму надвое. Генерал говорил о том, что в нынешнем виде канал оказывает разлагающее влияние на панамский народ. Каждый из 10 тыс. американских военнослужащих старается на время пребывания в Панаме

обзавестись временной подружкой из числа задавленных нуждой молодых женщин. Теперь эти женщины протестуют против ухода американской армии в случае национализации канала. Обслуживает канал и зону около 8 тыс. панамских рабочих, занятых самым черным, неквалифицированным трудом. Им платят по низшей шкале американских зарплат, но это значительно выше, чем заработки панамских рабочих. Эта категория оказывается также в числе противников национализации канала, хотя им и стараются объяснить, что национализация не уменьшит доходы от канала и их интересы не пострадают.

Торрихоса серьезно заботила проблема пресной воды, которая расточительно расходуется, обеспечивая работу канала. Обе нитки шлюзов, спадающих к Атлантическому и Тихоокеанскому побережьям, питаются пресной водой, которая накапливается в водохранилищах в верховьях горных рек, перегороженных плотинами. До поры до времени сбор и сброс воды из водохранилищ в океаны не вызывали тревоги, хотя каждое шлюзование означало безвозвратную потерю 50 млн. л воды. Но по мере роста города Панамы резко увеличились и потребности в воде у горожан, и потребность в электроэнергии, производимой на гидростанциях, воду у которых, к сожалению, забирал канал. Расширение ирригационных систем также требовало воды, а она в основном аккумулировалась в зоне Панамского канала, и временами панамскому правительству приходилось покупать свою собственную воду у американской администрации канала.

Думая о решении этой проблемы в будущем, генерал развивал идеи строительства нового, бесшлюзового канала или создания принципиально нового межокеанского пути, состоящего из многорельсового железнодорожного полотна, по которому будут ходить особые тележки, приспособленные для перевозки крупных морских судов. Это будет своеобразный «волок» — быстрый, дешевый и надежный.

Торрихос подробно рассказал мне о ходе панамо-американских переговоров, ответил на все вопросы, которые возникали в связи с революционным процессом, происходившим в самой Панаме. Провожая меня после пяти дней пребывания в Панаме, Торрихос распорядился выдать мне визу сроком на один год для въезда в Панаму. Это было лучшим признанием успеха встречи. И все-таки приятно польстили самолюбию последние слова, сказанные им при прощании: «Если все русские такие же, как ты, то это просто здорово!»

От треволнений, изнурительной, непривычной жары, полного

отсутствия аппетита я здорово похудел. Мне очень хотелось домой, не терпелось доложить информацию, полученную от самых компетентных и авторитетных источников, о «белом пятне», которым была для нас до того времени Панама. Я не стал задерживаться в Париже, вечном пересадочном пункте при полетах в Латинскую Америку.

Я был сам доволен операцией, она разбудила было начавшие дремать охотничьи инстинкты разведчика. Оказалось, что порох не совсем отсырел в пороховницах за время работы в центре. Уже порядком общипанные жизнью крылья еще держали меня в воздухе.

В последующие годы я регулярно наведывался в Панаму, где так и не открылось советское посольство. 7 сентября 1977 г. в Вашингтоне США подписали с Панамой договор о передаче Панамского канала Панаме с 1 января 2000 г. Цель жизни Торрихоса была достигнута. На церемонию подписания прибыли 18 глав американских государств, три или четыре вице-президента и несколько министров иностранных дел. Более ста человек входили в панамскую делегацию, среди которых были писатели Габриэль Гарсия Маркес, Грэм Грин. Торрихос хотел, чтобы весь мир стал свидетелем и гарантом честного договора.

Прошел год, и новые сомнения начали терзать Торрихоса. Теперь это было связано с ратификацией договора. В марте 1978 года он встретил меня как старого знакомого, и я сразу же почувствовал его раздражение действиями США. Он рассказал, что с момента подписания договора по март 1978 года в Панаме побывали 50 сенаторов США (ровно половина состава сената) и каждый приезжал, чтобы на месте ознакомиться со страной, с ходом демократизации ее и т. д. Все они были уверены в том, что Торрихос — это «тиран», «диктатор», «сильная личность» и пр. Их взгляды нередко основывались на слухах, что генерал — выпивоха, бабник, друг и приятель Фиделя Кастро. Они требовали, чтобы Торрихос лично сопровождал их во время полетов, а в самолете досаждали вопросами: «Когда ты уйдешь от власти?», «Почему ты выслал своих политических противников из страны?», «Когда будут проведены выборы?» и т. д. Беспардонность сенаторов была невероятной, даже сопровождавший их тогда американский посол в Панаме Джордэн писал, что временами ему казалось: «Торрихос мог бы открыть дверь салона и выбросить парочку этих людей в Тихий океан». Посол видел, как часто ходили желваки на скулах у Торрихоса, и вмешивался, чтобы разрядить обстановку. Мне генерал говорил, что только сознание острой необходимости соглашения с США не позволяло ему сказать все, что хотелось, куражившимся

политиканам. Они без конца поучали его, пили, жрали, лапали женщин и опять поучали, хапали подарки и снова назойливо поучали.

Стоило только не оказать какому-нибудь сенатору максимального внимания, как он становился в позу и пополнял ряды противников договора. Так получилось, например, с сенатором Деконсини (от штата Аризона). Он приехал в Панаму с женой, матерью и младшим братом в такое время, когда Торрихос, занятый делами, не смог лично уделить ему внимание. Этот обиженный политический карлик жестоко отомстил в ходе голосования, едва не поставив под удар плоды работы многих лет. Он стал и автором всех антипа-намских поправок.

Генерал верил Картеру, который все время просил его потерпеть, подождать, не делать резких заявлений, обещал все постепенно уладить. Торрихос согласился до дня ратификации ничего не предпринимать, но намекал, что в случае срыва ратификации ситуация радикально изменится. «Я от своего не отступлю, — говорил он, — никаких дополнительных капитулянтских договоров подписывать не буду, иначе народ будет вправе повесить меня на первом же телеграфном столбе. Я распорядился транслировать напрямую все дебаты из американского конгресса на Панаму, чтобы весь народ слышал, какие гадости говорят про нас янки. Мы теперь повзрослели, нас нельзя ни запугать, ни обмануть». Когда я высказал ему идею о провозглашении Панамы вечно нейтральной страной, он заинтересовался моей аргументацией. У США, говорил я, исчезают основания для особых претензий на оборону канала, ибо статус вечно нейтральной страны будет охотно признан мировым сообществом. Затем Торрихос спросил: «А не стану я в этом случае похожим на политического скопца, на бесплодного мерина? Сможет ли моя страна проводить активную внешнюю политику, оказывать помощь друзьям?» Я ответил, что Швеция остается уважаемой энергичной страной, Австрия стала местом международных организаций, переговоров, а ее гражданин Курт Вальдхайм — генеральным секретарем ООН. «Да, — задумался Торрихос, — надо изучить».

Но, по-моему, к этой идее он не возвращался. А зря!

О своей внешней политике Торрихос иногда говорил с большим юмором. «Никто не может понять, кто же я такой.

Сомоса звонит и просит прислать слезоточивые газы для разгона демонстраций, полагая, что я — его поля ягодка. А я отвечаю, что только что послал всю наличность в Перу и сейчас у меня нет ничего. Гватемальцы просят поделиться опытом борьбы за мировое общественное мнение для подкрепления претензий на

спорную территорию Британского Гондураса — Белиза. Сандинисты — враги Сомосы — просят денег и оружия. Немного, но даю». Показывая на взлетную дорожку аэродрома, он внезапно выпаливает: «Ты думаешь, что здесь садится и взлетает только мой самолет? Нет, отсюда частенько стартуют самолеты, груженные оружием для партизанских сил в Центральной Америке. Труднее всего бывает спилить заводские марки с хорошей стали, но мы и это освоили!»

Многое было обговорено и обсуждено в те вечера на веранде его дома в Фаральоне, откуда открывался бескрайний Тихий океан с неумолкающим тяжелым вздохом волн. В оранжевом мареве заката вдоль кромки воды всегда с юга на север тянули в строгой кильватерной колонне мощные бакланы. Иной раз по песку проходили местные рыбаки, неизменно обменивавшиеся приветствиями с генералом, а то и заглядывавшие на рюмочку рома.

Уже в Москве я узнал, что после семимесячного изнурительного обсуждения в сенате США договор Торрихос — Картер был наконец ратифицирован 68 голосами против 32. Это была историческая победа. Для утверждения договора требовались 2/3 голосов сената. Если бы всего два сенатора изменили свою позицию и отказались поддержать договор, то не избежать бы миру очень острого и опасного конфликта, которого Торрихос не хотел. Мы тоже не хотели конфликта и делали все, чтобы договор стал царить там, где прежде всегда правила бал сила.

В последний раз я виделся с генералом и 1979 году. Я приехал к нему, когда договор уже вступил в силу. В соответствии с его положениями сам канал и его сооружения окончательно должны перейти под юрисдикцию Панамы 1 января 2000 г., а территория зоны канала, то есть полоса земли шириной 10 миль по обе стороны трассы канала, составлявшая в общей сложности 1434 кв км, передавалась Панаме немедленно. Я встретился с Торрихосом через семь дней после того, как вся территория зоны перешла под управление правительства Панамы. Я рассчитывал встретить ликующего триумфатора, а увидел снова озабоченного и несколько опустошенного человека. Оказалось, что он даже не принял участия в торжествах 1 октября 1979 г. по случаю передачи территории зоны канала Панаме. В этот день он сидел перед телевизором на веранде своего дома, потом позвал помощников, сказав им: «Бывают моменты, когда человеку надо остаться одному». Отправив всех в Панаму, он приказал готовить вертолет и улетел на нем в районы, населенные индейскими племенами. Потом он объяснил свое поведение так: «Меня там не

было, потому что это была не моя победа. Это была победа всего народа. Я просто был главным действующим лицом… я едва был заметен, хотя и был главным крикуном… Завоевание нашей независимости не является результатом деятельности одного человека, независимость стала возможной благодаря борьбе многих поколений, чьи усилия как бы слились воедино за 70 лет». Он не на словах, а на деле оставил народу в этот день роль главного действующего лица.

Мы очень много говорили с ним об умении работать с людьми. Он довольно жестко критиковал наших политических руководителей за их формализм, тяготение к официальным декларациям, коммюнике о переговорах, любым бумажкам. За редкими исключениями, советские послы не выходят за скучные чиновничьи рамки. «Я все время собирался открыть в Панаме советское посольство, хотя для меня это связано с немалыми политическими издержками. Но если мне пришлют какого-нибудь типа, с которым нельзя ни пооткровенничать, ни поговорить на заветные темы, то зачем мне такой посол. Уж лучше поддерживать неофициальный контакт». Тут я твердо заметил, что одно никак не исключает другого и нормальные дипломатические отношения безусловно необходимы для развития связей между двумя государствами.

Рассказывая о своих методах работы с американцами, он иной раз раскрывал всю кухню, подноготную. «Нам удалось, — говорил он, — до такой степени сдружиться с некоторыми сотрудниками Белого дома, что они просили нас приносить им пиво на работу в нарушение установленного Картером порядка, запрещавшего в рабочее время распивать такие напитки. Мы иногда приглядывали за тем, не идет ли начальство, когда подчиненные тискали секретарш. Такая доверительность помогала нам получать огромное количество необходимой информации…» (Эти сведения были уже ценны мне как разведчику, и я с удовольствием наматывал их на ус.)

В конце 70-х годов в Центральной Америке возникла очень опасная для Соединенных Штатов ситуация. В результате договора с Торрихосом они теряли Панамский канал с 2000 года. В Никарагуа летом 1979 года в ожесточенной гражданской войне победили сандинисты. Они свергли власть кровавого диктатора Анастасио Сомосы, про отца которого в свое время Ф. Рузвельт цинично сказал: «Это сукин сын, но он наш сукин сын». В Сальвадоре занималось зарево партизанской войны, а в Гватемале ее пламя полыхало уже несколько лет. Торрихос прекрасно ориентировался во всем этом сложном калейдоскопе стран, интересов, лидеров. Для

Советского Союза пока многое оставалось здесь «терра инкогнита»: ни в одной из центральноамериканских стран, за исключением Коста-Рики, не было советских посольств и представительств. И наши беседы с Торрихосом длились помногу часов в течение нескольких дней, пока не удовлетворялся взаимный интерес.

Летом 1981 года я снова собрался в гости к генералу, уже упаковал свой походный чемоданчик, когда услышал по радио сообщение, что 31 июля самолет, на котором Торрихос направлялся в свое любимое селение в горах Коклеси-то, разбился в ненастную погоду о скалы. Слова бессильны выразить острое горе, которое я пережил. Я искренне сочувствовал панамскому народу, потерявшему такого выдающегося политического лидера и чудесного человека. С его смертью значение Панамы на карте мира стало съеживаться, как шагреневая кожа. Ни один из последователей Торрихоса не оказался даже мало-мальски сравнимым с ним по политической чистоте, харизме и человеческой привлекательности. В моем сердце навсегда осталась незарастающая каверна.

Прошло три года, и в мои руки попала книга, написанная Грэмом Грином о Торрихосе, с которым его связывала тесная дружба примерно в те же годы. Я жадно стал читать и вдруг наткнулся на строки, которые, как мне казалось, могли относиться ко мне. Грэм Грин писал: «Мы с генералом говорили как-то о России, и я стал развивать свою любимую теорию о том, что однажды КГБ возьмет власть в свои руки и тогда окажется, что гораздо проще вести дела с прагматиками, чем с идеологическими попугаями. КГБ набирает к себе на работу самые светлые головы из университетов, они владеют иностранными языками, знают внешний мир. Маркс для них не единственный свет в окошке. Они могут стать инструментами разумных реформ у себя дома.

Омар заметил: «То, что ты говоришь, для меня представляет особый интерес. Некоторое время назад ко мне из Южной Америки наведался офицер КГБ. Это был молодой, весьма подготовленный человек. Он говорил на хорошем испанском. Я с ним был очень осторожен, потому что опасался какой-нибудь ловушки. Он сказал мне, что вряд ли можно ожидать каких-либо изменений в России до тех пор, пока в Кремле сидят нынешние дряхлые старцы. Молодой человек сказал, что он приедет как-нибудь еще раз повидаться.

Не знаю, приезжал ли он. Он должен был бы знать о привязанности Торрихоса к Картеру. Собирался ли он передать какой-нибудь сигнал Картеру через генерала накануне

президентских выборов в США, на которых должен был победить Рейган? Я никогда не узнаю ответа на эти вопросы».

Да, дорогой Грин, теперь уже не узнаешь. Вы оба с генералом покинули эту грешную землю, и единственный шанс вспомнить пряный запах креольской политики — встретиться в положенное Богом время в лучшем из миров, если он есть.

Политика — политикой, разведка — разведкой, а дружба — дружбой. Грэм Грин очень любил Торрихоса. Он посвятил ему книгу под названием «Узнавая генерала». Он как бы хотел подчеркнуть, что как личность этот человек был неисчерпаем. Книга получилась теплая, душевная, сердечная.

Мне казалось, что и я полюбил генерала не меньше. Я тоже написал книгу о Торрихосе, она была издана в 1990 году. Заголовком ее стала одна из его афористических фраз: «Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала». В книге, наверное, нет художественных достоинств, но в том, что она добросовестная и непредвзятая, я уверен. Предисловие к ней написал верный адъютант Торрихоса, человек, сочетавший в себе философа, солдата, пилота, дипломата, которого знали все в бассейне Карибского моря под кличкой Чучу и по имени Хосе де Хесус Мартинес. Совсем недавно скончался и он, хранитель музея Торрихоса, его афоризмов. А во время варварского нападения американцев на Панаму в конце 1989 года погиб и музей Торрихоса, сожженный американскими ракетами, уничтожены все экспонаты. Музей не был ни в коей мере никаким военным объектом, он расположен далеко от казарм Национальной гвардии. Кому-то надо было уничтожить саму память об уникальном явлении в истории Панамского народа — жизни и деятельности Омара Торрихоса. Для меня уже давно стало привычным противоречить американцам. Поэтому я написал о генерале, а рукописи, как известно, не горят и не тонут.

Начало конца

Возвращаясь из Панамы или аналогичных поездок в другие страны, я вновь погружался в информационно-аналитическую круговерть разведки, стараясь отключиться от острых переживаний, забыть об эмоциях. При оценке поступавших материалов, при составлении информационных документов, уходивших к политическому руководству, надо было сохранять максимум непредвзятости, объективности. Но в обязанности информационно-аналитического управления в значительной мере входила и задача корректировки оперативных усилий разведки путем формулирования ее целей. Часто это делал начальник разведки, который давал нам указание подготовить циркулярную телеграмму для группы ведущих резидентур, а иногда «Всем, всем, всем» с требованием сосредоточить усилия на освещении каких-то определенных проблем.

Мы могли и сами подготовить текст директивного указания, когда были уверены, что разведка должна ответить на те или иные вопросы, но подписывал документ начальник разведки.

Во второй половине 70-х годов, когда я уже основательно привык к безмерно широкому полю профессиональной ответственности своего управления, к необходимости быть постоянно готовым отвечать по телефону на самые разнообразные вопросы руководства разведки и Комитета госбезопасности, меня все больше и больше стало заботить положение дел в странах социалистического содружества, как тогда было принято именовать страны Варшавского пакта.

По положению разведка не занималась социалистическими странами. Это были наши союзники, с которыми отношения строились на основе тесной дружбы; мне известно, что запрещалось ведение оперативных разработок граждан этих стран. Естественно, что не было вербовок, списков агентуры и т. д. Единственное исключение представляла ГДР, где по договоренности с немецкими коллегами такая работа допускалась.

Во всех соцстранах находились представительства КГБ, которые поддерживали тесные контакты со своими партнерами из МВД, оказывали им методическую и организационно-оперативную помощь. Время от времени подписывались протоколы о сотрудничестве, которые конкретизировали практические области взаимодействия. Во главе этих представительств почти всегда стояли опытные генералы разведки, в подчинении у которых находился целый отряд

специалистов разного профиля: были и разведчики, и контрразведчики, военные контрразведчики, специалисты по оперативной технике и т. д. Из представительств в центр поступал большой поток информации о положении в этих странах. Источниками информации были сотрудники партийного и государственного аппарата, коллеги из МВД, хозяйственные руководители и т. д. Часто люди делились этой информацией с нашими сотрудниками, потому что не рассчитывали на должное внимание со стороны советских послов, которые сплошь были выходцами из партийного аппарата. Так и получалось, что информация советских послов из соцстран оказывалась окрашенной преимущественно в розовые тона, в то время как информация представительств КГБ давала значительно более близкую к реальной картину обстановки.

Помню, как в 1980 году вновь назначенный в Польшу послом Б. И. Аристов, начитавшийся нашей информации, позвонил Андропову и сказал, что считает наши материалы предвзятыми, необъективными и неверно отражающими состояние дел. У меня в кабинете раздался прямой телефонный звонок председателя: «Вот Аристов говорит, что мы сгущаем краски, оценивая обстановку в Польше. Так ли это?» Я ответил, что Аристов к польским проблемам едва прикоснулся, а у нас на протяжении многих лет десятки сотрудников внимательно следят за эволюцией страны. Мы можем предложить Аристову приехать в разведку и почитать накопившиеся тома материалов о Польше, поговорить с нашими сотрудниками, которые действительно знают страну. Председатель поблагодарил и повесил трубку, но мы напрасно ждали делового визита новоиспеченного посла. Уже потом мне приходилось наблюдать его растерянность в советском посольстве в Варшаве, когда Польшу сотрясали мощные социальные конвульсии.

Мне довелось не раз ездить по служебным делам в страны Варшавского пакта. Я выступал в качестве начальника информационно-аналитической службы разведки, вел деловые переговоры со своими коллегами из братских разведок, встречался с руководством МВД, а нередко нас принимали и руководящие работники очень высокого ранга из партийно-государственной элиты. Предметные, практически полезные обмены мнениями происходили, как правило, только с прямыми коллегами, все остальные встречи носили скорее протокольный характер. Чтобы поездки наши не превращались в чисто профессиональные контакты, мы обязательно просили организовать для нас посещения промышленных предприятий, сельскохозяйственных кооперативов, встречи с учеными и т. д.

Хотелось прикоснуться к жизни этих стран. Мне, выходцу из крестьян, всегда было интересно побывать в селе, поговорить с земледельцами. Помнится, как в Венгрии однажды мы провели почти целый день в семье крестьянина, который вел обширное хозяйство — откармливал свиней, — дававшее ему значительно больший доход, чем заработки в кооперативе. Мы старались понять экономику страны, технологию производства.

Почти десятилетие приходилось мне изо дня в день читать депеши советских послов из соцстран, знакомиться с записями бесед советских руководителей с лидерами этих стран в дополнение к информации, поступавшей из представительств. Много интересного рассказывали наши товарищи, возвращавшиеся из долгосрочных командировок в эти страны. Наши взгляды формировались под воздействием разных факторов и так или иначе находили отражение в информационных документах, направлявшихся в ЦК КПСС.

За четыре с лишним десятилетия, прошедших после второй мировой войны, социализм как учение и как практика государственного строительства не проник глубоко в общественное сознание народов этих стран. Социализм пришел к ним вместе с Советской Армией и был воспринят как идеология освободителей или победителей. Сопротивление было бесполезно, поэтому внешне страны смирились со своей судьбой. Прежние владельцы земель, заводов, системы обслуживания и т. д. за редкими исключениями остались у себя дома и приспособились к новым условиям существования. Любить новые порядки они никогда бы не стали, скорее, наоборот. Отчасти это и проявилось в 1956 году в Венгрии, тремя годами раньше в ГДР, в 1968 году в Чехословакии, в 70-х годах в Польше.

Ни в одной из социалистических стран, например, не была произведена национализация земли. Сохранялась и видоизмененная форма частной собственности на землю, и до самых последних лет она продолжала быть предметом купли-продажи в ограниченных размерах. В Польше вообще частное землевладение охватывало 80 % всех сельскохозяйственных угодий. Нигде государство так не душило налогами сельское хозяйство, как это было в СССР. Поэтому кооперативные хозяйства в Венгрии, Чехословакии, ГДР и Болгарии были в своей массе преуспевающими, а население городов не испытывало особых трудностей с приобретением продуктов питания. В Венгрии производство мяса достигало 140 кг на душу населения, часть мяса даже продавалась американской армии, расквартированной в Германии.

Во всех странах сохранилась мелкая городская частная

собственность: частные кафе, парикмахерские, сапожные и портняжные мастерские и т. д. Некоторые попали под контроль государства, которое откачивало в свой карман долю прибыли, но сохраняло благоразумие, не убивая курочку, несшую золотые яички. То же самое относится и к жилищному фонду. В этих странах не было огульного присвоения государством всей городской недвижимости, как это произошло в России после 1917 года. Люди жили в своих собственных домах, имели возможность строить новые.

Только тяжелая промышленность, банковское дело, транспорт были национализированы, хотя везде сохранялись более гуманные условия взаимоотношений между работодателем-государством и наемными рабочими.

Почти повсеместно церковь сохраняла значительное духовное влияние на население, пользовалась большой независимостью от государства. В Польше влияние католической церкви всегда превосходило влияние правящей партии, в Венгрии церковь и партия могли бы соперничать.

В отличие от СССР, во всех этих странах сохранялась многопартийная система. Везде существовали две-три партии, причем не формальные, а настоящие, с собственной социальной базой. Эти партии не лезли на рожон конфронтации, они входили в различные фронты (национальные, отечественные и пр.) вместе с правящей коммунистической или рабочей партией, как бы находясь в политической полудреме, но это была готовая структура демократии, которая вышла на арену в подходящий политический момент.

За исключением ГДР, ни в одной социалистической стране правящая партия, органы госбезопасности не имели такого влияния и веса, как это было в СССР.

Вообще в своем социальном и гражданском развитии население этих стран ушло вперед по сравнению с народами СССР. По всем показателям жизненного уровня населения СССР находился на последних или предпоследних местах в соцсодружестве.

Так называемая «обстановка искренности и братского взаимопонимания» сохранялась, пожалуй, только между правившими элитами, да и то подвергалась нараставшей эрозии. Национальные интересы медленно, но неуклонно брали верх над пролетарским интернационализмом. Просто удивительно, как могли руководители СССР не видеть политических и экономических слабостей Варшавского пакта. Казалось бы, регулярно собирался на свои заседания Политический консультативный комитет, в который входили главы партий и

государств всех европейских соцстран. Принимались пространные декларативные документы, произносились приличествующие моменту речи, но даже многим участникам встреч было очевидно, что это дежурное, формальное мероприятие. Чаще всего Эрих Хонеккер, но иногда и Янош Кадар не раз в приватных беседах обращали внимание советских руководителей на пустой, протокольный характер таких заседаний. «Вся работа, — говорили они, — ограничивается зачитыванием заготовленных заранее речей, подписанием очередного заявления и банкетом. Нет ни времени, ни возможности открыто и по-товарищески обсудить реально возникающие трудности в строительстве социализма, проблемы, появляющиеся во взаимоотношениях». Но и эти нелицеприятные слова не доходили до сознания Л. Брежнева и политбюро.

Как поразительно непохожи были встречи семерки руководителей развитых капиталистических государств на заседания Политического консультативного комитета! А ведь сама идея ежегодных консультаций глав государств родилась не на Западе, а в странах Варшавского пакта.

Наше тогдашнее руководство наглухо отгораживалось от всех жгучих проблем — как внутриполитических, так и внешних, которые настойчиво, громко не просто стучали, а ломились в двери. Между собой мы даже окрестили его политику как «стратегию отложенных решений».

Экономический механизм сотрудничества между социалистическими странами также был заражен вирусом формализма. Совет Экономической Взаимопомощи, Международный инвестиционный банк так и не развились в полнокровные орудия взаимодействия. Скорее, им приходилось оформлять результаты и последствия политических решений, принимавшихся на высшем уровне в области экономики, чем создавать условия для естественного взаимовыгодного развития народных хозяйств. Одним из самых напряженных моментов для всех наших партнеров по СЭВ было объявление советских квот на экспорт нефти в социалистические страны Европы на очередной год. Все ждали, кому и насколько прибавят. Квоты не объявлялись публично, а сообщались каждому руководителю отдельно, но каким-то загадочным образом они скоро становились известными, и начиналось выклянчивание дополнительных поставок под предлогом большей политической преданности, активности в антиимпериалистической борьбе и т. д.

Наши европейские союзники раньше, чем советские руководители, почувствовали глубокий кризис экономики СССР и стали настойчиво искать выхода на Запад, укреплять связи с

капиталистической системой. Особую активность проявила Венгрия, которая охотно принимала кредиты от Запада, переориентировала на другие рынки свои товары. Не отставала и Польша.

В своих записях нахожу: «1 марта 1978 г. в срочном порядке без какой-либо проработки, по телефонным звонкам члены нашего политбюро дали Польше согласие на заключение сепаратного соглашения с Европейским экономическим сообществом о продаже хлопчатобумажных тканей в Западной Европе. Этот договор предусматривает признание Западного Берлина в качестве составной части ФРГ. Этот договор, наряду с аналогичными другими, ведет к нарастающему расщеплению СЭВ. Капиталистическая интеграция оказывается сильнее социалистической. Наша экономическая слабость, растущая заинтересованность наших союзников в капиталистических рынках безвозвратно подрывают наши политические позиции».

Даже столь, казалось бы, непримиримые немцы в ГДР вскоре установили «особые» отношения с ФРГ, получали ежегодные денежные субсидии, развивали приграничную торговлю. Запомнился случай, когда корреспондент ТАСС передал в Москву сообщение о том, что ГДР, настойчиво добивавшаяся ежегодных прибавок в поставках нефти, наладила перегонку нефти на своих заводах, а продукты перегонки (бензин, смазочные масла и т. д.) по хорошим ценам продает, пользуясь энергетическим кризисом, за валюту на Запад, в частности в ФРГ. В этом материале содержались и точные цифры поставок на Запад. Руководство ТАСС, понимавшее всю пикантность информации, особенно если учесть, что Советский Союз «продавал» соцстранам нефть за 50 % мировой цены, не решилось дать эту информацию в распоряжение газет. Оно опубликовало его в полузакрытом, с грифом «Для служебного пользования», вестнике. Но, как потом выяснилось, посольство ГДР в Москве было подписчиком этого вестника на правах «надежного союзника» и материал попал в посольство, а следовательно, в Берлин. Разразился невероятно шумный скандал, в который были вовлечены секретари ЦК партий с обеих сторон, послы. Немцы артистически изобразили оскорбленную невинность, а наши вместо того, чтобы воспользоваться представившейся возможностью для откровенного разговора о сущности экономических взаимоотношений, отозвали корреспондента ТАСС из ГДР и, наверное, дали еще и выговор, чтобы не лез не в свои дела.

Алексей Николаевич Косыгин, Председатель Совета Министров СССР, один из наиболее самостоятельно мыслящих и разумных людей того времени, в беседе со своим коллегой из

Чехословакии прямо говорил, что союзники получают из СССР высококачественное валютное сырье (нефть, хлопок, газ, металл), а для поставок в СССР выделяют второсортную продукцию своей обрабатывающей промышленности, которая не находит сбыта на западных рынках. Он демонстрировал смущенному коллеге чешские ботинки, купленные на Западе нашими товарищами, и мятую, по существу бракованную, обувь, которую в мешках поставили в СССР.

Подобные факты были не исключением, а составляли ткань отношений между нашей страной и союзниками. Ткань была гнилой и легко разорвалась, когда лопнули военно-политические обручи, сковывавшие соцсодружество в Варшавский пакт.

Как-то, излагая свою концепцию государственной безопасности СССР, Ю. В. Андропов нарисовал четыре концентрических круга — пояса безопасности. «Первый, — говорил он, — и главный — это внутреннее единство, экономическое благополучие и моральное здоровье нашей собственной страны — СССР; второй круг — это надежность наших союзников по мировоззрению, по оружию; третий круг — международное коммунистическое движение; четвертый — это весь остальной мир. Если мы будем уверены в надежности и прочности первых трех поясов, то нам не страшны никакие угрозы, исходящие из четвертого круга». Нельзя было не разделить мнения, что страны соцсодружества, наши союзники по мировоззрению и по оружию, были важнейшим компонентом безопасности СССР.

Информация, поступавшая по линии разведки, об обстановке в соцстранах носила преимущественно острый, тревожный характер. Большое место в ней занимали сведения о взаимоотношениях в высших эшелонах власти, о взглядах и настроениях руководителей и их ближайших соратников. Сведения эти не добывались средствами разведки, их охотно приносили сами представители руководства, те, кто числил себя в верных сторонниках СССР, или те, кто думал заручиться нашей поддержкой в продвижении по партийно-государственной лестнице. Информация шла из высших сфер и была, как правило, объективной, с небольшой поправкой на личностный коэффициент. Если суммарно оценить всю информацию, поступавшую по этим вопросам, то можно заметить, что в руководстве каждой социалистической страны постепенно определились две группы: одна твердо ориентировалась на СССР, а другая не менее настойчиво и упорно тащила свои страны на Запад. В первую входили чаще всего министры обороны, внутренних дел, высшие руководители партийных структур; к

Западу упорно тяготели премьер-министры, все, кто ведал экономикой, министры иностранных дел. Прозападная ориентация части партийно-государственного истеблишмента тщательно скрывалась, маскировалась многочисленными заявлениями дружественного характера.

В разведке не было никаких разногласий в оценке состояния дел в соцстранах и прогнозах на будущее. Ежегодно в Москве собирались руководители представительств КГБ в соцстранах и проводили «сверку часов», обменивались новыми данными «о подрывных действиях противника», делились опытом работы. Комитет государственной безопасности однозначно давал знать политическому руководству страны, что дела в стане союзников идут из года в год все хуже и хуже, что нарастает опасность для наших отношений. 6 декабря 1977 г. я записал применительно к Польше: «Укрепление класса кулачества, переход в частную собственность городской торговли, развитие капитализма в промышленности закладывают базу для антисоциалистических сил. При польском антирусском национализме, при всесильном духовенстве во главе с кардиналом Вышинским, при разладе в руководстве ПОРП и правительстве Польши нам остается только ждать даты внутреннего взрыва и гадать о формах, в которых он произойдет, но при нынешнем ходе событий он неизбежен… Мы давно трубим «подъем!», но все спят».

Не было никаких сил докричаться до наших вождей. Каждый год во время отдыха Л. И. Брежнева в Крыму, в «Нижней Ореанде», к нему приезжали по очереди руководители братских партий, вроде чтобы в неофициальной обстановке поговорить начистоту о всех накопившихся проблемах. Но на деле гости Брежнева старались приукрасить обстановку в своих странах, срезать острые углы, выцыганить еще какую-нибудь помощь. В порядке подготовки генерального к таким встречам разведке иногда поручали дать оценку ситуации и прогноз ее развития. Наши документы, как уже говорилось, были окрашены колером озабоченности. В 1980 году в Крым приезжал Э. Терек, в беседе с которым Брежнев, судя по записи, использовал многие данные из материалов разведки и пробовал вести разговор «нажимисто», как любил говаривать А. А. Громыко. Терек всполошился не на шутку, стал энергично опровергать приведенные данные и оценки, доказывать, что некоторые советские люди, работающие в Польше, дают искаженную картину действительности, клевещут и т. д. Брежнев дал ход назад, сделал вид, что принял за чистую монету объяснения Терека, и предложил ему остаться на несколько дней для отдыха в Крыму. Тот успокоился и остался, только отдохнуть ему уже не довелось. Буквально через

считанные дни начались массовые забастовки, он был вынужден срочно вернуться в Варшаву и через несколько недель подать в отставку под давлением событий. Начался десятилетний период нестабильности в Польше, завершившийся разрушением псевдосоциалистической системы.

После того как рухнула вся система Варшавского Договора и прекратило свое существование социалистическое содружество, американский журнал «Тайм» поместил довольно едкое замечание о том, что-де социализм разрушался в Польше 10 лет, в Венгрии — 10 месяцев, в ГДР — 10 недель, в Чехословакии — 10 дней, в Румынии — 10 часов.

Драматические последствия политической близорукости тогда еще для многих не казались неотвратимыми. Сам Брежнев купался в тепле искусственно создававшейся атмосферы культа личности. Руководители правящих партий соцстран прекрасно изучили слабости советского лидера, его болезненную склонность к наградам, своеобразную орденоманию. Они научились «бандитски злоупотреблять плаксивой добротой» Леонида Ильича. В конце 1976 года, когда приближалось его 70-летие, отмечавшееся 19 декабря, по инициативе Густава Гусака началось массовое награждение Брежнева высшими орденами социалистических стран, присвоение ему званий национальных героев и пр. В Москву якобы на Рождество съехались все первые лица из социалистических стран, произносили слащавые, неискренние речи. День за днем телевидение передавало эти стандартные сцены, которые вызывали зевоту и досаду. В другой раз застрельщиком такой же очередной кампании мог выступить Т. Живков, и снова начиналась наградная метель, которая слепила глаза как руководителям, так и многим людям, ум и сердца которых не были защищены должным образом от разрушительного воздействия средств массовой информации.

Потом, когда началась эра «всемирного потопа» для социализма, многие искренние его сторонники спрашивали меня, где, мол, была разведка. Надеюсь, что в какой-то мере я ответил им на этот вопрос тогда честно, и теперь свидетельствую письменно.

Мне прочно врезались в память слова Омара Торрихоса, сказавшего о Брежневе: «Ваш лидер заснул за рулем, не сняв ноги с тормозной педали, а вы, вместо того чтобы вытащить его из кабины или разбудить, прикладываете палец к губам и шепчете «тс-с-с», призывая к тишине». Он не мог найти убедительный ответ на вопрос, почему 270-миллионный великий народ терпел столько лет лидерство столь заурядного, бесцветного руководителя. Любопытно, что генерал не верил и другим

руководителям социалистических государств. Он считал, что нынешнее поколение совершенно не готово к глубокому восприятию и практическому усвоению коммунистических идей. Веря в конечное торжество социалистических начал в жизни человечества, он категорически заявлял, что сейчас «верить в коммунизм и проповедовать коммунистические убеждения — все равно что надеть чистое белье и платье, не побывав перед этим в бане». Жизнь во многом подтвердила его слова.

В хлопотах и заботах шло время. Подступил критический период для СССР и для той модели социализма, которую олицетворяли он и его европейские союзники. По моим оценкам, такими критическими годами были 1979-й и 1980-й. Именно тогда произошли события, которые предопределили в значительной степени драматические развязки конца 80-х — начала 90-х годов.

В первую очередь к таким событиям надо отнести вторжение в Афганистан в рождественскую неделю 1979-го. Насколько можно теперь судить по публикациям, решение политбюро о вводе в Афганистан ограниченного контингента советских войск было принято тайно. Никакой проработки на уровне экспертов-международников и специалистов по Афганистану не проводилось. Могу заверить, что в разведке, в информационно-аналитическом управлении, никто ничего не знал о готовившейся акции, хотя мы располагали всеми доступными материалами об обстановке в этой стране. Наше мнение осталось невостребованным, несмотря на то что мы уже не раз давали нашим руководителям возможность убедиться, что готовим материалы на высоком профессиональном уровне и умеем держать язык за зубами. Мы никогда не получали упреков в том, что от нас произошла утечка информации. Наши коллеги из Министерства иностранных дел тоже не были поставлены в известность, и их профессиональный опыт и знания также остались втуне. Это казалось удивительным, потому что было известно, что раньше ЦК в необходимых случаях формировал рабочие группы «ад хок» из специалистов-гґрофессионалов всех ведомств; рабочую группу отправляли на казарменное положение в какую-нибудь загородную усадьбу и запирали там на время, необходимое для разработки позиции. Работа и ее результаты оставались в полном секрете. Приходится констатировать, что при оценке политических последствий планировавшихся акций политбюро положилось на традиционное русское авось.

Подготовка велась только в военном плане, чем занимался Генеральный штаб. Разведка причастна лишь к операции по переброске Бабрака Кармаля из Чехословакии, где он находился в

конце 1979 года, в Афганистан. Уговаривать его долго не надо было, он рвался к власти и жаждал мести своим обидчикам. Все оперативные меры разведки, принятые для обеспечения успеха операции по вводу войск, носили вспомогательный характер. Знал об этом очень ограниченный круг людей.

Что послужило основанием для принятия фатального для СССР решения, как аргументировали Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко и Л. И. Брежнев свое предложение о вступлении 40-й армии в Афганистан, останется теперь надолго загадкой. Что могло толкнуть политбюро, знавшее о неблагополучном положении в стране, о прогрессирующем кризисе стран Варшавского пакта, на столь рискованный шаг?

Могу выделить три причины, которые находились в очевидном для меня спектре политических обстоятельств. Во-первых, из Афганистана шел поток очень эмоционально окрашенной информации из кругов «парчамистов» («Парчам» — «Знамя» — одно из крыльев Народно-демократической партии Афганистана), которые были отстранены от власти соперниками по партии из группы «Хальк» («Народ»), возглавляемой Хафизуллой Амином. По этим сведениям, «халькисты» развязали кровавый террор по всей стране, все тюрьмы были переполнены «парчамистами», по ночам шли массовые расстрелы, трупы хоронили в траншеях, отрытых бульдозерами, или сбрасывали в горные речки. Все оставшиеся в живых члены НДПА вынуждены были скрываться, и за ними была организована настоящая охота. В общем, складывалась картина поголовного истребления коммунистов (НДПА — это название было принято, исходя из местных условий) своими бывшими товарищами по партии, переродившимися в изуверов. Хафизулла Амин, сосредоточивший всю полноту власти в Афганистане, обвинялся решительно во всех грехах, припоминали, что он когда-то учился в США и, следовательно, мог попасть на крючок ЦРУ. Обращали внимание, что именно при нем американцы подарили Афганистану самолет ДС-10, который вообще мог садиться только в двух аэропортах страны. Далее шли намеки на то, что он может удрать из страны, как только закончит ликвидацию партии. Подбрасывались сведения о том, что он якобы переводит свои банковские счета и отправляет личные драгоценности в Токио. То, что Амин становится ярым антисоветчиком, было дежурной приправой ко всем телеграммам, которые приходили из Кабула. Можно только догадываться, сколько такой же информации шло из Афганистана напрямую по телефону, ибо между столицами действовала линия засекреченной телефонной связи. Вырисовывалась перспектива уничтожения всей НДПА, расправы над основным костяком

революционного офицерства, ликвидации всех друзей Советского Союза. На заднем плане всегда звучал призыв «Спасите!».

Второй причиной могло стать личное недоверие советского руководства к Амину. Этот человек отличался неуемным властолюбием и был способен на любые действия ради сохранения власти. Он был детонатором саурской революции в апреле 1978 года, когда отдал приказ армейским офицерам начать военное выступление против режима Дауда, развязавшего преследования коммунистов. Как только была одержана победа, он взялся за своих же товарищей по партии. «Хальк» объединял рабочий и крестьянский компоненты партии, менее образованные, более отсталые. «Парчам» состоял из студенчества, интеллигенции, чиновничества. Возглавлял его Бабрак Кармаль, назначенный после победы революции заместителем премьер-министра, ставший членом политбюро и секретарем ЦК. Формально Хафизулла Амин и Б. Кармаль находились в равном положении. Президентом Афганистана, председателем Революционного совета и премьер-министром был Тараки, которого все воспринимали как учителя, старшего товарища. Тараки был доверчив и безволен. Уступая давлению Амина, он дал согласие на отстранение Б. Кармаля от всех постов и отправку его послом в Чехословакию. Сам Амин последовательно занял посты министра иностранных дел, затем премьер-министра, а потом и военного министра по совместительству. Он практически открыто ломился к власти. Предыдущий военный министр — герой саурской революции Кадыр был арестован, подвергся пыткам и был заточен без суда и приговора в тюрьму. Амин всюду, не церемонясь и не стесняясь, насаждал своих людей.

Приход к власти в Афганистане такого деспотичного, не считающегося ни с чьим мнением человека пугал советское руководство. Оно, конечно, предпочитало иметь дело с покладистым, гибким Тараки. Не один раз советские руководители предупреждали по разным каналам Тараки о грозившей ему опасности со стороны Амина. А тут, как на грех, в начале сентября 1979 года в Гаване собралась 6-я конференция глав не-присоединившихся государств, и Тараки, естественно, получил приглашение прибыть туда. Специальным посланием из Москвы Тараки был уведомлен о том, что ему не следовало бы отлучаться из Кабула в связи со сложной внутриполитической обстановкой в Афганистане. Было даже подсказано, что можно послать кого-нибудь другого. Представился случай избавиться от грозящей опасности, но Тараки им не воспользовался. Он решил, несмотря ни на что, ехать в Гавану, где пробыл с 1 по 11

сентября.

Возвращаясь с Кубы на родину, он сделал кратковременную остановку в Москве, где его еще раз самым серьезным образом предупредили о смертельной опасности. Он молча выслушал и улетел домой, практически на верную смерть.

13 сентября вечером Амин приехал во дворец к Тараки с большой вооруженной охраной, и там между охраной дворца и приехавшими молодцами произошла перестрелка, инициаторов которой так и не удалось выявить. Амин немедленно прибыл в Министерство обороны, отдал приказ о смещении Тараки, который и был арестован. Все руководящие посты, какие только были в стране, занял Амин. Пленум ЦК НДПА проштамповал все предложенные Амином резолюции.

Сколько Кремль ни просил Амина пощадить престарелого Тараки, Амин не реагировал. Через несколько дней Тараки был убит. Рассказывают, что его задушили подушкой.

В таких условиях всякое сотрудничество с Х. Амином становилось для советского руководства невозможным. Не оставалось никаких надежд и на то, что удастся создать хорошую опору для советского влияния в его окружении: Амин подбирал людей по принципу абсолютной личной преданности. Оставался один путь сохранения на желаемом уровне советско-афганских отношений — устранение Хафизуллы Амина силой.

Третья причина, пожалуй, заключалась в том, что СССР не мог допустить укрепления в Афганистане враждебного режима. Это диктовалось всеми элементарными геополитическими соображениями. За годы советской власти почти все афганские правительства проводили в отношении СССР вполне лояльную, даже дружественную политику. Это объяснялось тем, что Советская Россия, а потом СССР последовательно поддерживали независимость и суверенитет Афганистана. Но афганские правительства никогда не осуществляли реальной власти на всей своей территории, страна была конгломератом феодальных уделов, руководители которых формально признавали власть Кабула, но вели себя в рамках своих владений достаточно независимо. На севере Афганистана в течение длительного времени действовали крупные силы, поддерживавшие басмачей в Средней Азии. Вооруженные басмачи уходили под ударами Красной Армии к своим соплеменникам в Афганистан, где проживает много узбеков, таджиков. Там они отдыхали, вооружались, отряды пополнялись новыми бойцами и возвращались в СССР. Этим в большой степени объяснялась живучесть басмаческого движения. Дело дошло до того, что в 1929 году Красная Армия, с согласия кабульского правительства,

совершила рейд по афганским базам снабжения и обеспечения басмачей, после чего движение басмачей пошло на убыль.

Если про Балканы говорили, что это «мягкое подбрюшье Европы», то Афганистан безусловно является таким же подбрюшьем Средней Азии. Сохранение Афганистана в сфере влияния СССР диктовалось чисто оборонительными соображениями. На протяжении 60 лет мы удовлетворялись теми политическими позициями, которые были у нас в Афганистане. Никуда дальше советская «экспансия» не распространялась. Если бы вдруг возникла историческая перспектива раздела Афганистана на Северный и Южный (а об этом шел разговор в середине 80-х годов), то, я уверен, Советский Союз вполне удовлетворился бы сохранением своего влияния только в Северном Афганистане, отдавая себе отчет в том, что южная часть его ориентирована на Пакистан и теснее связана с ним.

После захвата власти Х. Амином впервые с 1920 года создалась угроза того, что Афганистан может отойти от традиционной дружественной политики в отношении СССР и стать игрушкой в руках более сильных его противников.

Могу допустить, что какая-то часть военных не возражала против политического приказа начать подготовку к вводу войск, рассчитывая поразмять мускулы, попробовать силу в условиях, как казалось им, слабого противостояния, так же как и часть сотрудников КГБ была заворожена оперативно-авантюристической стороной дела, связанной с подготовкой там государственного переворота. И тем и другим успех дела приносил свои морально-психологические и карьерные дивиденды. Но эти соображения не могли быть определяющими. Главными были все-таки политические соображения, о которых сказано выше.

Политические причины — а я их обрисовал так, как они могли представляться советскому руководству, — на самом деле выглядели несколько иначе. Не было такого всеобщего истребления всех коммунистов, всех друзей Советского Союза, как и не представлялась неотвратимой перспектива превращения Афганистана во враждебный плацдарм. Воля одного-единственного человека, даже такого непредсказуемо опасного, как Хафизулла Амин, не смогла бы противостоять в течение длительного времени национальным интересам Афганистана, заключавшимся в дружбе и развитии как минимум добрососедских отношений с Советским Союзом. Советское руководство, очевидно, было дезинформировано в результате внутрипартийной борьбы в Народно-демократической партии Афганистана, оказалось втянутым в эту борьбу, стало ее жертвой.

Информация, поступавшая из Кабула, в том числе и по каналам разведки, в канун вступления советских войск, была в огромной степени искаженной, недо-статки Амина представлялись гипертрофированными, равно как и достоинства сторонников Кармаля. Вся партия НДПА оказалась настолько склочной, что втянула со временем в свои внутренние конфликты советского посла, партийных советников, военное руководство, представительство КГБ. Волей-неволей каждый подпал под влияние одной из сторон или каких-либо наиболее ярких личностей. Лесть, подарки и прочие «аргументы», умело использовавшиеся политикана-ми-интриганами, довершили свое дело. Восток с его изощренной придворной борьбой, коварством, двуличием, жестокостью оказался не по зубам кремлевским руководителям, позволившим втянуть себя в роковую авантюру.

К величайшему сожалению, информация из Кабула не могла быгть перепроверена по другим источникам, ибо шла из недр самой НДПА, насчитывавшей всего-то 12–15 тыс. человек. Западники и соседи Афганистана, к информации которых мы имели доступ через нашу агентуру, знали весьма приблизительно обстановку в Афганистане, мало ею интересовались до начала нашей интервенции и не были здесь полезны. Единственное, что мы в информационно-аналитическом управлении могли сделать в тех условиях, — это точно указывать на каждом материале, от кого именно он получен, чтобы читающий мог представить себе, из какого источника мы черпали воду.

Само вступление 40-й советской армии в Афганистан состоялось в такой форме, что вызвало панику на Западе, где раздались озабоченные голоса о том, что-де русские начали прорыв к Индийскому океану, реализуя свою «вековую мечту» о выходе к теплым морям. В самом деле, 40-я армия вошла в Афганистан со всем своим штатным вооружением, включавшим и тактические ракеты. Наблюдатели не могли понять, зачем для решения оперативных задач борьбы с партизанскими формированиями потребовались ракеты, предназначенные для ударов по целям стратегического характера. Через границу ползли колонны бронетехники, неприспособленной и ненужной для нерегулярной войны в горной местности. Простая деталь: малый угол подъема (всего до 30 градусов) орудийных и пулеметных стволов, установленных на бронетехнике, делал их бесполезными в борьбе с душманами, если те располагались на отвесных склонах ущелий. Сами участники войны рассказывали потом, что приходилось съезжать с дороги, поднимать переднюю часть машины на склон горы и обеспечивать таким нелепым образом необходимый сектор для ведения прицельного огня.

А внешне создавалась ошибочная картина, будто русские вошли в Афганистан не для оказания помощи партии своих сторонников, а для дальнейшего броска к югу, например к Ормузскому проливу, ведущему в Персидский залив, к ближневосточной нефти. Нефть Ближнего Востока всегда рассматривается Западом как жизненно важный фактор для разбитого капиталистического мира. Покушение на нефть с чьей бы то ни было стороны — это «казус белли» (причина для начала войны) для США и их союзников. Без этой нефти весь цивилизованный мир сразу же потеряет свой лоск и привлекательность, он погрузится в глубокий и опасный кризис.

Напуганный сверх меры Запад стал быстро прорабатывать меры по противодействию. США увидели в создавшейся ситуации прекрасную возможность отплатить своему противнику — СССР — за свое поражение во Вьетнаме той же монетой. Тогда советская военная помощь вьетнамцам оказалась важным компонентом создания потенциала победы над американцами, теперь американцы решили оказать максимальную помощь моджахедам, чтобы нанести поражение советским войскам. Пакистан воспользовался представившимся шансом, чтобы резко усилить свои позиции в регионе, получить дополнительную помощь от США, отодвинуть на неопределенно далекое время всякие претензии Афганистана на пуштунские территории, входившие в состав Пакистана. Так сформировался блок сил, вмешавшихся в гражданский конфликт в Афганистане, в который уже был вовлечен СССР. Началась война, ставшая одним из мощных разрушительных факторов псевдосоциалистической системы в СССР.

В не меньшей степени опасными оказались и события в Польше летом 1980 года. Записи, сделанные по горячим следам тех дней, дают если не полное, то достаточно яркое впечатление от событий: «21 августа 1980 г. Уже пятые сутки гудит вся Польша. В нашей прессе, на радио и телевидении об этих событиях ни гу-гу. Нет их! Не должно быть! Только вчера было опубликовано краткое изложение выступления Эдварда Терека, из которого вряд ли что может понять нормальный рядовой читатель. Там говорится о «перерывах в работе», о трудностях в экономике, об «остром положении» и пр., но непонятно, откуда растут ноги, нет никакой объясняющей информации. А дело-то очень серьезное! Все началось еще в конце июля. Эдвард Терек и предсовмина Бабюх отдали распоряжение о повышении цен на качественное мясо, которое продавалось прямо на территории промышленных предприятий в магазинах и ларьках. Было это сделано вроде бы так же, как у нас, то есть тихо, без анонсов, без

«решений Центрального Комитета и Совета Министров». Но расчет на «незаметность» оказался неверен. Поляк — это далеко не типичный русский. За плечами поляков такие крупные общенациональные выступления, как в 1956 и 1970 годах, когда антиправительственная «буза», поднимавшаяся сначала в Познани, а затем в Гданьске, приводила к смене руководства. В 1956 году была свергнута администрация Берута, а в 1970-м — Гомулки. Теперь, кажется, настала очередь Терека.

Движение началось в этот раз с отдельных забастовок в Люблине, где выступили транспортники, потом метастазы дошли до Варшавы, где поднялись автобусные и трамвайные парки. Власти ничего не предпринимали в общенациональном масштабе и латали каждую дырку отдельно. Кое-как это удавалось, тем более что забастовки носили пока только экономический характер. Люди требовали прибавки жалованья, улучшения снабжения, наведения порядка. Движение тлело почти две недели, пока не докатилось до пороховой бочки — до побережья. 17 августа начался «пожар». В этот день забастовали 30 предприятий, в том числе все судостроительные верфи. Сейчас страна отрезана от моря. Судам под польским флагом запрещено входить в родные порты. Власти просят нас принять в прибалтийских республиках срочные грузы и отправить их поездами в Польшу…

Сказывается опыт старых выступлений. Сразу же повсеместно создаются забастовочные комитеты, они объединяются в городские комитеты и т. д. Губошлепов правительство всегда делало вид, что в стране нет оппозиции. Теперь диссиденты спешно выехали на север и включились в забастовочную борьбу, придав ей острый политический привкус. В требованиях появились такие пункты, как создание подлинно независимых профсоюзов, свобода печати и слова, предоставление церкви права пользования средствами массовой информации. Слышатся голоса о привлечении к ответственности людей, которые довели страну до такого положения…

Все предприятия блокированы пикетами. Члены партии кое-где изгнаны с территории заводов и верфей. Над замершими в бездействии цехами подняты огромные кресты. Идут богослужения с антиправительственным подтекстом. Кое-где печатаются листовки, зовущие к продолжению борьбы. Власть парализована. Партия отсутствует как фактор. Заседания воеводских комитетов не дают никаких вразумительных решений. Политбюро заседает непрерывно, но также безрезультатно. Выхода никто не видит!»

Число бастовавших достигало 600 тыс. Во главе движения на

Побережье встал 36-летний электрик с Гданьской судоверфи Лех Валенса. Его отец находился в США и часто появлялся в свите Р. Рейгана, который вел президентскую кампанию. Было известно, что Валенса имел только начальное образование, но волевых качеств ему не занимать. Это прирожденный лидер. Около него сразу же сформировались группа консультантов и целое «правительство» из восьми адвокатов, социологов, историков, которые и формулировали основные политические требования.

5 сентября 1980 г. Терек был снят с поста руководителя партии, опять со лживой формулировкой «из-за серьезной сердечной болезни». Новым первым секретарем стал Станислав Каня, 53-летний аппаратчик. Кризис в верхах был разрешен, забастовки пошли на убыль. Правительству даже удалось получить от свободных профсоюзов формальное заявление об уважении конституции и признании социалистического строя.

Но страна вышла из повиновения. Из края в край плескались волны независимого самоуправленческого разгула. Студенчество, интеллигенция активно нападали на правительство. Партия болтала ногами в пустоте, тщетно пытаясь найти хоть какую-то опору. Пленумы, активы, конференции сыпались, как из дырявого мешка, а улицы, массы были отданы оппозиции. Вся Польша превратилась в горящее торфяное болото. На метровой глубине полыхала вся социальная толща.

Мне приходилось каждое утро докладывать начальнику разведки телеграммы, которые мы рекомендовали к рассылке членам политбюро, секретариату ЦК и в ведомства. В один из дней, когда в стопке рекомендуемых телеграмм оказались две-три, освещавшие положение в Польше, Крючков, не отрываясь от чтения, спросил: «Как думаешь, Леонов, начнется теперь стабилизация у поляков?» Я набрал побольше воздуха в легкие и очень печально, хотя и убежденно произнес: «Нет, думаю, что оппозиция победила, она завоевала главное — народ. А власть сама упадет ей когда-нибудь в руки».

Прошло некоторое время, и Андропов пригласил несколько человек из разведки для откровенного разговора о положении в Польше. За столом были начальник разведки, его заместитель, отвечавший по оперативной линии за участок работы по Восточной Европе, начальник соответствующего отдела и два представителя информационно-аналитического управления, в том числе и я.

— Кто будет докладывать? — обратился председатель КГБ к Крючкову. Тот внимательно посмотрел на меня, как бы давая мне 30-секундную паузу для подготовки, и сказал:

— Доложит начальник аналитического управления.

Я не готовил специального сообщения, обычно в таких случаях докладывал или сам начальник разведки, или в крайнем случае его заместитель, но пришлось принять главный удар на себя. Я честно и откровенно изложил наше понимание обстановки в Польше, обратил внимание, что мой доклад не противоречит той информации, которая регулярно направляется в политбюро по линии разведки. Помнится, закончил я свое короткое выступление словами: «Партия и правительство в Польше утрачивают контроль над обстановкой. При сохранении нынешних тенденций развития внутриполитической ситуации взрыв неминуем, причем он может произойти в самом ближайшем будущем, измеряемом несколькими месяцами». Разговор состоялся осенью 1980 года. За столом воцарилось молчание. Андропов посмотрел отрешенно в окно и спросил:

— Как вы думаете, на чем сейчас держится власть в Польше?

— Практически на трех опорах: партийных функционерах, Министерстве внутренних дел и армии. Социальная база истончена до крайности.

— Сколько наших войск в Польше?

— В районе Легнице стоят две дивизии и воздушная армия общей численностью, колебавшейся в разное время от 40 до 60 тыс. человек, да в Свиноустье бригада морских катеров с морской пехотой. Эти силы ориентированы на защиту в случае необходимости железнодорожных и морских коммуникаций, связывающих Центральную группу войск (так называлась группировка войск в ГДР. — *Н. Л.)* с территорией СССР.

Андропов вновь на какое-то время отключился, размышляя про себя, а потом задал неожиданный вопрос:

— Поляки бунтуют, потому что у них мясо подорожало и его стало меньше, потому что выплачивать долги надо только за счет увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции. Но вы говорите, что поляки и сейчас потребляют в год по 70 кг мяса на душу населения? (Я утвердительно кивнул.) Почему же не бунтуют тогда наши люди, которые едят вдвое меньше?

Я не нашел ничего умнее, чем сказать:

— Потому что наши не в пример терпеливее!

Сидевшие за столом смотрели на меня с явным сочувствием. За такие ответы можно было получить крупные неприятности.

Андропов подвел итог разговору довольно неожиданным образом:

— Будем считать, что сегодня у нас не было ни победителей, ни побежденных. Надо думать над тем, как стабилизировать обстановку в Польше на длительный период, но исходить из того, что лимит наших интервенций за границей исчерпан.

Яснее сказать было нельзя. Для участников того разговора стало ясно, что так называемая «доктрина Брежнева», предусматривавшая использование вооруженных сил СССР для поддержания социалистического строя в европейских странах Варшавского пакта, уже умерла. У Советского Союза уже не было сил для таких операций.

Третьим фактором, относившимся к 1980 году, который также символизировал «начало конца», было состояние руководства в СССР, с одной стороны, и в лагере западных стран — с другой. На выборах в ноябре 1980 года американцы отдали предпочтение Рональду Рейгану, бывшему губернатору Калифорнии, который шел к власти под знаменем неприкрытой и жесткой конфронтации с социализмом как учением и с Советским Союзом как государством. Для него СССР был «империей зла». Одним этим все уже сказано. Была сделана ставка на достижение над Советским Союзом военного превосходства по всем направлениям. У русских известна поговорка: «Сила есть — ума не надо». Вот по этой присказке и стала строиться политика Рейгана, опиравшаяся на огромное экономическое, технологическое и научное превосходство Соединенных Штатов. Получила развитие программа строительства стратегических бомбардировщиков с технологией «Стеле», делающей их малозаметными на радарных экранах. Вскоре после прихода в Белый дом Рейган выдвинул программу «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), ориентированную на защиту США от нападения советских стратегических ракет. Специалисты всех стран ломали голову, чтобы определить, что в этой программе было обеспечено научными разработками, а что пропагандистски использовалось для запугивания и психологического подавления противника. Реальность или блеф? Споры продолжаются и до сих пор.

США решительно повели дело к развертыванию в Европе ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет в качестве ответа на развертывание советских комплексов СС-20. В общем, американцы повели политику, которая в Китае получила название «острие против острия». Для такой политики у них нашелся лидер, а в Европе таким лидером стала Маргарет Тэтчер — «железная леди». На все последующее десятилетие эти два политических деятеля наложили свой неизгладимый отпечаток агрессивности, твердости, последовательности.

В Китае к этому времени тоже произошли перемены в руководстве, которые были многообещающими. 9 сентября 1976 г. скончался «великий кормчий» Мао Цзэдун, и ящик Пандоры раскрылся сам собой. Через 20 дней после кончины

китайского супервождя были арестованы сразу четыре члена политбюро и среди них жена покойного Цзянь Цин. К их именам были привешены ярлыки типа «свора», «собачье дерьмо» и т. п. Мы уже давно привыкли не обращать внимания на риторику и, трезво поразмыслив над существом событий, пришли к выводу, что наступает пора прагматизма и здравомыслия в Китае — на благо народу и стране, но на горе соседям. Вспомнилось, сколько раз мы в начале 70-х годов анализировали обстановку в Китае и неизменно приходили к выводу, что для нашей страны, для СССР, — это парадоксально! — было выгодно пребывание у власти стареющего и телом, и умом Мао Цзэдуна. При нем великий Китай оказался связанным по рукам и ногам, фракционная борьба в руководстве, выражавшаяся в диких формах «культурной революции», поглощала все силы и энергию правящей элиты. Репрессии, обрушившиеся на интеллигенцию, студенчество, массовая отправка их в деревню «на перевоспитание» тормозили развитие экономики, наращивание научно-технического потенциала и, стало быть, военно-стратегических возможностей. Получалось, что чем дольше стоит у власти такой человек, тем спокойнее и надежнее могут чувствовать себя соседи. Китай был обречен на длительное самопожирание. И вот теперь закатилось «красное солнышко» и китайцы начали нащупывать ту самую дорогу, которая вела из тупика «великих скачков», «коммун» и т. п. Мы им завидовали и стали изучать их непростой путь к выздоровлению без предания своего прошлого анафеме.

Есть восточная поговорка: «Лучше стадо баранов во главе со львом, чем стадо львов во главе с бараном». Все чаще и чаще мы примеряли вторую часть этой поговорки к своей родной стране. Как горько было видеть немощного, едва передвигавшего ноги генерального, который не мог самостоятельно произнести ни одного живого слова, не отрывал глаз от подготовленной бумажки. А сколько было обидных анекдотов вроде того, как генеральный, услышав стук в дверь своей квартиры, доставал из кармана халата бумажку и, заглянув в нее, спрашивал: «Кто там?» Управление государством ослабевало с каждым днем. Ведомственные интересы разрушали единый организм. Группа политиков, связывавшая свое выживание с Брежневым, всячески старалась тянуть время, не допустить никаких перемен. К ним относились в первую очередь К. Черненко и В. Гришин. Другие, вроде Ю. Андропова и Д. Устинова, либо опасались своих более консервативных оппонентов, либо находились в плену партийной дисциплины.

Независимо от каких бы то ни было различий во взглядах все

они — члены тогдашнего политбюро — несут перед историей ответственность за то, что не захотели или не сумели поставить интересы СССР, интересы народа выше внутрипартийных соображений или собственной политической карьеры. В самый критический момент, когда распад государства и советского строя приобрел вполне зримые очертания, члены политбюро своим молчанием и бездеятельностью цементировали застой и обрекали страну на длительные страдания и гибель.

Страшными символами стали кадровые перемены, происшедшие в самом конце 1980 года. 24 октября был убран премьер-министр А. Н. Косыгин, умный, честный, несколько суховатый и даже жестковатый человек, носитель лучших черт государственного деятеля. Он почти не заискивал перед генеральным, как это делали другие, беспрестанно благодаря за оказанное доверие. Косыгин уже не раз собирался уйти на покой, страдая от невозможности что-либо сделать для оздоровления экономики. Он потерял жену и жил бобылем в огромной квартире мрачноватого дома на Воробьевых горах. Отдыхать ездил один, увлекался рыбалкой. Попадал в автомобильные катастрофы, а два года назад едва не утонул, перевернувшись с байдаркой на Москве-реке напротив Архангельского. Чужим он стал в последние годы для политбюро. Когда Брежнев зачитывал перед Верховным Советом письмо Косыгина об отставке, он внятно и четко выговаривал слова благодарности в свой адрес, но по черствости и бестактности забыл даже единым словом поблагодарить уходившего премьера за 16-летнюю работу на тяжелейшем посту.

Когда Брежнев огласил имя преемника Косыгина, то в зале у многих ёкнули сердца. Предлагался Н. А. Тихонов, 75-летний старец, давнишний знакомец Брежнева по Днепропетровску. Такого еще не бывало в истории нашей многострадальной Родины. Покорный Верховный Совет утвердил Тихонова. Американцы в это время размышляли, не староват ли Рейган в свои 64 года для поста президента США, китайцы упорно вводили молодые силы в руководящие структуры партии и государства. Мы же поставили рекорд, доведя средний возраст членов политбюро до 69 лет, в то время как все остальные граждане нашей страны уже в 60 лет уходили на покой и заслуженный отдых.

И в этом же году, 21 октября, на пленуме ЦК КПСС в состав политбюро был введен М. С. Горбачев, будущий могильщик партии и социалистического строя в СССР. Он был приглашен из Ставрополя в 1977 году, чтобы поднять сельское хозяйство. Вместо какой-либо реальной работы он сочинил вместе с

аппаратом помпезную «продовольственную программу», которая предусматривала достижение к 1990 году производства не менее одной тонны зерна на душу населения СССР.

Особенности советских руководителей всегда состояли в том, что им казалось, будто дело сделано, если они приняли соответствующее решение, постановление. Принятием «бумаги» обычно заканчивался деятельный цикл, в то время как нормальный человек рассматривает бумагу-план как начало работы. Политбюро и М. С. Горбачев решили, что с принятием «продовольственной программы» все заботы остались позади. Сам Горбачев занялся чистой политикой.

Обреченная революция

Хотя душу уже щемили самые мрачные предчувствия, я тем не менее продолжал делать свое профессиональное дело. Главным занятием для меня оставалось руководство информационно-аналитической работой, но время от времени я отвлекался от чисто кабинетных обязанностей и с большой охотой «нырял» в «работу с людьми». Тем временем в Латинской Америке происходили события, которые при других условиях стали бы центром нашей политической и иной деятельности. Шутка сказать, в 1979 году восстал целый центральноамериканский регион. В Никарагуа летом победила сандинистская революция и к власти пришли патриотические силы, придерживавшиеся явно антиамериканских взглядов.

Да и как они могли быть иными, если ставленник США диктатор Сомоса и его сыновья управляли страной, как своим личным поместьем, в течение почти полувека, отправив за это время на тот свет десятки тысяч своих политических противников, в том числе и такого незапятнанного патриота, как генерал Аугусто Сандино. В отчаянной попытке сохранить власть Сомоса бросил против восставшего народа авиацию, танки.

Под влиянием победы сандинистов началось широкое партизанское движение в соседнем Сальвадоре, а в Гватемале оно уже бушевало в течение почти 20 лет. Пожалуй, единственным островком относительного спокойствия оставалась Коста-Рика, правительства которой исстари старались держаться подальше от беспокойных центральноамериканских соседей. Ей это удавалось в силу ряда преимуществ. Во-первых, ее население однородно и состоит почти из одних белых, что освобождает страну от возможности этнических конфликтов. Во-вторых, там давно укрепились основы буржуазно-демократического строя в результате широкого развития мелкой и средней земельной собственности. В-третьих, там не пользовались таким безраздельным влиянием американские фруктовые компании, которые в соседних странах грубо и неуклюже вмешивались во внутренние дела, усиливая нестабильность.

С тех пор как была опубликована моя работа по истории Центральной Америки, я считался специалистом по этому региону. Знакомство с Торрихосом укрепляло такое мнение, поэтому перст начальства неизменно останавливался на мне, когда надо было в регионе Карибского моря искать и устанавливать политические и оперативные контакты.

Осенью 1979 года я отправился в Никарагуа, чтобы на месте

оценить обстановку, создавшуюся в результате победы сандинистов, внести предложения по политике Советского Союза в отношении этой страны и всей зоны, которая была очень чувствительной для США. Операция представлялась достаточно сложной. Я выехал в состоянии заметного внутреннего напряжения. Для получения необходимых виз пришлось остановиться в Париже. Пара дней потерянного времени еще больше вызывает раздражение. Это сказалось на моем восприятии красавца-города, и вот что я записал в своей книжке: «Париж такой же, вечный. Его красота, изобилие, слава начинают вызывать раздражение. Эго не город-герой, а очень удачливая кокотка. Кто только не грешил с Парижем, кто не топтал свои принципы, чтобы добиться его расположения. Генрих IV сменил свою веру, чтобы эта красотка открыла ему свои чары. Тучи поклонников спешат в Париж, чтобы потом пронести через всю свою жизнь восторженное обожание его. Для писателей и художников громкое восхищение Парижем стало обязательным во время экзамена на приобщение к интеллектуальной и богемной элите.

Но сам-то Париж никогда не отличался верностью и преданностью людям и идеалам. Париж отвернулся и предал Жанну д'Арк, как потом предавал последовательно республиканцев всех мастей в годы Великой французской революции, предал коммунаров в 1871 году, предавал участников Сопротивления в 1940–1944 годах. Никто не сыщет могил Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста, Марата, да и не вспоминает о них Париж. Нищие идеалисты противны ему по духу. Голая стена коммунаров на Пер-Лашез с завядшими цветами, принесенными советскими туристами, как скорбь по неблагодарности Парижа к тем, кто «штурмовал небо». Париж не любит неудачников. Зато с какой собачьей верностью, безотказностью служит этот город Наполеону. Здесь боготворится все, что связано с «корсиканским чудовищем», но во сто крат чтится его вторая — и последняя, имперская — часть жизни. Вот когда Бонапарт стал Наполеоном I, а его маршалы — герцогами, когда он стал всесилен, богат, тогда блудливый Париж стал млеть перед ними млеет до сих пор. Да, такого содержателя у Парижа больше не было, и теперь он, как старая гризетка, живет воспоминаниями о своем любовнике.

Город-маркитантка на вопрос «жизнь или кошелек?» обязательно ответит «кошелек!» и отдастся любому насильнику. Души у Парижа давно нет, хотя ее пытаются изобретать. Э. Золя убедительно показал нам только «чрево Парижа». Миллионы туристов мнут, тискают, щиплют тело Парижа, не впитывая сейчас почти ничего духовного. Поэтому-то «Фоли Бержер» и

«Мулен Руж» стали символами этого слащавого, сытого города.

Мне сродни города-мученики: Троя, Карфаген, Нумансия, Верден, Сталинград. 15 тыс. погибли за всю историю французского Сопротивления и 900 тыс. отдали жизнь за Ленинград — разве это не крик души? Париж за идею не стоял и стоять не будет. Сытость и плотские радости для него превыше всего. Париж — кумир тех, кто любит не свободу, а распущенность.

На угрюмом, скучном кладбище поклонился могилам Мольера, Бальзака, А. Доде, Лафонтена. Париж, как и положено кокотке, хорош в молодости, но непривлекателен в старости».

Конечно, я был не прав в такой односторонней оценке Парижа, но меня просто злило ставшее почти обязательным его восхваление. Это что-то сродни принудительному культу личности. Как спасительное заклинание от социального психоза я повторял библейское выражение «Не сотвори себе кумира» и старался на всех претендующих на эту роль смотреть с критической точки зрения. Досталось, как видите, даже Парижу.

Длительный перелет через Атлантический океан дал возможность успокоиться, выработать примерный план действий.

В Манагуа я не спешил выходить из самолета: всегда стараешься выиграть пару-тройку лишних минут, чтобы зрительно освоиться с новой обстановкой. В окошко видны были бойцы сандинистской армии, до боли напомнившие солдат кубинской Повстанческой армии, одержавшей победу над Батистой в 1959 году, они в таких же мундирах оливкового цвета, многие так же перепоясаны пулеметными лентами, у всех в руках или за плечами оружие. Здесь, на аэродроме, они, по-моему, делают все сами. К окошечку паспортного контроля выстраивается длинная очередь. Одному инспектору работы явно хватит надолго. Юный санди-нист, по-видимому, старший на контроле, сам встает за свободную конторку и с широкой улыбкой приглашает: «Идите сюда!» Его исхудавшее лицо светится радостью, на тонкой шее болтается большущий деревянный крест, за пояс заткнут пистолет без кобуры. Он быстр, строг, но не может скрыть удовольствия оттого, что его работа помогает людям побыстрее избавиться от томительного ожидания во влажной духоте тропиков. У него нет ручки, он пишет одним полупустым стержнем, и я с удовольствием дарю ему свою. Взглядом ясных глаз он благодарит меня. Революции делают людей красивыми, добрыми, душевно щедрыми. Они полны веры в то, что теперь действительно все будет хорошо, что больше никогда не вернется кровавая несправедливость, что теперь народ, их народ, будет и независим, и счастлив. Вспоминается

попутно, что только революционный подъем духа рождает красивые, живущие десятилетиями и веками песни. Так появились «Марсельеза», песни нашей революции и гражданской войны, знаменитые мексиканские «Аделита», «Кукарача», кубинский «Марш 26 июля». Контрреволюции, повороты вспять песен не рождают.

Никарагуа — это моя сердечная боль. И вечная любовь. Нет, наверное, на этом свете страны более красивой и более несчастной. Нет народа более доброго и трудолюбивого и в то же время более истерзанного и забитого. На беду никарагуанцев, Господь Бог поместил их родину в самом стратегически выгодном месте всего Американского континента, там, где берега Атлантического и Тихого океанов близко сходятся друг с другом, а на узком перешейке расположились два глубоководных озера — Никарагуа и Манагуа, соединенные к тому же рекой Сан-Хуан с Атлантикой. Не придумать более удобного межокеанского пути. Но эти преимущества стали источником громадных бедствий. Как только американцы в середине XIX века открыли в далекой Калифорнии золото, они стали искать удобный путь туда: пробираться через прерии, Скалистые горы, без дорог, сквозь не принадлежавшие белым земельные владения индейцев было опасно. Куда проще отплыть из Нового Орлеана, войти в реку Сан-Хуан, пересечь озеро Никарагуа, а там рукой подать до Тихого океана, где уже ждали другие корабли, следующие прямо в Калифорнию. Так и потек через Никарагуанский перешеек муравьиный поток авантюристов, искателей золота. Вскоре американцы построили железную дорогу через перешеек, стали вести себя здесь, как дома. Потом увидели, что земли в Никарагуа плодородные, климат жаркий, хлопок растет хорошо, рабочей силы много, и решили прибрать к рукам всю страну.

В июне 1855 года в Никарагуа высадился отряд американских авантюристов-флибустьеров, которые прибыли из Сан-Франциско под предлогом помощи одной из споривших за власть партий в стране. За несколько месяцев главарь этой экспедиции Уильям Уокер практически установил контроль над всей страной, сверг законное правительство, организовал свое избрание на пост президента Никарагуа. Его не смутило то, что он не знал ни слова по-испански и присягу принес на английском языке. Уокер принял декрет о восстановлении рабства на территории Никарагуа и поставил задачей завоевание всей Центральной Америки и присоединение ее к рабовладельческой Конфедерации южных штатов. На несколько лет несчастная Никарагуа превратилась в поле сражения, на котором скрестили оружие все армии центрально-американских государств, с одной стороны, и

американские захватчики-авантюристы — с другой. В конце концов флибустьеры были разгромлены, и лишь прямое вмешательство американского военно-морского флота спасло их руководителей от справедливого возмездия. Уокер уехал в США, откуда вновь предпринял попытку захватить Центральную Америку в 1860 году, но попал в Гондурасе в плен и был расстрелян.

С 1903 года, когда США приобрели монопольное право на строительство Панамского канала, они стали ревниво следить за тем, чтобы никто в мире не смог начать строительство более дешевого канала через Никарагуанский перешеек. Никарагуа рассматривалась ими как запретная зона, обеспечивающая безопасность Панамского канала. Под любым предлогом вмешиваясь во внутреннюю жизнь этой страны, американцы ввели в Никарагуа в 1910 году свои войска, которые оставались там почти четверть века. Они, наверное, и не ушли бы оттуда, если бы в 1927 году не началась партизанская национально-освободительная война, которую возглавил выдающийся патриот генерал Аугусто Сандино. В маленьком, прямо-таки тщедушном теле генерала жили железная воля и редкое по политической незамутненности сердце патриота. Он все сосредоточил на одном — добиться военного разгрома американских оккупантов и изгнания их из Никарагуа. Шесть долгих лет в тропических лесах севера страны партизаны вели войну против оккупантов. Народ Никарагуа открыто симпатизировал и помогал Сандино. Отряды партизан окрепли, стали совершать глубокие рейды в далекие районы, нанося удар за ударом по «белокурым бестиям». Наконец американцы сломались, не выдержали потока гробов, покрытых звездно-полосатым флагом. Но, уходя, они оставили страшную мину замедленного действия в виде сформированной ими наемной армии (под названием Национальная гвардия) во главе со своим агентом Анастасио Сомосой.

Чистый до наивности, партизан-победитель Аугусто Сандино согласился разоружить своих бойцов после отплытия последнего янки, доверчиво приехал в столицу для переговоров о будущем устройстве страны, и тут сработала оставленная американцами мина. Анастасио Сомоса, по-волчьи выслеживавший своего врага Сандино, приказал схватить его, безоружного, во время поездки в автомобиле по городу, вывезти в район аэродрома и там расстрелять. В 1934 году февральской ночью где-то здесь недалеко от стоянки самолетов был убит Сандино, имя которого теперь носила победившая революция. Бог долго ждет, но сильно бьет. Старый предатель генерал Анастасио Сомоса тоже был давно убит патриотом-террористом, а теперь революция свергла

его сынка Анастасио Сомосу. Он будет убит годом позже в Парагвае, где его поселили прежние хозяева.

Господи, сколько же крови пролито на этой земле, истосковавшейся по свободе! Только за два года, на заключительном этапе гражданской войны никарагуанского народа против деспотии Сомосы, было убито более 50 тыс. человек.

Еду по городу, и сердце сжимается от боли. Столицы как таковой нет. Она уничтожена жесточайшим землетрясением 1972 года, эпицентр которого был, наверное, под самой центральной площадью. Скелет кафедрального собора стоит посреди руин, точь-в-точь как известная церковь в Хиросиме. Все пространство вокруг — кучи городских развалин, кое-где покрывшихся травой и чертополохом. В руинах гуляет ветер, опасно и жутко поскрипывают переломившиеся бетонные стропила, треснувшие наискось стены и покосившиеся колонны.

Манагуа — единственная столица в Латинской Америке, в которой нет президентского дворца. Был когда-то, но предыдущее землетрясение, в 30-х годах, столкнуло дворец с фундамента, и он рассыпался по склону горы. Сомоса не стал строить новый. Он отлил из монолитного цемента на вершине горы свой «бункер» — помесь казармы с тюрьмой — настоящее «вольфшанце».

Город убежал от смертельно опасного центра и стал расти по периферии вдоль шоссе. Но и новые районы столицы выглядели изувеченными. Мы непрерывно натыкались на группы людей, разбиравших баррикады, сложенные из брусчатки. Следы войны были на каждом шагу. Не встретилось ни одного промышленного или складского здания, которое не было бы сожжено или разбомблено. Попадания были везде прямые. Сомоса бомбил с вертолетов, зависавших над целью, повстанцы ничем не могли ответить. Рассказывают, что женщины вытаскивали зеркала и солнечными зайчиками пытались слепить пилотов. По воздушным палачам стреляли карнавальными ракетами. Почти все дома изрешечены пулеметными очередями, даже те, на которых были надписи: «Пожалейте, в доме дети!»

Люди знали, что стреляли пилоты, обученные в США, из вертолетов и самолетов, созданных в США, боеприпасами с надписями «Made in USA». От этого никуда не деться.

Бедность и отсталость имели какой-то беспросветный, заматеревший оттенок. Даже сами люди походили на узников, только что освобожденных из-за колючей проволоки концлагерей. Они еще полностью не верили в то, что пришло наконец освобождение, в борьбе за которое они сами принимали участие. Недоумение и радость не сходили с лиц. Что-то ждет эту страну?

В мою задачу входило разобраться в создавшейся ситуации, поскольку в стране не было советского посольства, установить контакты с руководителями основных политических сил, понять и определить возможное направление дальнейшего развития событий. Советская разведка имела свою агентуру среди оппозиционно настроенных по отношению к Сомосе людей, но часть из них погибла в боях гражданской войны, другие находились вдалеке от столицы, с третьими не были обговорены условия встреч в Манагуа — работа обычно велась с территории других стран, где и происходили встречи. Да и зачем нужна теперь агентура, когда приходится работать в дружественной стране? Те задачи, которые раньше решали с помощью агентуры (против США), теперь становились задачами сотрудничества по защите никарагуанской революции.

Времени у меня в обрез. Разрешение на командировку предусматривает лишь 15-дневное пребывание за рубежом. Больше нельзя — нет денег, хотя нам платят 15 долларов в сутки. Перелеты, технические потери времени на получение визы съедают ценные часы и дни. Субботы и воскресенья становятся самыми противными днями. За две недели их набирается целых четыре! А тут еще накладка: 12 октября никто в Америке не работает — все празднуют день открытия Колумбом Нового Света в 1492 году. На все про все остается семь дней. Я готов работать день и ночь, но не вернусь домой с пустыми руками!

Первую встречу я провожу с послом ГДР Герхардом Кортом. У него сложно складываются отношения со своими властями. Он был послом в Испании, в Мехико, а теперь попал сюда. По дипломатической иерархии ступени ведут явно не вверх. Но что это за человек! Любое государство может гордиться такими дипломатами. Он прежде всего великолепный профессионал, тщательно и скрупулезно изучающий страну своего пребывания, имеющий широкие и добротные деловые связи, чутко улавливающий малейшие политические дуновения. Говорить с такими людьми — все равно что мед пить. Понимаем друг друга с полуслова, с полужеста. Все лучшее, что есть у немцев, — дисциплина мысли и слова, порядок в делах, четкость — сочеталось в нем с прекрасными качествами, встречающимися у наших земляков — горячей страстностью, самоотверженностью. Он уже находился в Никарагуа несколько недель, а это много, если учесть, что революция победила всего лишь три месяца назад и в городе ночами еще слышна стрельба и действует комендантский час.

Груда окурков и дюжина выпитых чашек крепчайшего кофе скрепляют нашу дружбу. Я впитываю его знания, он — мои.

Информация — особый товар. Когда люди обмениваются информацией, то каждый из участников становится вдвое богаче: свое остается при себе да приплюсовывается то, что сообщает тебе собеседник. Совсем иное при обычном товарном обмене, когда ты безвозвратно отдаешь свое и получаешь что-то чужое. Мы никого не обираем, мы всех обогащаем. Это вообще привилегия интеллектуального общения.

Герхард помогает мне составить список нужных источников информации и обещает содействие в организации некоторых встреч. Начинается лихорадочная работа. Каждую встречу надо тщательно подготовить, заранее составить перечень вопросов и держать их в памяти, продумать, как сделать, чтобы собеседник не задерживался на важных, но мне уже известных моментах, как управлять всем ходом беседы, чем ее закончить, чтобы встреча стала началом длительного сотрудничества.

Другим моим помощником будет кубинский посол Хулиан Лопес. Он здесь чувствует себя как рыба в воде, но, похоже, относится ко мне чуть-чуть покровительственно, как морской волк к салаге. Я не страдаю комплексами, главное — чтобы он был полезен. Через неделю он избавится от ощущения превосходства, а пока окажет мне ценную помощь.

Я провожу по три-четыре важные встречи в день: высокопоставленные деятели сандинистского движения, экономисты, юристы, писатели, журналисты, дипломаты. Стараюсь в круг своих контактов включать представителей западных стран, чтобы видение политического процесса было стереоскопическим, а не плоскостно-левым. В разведывательной работе всегда необходимо иметь источники информации «с обеих сторон баррикады». Это общее правило, которое часто не соблюдается в силу того, что приобретение источников информации в родственных по духу и убеждениям кругах — дело более простое, нежели обзаведение источниками в кругах, воинственно враждебных по убеждениям.

Постепенно, как на фотопленке, опущенной в проявитель, в голове начинают складываться контуры реальной обстановки в стране. Очевидно, что внутриполитические позиции сандинистов прочны, их безоговорочно поддерживает большинство народа. Никакой альтернативы их власти нет. Моральный авторитет их велик не только в Латинской Америке, но и во всем мире, кроме, разумеется, США, где их победа встречена с открытым недовольством. Остатки разгромленных войск Сомосы ушли за границу, на территорию соседнего Гондураса и частично в Коста-Рику. Какое-то время они будут беспокоить новую власть, но поколебать ее они не в состоянии.

Руководители победившей революции находятся под сильным влиянием социалистических идей. Они верят в то, что общественная собственность на орудия и средства производства обеспечивает более быстрое развитие производительных сил страны. Они не собираются копировать чью-либо модель, но склоняются все-таки к социалистическому варианту развития экономики. В результате победы революции под контроль правительства сразу попало большое количество земли, предприятий, ранее принадлежавших лично семье бежавшего диктатора или приближенных к нему военных преступников. (Сомоса рассматривал всю страну как свою частную собственность.)

Прийти к такому выводу в то время было не так просто: сандинисты из тактических соображений не раскрывали все свои карты.

Самой слабой стороной революции, ее ахиллесовой пятой оставалась экономика. Страна разрушена гражданской войной. Американцы уже начинают накидывать на ее шею привычную петлю блокады. Вся система внешней торговли, ранее ориентированной на США, приходит в расстройство. Валюты нет, казна опустошена Сомосой. Единственная надежда — на помощь соцсодружества. Молодые сандинистские руководители еще не знают, что силы Советского Союза уже подорваны, пролетарский интернационализм практически умер, европейские соцстраны готовы вести дела только на строго коммерческой основе. Китай мог бы оказать кое-какую помощь, но у него свое непременное политическое условие — порвать дипломатические отношения с Тайванем. А санди-нистам не хочется сразу начинать с подчинения каким-либо внешним давлениям, они еще не успели как следует вдохнуть свободу, сбросив с шеи американский хомут.

Еду на встречу с Даниэлем Ортегой, Байярдо Арсе, Виктором Тирадо. На улице много солдат. Мундиры самые разные, но все оливкового цвета, у одних зеленые кепи, у других малиновые береты, у третьих просто нечесаная копна густых черных волос. Пока это партизаны. Я нигде не видел солдат, идущих строем. Зато у меня не раз ёкало сердце, когда замечал, как бойцы без нужды вскидывали на изготовку автоматы, целясь куда-то на уровне головы. Видно было, что они мало готовы к мирной жизни. У входа в здание надпись: «Часовые не должны играть с оружием. Затворы должны обязательно стоять на предохранителе». Часовые, страшные с виду, очень любезны, дружелюбны и с большой охотой вступают в разговор. Но все-таки их многовато, тем более что все утверждают в один голос:

внутренней угрозы нет.

При входе в служебные кабинеты еще одна надпись: «Товарищ! Мы потеряли 45 лет. Надо наверстать упущенное. Будь краток!» На нас как бы не распространяется содержание этой надписи: мы беседуем три часа. Снимаются последние неясные вопросы. На этом этапе можно считать задачу выполненной.

Ночью я лежу с открытыми глазами. Сон не идет. Я думаю, что эта революция родилась поздно с точки зрения социализма. В грудях у матери-кормилицы уже нет молока. Советский Союз вряд ли сможет оправдать надежды, которые еще питают в отношении него в странах «третьего мира». Снова бродит в голове мысль, что теперь судьбы революций зависят не от позиции народа, а от меры внешней поддержки или от силы иностранного нажима. Соотношение сил между СССР и США неуклонно меняется в пользу последних, особенно в экономике. Суммы, которые они выбрасывают на помощь иностранным государствам — своим союзникам, кажутся нам баснословными. А то, что наскребаем с огромными усилиями мы, представляется мелкими карманными расходами. Казалось бы, сбываются наши давние мечты, о которых мы когда-то писали Андропову, — заводить друзей среди маленьких государств, имеющих важное стратегическое значение. Никарагуа — как раз такое государство. Население насчитывает не более 4 млн. Географическое расположение — лучше не придумаешь. Но… смогу ли убедить Андропова в том, что надо найти средства для помощи… сможет ли Андропов убедить политбюро… Засыпаю от бесконечного повторения этой мысли.

Возвращаюсь в Москву со смешанным чувством радости за победивший народ и тоскливым предчувствием ожидающих его больших горестей и лишений. Сажусь, как положено, за составление «записки» в ЦК КПСС, в которой я должен изложить свои впечатления от бесед, высказать оценки и внести предложения о наших действиях. Моя работа будет подписана членом политбюро, председателем КГБ Андроповым, что придаст ей нужный авторитет. Мнение опытного профессио-нала-разведчика, пусть даже с генеральскими лампасами, не имело бы никакого веса. Сами мы еще в молодости, выбирая путь разведчика, отказались напрочь от известности, честолюбие не мучает подавляющее большинство из нас. Мы знаем, что наша работа будет всегда анонимной. Это добровольно избранная судьба. Разведчик остается разведчиком, пока никому не известен как таковой, а когда раскрыт, то он уже не разведчик.

Пишу в этот раз с особым тщанием. Я не найду себе союзников даже в советских ведомствах. Министерство иностранных дел меня в упор не захочет видеть. Оно

«оскорблено» моим сообщением о скандальном происшествии с советским послом, который прибыл в Никарагуа, как раз когда я там находился для подписания соглашения об открытии посольства. Со стыдом вспоминаю, как меня срочно вызвал в свою резиденцию кубинский посол. Там я увидел двух представителей высшего руководства Сандинистского фронта национального освобождения, которые были явно взволнованы необходимостью заявить официальный протест советскому представителю. Из их слов я узнал, что накануне в Манагуа из одной латиноамериканской страны прибыл аккредитованный там посол СССР, чтобы выполнить формальную процедуру установления дипломатических отношений. Встречавшие его на аэродроме высшие политические руководители и сотрудники МИД молодой республики были поражены, увидев, как посол, едва устояв на ногах на лестнице, свалился на руки ожидавших его людей. От него за версту несло спиртным, он был мертвецки пьян. Кроме спиртного, в воздухе запахло скандалом. На помощь пришла библейская «ложь во спасение». Было сказано, что послу «стало плохо в результате тяжелого полета». Он был доставлен в гостиницу, где сопровождавшие его дипломаты делали все, чтобы привести в порядок незадачливого шефа: уже вечером должен был состояться политический акт в присутствии дипломатического корпуса.

Кое-как посол добрался до театра, где проходило действо, но через полчаса пришлось покинуть ложу, чтобы не осрамиться вконец. Но уход посла из ложи — это акт политический. Даже дети знают, что он означает протест против самого мероприятия, против речей, которые там произносятся. Незадачливый дипломат рухнул в постель, и не успели подручные снять с него ботинки, как появился один из министров правительства, пожелавший узнать, в чем дело. Но чрезвычайный и полномочный был уже «бездыханен». Можно себе представить возмущение сандинистов.

Наутро они пригласили меня в дом кубинского посла, чтобы высказать все, что они нацумали за ночь. Это были горькие, но справедливые речи. Они протестовали против такого поведения, объявили посла персоной нон грата на будущее, потребовали объяснений. Я никак не рассчитывал оказаться в таком положении. Дав возможность моим возмущенным хозяевам полностью выговориться, я как можно спокойнее сказал, что разделяю их оценки и чувства, однако вряд ли стоит начинать историю наших отношений с протеста и дипломатического конфликта: посол — это человек со своими слабостями, болезнями, возрастом. Его слова и действия могут быть

дезавуированы. Официальная нота протеста (она лежала передо мной на столе) не нужна, потому что она не отражает реального климата наших отношений, а, наоборот, может подпортить его. Я твердо пообещал поставить в известность о происшедшем политбюро, но предпочел бы сделать это устно. Ноту мне неудобно принимать, ибо я не имел никакого официального статуса, а посольство еще не было открыто. Я говорил и говорил, чтобы дать времени возможность остудить страсти.

Наконец, по разгладившимся лицам мне стало ясно, что лед растоплен. Я прервал фонтан красноречия. Конфликт перешел в эндшпиль и, к величайшему душевному облегчению, рассосался тут же за столом.

Шифровка об этом ушла Андропову с пометкой «лично». Он показал ее Громыко тоже «лично», но об этом вскоре знало пол-МИДа. Никарагуа стала для них страной нон грата.

С какой глубокой благодарностью я вспоминаю советских послов, которые принимали на себя тяжелые удары протестов в связи с провалами наших разведчиков! Нередко им приходилось выслушивать требования о немедленной отправке домой наших незадачливых коллег, помогать организовывать их отъезд. Я и сейчас мысленно отвешиваю им глубокий земной поклон. Они прикрывали наши ошибки и неуклюжие иной раз провалы, понимая, что разведка ведет постоянную войну, в которой есть и свои потери, и ошибки, ведущие к неудачам. Я побывал в их положении только один раз, тогда в Никарагуа, когда выводил из-под удара нашего посла…

Я пишу и пишу «записку» в ЦК КПСС. На военных рассчитывать не могу. Они слишком разбросали свои усилия по белу свету. Вряд ли они решатся на серьезную работу в Центральной Америке. Память о карибском кризисе будет травмировать их. Да и что они могут сделать? Защитить сандинист-скую революцию от американского вторжения? СССР никак не может этого сделать, разве что пригрозив всеобщей ракетно-ядерной войной, а на такое был способен только Никита Хрущев. Помочь создать современную мобильную, небольшую по численности, но сильную по огневой мощи армию в Никарагуа мы тоже не можем. Мы умеем воспроизводить только то, что имеем у себя дома. Никаких творческих вариантов у нас не разрабатывается. У нас есть избыток танков и ствольной артиллерии. Мы предложим их к поставке, хотя они там не нужны. Бронетанковые войска, незаменимые на степных просторах России, на равнинах Европы, выглядят нелепыми в горах, на сплошном бездорожье, в тропических джунглях. Мы кое-как сумели создать войска, предназначенные для классической

войны с внешним противником, но здесь нужно было создавать войска для борьбы с полувоенными, нерегулярными формированиями, которые одни называют бандитскими, другие — партизанскими. Для такой войны нужны вертолеты, подвижные средства радиоразведки, легкая колесная бронетехника, защитные легкие пуленепробиваемые жилеты, средства минной войны. Но как раз этого у нас нет. Мы никогда не воевали с партизанами. Умеем сами партизанить. А учиться у западников, веками воевавших в колониях против повстанцев, мы не хотим.

Наши военные придуі на помощь сандинистам. Но придут неохотно, как бы по инерции, с типовыми проектами решений, которые уже доказали свою неэффективность в других странах.

Я заканчиваю работу над «запиской», отправляю ее в секретариат КГБ, потом узнаю, что она подписана и ушла в политбюро. Идут месяцы, медленно поворачивается колесо бюрократической машины. Все, что связано с Никарагуа, делается, мне кажется, особенно неспешно. Капля за каплей выжимается из опустевших грудей помощь. Никарагуа надо 500 тыс. т нефти в год. Больше не требуется, такова перегонная мощность единственного на всю страну завода. Наша добыча еще равна 600 млн. т в год. Речь идет об 1/1200 части нашей добычи, то есть менее чем о 0,1 %. Но и эта ноша невыносимо тяжела для наших паралитических ног. Газеты пишут, что мы в десятки раз больше оставляем нефти на дне цистерн после их небрежной, неполной разгрузки, но исправить ничего не можем.

Начинаются затяжные сложные «консультации» с европейскими соцстранами, каждую поодиночке мы уговариваем поступиться небольшой частью своей ежегодной квоты импорта нефти из СССР. Если ГДР получает в год 20 млн. т, то мы просим, чтобы она не добирала 60–70 тыс. и как бы пожертвовала их в пользу Никарагуа. Никто не желает добровольно отказываться от своей доли, переговоры идут сложно. Градусник интернационалистских настроений показывает, что каждая страна имеет свою собственную температуру. Мне они представляются выстроенными в следующем порядке: ГДР, лучше других откликавшаяся на совместные акции в мире, затем Болгария, потом Чехословакия, и уже в рядах замыкающих идут Польша и Венгрия. О Румынии вопрос давно не возникает, отношения с ней настолько сложные, что, по-моему, все старания наших руководителей сводятся к тому, чтобы ни в СССР, ни в Румынии народы не узнали о том, что на самом деле происходит в наших отношениях. В Бухаресте нет представительства КГБ, контакты между нашими ведомствами прерваны давно, и никакого сотрудничества не ведется.

Кончаются хлопоты с нефтью (кое-как удается наскрести требуемое количество), начинаются новые — с продовольствием, товарами ширпотреба. И повсюду непреодолимой стеной встают наши нехватки материального производства. Я стараюсь во всех своих встречах-беседах быть крайне сдержанным: никаких иллюзий, никаких, даже самых туманных, обещаний, — однако это мало помогает. Слишком распространено, пустило глубокие корни убеждение о неисчерпаемости ресурсов Советского Союза. Бравурные съездовские речи, реклама несуществующих успехов служат нам плохую службу за рубежом. Каждому человеку невозможно объяснить, что мы живем в королевстве кривых зеркал, что между словом и делом у нас большая дистанция. Левонастроенным политическим руководителям за рубежом кажется, что мы недопонимаем наших собственных выгод, когда отказываемся оказать им поддержку. Иногда приходится резать правду-матку, чтобы просто не терять времени попусту на взаимные попреки.

Бедная моя Никарагуа! Я вижу, что все надежды на помощь со стороны СССР не оправдаются и она будет урезана до минимума. Это следует даже из подбора кандидатур послов. Если бы делалась какая-то серьезная ставка, то подыскали бы влиятельную фигуру из числа днепропетровского окружения Брежнева или остановились бы на сановнике из партаппарата. Когда же подбирают посла из карьерных дипломатов регионального калибра, то, значит, сотрудничество будет поставлено на самую узкую колею. Посол-чиновник не имеет доступа к рычагам партийного аппарата, к уху членов политбюро или секретарей ЦК, а без них нет шансов привлечь внимание министров или руководителей ведомств, которые распоряжаются материальным богатством страны.

Мне не верится, что американские аналитики-советологи настолько неглубоки, что выдают своему правительству, президенту США противоположные моим заключения. Непонятно, почему пресса США заливается лаем в адрес маленькой Никарагуа, почему все шаги Белого дома носят откровенно агрессивный характер. Откуда берутся явно провокационные схемы воздушных рейдов советских бомбардировщиков, стартующих с никарагуанских аэродромов с грузом бомб, предназначенных для американских городов? Почему ЦРУ начинает создавать базы для ведения торпедно-минной войны против редких советских и иных торговых судов, которые будут направляться в никарагуанские порты? Американцы должны знать, что СССР не собирается ни создавать базы в Никарагуа, ни пользоваться какими-либо имеющимися. Нет решительно ни

одного элемента, который бы свидетельствовал о таких намерениях. Я убеждаюсь еще и еще раз, что военно-политическое руководство США заинтересовано в укреплении американского преобладания в регионе, а не в установлении истины и адекватной реакции на нее.

Временами, однако, у нас возникает сомнение, а так ли уж правы американские эксперты и аналитики, когда они оценивают внешнеполитические ситуации. Разве мы не были свидетелями их грубых просчетов в Индокитае, откуда США пришлось уходить с крупными потерями в престиже и крови американцев? Разве не мы удивлялись зимой 1978/79 года поразительной слепоте американских профессионалов и политиков, упорно поддерживавших иранского шаха, трон которого трещал под напором народного восстания? Ведь у американцев в Иране были тысячи глаз и ушей, под их контролем находились спецслужбы, армия, они должны были знать все и тем не менее действовали вопреки очевидной истине. В анналах истории останется вульгарная ошибка в оценке кубинской революции 1956–1958 годов, когда американцы решили, что речь идет о тривиальной борьбе за власть, не увидели в ней ни национально-освободительного, ни социального сердечника и позволили себе снисходительно-пренебрежительное отношение к руководителям Повстанческой армии. А ляпсус с вторжением на Плайя-Хирон? Список этот можно продолжать сколь угодно долго. Оглядываясь теперь на долгий путь, оставшийся позади, могу сказать, что американцы, конечно, были сильнее во всем, что связано с материально-технической подготовкой, с организационно-штабной работой. Они последовательнее и методичнее в достижении поставленной цели. Но что касается точности и адекватности политических оценок, выбора более подходящего инструмента для более тонкого вмешательства в ситуацию, то в этом, мне кажется, советские профессионалы недавнего прошлого превосходили своих коллег на той стороне Атлантики.

Вспоминается, что, когда во второй половине 70-х годов, во времена президентства Картера, над ЦРУ разразилась гроза в связи с разоблачениями его участия в подготовке и проведении террористической деятельности, в превышении полномочий, проводилась и проверка информационно-аналитической работы в ЦРУ. Инспекцию осуществляла комиссия конгресса. Главный вывод, к которому пришли контролеры, состоял в том, что ЦРУ располагает избытком информации и не следует выделять больше средств на приобретение новых ее источников, а самым слабым местом являются анализ собранной информации и выработка правильных рекомендаций. Документ комиссии конгресса был

нашим настольным справочным материалом, по которому мы сверяли соотношение возможностей разведок США и СССР. Мы, пожалуй, чаще ощущали нехватку конкретной, фактической информации, но не испытывали трудностей в проведении объективного научного анализа. Точность прогнозов была достаточно высокой, она превышала 90 %. Другое дело, что оценки и прогнозы зачастую оказывались невостребованным интеллектуальным запасом.

Иной раз, когда вдруг выдавалась пауза в работе и было хорошее настроение, кто-нибудь из сотрудников шутя предлагал направить нашим коллегам из ЦРУ вызов посоревноваться в точности анализа и прогноза конкретной международной ситуации. Мы были уверены, что выиграем такой конкурс и самый объективный судья — время, как рефери на ринге, поднимет нашу правую руку.

США продолжали через усилители убеждать мир и самих себя в том, что в Никарагуа создается континентальная угроза для существования Соединенных Штатов, а мы получили письмо из Министерства внутренних дел Никарагуа, в котором говорилось, что в стране нет самых элементарных условий для жизнедеятельности. Наши коллеги просили прислать канцелярские принадлежности, незатейливый спортивный инвентарь, мыло, туалетную бумагу и т. п. Поскольку не было надежды на помощь по линии государственной, коллектив обращался к коллективу за товарищеской поддержкой. Нельзя было оставаться глухими, мы собрали, что могли, из наших ресурсов и отправили груз самого мирного, бытового назначения.

Прошли годы, много воды утекло, и Никарагуа нашла свой путь в будущее, вероятно, что этот путь может оказаться самым обещающим. Хорошо, что ее не касается больше черное крыло конфронтации Запада с Востоком. Еще лучше, если она не сойдет с тропы укрепления национального согласия в главном — защите своей свободы и создании условий для процветания народа. Но сандинисты сделали неоценимо важную работу: они разорвали и уничтожили смирительную рубашку — марионеточную диктатуру Сомосы. За это им вечно будет благодарен никарагуанский народ.

Горькие думы аналитиков

Когда заканчивалась очередная зарубежная поездка, я возвращался к своим обязанностям начальника информационно-аналитического управления. Меня радостно встречали коллеги по работе. Теперь с них снимался груз ответственности, и они чувствовали себя раскрепощенными и счастливыми. Кстати, начальнические должности в прежнем аппарате разведки практически не давали никаких материальных преимуществ, разница в зарплате с заместителями составляла всего 20–30 рублей, а психологические нагрузки, затраты времени возрастали на порядок, а то и больше. Удовлетворялось в основном честолюбие. Начальник управления — это почти стопроцентный шанс получить генеральское звание и с ним очередную прибавку к жалованью — 30–40 рублей. Денежный приварок крошечный, незаметный, зато «лампасы» компенсировали все издержки. Если человек не терял трезвого, нормального восприятия жизни, то он относился ко всем «начальникам» с сочувствием, а не с завистью. Слишком многого они лишались в этой земной юдоли, и скудной была компенсация. Я себя считаю безгранично счастливым человеком, потому что в работе меня постоянно окружали люди высокой пробы. Надо мной было всего два начальника: председатель КГБ Андропов и начальник разведки Крючков. Первого я не раз упоминал, но не грех сказать еще, что он был глубоко уважаемым старшим товарищем, мудрым, честным, демократичным. Мы чувствовали, что он критически, как и мы, относился к тогдашней действительности, искренне переживал за судьбы страны.

Владимир Александрович Крючков под стать ему, он прошел с Андроповым весь путь от совместной работы в советском посольстве в Венгрии в 1956 году до самой кончины Юрия Владимировича в 1984-м. В школе он наверняка был отличником, потому что по собранности, работоспособности, немецкой организованности я не знал в разведке человека, равного ему. В дождь, стужу, зной, у себя дома или в командировке за тридевять земель Крючков в свой час выходил на утреннюю зарядку, что бы ни творилось на белом свете. По субботам он не любил заниматься текущими делами, он быстро-быстро читал кучи журналов, информационных бюллетеней, научных разработок и делал в них пометки красным карандашом. Всю неделю потом машинистка печатала карточки с выбранными абзацами, и они пополняли огромную личную картотеку, которая систематизирована самим хозяином. Когда ему предстояли

встречи или ответственные поездки, он просматривал или брал с собой нужные разделы, и его собеседники удивлялись аргументированности суждений и эрудированности начальника разведки.

Память у него отменная, и он сердился на забывчивость своих подчиненных. Рационализм и жесткая логика выкрасили всю его жизнь в один серо-стальной цвет. В редкие минуты, когда трескалась корка официальных отношений, он, вспоминая наиболее яркие сцены своего детства, рассказывал, как однажды школьником шел по улице в родном Волгограде в слякотную осеннюю пору и увидел, как рабочие укладывали в траншею трубы. Дело у них не клеилось, трубы выскальзывали, ложились не так, как надо. Он постоял, посмотрел и потом сказал, что надо делать иначе, рассказал, как именно. Удивленные работяги ругнулись на себя, похвалили пацана за сообразительность, и работа пошла на лад.

Работа на военном заводе, освобожденный комсомольский деятель в тяжелые послевоенные годы, нелегко полученное юридическое образование, работа в суде, прокуратуре, Высшая дипломатическая школа и, наконец, встреча с Андроповым в Венгрии. По своей методичности и упорству Крючков никак не похож на русского человека, скорее, он сродни немцам Поволжья. Из трех слушателей ВДШ, которые изучали венгерский язык, не капитулировал только один Крючков. Он до конца активной работы читал венгерские газеты.

В 50 лет Крючков возглавил разведку, при нем было закончено строительство комплекса зданий — одного из лучших в Москве по своей функциональности. Он привнес политическую осмысленность в работу разведки, ничем не ограничивал профессиональную выдумку и изобретательность. Конечно, он был в большой степени политическим роботом. Каждодневный труд с 9 до 21 часа в бешеном ритме, рваном темпе, с массой отрицательных эмоций. Невозможность иметь друзей, чтобы не плодились интриги, да и откуда их взять: весь мир поделен на руководство и подчиненных. Вся радость его — театр. В кабинете начальника разведки в «Ясенево» стояли на самом видном месте переплетенные тома с театральными и концертными программами за многие годы. Он любит и знает театр. Это тоже роднит его с Андроповым, только тот читал пьесы дома чаще, чем видел их на сцене.

Крючков чуточку суеверен. Когда-то ему привезли из Бразилии, из бассейна Амазонки, голову водяного, вырезанную из дерева. Там, в сельве, такие идолы крепятся на носу лодки и отгоняют от нее все злое и нечистое. Люди верят, что если такой

болван с ощеренными зубами и вытаращенными глазами будет стоять в доме, то никто не посмеет и пальцем тронуть хозяина. Этот страшенный, хотя и добрый дух стоял на полке его кабинета и скалился на всех входящих, изгоняя из них недобрые намерения. Не знаю, взял ли он его с собой в 1988 году в новый кабинет на Лубянке, когда был назначен председателем КГБ. Во всяком случае, мне его не приходилось видеть больше на сторожевом посту. Не уберег он и своего хозяина к концу службы.

У Крючкова были и недостатки. Он нередко ошибался в выборе кадров, что быстро замечалось в коллективе разведки. Обладая прекрасной памятью, он подолгу не мог забыть и зла, причиненного ему. Это зло мучило его и толкало на ошибочные поступки. Но, как бы то ни было, Крючков дольше и лучше своих предшественников руководил разведкой, оставаясь верным и убежденным слугой своего дела. У меня никогда не было оснований сомневаться в его патриотизме.

Его участие в событиях августа 1991 года — это вопрос, на который ответит история. Люди, в мантиях или без, будут предвзяты и необъективны хотя бы потому, что они принадлежат только нашему времени.

Волна теплой благодарности неизменно окатывает мое сердце при воспоминании о моих друзьях-подчиненных. Жалею, что невозможно назвать всех. Но о своих заместителях умолчать было бы грешно, мы с ними делили все тяготы и скупые радости. Каждое утро начиналось со сбора в моем кабинете, где просматривалась веч ночная доза поступившей информации, происходил короткий обмен мнениями и ставились текущие задачи. Каждый из заместителей ведал определенным регионом мира. Ответственность за Западную Европу нес Владимир Михайлович Хренов. Мы его звали «твердым искровцем», он был эталоном принципиальности, честности и порядочности. Его оперативная карьера сломалась рано из-за провала оперативного «контакта» в Париже, и он стал, пожалуй, первым среди нас профессиональным аналитиком. Щепетильная требовательность к выверенное™ фактов, непримиримость, иной раз в воинственной форме, к бракоделам, ажурная, филигранная работа над документами не могли не вызывать восхищения. Если под деловой бумагой стояла виза или подпись Владимира Михайловича, можно было не сомневаться, что в ней все сделано как надо. Он был всего на пять месяцев старше меня, но я всегда звал его уважительно, по-деревенски — Михалыч. Он закончил свой жизненный путь генералом, начальником информационно-аналитического управления, не дожив нескольких месяцев до развала Советского Союза, не испытав, к счастью, горечи, которая

неизменно возникает, когда человек видит уничтоженными все плоды своей общественной жизни.

За сотрудничество с коллегами из стран Варшавского пакта отвечал Александр Б., приехавший искать судьбу из маленького железнодорожного поселка Пьянково в Западной Сибири. Большеголовый паренек в деревенской толстовке стал студентом МГИМО. За годы учебы он овладел несколькими иностранными языками. Работал переводчиком на всех уровнях, был на оперативной работе и успел стать ветераном аналитического управления, где проработал в общей сложности свыше 15 лет. Для многих неудобен, потому что прямо высказывает свое мнение, мысли формулирует резко, всегда настроен подвергнуть любую идею, всякий документ критическому обстрелу. Незаменим при дискуссиях, мыслит неординарно, высвечивает события в неожиданных для других логических связях. В 1981 году сопровождал Андропова и Устинова, которые проводили встречу с польским руководством в спецпоезде на железнодорожных путях Бреста. В разговоре с ними Б. слишком критически высказался о некоторых методах работы политбюро ЦК ПОРП и удостоился такой ремарки со стороны Андропова: «Не учите нас управлять государством. Мы с Дмитрием Федоровичем кое-что в этом понимаем». Замещал меня во время моих отлучек. Потом стал начальником управления, но пробыл в этом кресле всего шесть месяцев, потому что был назначен начальником секретариата КГБ. В отставку ушел генералом совсем недавно и работает теперь на гражданской ниве.

Китай и вообще Восток оставались загадкой для всех нас, получивших академическую подготовку и работавших в странах христианской цивилизации. Это особый мир. Ему надо отдать всю жизнь без остатка, если хочешь научиться понимать его. Поэтому среди заместителей начальника управления всегда были профессиональные китаеведы. Одним из них был Ким Александрович Мартынов — синолог Божьей милостью, дважды побывавший в длительных командировках в Пекине. Он знал, как близких родственников, всех китайских руководителей до третьего колена, спросонья мог дать любому исчерпывающую характеристику. Долгая практика работы по Китаю сделала его, по нашим наблюдениям, похожим на китайца. Даже глаза стали чуть раскосыми. Но такого трудолюбия, самоотверженной дисциплины, тщательности в проработке деталей я еще не встречал. Жаль, что трудная семейная жизнь подорвала его здоровье и он преждевременно скончался. После смерти выяснилось, что он писал прекрасные стихи.

Его участок возглавил Владимир Александрович Королев —

прекрасный специалист, умелый организатор. Он мало в чем уступал своему предшественнику и имел свои неоспоримые преимущества: весельчак, острослов, автор едких эпиграмм, пародий, он был душой общества. Его отношение к людям было проникнуто дружелюбием, душевной мягкостью. Есть такое понятие — «профессиональная деградация», когда круг интересов сужается до пятачка чисто служебных забот. Врачу-психиатру начинает казаться, что весь мир состоит из душевнобольных, начальник отделения милиции видит в каждом правонарушителя и т. д. Ходили слухи, что Генри Киссинджера жена бросила только за то, что он говорил с ней без конца о международных делах. Для нас В. Королев был надежным лекарством против такой деградации. А как китаевед, он оставался высшим авторитетом для всего корпуса офицеров. Он также стал генералом, когда перешел в штабное управление в качестве заместителя его начальника.

Руководство управления жило как одна семья. Ежедневно в 16 часов мы все собирались на короткий чай в комнате отдыха, смежной с кабинетом начальника управления. За полчаса успевали обсудить организационные вопросы, среди которых кадровые дела занимали большое место.

Раз в месяц устраивались дни здоровья, обычно по субботам. Выходили на лыжную прогулку (летом плавали в бассейне), кроме одного, остававшегося дежурить по управлению. Катались за границами территории нашего комплекса, и никто не догадывался, что катят по лыжне носители всех информационных секретов советской разведки, да и не только разведки. Вдоволь накатавшись, мы шли в маленькую баньку-сауну, парились до изнеможения, пили зеленый чай и, просветленные, возвращались к обеду по домам.

Тесная дружба помогала нам всем вместе переживать и служебные неприятности, и семейные неурядицы, у кого они были, и трудности с воспитанием подраставших детей, и даже физические недуги, когда они цеплялись к нам. Сами мы окрестили свой стихийно сложившийся коллектив «наш балет», наверное, за его слаженность, гармоничность. Через «наш балет» прошло много других товарищей, но они пробыли в нем не столь продолжительное время, как его основной костяк. Из «балета» вышли начальник разведки Л. В. Шебаршин, два заместителя — В. И. Гургенов и я, один посол Советского Союза, два руководителя крупного советского информационного агентства и т. д. Никакое другое подразделение разведки не дало таких кадров, заслуга нашего управления состояла в том, что люди получали очень широкую информацию, через документацию

видели всю внешнеполитическую палитру интересов СССР, приобщались к поискам решений проблем. Кроме того, у нас царила атмосфера свободного, творческого обсуждения всех проблем, терпимости ко всем точкам зрения, критичности к нетрадиционным подходам и взглядам.

Управление живет и работает и сейчас, в нынешнее лихолетье. Там еще много ветеранов, с которыми мы трудились бок о бок, но пришло и много молодежи. Думаю, им труднее. Опасностей у России стало больше, а друзей — куда меньше. Сил тоже поубавилось основательно. Но Родину-мать не выбирают, она нас рождает, и наш сыновний долг — оставаться с ней до конца, каким бы тяжелым недугом она ни страдала. Надо помочь ей встать на ноги, окрепнуть.

Не знаю, о чем сейчас размышляют офицеры, какими сокровенными мыслями делятся друг с другом в часы внеслужебного общения. Наша жизнь в управлении совпала со временем разложения псевдосоциалистического строя, существовавшего в СССР. Мы не только видели нарастание симптомов распада, но, казалось, даже чувствовали запах гниения пораженных тканей. За крайне редким исключением, нас обуревала тревога за нашу страну, ее экономику, за положение народа.

Наверное, первое место занимала всегда тема хлеба насущного. Многие из нас были выходцами из крестьян, сам я и пахал, и сеял, и косил, знал не понаслышке, во что обходятся рожь да пшеничка. Мы не могли понять, почему наши руководители потеряли почти целый век, так и не захотев и не сумев организовать сельское хозяйство. За этот же срок весь мир научился производить продукты питания. Китай, Индия, Иран, Мексика и др., испытывавшие хроническую нехватку зерновых, провели в короткие сроки экономические и агротехнические преобразования и стали обеспечивать большую часть своих потребностей. Одна Россия, а раньше СССР оставались полуголодными.

С самого 1929 года наша тогда бескрайняя страна начала жить в условиях ухудшающегося продовольственного обеспечения. Коллективизация привела к введению распределения продовольсгвия по карточкам в мирное время. Едва-едва сделали глоток воздуха перед войной, как навалилась трагедия немецкого нашествия с массовым голодом. Радость победы не принесла сытости. Это чувство просто неведомо подавляющему большинству ныне живущего поколения России. Оно никогда не знало изобилия мясных продуктов, молока, сыра, фруктов и овощей. Если жители столиц еще могут вспомнить что-

то из этих продуктов на прилавках, то абсолютное большинство населения страны потребляло их по случаю, как радостное и редкое исключение.

Страна, где наличие пахотной земли на душу населения измеряется самыми высокими показателями в мире, где сосредоточено более 70 % мировых площадей чернозема, где разнообразие климата позволяет выращивать всю известную людям сельскохозяйственную продукцию, — эта страна закупает хлеб за рубежом. Нынешние родильные дома полупусты, нация кончает самоубийством, отказывается от продления жизни. Такой геноцид похлеще всех массовых политических репрессий прошлого. 3,5 млн. абортов только в 1991 году выглядят не менее страшно, чем миллион расстрелянных в бериевских застенках.

Ощущение приближающегося катаклизма время от времени — если не сказать конвульсивно — беспокоило вождей прежней власти. Сталин приказал сажать по Волге и Уралу лесозащитные полосы, дабы уберечь от суховеев черноземные житницы России. Хрущев велел распахать 40 млн. га степей на целине. Брежнев изображал государственную заботу о развитии Нечерноземья. Горбачев, специально вызванный из Ставрополя для разработки продовольственной программы, ограничился бумага- и словотворчеством. Нынешние руководители вообще не обременяют себя на сей счет никакими заботами, положившись на авось.

И старые, и новые власти все надежды с обеспечением минимального уровня питания и недопущением социального взрыва связывают с импортом продовольствия из-за границы. Импорт продовольствия, и прежде всего зерновых, в массовых масштабах начался вскоре после прихода к власти Брежнева и его администрации. Вот как разрастался пагубный для народа ком закупок. В пятилетие 1965–1970 годы — мы ввезли из-за рубежа 15 млн. т зерна. Россия впервые села на иглу продовольственного импортного наркотика. Правящим бездельникам такое решение продовольственной проблемы показалось самым простым и приятным. Укол следовал за уколом, привычка превратилась в неизлечимую болезнь. Уже в следующее пятилетие уровень закупок хлеба за границей возрос до 69 млн. г. В 1975–1980 годах суммарный ввоз увеличился до 119 млн. г, в 1981–1985 годах он уже составил 170 млн. т, а далее вообще пошли хаотические закупки. Сначала, когда проматывали нефтяные деньги, мы надували щеки, изображая «надежного клиента», а потом все чаще и чаще стали заискивающе выпрашивать кредиты под текущие поставки.

Нам в разведке было четко видно, как радуются США тому,

что в теле СССР открылась не заживающая, а, наоборот, расширяющаяся рана, сквозь которую выливались живые соки народа. Отказывая нам в продаже всякой сложной техники, они с легкостью продолжали поставки зерна и вообще продовольствия. Всего лишь раз эмоциональный Картер попробовал приостановить поток зерна, но тут же отменил свое решение. В обмен на излишки урожая США брали у нас невозобновляемые ресурсы — золото и нефть, украденные у детей, внуков и правнуков. И главное, закрепляли у нас привычку к наркотическому импорту. Мы упорно и обильно финансировали процветающий Запад, превращая покупаемое зерно в вещество, годное лишь для удобрения.

США — великая промышленная держава, но они и главный экспортер сельскохозяйственной продукции. В 40 млрд, долл, оценивается ежегодный вывоз продовольствия из США. Это не только валюта, это еще и эффективное орудие политического воздействия.

Россия должна сама себя кормить, кормить сытно, разнообразно. Задача самообеспечения продовольствием должна быть сформулирована как национальная. Уже давно пора уважительно отнестись к своим собственным земледельцам, с которыми долгие десятилетия обращались как со скотом. Не обманывать их посулами дефицитных товаров за сданную сверхплановую продукцию. Не гнать золото и валюту за рубеж на подкормку тамошних фермеров, а направить их на свое село. Прекратить хищнический экспорт удобрений. Разработать программу расселения русских мигрантов из государств-лимитрофов на пустующих землях обезлюдевших за последние годы деревень. Установить самый щадящий налоговый режим для производителей сельскохозяйственной продукции, чтобы привлечь именно сюда первые инвестиции русского капитала. Не покупать сельхозпродукцию, а покупать семенной фонд, элитных животных, технологию. Попросить страны — экспортеры сельхозпродукции принять наших студентов и молодых специалистов на практическую стажировку в области организации сельскохозяйственного производства. И, разумеется, работать, чтобы дать народу надежду на выживание. Производство продуктов питания и есть то звено, говоря старыми цитатами, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь.

Сейчас Россия лишилась всего, что раньше как-то позволяло терпеть импорт зерновых и дальше. Нефтяная река на Запад высыхает на глазах, а доходы от той, что еще течет, как последняя кровь из смертельной раны, идут в большой степени мимо государственного кармана. Все построенные зерноприемные

порты, увы, остались за рубежом, где за перевалку каждой тонны требуют уплаты дополнительных 15 долл. И в этой тоскливой безысходности самым крикливым требованием является лозунг «свободы купли-продажи» земли. Обратите внимание: не налаживания сельскохозяйственного производства, а именно купли-продажи. Не терпится нажить миллиардные состояния на земле, не прилагая к ней рук, не проливая пота. Кому дать землю? Это ключевой вопрос. На него давно дан ответ. Она должна быть передана тем, кто будет обрабатывать ее. И наполеоновские аграрные реформы, и линкольновский закон о гомстедах были пронизаны этой подлинно демократической идеей. Надо думать о земле как о средстве производства, а не как об объекте просто спекулятивной купли-продажи.

Я пишу эти строки в 1993 году и не могу освободиться от желания что-то добавить от нынешних страстей в те наши давние размышления о положении в сельском хозяйстве. Боль осталась той же, только стала нестерпимее.

Разведка делала, что могла, для оказания помощи нашему сельскому хозяйству. Мы добывали партии элитных семян самых различных культур, забирались в самые закрытые селекционные центры и станции. Получали документацию по технологии производства. В каждой почте в Москву содержались интересные новости о сельском хозяйстве. Эта работа не была самой трудной для добывающего аппарата, сельскохозяйственные секреты все-таки охраняются слабее, чем политические или военные, выполнимыми оказывались практически все задания. Но беда в том, что мы так и не ощутили какого-либо результата от проделанной работы. Среди сотрудников разведки получили широкое хождение разговоры о том, что, дескать, нашими материалами пользуются чинуши от науки в бесчисленных НИИ для подготовки диссертаций. Вероятно, такие случаи имели место, но и они становились возможными лишь потому, что сама система организации сельского хозяйства отвергала всякие серьезные новации. Какой смысл был, например, в наших усилиях по добыче редких первородных сортов картофеля, стойких ко всем заболеваниям, выносливых в неблагоприятных погодных условиях (в холоде, сырости), если с 1965 по 1982 год картофельное поле только в тогдашней РСФСР сократилось на 350 тыс. га из-за нарушения экономических законов!

Каждое лето я обязательно приезжал в родное село Алмазово и безуспешно пытался найти хоть какие-нибудь признаки возрождения русской деревни. Все разговоры с односельчанами и руководителями нашего колхоза имени Свердлова навевали беспросветную тоску. Председатель, например, рассказывал, что

не приведи Бог по-настоящему хорошего урожая, вывезти его будет не на чем, потому что самым слабым местом оставался транспорт. Комбайнов и тракторов заставляли покупать много, а автомобилей не было. Урожайность в дальних (от райцентра) колхозах падала до 6–7 ц с 1 га. В посевную механизаторы вовсю обменивали горючее и даже семенной материал на водку, а в уборочную за самогон развозили прямо с поля обмолоченное зерно по избам. Весь собственный скот крестьян кормился комбикормами, силосом, которые тащили почем зря с колхозных молочных ферм. Но не все же могли воровать. Кто-то покидал насиженные гнезда. Деревни вымирали и гибли на глазах.

Мое родное Алмазово до войны имело почти 120 дворов, а сейчас состоит из полудюжины развалюшек, где доживают свой век старики из некогда многочисленных крестьянских родов. Никакие татарские нашествия не смогли уничтожить наш народ, а вот ретивые политические вожди, «гении» в политике сумели довести обширнейшие русские земли до крайнего разорения, при котором непраздным остается вопрос, возможно ли их восстановление и возрождение. При советской власти было почти традицией периодически «пороть» министров сельского хозяйства и ссылать их на посольские должности за границу. В Индии на валютных харчах отбывал наказание Бенедиктов, в Чехословакии — Мацкевич, в Японии — Полянский. Но сейчас «кураторство» сельским хозяйством поручают обязательно своему недругу, как бы заранее ставя его в положение завтрашнего мальчика для битья.

Очень часто наши разговоры шли вокруг национального вопроса в Советском Союзе. Мы не могли не знать, что наши тогдашние политические противники, то есть США и их союзники по НАТО, уделяли национальной проблеме в СССР огромное внимание, видя в ней генетическую слабость, которая может взорвать в определенных условиях могучее геополитическое образование, называвшееся Советским Союзом. Радиостанция «Свобода» вещала на всех языках народов, входивших в состав СССР, и бросалось в глаза, что содержание радиопередач на каждом языке носило характер узконаправленного националистического луча, рассчитанного на возбуждение национализма именно этого народа. Доминантой был подогрев антирусских чувств, но одновременно сеялись и семена национальной розни вообще.

Мы дискутировали, чей путь формирования единой исторической демографической общности вернее: американский, где вся нация формируется из других народов при условии отказа от своей прежней государственной и этнической принадлежности,

или советский, где был взят курс на создание автономных или союзных формирований в виде республик. Почему американцы, захватив в 1847 году 2/5 территории Мексики с мексиканским населением, не создали там федеративное государство, а просто порезали эту территорию на штаты: Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Техас — и присоединили к себе на общих для всех правах? Почему, победив в гражданской войне, северяне не пошли на создание какого-либо подобия негритянской республики на Юге США? Ответ приходил сам собой: в Соединенных Штатах с самого начала формирования государства победила тенденция на создание унитарного государства, единого «котла», в котором все многоязычное эмигрантское разнотравье будет вываривaться также в единую нацию. Роль штатов — всего лишь облегчить административное управление обширной страной и учесть некоторые региональные особенности. Но с самого начала они лишены права на выход из состава США. Творцам американского государства было наплевать на национальные чувства тех, кто по доброй воле или силой включался в состав страны. Они были обязаны чувствовать себя гражданами своей новой родины, интересы которой ставились, разумеется, превыше всего. Национальные привязанности и чувства можно выражать в любой форме, которая не затрагивает государственных интересов США. Пожалуйста, пусть ирландцы ˆмаршируют в день святого Патрика по авеню и стритам Нью-Йорка, но завтра они вновь забудут, что они ирландцы, до следующего праздника. На вопрос «ваша национальность?» любой житель США ответит: «Я — американец».

Для государства такое решение национального вопроса является идеальным. Почему большевики, победившие в 1917 году в России, пошли по пути федерализации бывшей Российской империи путем раздела ее на практически суверенные союзные республики, имевшие право выхода из состава единого государства? Для этого в конституциях предусматривались необходимые условия: республика должна обладать либо выходом к морю, либо выходом на сухопутную государственную границу СССР, чтобы ее право на отделение было физически осуществимо; в республике, чтобы она сохраняла жизнеспособность, должно было проживать не менее 1 млн. граждан и, кроме того, не менее 50 % ее населения должны были составлять люди той национальности, имя которой носит сама республика. Среди большевиков велись ожесточенные споры, были и крутые сторонники преимущественно унитарного построения государства, но дискуссии велись еще при жизни

Ленина, когда ветры революционного демократизма вовсю вихрили шевелюры и мысли людей.

В 1922 году, на волне торжества революции и побед в гражданской войне, был сделан огромный подарок тем общественно-политическим силам национальных окраин бывшей империи, которые поддержали большевиков, обеспечили в своих национальных регионах их победу и согласились добровольно войти в состав единого СССР. Во всей нашей литературе, в учебниках такое решение национального вопроса подавалось как самое мудрое, самое справедливое. Мы же с возрастом и опытом, еще с начала 70-х годов, стали сильно сомневаться в правильности взятого пути.

В 20-х годах были произвольно нарезаны границы союзных республик, даже те народы, которые никогда не имели своей государственности, вроде белорусского, казахского и т. д., получили все атрибуты самостоятельного государства. С течением времени они обзавелись гербами, знаменами, академиями наук, парламентами, правительствами. И коммунистическая партия Советского Союза была раскроена на национальные партии: компартия Украины, Белоруссии и т. д., каждая из которых имела свое политбюро или подобие его. Начали складываться свои национальные элиты партийного и государственного чиновничества. Что касается Средней Азии, то аппарат центральных и местных органов власти в республиках на 60–80 % состоял из бывших чиновников старой феодальной администрации. Советский Союз походил на плитку шоколада, которая расчерчена бороздами-линиями будущего разлома для удобства потребителей.

Со времени смерти Сталина степень независимости республиканских властей постоянно возрастала, руководители компартий союзных республик превращались постепенно во всесильных национальных вождей, находившихся в своеобразных, похожих на вассальные отношениях с Москвой. Но весь этот процесс формирования национально-государственного истеблишмента был скрытым, о нем вслух не говорили, он не вписывался в рекламируемую концепцию решения национального вопроса. Хотя формально вторыми секретарями центральных комитетов национальных компартий были обыкновенно русские, что давало основание говорить о русском контроле, на самом деле эти вторые секретари так и оставались на второстепенных ролях. Они либо ассимилировались в местную элиту, либо просто игнорировались подлинными руководителями. Обычно это были средней руки серенькие партийные кадры, которые не столько радели об общегосударственных интересах, сколько старались не

вызвать недовольства своих «первых лиц», которые бывали и членами политбюро, и кандидатами в члены и в любом случае имели прямой доступ к генеральному секретарю. Все эти бесцветные «представители центра» прошествовали чередой, как тени, по истории компартий республик, не оставив ни малейшего следа государственной мысли или практической активности.

Декларировавшаяся политика решения национального вопроса выглядела привлекательной, она принималась большинством населения и давала свои, безусловно, положительные результаты. Разве можно было возражать против провозглашенного принципа постепенного выравнивания социально-экономических условий развития республик, против юридического и фактического равенства граждан всех национальностей, против развития и взаимообогащения всех национальных культур? Россия помогала строить промышленные предприятия, электростанции, дороги, русские ехали в бывшие национальные окраины в качестве рабочих, инженерно-технических специалистов, строителей, оставались там на постоянное житье. В их статусе не было ничего от колонизаторов: ни земель, ни привилегий, никакой отчужденности от местного населения. Подавляющую часть русского населения в национальных республиках составляли именно промышленные рабочие и инженерно-техническая интеллигенция.

Россия, со своей стороны, приняла немало выходцев из бывших национальных окраин. Правда, надо заметить, что людей физического труда среди них было крайне мало. В основном они пополняли ряды чиновничества, работников искусства, искавших более широкое поле деятельности для самоутверждения, людей науки, стремившихся в Россию, располагавшую лучшей базой для исследовательской работы. Много представителей закавказских народов и выходцев из Средней Азии работало в сфере торговли. Некоторые бывшие республики имели гипертрофированное представительство в госаппарате СССР, несопоставимое с демографическим или промышленным потенциалом их народа. Например, Грузия «подарила» нам Сталина, Берию, деятельность которых оказалась трагически разрушительной для Советского Союза. Не этим республикам обвинять нас в империализме, а впору нам представить счет за невероятные страдания, выпавшие на нашу долю по злой воле этих властолюбцев. Но народы не виноваты, мы вместе с ними страдали и испили чашу горестей до дна. Мы радовались вкладу корифеев национальной интеллигенции в общий культурно-просветительский фонд Союза ССР. Для нас имена А. Хачатуряна, академика Орбели, певицы З. Долухановой, писателя Чингиза Айтматова и тысяч других

звучали как имена советских деятелей искусства и культуры. В государстве возник новый морально-психологический климат в отношениях между национальностями, в подавляющем большинстве случаев мы действительно чувствовали себя братьями не только на словах, но и на деле.

В разведке работали представители 40 национальностей, причем без какого-либо ограничения в отношении допуска к секретным делам. В нашем информационно-аналитическом управлении работал и единственный в разведке еврей Самуил Мейерович Квастель, прекрасный специалист, полковник, кандидат наук. И мы гордились тем, что он работает именно у нас.

Когда начались кровавые события в Нагорном Карабахе, вспоминается, что в одной резидентуре на Американском континенте работали азербайджанец и армянин. Я специально интересовался, как отразилось на их настроениях положение в Карабахе. Меня заверили, что разведчики дают правильную оценку событиям как результату происков политиканов, получающих политические дивиденды на крови и страданиях народа. Продолжают работать дружно, плечом к плечу.

В тогдашнем Советском Союзе были, пожалуй, три народа — литовцы, латыши и эстонцы, которые довольно откровенно стремились к отделению от СССР, к размежеванию с русскими. Общий стандарт их гражданского, социально-экономического развития, духовной и бытовой культуры был выше среднего общесоюзного. Надо было или находить особый характер взаимоотношений с ними, как, например, с Финляндией до 1917 года, или договариваться о «цивилизованном разводе». Все же остальные народы, я подчеркиваю — народы, не тяготились своим пребыванием в составе Советского Союза, извлекали из своей принадлежности к нему немалые выгоды. Великий исторический эксперимент совсем не обещал кончиться провалом, если бы не обстановка в верхушечных кругах.

Мы в разведке раньше других узнали о будущем «деле Рашидова». Нам стало известно, что внезапно по распоряжению председателя КГБ Андропова направили на работу в Чехословакию крупного руководителя КГБ Узбекистана. Вскоре выяснилось, что он представил Андропову обширную докладную о невероятных безобразиях и правонарушениях, творившихся в республике с ведома и под прикрытием авторитета Рашидова. Самого документа мы не видели, но информация о нем разошлась широко. Андропов, понимавший опасность безоглядного развязывания конфликта с партийно-государственной кликой в любой республике, не решился поставить вопрос на публичное

обсуждение. Он ограничился устным докладом Брежневу, что было равносильно обращению с речью к березовому пеньку. Но автора документа надо было спасать от физической расправы, и его пришлось командировать за границу.

Скандальные ситуации возникали и раньше в результате своеволия и бесконтрольного поведения региональных царьков. Были так называемые дела Багирова в Азербайджане, Шелеста на Украине и др.

Недаром, когда Андропов был избран генеральным секретарем, на одном из партийных пленумов он сказал, что национальный вопрос в тех формах, в которых он был унаследован от царской России, решен в СССР, но за это время появились новые проблемы национального характера, которыми должна заняться партия. Он имел в виду именно изменившееся положение партийно-государственных национальных верхов, которые быстро коррумпировались, превращались в мафиозные структуры, с них на глазах слезала идеологическая краска.

Проработать и осуществить комплекс мер по оздоровлению всего аппарата партии Андропов не успел. А Горбачев своими поспешными, неумелыми действиями по дисциплинированию национальных компартий только вызвал их настороженность и желание освободиться от опеки центра. Так созревал, а потом выплыл на поверхность сепаратизм вождей, сепаратизм правящих кланов.

Распад Советского Союза не был следствием национальных народных восстаний, наоборот, народы в ходе референдума в марте 1991 года однозначно высказались за сохранение единого союзного государства. Но Союз не был нужен политическим кликам, и они, пользуясь усталостью, безразличием народа, прикончили его ударом перьев в глухом охотничьем домике в Беловежской пуще. Так же как в свое время Золотая Орда распалась на улусы под влиянием слабости центральной власти и господства местных ханов, по такой же схеме развалился и бывший могучий Советский Союз. Он разломился по нарисованным искусственным границам, вопреки воле и интересам сотен миллионов населяющих его людей.

Подобно тому как преступные мафиозные структуры делят улицы города, рынки, вокзалы на зоны своего исключительного влияния и даже готовы вступить в кровопролитные разборки при попытке посягнуть на их «владения», так и политические мафии, созревшие в СССР в последние 20–25 лет при немощном Брежневе и Горбачеве, порвали ткань единого государства. Властолюбие личностей оказалось сильнее интересов народов. Посмотрите на список нынешних руководителей независимых государств,

вчерашних республик Советского Союза, и вы увидите среди них «видных деятелей коммунистической партии».

Нельзя не видеть, что идея национального федерализма оказалась нежизненной не только в СССР, но и в других социалистических странах Восточной Европы, которые копировали нашу форму государственной организации. Два государства — ЧССР и СФРЮ — развалились точно по такой же схеме и примерно по тем же причинам, с той лишь разницей, что чехи и словаки «развелись» цивилизованно, а бывшая Югославия оказалась залитой кровью. Те же страны, которые предпочли модель унитарного государства, несмотря на наличие крупных компактных групп населения других национальностей, пережили роковой момент смены режима без государственного разрушения. Я имею в виду Румынию, которая так и не предоставила венгерской Трансильвании статуса автономии, а также Болгарию, которая отстояла свою целостность, хотя турецкое население Добруджи домогалось любой формы автономии.

История знает примеры искусственного дробления государственных образований. Как специалист по истории Латинской Америки хотел бы привести пример: в первой половине XIX века феодалы-сепаратисты изуродовали наследие великого Боливара, освободителя от испанского колониального ига. На месте Великой Колумбии они создали три государства: Эквадор, Колумбию и Венесуэлу. Центральную Америку постигла подобная участь: она была расчленена на пять хилых государств — Гватемалу, Сальвадор, Гондурас, Никарагуа и Коста-Рику. Если бы не «железный канцлер» Бисмарк, то вполне вероятно, что на территории нынешней Германии сформировались и закрепились бы независимые Пруссия, Бавария, Рейн-Вестфалия, Саксония и другие государства.

Горячо обсуждая в управлении разведки наши национальные беды, мы неизбежно приходили к выводу, что, наверное, при создании СССР был допущен серьезный просчет. Ленинский вариант федерации с предоставлением каждому участнику права на свободный выход оказался ошибочным, противоречащим государственным интересам Советского Союза.

Много душевных сил тратили мы на обсуждение наших внутренних болячек. Как нормальные граждане, мы страдали от недугов нашего строя и государства. А как разведчики чувствовали постепенное формирование вокруг имени и образа Советского Союза негативного психологического поля, создававшего крайне неблагоприятную обстановку для работы разведки за рубежом. Наши политические противники, не жалея средств на пропаганду, из года в год усиливали кампанию по

дискредитации Советского Союза. Надо признать, что наша действительность давала им огромное количество материала для такой работы. Однажды к нам попало высказывание бывшего президента США Р. Никсона о том, что гораздо выгоднее вложить доллар в пропаганду, чем 10 долл, в создание новых видов вооружения. Он мотивировал свое предложение тем, что оружие никогда не будет применено, а пропаганда работает ежечасно, ежедневно. Сейчас уже не помню, было ли это высказывание публичным или пришло от «источников» из его окружения. В любом случае он был прав. Американская пропаганда наносила нам серьезнейший урон.

Вокруг советских посольств постепенно сложилась обстановка отчуждения, в каждом русском подозревали шпиона, мы стали терять контакты с широкими слоями общественности. Как для дипломатии, так и для разведки всегда будет трагедией, если они станут представлять гниющее государство, дряхлеющее общество, отсталую экономическую и социальную систему. А к концу администрации Л. Брежнева за нами такие атрибуты закрепились прочно. Какими бы блестящими ни были наши дипломаты, какими бы умелыми и смелыми ни были разведчики, их усилия будут приносить все более скромные результаты, ибо среда, в которой они работают, все сильнее заряжается отрицательными эмоциями и негативными оценками в отношении нашей страны. Советская разведка помнила времена бурных успехов в первые годы после победы в гражданской войне, когда авторитет СССР был исключительно высок и широкие слои западной общественности видели в нас представителей неожиданно открывшейся заманчивой общественной альтернативы. В те годы контакты устанавливались сами собой, вербовки делались быстро и на прочной основе, агентура была надежной и высокоэффективной в работе.

Эхо массовых репрессий 30-х годов, помутнение светлого до тех пор образа бастиона социализма, ошибки во внешней политике привели к ухудшению общего климата для работы дипломатии и разведки. Но это оказалось недолгим. Начавшаяся вторая мировая война и героическая борьба советского народа против фашизма быстро выправили положение. Наш престиж поднялся необыкновенно высоко. Разумные люди реально оценивали вклад каждого государства в победу антигитлеровской коалиции, они справедливо видели в СССР главного спасителя человечества от гитлеровской чумы. Наступил своего рода звездный час разведки. После войны, когда Черчилль в Фултоне объявил о начале «холодной войны» против СССР, симпатии к нам если и уменьшились количественно, то качественно окрепли.

Симпатизирующие нам люди искренне хотели помочь уберечь нашу независимость, гарантировать безопасность. Несколько десятилетий противнику не удавалось изолировать советские представительства и разведку за рубежом, но с началом 60-х годов процесс этот стал набирать силу. В основе его лежал надвигавшийся экономический и социальный коллапс, сопровождавшийся морально-нравственным кризисом.

Вот записи из дневника от 4 декабря 1981 г.: «Где бы ни собиралась группа людей, у них нынче на первом месте раздраженные разговоры о тяжелом экономическом положении Отечества. Это, безусловно, «тема № 1». Люди потеряли уверенность в завтрашнем дне. Сейчас люди в панике, потому что ходят слухи о резком повышении цен с января 1982 года. Вчера в перерыве между таймами хоккейного матча популярных команд ЦСКА и «Спартак», когда у экранов телевизоров сидит большинство мужского населения, выступал заместитель Госкомцен, заверявший, что повышения розничных цен не будет, что речь идет лишь об усовершенствовании оптовых цен для расчетов между предприятиями. Это полупризнание никого успокоить не может. Положение становится все более и более трудным. Западники видят это ясно и, кажется, берут за горло. Наше руководство занято тем, как бы скрыть реальные размеры грозящей катастрофы, а главное, «достойно» встретить 75-летие самого бесцветного руководителя в истории русского государства.

Нам стали отказывать в кредитах, подозревают, что мы неплатежеспособны… Депозиты в твердой валюте, принадлежащие СССР в иностранных банках, сократились в этом году с 8,6 до 3,6 млрд. долл. Это значит, что мы проедаем последние деньги, своего рода залог под порядочность и честность. Экспортировать решительно нечего. Золото резко упало в цене, продавать его сейчас — значит разоряться. Стабильный источник валютных доходов — только нефть. Нам предстоят крупные закупки продовольствия на Западе, там еще об этом не знают. Наличных денег нет, значит, понадобятся крупные коммерческие кредиты. Но сейчас в кредит дают под 18–20 %! Чистый разбой. О какой идеологической борьбе может идти сейчас речь? О каком наступлении на мировоззренческом фронте?»

И в эти же дни по партийным организациям читали закрытое письмо ЦК КПСС о необходимости положить конец коррупции, стяжательству, прекратить всяческие «проявления благодарности», от которых страдает «коммунистическое воспитание трудящихся». Письмо читали торопливо, обсуждали

наспех. Я пробовал просить в парткоме письмо на пару часов, чтобы по привычке аналитика прочитать его повдумчивее, но получил отказ. Тема, которая заслуживала стать предметом широкой внутрипартийной дискуссии, могла бы привести к оживлению партийной жизни и к очищению ее рядов, была скомкана. Парткомы всех калибров задались целью поскорее отрапортовать Старой площади (поистине старой во всех отношениях!), что все, мол, обсуждено и принято к неуклонному исполнению.

В средствах массовой информации, вызывая раздражение и досаду, насаждался новый «культ личности». В народе даже ходил очередной каламбур: «При Ленине была личность, но не было культа, при Сталине были и личность, и культ, а теперь нет личности, но есть культ».

Специально был придуман знак для ветеранов КПСС, пробывших в рядах партии 50 и более лет. Идея родилась в кабинетах ЦК партии только потому, что было решено вручить такой значок № 1 дряхлому юбиляру. Срочно к дню рождения были изданы «Воспоминания» (биографические заметки) Леонида Ильича Брежнева. В декабре 1981 года, когда исполнилось 40 лет битвы под Москвой, телевидение начало в самое удобное время, с 20 часов, передавать многосерийную «жвачку» под названием «Малая Земля» — этакий винегрет из художественного чтения, фото- и киноматериалов. Для ветеранов войны было оскорбительным даже одно сравнение битвы под Москвой с отвлекающим тактическим стоянием на пятачке под Новороссийском. Своим назойливым навязыванием военных подвигов под Новороссийском Брежнев принижал тех честных воинов, которые и там на равных со всеми проливали кровь. Про них стали говорить: «Это они, которые стояли насмерть за русскую землю на Малой Земле, пока другие отсиживались в окопах Сталинграда».

Но все рекорды побил Бабрак Кармаль, который обратился к советскому руководству за разрешением наградить Брежнева новым, специально для этой даты учрежденным орденом «Солнце Свободы», а в случае согласия на это изготовить в Москве на Монетном дворе сам орден из золота, бриллиантов и пр., а также соответствующие коробочки, папки и пр. для вручения «отцу родному». Из моих записей следует, что план был принят и изготовление ордена началось, однако дальнейшей судьбы этой затеи я не знаю.

Как же вел себя наш измученный народ в это долгое беспросветное безвременье? Лишенный всяких форм организации, обессиленный многочисленными кровопусканиями,

задавленный страхом перед властью, часто безотчетным и ни на чем не основанным, сбитый с толку вечно лгущими прессой, радио и телевидением, он впадал в тяжелую летаргию, глушил водкой свою тоску от. беспросветности положения. В 1913 году в Российской империи, считавшейся пьяным государством, душевое потребление горячительных напитков в пересчете на чистый спирт составляло 2,3 л в год, а в начале 80-х годов, после проведения, казалось бы, самой серьезной культурной революции, мы выпивали на душу населения уже по 8,6 л спирта, то есть почти в 4 раза больше. Эти данные я беру из тогдашних официальных правительственных документов, не предназначавшихся, естественно, для публикации. При тогдашней вилке зарплаты от 160 до 1200 рублей в месяц каждый человек (каждый!) потреблял в год спиртного на 196 рублей. Крошечная семья из трех человек, получается, расходовала на водку около 600 рублей, то есть столько же, сколько стоило в то время пианино.

Мусульмане, живущие на территории России, забывали свои запреты и тоже тянулись к бутылке, женщины в соответствии с дурно понимаемым принципом равноправия перестали уступать мужчинам в употреблении спиртного. В Москве без шумихи открылись первые специализированные женские вытрезвители.

В начале декабря 1982 года в самом засекреченном варианте тассовских информационных материалов был опубликован доклад ЦРУ о потреблении алкогольных напитков в СССР. Из него вытекало, что в СССР эта отрава съедает 17 % всего семейного бюджета, в то время как в капстранах эти расходы составляют от 1 до 6 %. Никакая цифровая статистика не учитывает производство самогона, самого разрушительного для здоровья зелья.

Уровень потребления алкоголя определяет и качество рабочей силы, и качество выпускаемой продукции. Рост потребления спиртных напитков — верный признак заболевания общества. Несколько позже в изложении французского агентства Франс Пресс мне довелось прочитать секретную записку, составленную в Академии наук СССР и посланную в ЦК КПСС (наши секреты частенько стали попадать на Запад). Там говорилось, что в СССР происходит сплошная алкоголизация населения, что 40 млн. человек, или 1/6 всей популяции, систематически пьянствует. Ежегодно умирает от последствий постоянного потребления водки 1 млн. человек.

По данным документа, 16,5 % всех детей рождаются дебилами, то есть опять-таки 1/6 часть. Государство выручает в год за счет продажи винно-водочных изделий 45 млрд, руб., а

теряет 180 млрд. руб. от прогулов, болезней, травм, производственного брака. Нам едва ли хватало прибыли от водки на строительство новых вытрезвителей, психбольниц, школ для умственно отсталых детей. Излишне говорить, что 85 % всех убийств, изнасилований, грабежей происходят после обильных возлияний.

Только усиленно спаиваемый властями народ мог столько времени и так безразлично относиться к своей судьбе. Ни в лице церкви, ни в лице интеллигенции народ не нашел духовных пастырей, которые помогли бы ему встать на ноги.

В те годы Министерство внутренних дел впервые зафиксировало в Советском Союзе массовое появление бродяжничества. В 1983 году были выявлены 390 тыс. взрослых, «не занятых общественно-полезным трудом». Официальная мораль социализма гласила: «Кто не работает, тот не ест». Поэтому выявленные бездельники, захребетники, приживалы, «коты» и пр. подлежали принудительному «трудоисправле-нию». В том же 1983 году были осуждены таким образом 73 тыс. человек, остальным задержанным удалось отвертеться, сославшись на то, что они живут временно на средства родителей, на доходы от приусадебных участков, на сбережения и пр.

На самом деле бродяжничество было также формой протеста против опротивевшей жизни. Людей перестало привлекать общественное производство, они были готовы идти под суд и в тюрьму, но не желали трудиться. Такое явление сродни дезертирству в армии. Вместе с верой в возможность нормально жить люди теряли страх перед властями, перед общественным порицанием. Это был стихийный бунт одиночек против социальных пороков. Но бунты одиночек становились массовыми в совокупности.

Последний луч надежды

Казалось, что уже исчерпаны все запасы надежды. И вдруг как электрическим током ударила по всем мускулам и сухожилиям народа весть о кончине Л. И. Брежнева.

Один из моих друзей, офицер управления охраны, рассказал мне, что поутру 10 ноября 1982 г. Брежнев проснулся, как обычно, в 8 часов. Долго лежал в постели, кряхтел, сопел, скрипел суставами. Старый организм разгорался плохо, как изношенный примус. К этому привыкли в доме, стали готовить завтрак, заводить машину, и вдруг домашние обратили внимание, что из спальни не слышны обычные старческие шарканья и хрипловатое покашливание. Жена открыла дверь и увидела остановившиеся глаза покойника. «Леня!» — раздался кинжальный крик, и Виктория Петровна забилась в приступе понятного человеческого горя. Маги и чародеи из 4-го управления Минздрава вроде бы пытались запустить остановившееся сердце, но в 8.30 пришлось констатировать смерть.

Окончилась эпоха, длившаяся 18 лет и один месяц. Официально она была окрещена как «эпоха застоя», но эта характеристика не отражает ее существа.

Это было время разложения всей социально-экономической системы. Сам факт распада был уже осознан верхушкой правящей элиты. Любопытно, что ни один из представителей партийно-государственного руководства не использовал своего влияния для того, чтобы направить своих отпрысков по пути партийно-государственной карьеры. Она им уже представлялась опасной и бесперспективной. Модным и почти поголовным увлечением стало направлять своих детей за рубеж в дипломатические представительства. Сын Брежнева Юрий был торгпредом в Швеции, сын Громыко — советником-посланником в Англии, сын Андропова работал в МИД, а потом был послом в Греции и т. д. Такая же картина наблюдалась и во втором, и третьем эшелонах партгосаппарата. У заместителя заведующего отделом ЦК О. Б. Рахманина, уже упоминавшегося в качестве лидера «ястребов» по китайскому вопросу, сын работал в советском посольстве в Вашингтоне (хотя по образованию и опыту работы был востоковедом-китаистом). Поскольку условия оплаты труда в Вашингтоне лучше, чем в Пекине, то Рахманин стал хлопотать и добился того, чтобы в Вашингтон уехал работать вторым секретарем и его зять Андрей Ефимов, который также был «восточником». Одним словом, наблюдалось повальное бегство с Родины, от ее забот, от ее проблем.

Того, что знала жреческая партийная верхушка, не должен был знать народ. И для него штатные «теоретики» придумывали цветастые декорации вроде «общенародного государства», «общества развитого социализма», «новой исторической общности — советского народа» и пр.

Внешне погребальные процедуры выглядели пышными. О Брежневе говорили в прощальных речах так, будто и впрямь закатилось марксистско-ленинское солнышко, осиротело в очередной раз наше горемычное Отечество. Реакция же народа, общественности, простых людей была откровенно иная. Никаких слез не было и в помине. Друзья на телевидении говорили, что им не удавалось поймать в кадр хлюпающее, страдающее лицо. Лишь один раз при показе траурного митинга из Днепропетровска мы увидели женщину, подносившую платок к глазам. Остальные, как говорит поэт, «глаза слюнили».

В какой мере виновен был человек, лежавший в ворохе венков в Колонном зале, в той опасной заразе, которая прихватила наше общество, и главным образом его администрацию? Ведь все, кто знал его лично, помнили как доброго человека, хорошего парня. Он был до нежности чуток со своими охранниками и прислугой, до слез умилялся, слушая детские песни; в молодости слыл жуиром и бонвиваном. Беда была в том, что он, как никто другой из руководителей СССР, стал игрушкой в руках партийной верхушки, их марионеткой.

Приведенный к власти в 58 лет всемогущим «серым кардиналом» Михаилом Сусловым, он на весь срок остался таким же добряком, связанным к тому же массой обязательств со своими старшими и более хваткими коллегами. Первые провозглашенные им принципы политики внутри страны звучали как «бережное отношение к кадрам» и «создание спокойной обстановки». Под зонтиком этих «принципов» и расцвели зловещие букеты коррупции, деидеологизации, кумовства, подхалимажа. У Брежнева не было ни государственного ума, ни державной воли, он перепоручил практически все управление «боярам». И они дорожили такой вольницей, берегли Брежнева, осыпали его всеми знаками почитания, нередко в нарушение законов и правил. Ему дали два ордена Октябрьской революции, в то время как в статуте ордена написано, что им дважды не награждают. Ему специально изготовили орден Победы, которым награждались только командующие фронтами и более высокие командиры в годы Великой Отечественной войны. Можно и нужно было своевременно уйти в отставку, перестать играть роль ширмы для политических проходимцев и ворья. Но на это не хватило простой человеческой совести. Умел лишь блюсти личные прерогативы,

тешить самолюбие.

Смерть Брежнева по-настоящему повергла в смятение только политических клевретов, паразитировавших в его тени. К. У. Черненко поспешил на первом после смерти Брежнева пленуме ЦК от имени политбюро предложить избрать на пост генерального секретаря Ю. В. Андропова. Конечно, теперь были сочтены дни 43-летнего генерал-полковника Чурбанова, первого заместителя министра внутренних дел, зятя Брежнева. Еле держался на ногах его сын Юрий Леонидович, успевший оседлать кресло первого заместителя министра внешней торговли. Все патриархи из политбюро, вроде Пельше, которому было за 80, 77-летнего Тихонова, больного Кириленко и др., понимали, что их срок тоже вышел.

Приход к власти Андропова был воспринят всей страной с облегчением. Угасшие было надежды реанимировались, то обстоятельство, что свою известность Андропов приобрел в КГБ, не стало непреодолимым препятствием. Многие даже записывали ему в плюс доскональное знание проблем страны и возможность с помощью аппарата КГБ победить коррупцию. Наконец-то жуликам, очковтирателям, проходимцам будет поставлен заслон! Как бы отвечая на ожидания народа, в течение всех дней, пока длился официальный траур, по телевидению непрерывно передавали фильмы о героях пятилеток, революции, гражданской войны: «Коммунист», «Мать», «Ленин в 1918 году», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта», «Фронтовики» и др. Нам, разведчикам, тоже хотелось, чтобы экранная героика стала той реальной духовной средой, в которой приходится жить.

Прошел месяц с небольшим после похорон Брежнева. И пошли кадровые изменения, явно ориентированные на хозяйственную проблематику. Был создан экономический отдел ЦК и во главе его поставлен 53-летний Н. И. Рыжков. Ему дали ранг секретаря ЦК, чтобы повысить авторитет среди партийной иерархии. Теперь руководил промышленностью в качестве партийного куратора тоже молодой секретарь ЦК Долгих, а сельским хозяйством занимался 50-лет-ний Горбачев. «Ну, три витязя, напрягитесь!» — мысленно умоляли мы эту троицу, от успеха работы которой зависело очень многое.

Непосредственно для разведки и Комитета госбезопасности наступили светлые дни. Дело в том, что за полгода до смерти Брежнева, когда Андропов ушел на работу в ЦК, на место председателя КГБ был назначен В. В. Федорчук, прежде занимавший пост председателя КГБ Украины. Эти месяцы стали настоящим испытанием разведки на выживаемость. Федорчук был воплощением солдафонского духа. Ничего не смысля в

международных делах и не желая разбираться в них (ни разу не собрал специалистов и не попросил доклада ни по одному вопросу), он буквально терроризировал Первое главное управление. Его любимым был вопрос о сроках прохождения шифртелеграмм разведки с момента дешифровки до доклада председателю КГБ. Если он узнавал, что телеграмма была «в работе» более 8-10 часов, то устраивал разнос по всем правилам чиновничьего мордоворота. Мы получали вот такие указания: «Т. Крючкову В. А., т. Андрееву Н. Н. (нач. управления шифрсвязи). Тов. Федорчук В. В. просил отобрать письменные объяснения от всех причастных к задержке прохождения на доклад ш/т №…» или «Прошу провести расследование и доложить о причинах несвоевременного доклада ш/т №… Федорчук. 29.6.82».

Я писал обстоятельные объяснения, что, мол, телеграммы были полны сомнительных, непроверенных фактов, что они пришли в полночь, когда на работе не было экспертов, детально знающих проблему, что вообще в них не содержалось фактов, требующих принятия срочных мер, а излагалась текущая оценочная информация. Но это еще больше ярило председателя КГБ. Он слал новую резолюцию: «Т. Крючкову В. А. Объяснение явно неудовлетворительное и неубедительное… Прошу исполнить мое указание по существу. Федорчук. 30.6.82». Сама категория экспертов вызывала нарекания. От меня требовалось доложить, «кто такие эксперты, почему в них имеется необходимость, может быть, их совместить с круглосуточной дежурной службой и пр.».

Подобная переписка выматывала душу, и я обратился к начальнику разведки Крючкову с просьбой освободить меня от руководства информационно-аналитическим управлением. Владимир Александрович, читавший деловые бумаги, не поднимая головы, хитро сверкнул на меня глазами из-под очков и сказал: «Ладно, Леонов, потерпи, все уладится!» Мне показалось, что он заранее знал о недолгой карьере новоявленного председателя КГБ СССР.

18 декабря 1982 г. Федорчук был переведен на работу в Министерство внутренних дел СССР. Для нас это был настоящий праздник! В народе шутили: «Слышали, в КГБ случилось ЧП?» — «Да ну, что такое?» — «Федорчука забрали в милицию!» Новым председателем стал В. М. Чебриков, которого мы прежде всего знали как спокойного, уравновешенного, здравомыслящего человека.

Афганистан

Летом 1983 года мне представилась возможность поехать в Афганистан, где уже четвертый год шла война. Я должен был сопровождать начальника разведки Крючкова, который довольно часто бывал там и лучше других знал обстановку в стране. Для подавляющего большинства командировка в Афганистан рассматривалась как наказание, даже само название страны в разговорах искажалось: ее часто называли «Гав-нистан». Меня же перспектива поездки порадовала. Появился шанс на месте ознакомиться с самым крупным и сложным в то время международным конфликтом. Возможности для получения информации ожидались прекрасные: предстояли встречи с нашим военным командованием, с членами и руководителями афганского правительства, послом СССР, старшим партийным советником, председателем КГБ. Предусматривалась поездка в «горячие точки» на периферии. Куда уж лучше! Можно просидеть в стране год-полтора, не вылезая из одного гарнизона, и будешь видеть всю войну сквозь амбразуру отведенного дота или дзота. А тут оказия познакомиться с главными действующими лицами, по крайней мере с одной стороны баррикады, выслушать их точки зрения, поглядеть своими глазами на поле боя. Кроме того, при представительстве КГБ в Кабуле работала небольшая группа сотрудников информационно-аналитического управления, в задачу которых входили обработка и отправка в Москву основного массива информации. Я рассчитывал на помощь и своих коллег, которых в дилетантизме упрекнуть не мог.

Мне не довелось сколь-нибудь систематизированно изучать Восток и его проблемы, не выпадали мне и долговременные командировки в эти края, и я чувствовал какую-то ущербность оттого, что постоянно приходилось полагаться на своих помощников. И вот такая оказия!

Вылетели мы 20 июня 1983 г. из Внуково на спецсамолете ТУ-134, принадлежавшем Комитету госбезопасности. В салоне рядом с Крючковым я увидел посла СССР в Кабуле Та-беева и руководителя всего сонма партийных советников в Афганистане В. Г. Ломоносова, которые возвращались с пленума ЦК, рекомендовавшего Ю. В. Андропова на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Сверху Афганистан мрачен и неприветлив. Голые бурые горы, кое-где со снежными шапками. Лишь на дне узеньких долин, вырезанных горными ручьями, гнездятся затерянные кишлаки. Глинобитные домики цепляются за крутые склоны, а каждый метр

земли заботливо ухожен и малахитом зеленеет со дна горных расщелин. Пассажиры чуть напряжены, ведь у моджахедов уже имеются ракеты «земл — воздух» и крупнокалиберные пулеметы. Но пилоты держатся выше зоны их досягаемости.

В салоне идет неспешный разговор об обстановке — разговор начистоту, без причесывания информации, что делается иногда при отправке ее начальству. Ломоносов рассказывает о военной трагедии, разыгравшейся всего месяц назад, в 20-х числах мая, в провинции Пактия, куда в походном порядке двинулась 38-я бригада афганской армии с целью взять под контроль восемь уездных центров провинции и оставить там так называемые «орг-ядра», то есть назначенных руководителей местной власти, партийных боссов и командиров «царандоя» — прообраза полиции, вооруженной для ведения боевых действий.

Бригада имела при штабе советского полковника, который двигался в ее походных порядках. Несмотря на то что место пользовалось дурной славой и дважды на этой дороге уже отмечались нападения душманов на колонны армейских машин, командование бригады и советник не приняли самых элементарных мер предосторожности. Без боевого охранения, без предварительной разведки, без прикрытия с воздуха узкая колонна втянулась в длинное горное ущелье уже на исходе дня и внезапно была атакована противником, засевшим на склонах гор. Повторилась трагедия, известная по литературе со времен Неистового Роланда, который со своим христианским воинством был полностью уничтожен маврами в Ронсевальском ущелье. Прошли века и века, а люди все повторяют одни и те же примитивные ошибки. Бригада оказалась не в позиции бойца, а в безнадежном положении расстреливаемого. У солдат было только два выхода: либо умереть на дороге, либо бежать куда глаза глядят. Командование бригады вместе с незадачливым полковником-советником погибло, бригада прекратила существование. Только часть головы колонны, которая успела к началу атаки уже выйти из горного дефиле, добралась до места назначения. Она и принесла горькую весть о разгроме бригады.

Я жадно впитывал каждое слово, оно ведь было сказано человеком, который лично получил информацию от очевидцев этой катастрофы. Я не помнил, чтобы об этом был проинформирован центр, такие вещи от него тщательно скрывались. В этом мне приходилось убеждаться на каждом шагу моего недолгого пребывания на афганской земле. Вспомнились старые присказки Никиты Хрущева на охоте в Завидове в мае 1963 года, когда он, зло подтрунивая над маршалами, говаривал: «Вдохновеннее, чем рыбаки и охотники, врут только военные».

Конечно, нельзя относить это ко всем, кто носит военный мундир. Абсолютное большинство офицеров честно и мужественно во всех обстоятельствах несет свой нелегкий крест. Свой интернациональный долг они выполняли самоотверженно и готовы были отдать жизнь (а многие ее и отдали), но не изменить присяге. Скрывали, врали, искажали правду те, кто строил на войне свою карьеру, кто политиканствовал, а иной раз и просто наживался.

Припомнилась история в ГДР, где однажды речной пассажирский пароходик напоролся на чистом по карте фарватере на какое-то препятствие, пробил свое днище и затонул. Погибли люди. При обследовании места происшествия выяснилось, что на дне реки стоял танк, затонувший при попытке форсировать речную преграду во время учений. Танк был советский, но все усилия установить принадлежность танка к конкретной части оказались безуспешными. Командиры дружно рапортовали, что у них в полном составе вся боевая техника.

Сколько лет шведы громко кричали о нарушениях их территориальных вод советскими подводными лодками! В отдельных случаях дело доходило даже до сбрасывания глубинных бомб на неопознанные подводные корабли. А мы со слов военных отвергали по дипломатическим каналам всякое подозрение в наш адрес, и пресса получала задание позубоскалить над страхами и подозрительностью северных соседей. Пока… не произошло неизбежное: одна из наших субмарин забралась глубоко в прибрежные шхеры и села на мель у самых берегов Швеции. Расследование высветило главные причины — головотяпство и непрофессионализм, скрываемые ложью.

Нам были известны случаи, когда наши военные «упускали» крылатые ракеты, улетавшие даже за рубежи родной страны, но и в этом случае главные заботы направлялись на то, чтобы скрыть происшедшее.

Я люблю нашу армию, горжусь славной военной историей России, верю, что армия очистится от всех, кто позорит военный мундир, и станет одним из катализаторов и гарантов возрождения России. Моя критика относится только к тем, для кого навсегда утеряны понятия чести, порядочности, считавшиеся в русской армии обязательными для офицеров и генералов.

В Афганистане сокрытие правды высшими чинами армейского руководства было распространенным явлением. Мы и в центре, десятки раз обсуждая афганскую войну, не могли понять, каким же образом совместить доклады военных о потерях «бандитов» с реальной численностью формирований моджахедов.

По отчетам военных, десятки тысяч участников этих формирований ежегодно погибали в военных операциях, а численность противостоявших нам группировок и отрядов практически не уменьшалась и оставалась, по данным разведки, примерно на одном и том же уровне — 120–150 тыс. человек по всей стране. Оказалось, что использовалась своеобразная система подсчета потерь противника, основанная на расходе собственных боеприпасов. Скажем, сброшено столько-то тонн бомб, выпущено столько-то снарядов, мин, израсходовано энное количество стрелковых боеприпасов — значит, должно быть убито и ранено такое-то количество «супостатов». Просто и «эффективно». Жаль только, что совсем порочно.

По словам наших офицеров-аналитиков, работавших в Кабуле, вся исходная информация о военном положении была порочной изначально. В их распоряжении были доклады военной контрразведки (подчинявшейся КГБ), армейского командования и командования армии Афганистана. Разница в цифрах была в 10–12 раз. «Липа» цвела и благоухала.

Свои потери, чтобы не портить репутацию, раскладывали на месяцы и кварталы, создавая впечатление интенсивности боевых действий и связанной с этим регулярности потерь. Мне рассказывали, что были случаи отправки крупных колонн автомашин с гражданскими и военными грузами без должного военного сопровождения и мер прикрытия. Колонны становились легкой добычей моджахедов, гибли почти целиком. Потери составляли сотни машин, но эти цифры аккуратно раскладывались на длительный период.

Нам давно было известно, что в Москве так и не был решен вопрос, кто же будет главным представителем советского руководства в самом Афганистане, кто будет своего рода военно-политическим руководителем всей кампании. Вопрос не был решен потому, что и в самой Москве никто не знал, кто же несет основную ответственность за афганскую войну. Существовала комиссия ЦК по Афганистану, в которую входили Громыко, Андропов, Устинов и др. Это был типичный по тем временам «коллективный орган безответственности», носивший, по сути дела, консультативный характер, при генеральном секретаре. А практическое каждодневное руководство осуществляли министры по своим линиям, не спрашивая коллег и часто не советуясь с ними. Этим ловко пользовались афганцы, находившие себе покровителей среди ведомственных начальников. Скажем, в течение всех лет войны представители Комитета государственной безопасности ориентировались преимущественно на группировку «Парчам» Народно-демократической партии Афганистана. Эту

группировку возглавлял Бабрак Кармаль, стоявший во главе партии и государства. В то же время представители Министерства обороны неизменно симпатизировали «халькистам», потому что подавляющее большинство военного командования афганской армии принадлежало именно к этой группировке.

Роль посла Советского Союза была достаточно принижена, что, по-видимому, устраивало МИД СССР и А. А. Громыко, не желавшего глубоко погружаться в афганскую пучину. Партийные советники отбывали в Афганистане что-то вроде штрафного срока. Они командировались, как правило, на один год под предлогом выборности своих должностей в СССР. Из этого года они старались пару месяцев пробыть в отпуске дома. Когда потом при поездке по стране пришлось присутствовать на докладах партсоветников при провинциальных комитетах НДПА, то неизменно оставалось удручающее впечатление от пустословия, желания втереть очки и полного отсутствия понимания обстановки и перспектив своих действий.

При такой организационной неразберихе не было ничего удивительного, что не существовало и никакого стратегического плана действий в Афганистане. В течение всех лет не прекращалась дискуссия, что должна делать 40-я армия: охранять коммуникации, крупные города, военные объекты либо активно участвовать в боевых операциях против бандформирований, следует ли держаться крупными соединениями или частями в гарнизонах либо принять участие в организации эффективной оккупации всех сколь-нибудь значительных населенных пунктов страны, чтобы лишить повстанцев реальной опоры среди местного населения.

Мы не могли ответить убедительно и на такой вопрос: почему СССР, неся все возможные политические издержки в, связи с военной интервенцией, ограничился вводом всего стотысячного войска, которого было явно недостаточно для решения военных проблем? Ведь было известно, что американцы во время вьетнамской войны ввели туда армию, насчитывавшую до 500 тыс. человек, а театр боевых действий во Вьетнаме был значительно меньше и компактнее, чем в Афганистане. Неужели наша вечная неуверенность и нерешительность руководили нами и здесь, на поле боя? Так или иначе, но личные наблюдения и многочисленные встречи и беседы приводили неизбежно только к одному выводу: такими силами и такой организацией выиграть войну нельзя, просто невозможно. Вся страна отдана противнику, который бесконтрольно набирает и обучает свои боевые отряды, беспрепятственно ходит в Пакистан, где расположена постоянная база снабжения, переподготовки, отдыха и лечения, возвращается

и по своему усмотрению определяет время и место нанесения удара.

Даже из греческих мифов известно, что Антей был непобедим до тех пор, пока его не оторвали от земли-матери. Но Геракл нашел средство для победы: подняв Антея в воздух и не давая прикоснуться к земле, задушил его. А Израиль и США постоянно декларировали свое право на преследование тех диверсионно-террористических групп, которые после нанесения ударов скрывались на территории других стран. Израиль постоянно вторгался в Ливан, якобы преследуя террористов, громил опорные пункты палестинцев далеко за пределами своих государственных рубежей.

Соединенные Штаты еще в 1915 году дали пример такой политики преследования, когда направили на территорию Мексики корпус под командованием генерала Першинга для поисков и поимки знаменитого партизана Панчо Вильи, который незадолго до того совершил нападение на пограничный город Колумбус. По такой же схеме Соединенные Штаты вторгались в Камбоджу в ходе вьетнамской войны для преследования «вьетконговцев».

Почему же союзники — Советский Союз и Афганистан — пассивно дожидались, когда с пакистанских баз придут еще более многочисленные, лучше вооруженные, обученные военные контингенты и начнут склонять чашу военных весов на свою сторону? Ведь ничего другого ожидать просто не приходилось. Любая оборона в военном деле может быть только начальной стадией стратегической идеи кампании, но не конечным и исчерпывающим ее компонентом. Даже сейчас, когда слышу монотонно повторяющиеся слова об оборонительном характере наших доктрин, я все-таки думаю, что это означает наш отказ от первого удара, отказ от войны как средства решения политических или иных вопросов, но не отказ от наказания возможного агрессора, где бы он ни находился после неизбежной оборонительной фазы войны. Хороши были бы мы, если бы во время Великой Отечественной войны, преследуя гитлеровские армии, остановились на рубежах своих государственных границ, ссылаясь на оборонительную сущность нашей доктрины.

Если уж решились на участие в военных действиях в Афганистане, если испили до дна чашу моральных и политических унижений со стороны мирового сообщества, то надо было саму войну нацеливать на победу, ориентировать на это афганскую армию… Проводим встречи с премьер-министром Афганистана Кештмандом, министром по делам племен Лае-ком, начальником службы безопасности Наджибуллой. Крючков в

течение пяти часов беседует с Б. Кармалем, потом следуют встречи с руководством ЦК НДПА и т. д. Общий осадок остается тяжелым: афганское правительство не видит ясных путей преодоления кризиса, плохо представляет себе реальную ситуацию в стране. Слишком много общих политических оценок. Кештманд, например, всю беседу подчинил двум тезисам: развитие экономики страны невозможно без помощи Советского Союза, а какая-либо осмысленная народнохозяйственная деятельность может начаться только после наведения порядка. Это звучало как полное оправдание своей бездеятельности. Кстати, за два часа, что длилась беседа, на его рабочем столе только один раз зазвонил телефон. Вот как представлял себе Кештманд политическую обстановку в Афганистане (я делал краткую запись его высказываний по ходу беседы, которую и воспроизвожу): «Положение улучшается, мятежники понимают, что свергнуть власть и победить они не могут. Это понимают США, Иран, Пакистан и Китай, но все еще стараются портить нам жизнь.

Партия набирает силу. Сеть парторганизаций создана по всей стране. Орг-ядра созданы во всех уездах. Создаются общественные организации, крепнет Национальный отечественный фронт. Просвещенная часть населения приветствует советские войска и просит оставить их… Народ устал от мятежников и их злодеяний. Население понимает суть событий, хотя на него и давит пропаганда противника. Мы работаем над рекомендациями советского руководства о привлечении на нашу сторону народа…» Такой разговор, конечно, ничего не давал полезного, кроме одного — ясного представления о качестве афганского руководства.

Беседа с Наджибуллой носила более предметный характер. Его 14-тысячная служба безопасности лучше знала, что творится в стране. Он говорит, что главный очаг бандитского движения находится в центре страны (36 % боев), затем по интенсивности следуют Север (29 %), Восток (14 %) и, наконец, Юг (12 %) и Запад (8 %). Центр и Север — это как раз основные места дислокации советских войск и коммуникаций, связывающих Афганистан с СССР. Каждый месяц происходит около 200 боевых столкновений разной интенсивности. Когда Наджибулла начинает рассказывать о своей службе, он не удерживается от описания воображаемых успехов, в которые нельзя поверить. В частности, утверждает, что СГИ (официально служба безопасности называется Служба государственной информации) имеет 1300 агентов в бандах, 1226 — за кордоном, 714 — в подпольных контрреволюционных организациях, 28 — в

государственных органах управления сопредельных стран (в Пакистане)… Тут уж я откладываю ручку и перестаю записывать явную чушь. Если бы СГИ действительно имела такое количество агентуры, то с банддвижением было бы давно покончено. Ценность настоящего агента мы знаем; даже если цифры, названные Наджибуллой, сократить на порядок, то и тогда они выглядели бы неправдоподобными.

Лаек, министр по делам племен и национальностей, честно признает, что «работать с племенами, и в первую очередь с пуштунами, ни мы, ни вы не умеем, хотя судьба революции зависит именно от того, с кем окажутся в конечном счете эти племена. Александр Македонский воевал с ними три года, пытаясь пробиться в Среднюю Азию во время похода в Индию, Чингисхан застрял здесь и вынужден был повернуть обратно на север, англичане так и не смогли прорваться из Индии в Среднюю Азию через зону племен, хотя они лучше всего их изучили и завели там свою агентуру. Русские совсем не знают племен и, как следствие, совершают тяжкие ошибки. Зачем была предпринята бесполезная и опасная затея с организацией призыва молодежи из пуштунских племен в армию? Пуштуны никогда не пойдут служить в регулярную армию, но они могли бы выставить свои собственные вооруженные отряды, если бы правительство нашло понимание у племенных авторитетов. Почти под угрозой применения оружия было призвано всего 36 человек, которые получили автоматы, а через несколько дней бежали.

В племенах есть традиции, которые надо использовать. Всегда центральная власть подкармливала часть племенной верхушки, выплачивая наличными значительные суммы. Пакистан практически содержал во время войны до 40 тыс. человек из числа авторитетов племен на территории Афганистана. По оценкам Лаека, Кабулу следовало бы привлечь на свою сторону не менее 5 тыс. племенных лидеров, выделив для этого средства.

«Для завоевания племен нужны не танки, а товары первой необходимости. Вместо 1 кг пороха надо дать 1 кг пшеницы. Племена не могут жить без традиционных восточных базаров, а в настоящее время все базары оказались по ту сторону границы с Пакистаном. Нужны свои базары. Где будет экономическая выгода, туда и потянется племенной люд».

Заканчивает разговор Лаек на общей политической ноте: кабульское руководство сидит в кабинетах. Не хотят работать с населением, потому что не умеют. Военные меры закрывают двери для политических шагов по нормализации. Племена можно склонить на нашу сторону, но переломить их через колено не

удастся никому. «Шашки в ножны!» — его последние слова.

Сомнений нет, Лаек глубоко прав, он страдает от безрезультативности своей работы, в его словах не чувствовалось фальши.

Встречи в ЦК НДПА с секретарями ЦК Нуром и Зераем оказались потерянным временем. Они настолько слепо копируют незрячую работу нашего партаппарата, что ждать результатов не приходится. С сухим треском сыпались цифры о классовом и национальном составе партии, о численности парторганизаций по провинциям, по министерствам и ведомствам, о партучебе. Потом шло перечисление «трудностей и недостатков». Ни одного живого слова о живой жизни.

Зерай, который отвечал за единство в партии, оценил свою работу так: «Единство стало прочнее, сейчас разногласия возникают только по кадровым вопросам». Какое уж тут единство, если «Хальк» и «Парчам» продолжали вести непримиримую междоусобную борьбу за власть, выдвигая и продвигая каждый своих людей в партийные и государственные структуры. Они были поглощены этой борьбой до самого последнего момента, когда власть вообще ускользнула из их рук.

После других таких же встреч понимаем, что лучше побывать на местах, увидеть своими глазами. Летим самолетом в Мазари-Шериф, центр северной части Афганистана, наиболее развитой в промышленном отношении и сельскохозяйственной житницы страны. Внизу тот же лунный, мрачный, вагнеровский пейзаж. Жизнь лепится вдоль жилок речек, забираясь в горы по распадкам, как по капиллярам. Поля обрабатываются и на высоте, прямо у кромки снегов. Суровая жизнь в полной изоляции от мира может рождать только людей, неспособных ходить под седлом, людей-мустангов.

Садимся в аэропорту Мазари-Шарифа. Пока выходим из самолета, нам рассказывают, что месяц назад этот аэропорт ночью был захвачен душманами. Они тихо сняли спавших часовых, собрали автоматы у отдыхавших царандоевцев (милиционеров), затем их разбудили и очумевших погнали в горы. Были захвачены два БТРа и два танка, охранявших здание аэропорта, причем сопротивление оказал экипаж только одного танка. Техника была направлена в горы. Лишь в пять часов утра, когда на работу пришли гражданские служащие аэропорта, поднялась тревога. Еще через три часа у подножья гор обнаружили брошенную технику.

Слушали этот рассказ, и на языке вертелось колкое замечание, что такие «подвиги» могут свидетельствовать только о сочетании двух элементов: наличия душманов в среде самих

царандоевцев и запредельной небрежности и расхлябанности при несении караульной службы. Но даже в кругах советских работников они воспринимались как доказательство всемогущества душманов.

Встречи и беседы с афганскими руководителями и нашими советниками высветили все ту же типичную картину. Инициатива повсеместно у противника. Он выбирает время и место для ударов. Афганская армия, наши части и «царан-дой» либо сидят в гарнизонах, либо сопровождают транспортные колонны, либо несут охрану предприятий, учреждений, жилых массивов. Орг-ядра сидят в осаде. Исламские комитеты правят как местная власть. Никаких следов партийной работы, кроме протоколов мероприятий, нет. Выступавшие на совещаниях Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и Крючков придерживались единой линии: надо перекладывать основную тяжесть боевых действий на самих афганцев, это их война, и им самим следует учиться бороться за власть. Мы можем оказать поддержку, но не больше. Энергично призывали своих работников не принимать участия в межпартийных склоках.

Вывод только один: надо решительно кончать войну, начинать строить нормальную жизнь, возвращать беженцев, восстанавливать дома. Военного решения нет и не может быть. Нет, кажется, и противников этого вывода. А война длилась еще почти шесть лет. В Москве так и не нашлось мужества посмотреть незашоренными глазами на ситуацию в Афганистане, внести радикальные перемены в свою политику. Профессионалы думали над вариантами решения, которые могли бы учесть все факторы, обусловившие вовлеченность СССР в конфликт. Выдвигался, например, проект разделения Афганистана на два государства. Можно было сконцентрировать все силы нашей и афганской армий только на защите северной части страны. Здесь лучшие, к тому же равнинные земли. Для сельского хозяйства удобнее, для повстанческого движения хуже. В этом районе находятся основные, уже в эксплуатации, месторождения газа — главного природного богатства Афганистана. Население здесь преимущественно таджикское и узбекское, то есть родственное народам Средней Азии. Но эти проекты даже не принимались к серьезному рассмотрению и остались только рабочими вариантами спе-циалистов-афганистов.

Теперь, когда уже не стало секретов, связанных с той, советской, эпохой, мы узнали, что афганская война обошлась нам в 14,5 тыс. жизней, или так называемых «безвозвратных потерь». Численность санитарных потерь (раненые, контуженные, заболевшие) невероятно высока, она составляет почти 470 тыс.

человек. Основное место занимают болезни. Сложные местные климатические и санитарно-эпидемиологические условия способствовали распространению в войсках острых инфекционных заболеваний. Инфекционный гепатит, брюшной тиф и другие заболевания выкосили более 400 тыс. человек из рядов воинов-интернационалистов. Потери техники не менее впечатляющи: самолетов — 118, вертолетов — 333, танков — 147, БМП, БМД, БТР — 1314, автомашин различного назначения — около 13 тыс.

Очень дорогой ценой мы заплатили за то, что полезли в воду, не спросив броду, и за то, что долгие годы потом бродили в поисках выхода как бы с завязанными глазами, не решаясь снять повязку. Жаль, что боевая история советских вооруженных сил, доселе непобедимых, заканчивается на бесславной странице афганской войны. Это не вина армии, ответственность лежит на политиках. Надо лишь найти силы и решимость проанализировать уроки этой военной кампании, чтобы российской армии впредь не пришлось оказаться в ситуации, подобной афганской. Нашему обществу вряд ли имеет смысл мазохистски ковырять рану-язву. Лучше поучиться у американцев, которые поставили мемориал своим 50 тыс. солдат и офицеров, павших в далеком Вьетнаме, чтят память погибших и заботятся об оставшихся в живых. Надо беречь психику каждого человека, а уж тем более не травмировать в политиканских целях психику целого народа.

Поездка в Афганистан сильно встряхнула меня. Я был поражен огромной пропастью между тем, что увидел и услышал на месте, и тем, что читал в официальных телеграммах, отчетах о положении в этой стране. Всякие иллюзии окончательно покинули меня.

Лицом к лицу со спецслужбами США

Несколько дней я приходил в себя на служебной даче, где в то время жил: тогда у меня вообще не было квартиры. Здесь же я с наслаждением вечерами занимался крестьянским трудом, выращивая собственными руками все овощи и ягоды, которых хватало на целый год. «Удивительно могучей, — продолжал я свои записи, — притягательной силой обладает земля. На участке казенной дачи я уже третью весну горбачусь, как нанятый батрак. Даже независимо от моей воли процесс посева, ухода за огородом и сбора урожая захватывает до глубины души. С каким-то наслаждением кормлю землю — распаханную лопатой сотку глинозема — удобрениями, чешу ее спину мотыгой и граблями, радуюсь ее нежным зеленым росткам-деткам. Когда мне душно от чиновничьего смрада и хочется обрести равновесие, я получаю несказанное облегчение от одной возможности погладить землю. От нее исходит сила, доброта и бесконечная щедрость. Человек без земли — сирота без матери, в его воспитании останется не восполнимая ничем пустота, никогда ему не узнать, что такое точка опоры — вечная и непоколебимая».

Служебные дачки, на одной из которых я провел почти десять лет своей жизни, были расположены рядом с рабочими зданиями разведки. За пять минут можно было попасть из постели за стол рабочего кабинета. Между домиками и службой имелась закрытая телефонная связь, так что человек находился как бы на работе все 24 часа в сутки. Стараниями Крючкова комплекс зданий ПГУ был оснащен всеми видами жизнеобеспечения, не хватало, как мы иной раз шутили, только часовенки да служебного кладбища. Сам начальник разведки также безвыездно жил в этом крошечном поселке из двух десятков строений и скудные часы отдыха проводил, как многие, в уходе за посевами. Даже охранники-прапорщики с удивлением говорили: «Зачем же надо добиваться высокого положения, чтобы вернуться к тому, с чего начинают: собирать колорадских жуков с картофельных посадок, разносить подкормку по грядам, рыхлить землю?» Такова жизнь.

Все первородное становится со временем роскошью. Простая крестьянская пища превращается в модные аристократические блюда; прялки, серпы, иконы, цепы становятся любимым украшением интерьеров самых изысканных богемных домов. Нас тянет к «ретро», к старому укладу жизни от неосознанной тоски по утерянному нормальному человеческому ритму бытия.

Как только приходилось возвращаться в рабочий кабинет, проблемы липкими вампирами набрасывались на тебя и

норовили превратить жизнь в тягостный кошмар. 26 сентября 1983 г. я довольно неожиданно для себя получил новое назначение: стал заместителем начальника разведки. Мне было поручено руководить оперативной работой в Западном полушарии. После 11-летнего сидения в кресле начальника информационно-аналитического управления такое назначение выглядит, прямо скажем, нестандартным. Я во многом успел оторваться от технологии чисто оперативной работы, мое время и заботы были постоянно ориентированы на оценочную и аналитическую деятельность. Мне казалось, что я овладел в достаточной мере своей профессией и еще раз круто менять курс жизни в 55 лет рискованно. Но сработал уже упоминавшийся принцип: «Ничего не просить, ни от чего не отказываться». Я знал, что меня ждут очень большие трудности, связанные с работой по Соединенным Штатам Америки, но опять-таки успокаивал себя, приговаривая: «Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?» Мое отношение к США было известно. Глубокое уважение к их техническим и организационным достижениям, к их богатству не мешало мне видеть в них противника не только нашего социального строя, но и великого российского государства.

Примиряло с новым уровнем ответственности твердое знание того, что на американском участке, на направлении «главного противника» работали самые хорошие кадры. Во всяком случае, еще на стадии предварительного отбора слушателей в разведывательный институт, носивший имя покойного Андропова, наиболее толковым предлагали изучать английский язык и США. Потом, когда слушатели уже заканчивали курс подготовки, руководители разведки могли еще раз «перелопатить» весь контингент и снова отобрать для работы по США тех выпускников, которые показали наибольшие успехи за годы учебы. Непосредственно работу по США вел первый отдел Первого главного управления. Одной нумерацией уже подчеркивалось значение этого подразделения. На работу туда зачислялись элитные кадры. Если работник первого отдела по каким-то причинам проштрафился или не состоялся как разведчик, то его без хлопот удавалось устроить на работу в другие оперативные отделы, а вот обратное движение по таким же причинам исключалось напрочь. Для прохождения службы в американском отделе приглашались время от времени наиболее толковые, хорошо зарекомендовавшие себя в других регионах разведчики. В армии такое подразделение непременно носило бы звание гвардейского.

Во главе отдела стоял опытный американист генерал-майор Дмитрий Иванович Якушкин, потомок древнего дворянского

рода, представители которого числились среди активных деятелей декабристского движения. Он много лет работал в США, хорошо знал эту страну, связанных с ней специалистов в СССР. Одним словом, это был профессионал, работать с которым было интересно и приятно.

Первым делом мы — Якушкин и я — решили провести своего рода инвентаризацию всего нашего оперативного хозяйства, навести в нем чистоту и порядок. Надлежало критически посмотреть на наши собственные кадры, оценить уровень отдачи каждого сотрудника. Мы оба были достаточно хорошо осведомлены о попытках противника завербовать наших работников, склонить их к измене Родине, внедрить в сеть наших агентов свои «подставы». К этому времени американцы вели контрразведывательную работу против советских граждан и учреждений широким фронтом, не жалея ни сил, ни средств. Они выявляли уязвимые места в мировоззрении людей, в их личных качествах, трудные семейные ситуации — все, что могло оказаться полезным для вербовки.

Для этой работы они задействовали большие технические возможности. Например, в Нью-Йорке в долгие годы работы в представительстве при ООН Якова Малика мы решили построить свое собственное жилое здание, чтобы советским командированным жить было и удобнее, и дешевле. Малик долго искал подрядчика, пока наконец не нашел некоего Н. И. Резника, калифорнийского еврея, по упрощенной, удешевленной схеме выстроившего дом, на качество которого мне жаловались все жильцы в течение всех последующих лет. Но я заговорил об этом доме потому, что в нем американские «строители» установили громадное количество подслушивающей аппаратуры. Почитай в каждой квартире был установлен «жучок», с помощью которого американцы денно и нощно прослушивали и записывали на пленки все семейные разговоры, какими бы они ни были. Дом охранялся после его заселения нашими дежурными, поэтому ясно, что «жучки» были установлены в ходе строительства и, наверное, не без ведома и участия генерального подрядчика.

Приходилось априори исходить из того, что все квартиры, которые советские сотрудники снимали в городе, тоже были оборудованы подслушивающей аппаратурой. В десятках автомашин в разное время приезжавшие из Москвы специалисты обнаруживали радиодатчики, способные фиксировать местоположение транспорта в любой момент, или миниатюрные радиопередающие устройства, обеспечивавшие противнику возможность слушать разговоры в салоне. Уберечься от этой «начинки» было практически невозможно, потому что все

автомашины хранились в гаражах, доступных для спецслужб США, или ремонтировались в мастерских, подконтрольных тем же ФБР или ЦРУ. Обнаруженную технику мы либо пачками изымали и направляли в центр для изучения, либо оставляли на месте, делая вид, что мы ее не нашли, но разговоры, которые вели в таких автомашинах, были специально разработаны, чтобы противник получил выгодную нам дезинформацию.

Подслушивающую технику, которая изымалась в служебных помещениях наших представительств, неоднократно предъявляли представителям американской и аккредитованной в США иностранной прессы. Скандал выходил звучный, но очень непродолжительный. В демократических Соединенных Штатах никакое средство массовой информации не хочет ссориться со своими спецслужбами и подносит палец к губам по первому же сигналу с их стороны. Так и получается, что демонстрация свободы печати уютно сожительствует с трусливо поджатым хвостом в длинные промежутки между коротким тявканьем. Но уж когда на зуб той же прессы попадали темы, связанные с русскими подслушивающими устройствами, то тут вороний галдеж продолжался бесконечно долгими годами, хотя ничего материального, в виде изъятых приспособлений, американцы предъявить не могли. Так, например, было с новым зданием американского посольства в Москве.

Нет спору, в войне разведок и контрразведок не руководствуются особо деликатными правилами, но справедливости ради надо сказать, что американские спецслужбы были заражены настоящей паранойей подслушивания всего и вся, и тут нам тягаться с ними невозможно просто потому, что у них больше денег.

Подслушивание, вернее, его результаты не являются самоцелью. Они дают серьезный материал для оценки личности, ее жизненных установок, психологических особенностей. Подслушивать имеет смысл только тогда, когда планируется переход к вербовке интересующего спецслужбу человека. Путем подслушивания контрразведка пыталась выявить разведчиков из среды советских сотрудников. Во многих семьях внутренняя дисциплина и элементарная собранность были не на высоте, а во время праздничных застолий бдительность вообще покидала компанию. На каждого советского сотрудника заводилось свое досье, где накапливалась вся собранная на него информация. Когда эти данные подходили к так называемому критическому уровню, то есть давали основание для определенного вывода, что такой человек способен пойти на сотрудничество с американскими спецслужбами, тогда на сцене появлялся

вербовщик со своим предложением об измене Родине. Конечно, такие резкие слова никогда не употреблялись. Говорили обычно комплименты, использовались психологические поглаживания, а потом разговор переходил к просьбе или об оказании несложных услуг, или о взаимовыгодной сделке. Но обязательно просьба формулировалась так, чтобы «у птички коготок увяз». А дальше все было делом техники.

Хотя резидентуры КГБ и отвечали за безопасность советских граждан и совзагранучреждений, но, честно говоря, достаточных сил и возможностей для организации надежной защиты их от проникновения спецслужб на территории США у нас не было. Численность посольств и представительств пухла в прямой пропорции к благосостоянию государства. Причем пухла не за счет разведчиков, а за счет огромного числа сынков и дочек высокопоставленных чиновников партгосаппара-та. Чем престижнее была страна, тем больше в нашем посольстве скапливалось такого высокопоставленного балласта. США и развитые страны Европы были лакомым куском для пираний из советской элиты.

В период идеологического охлаждения общества, когда жизненные установки чиновничества явно сместились в пользу чисто материальных факторов, уязвимость советских людей стала очень высокой. Начали учащаться предательства. В их основе в подавляющем большинстве лежали не мотивы идеологического характера, а самые заземленные причины, которые в просторечье зовутся шкурными. Желание во что бы то ни стало продлить командировку, чтобы получать валютную зарплату, жить красиво, делало из людей трусов и потом даже подонков. Стоило вербовщикам намекнуть на то, что они предадут гласности какие-то компрометирующие материалы, как воля попавшего на крючок чиновника надламывалась. А сколько соблазнов окружало в обществе потребления хилого духом соотечественника! То в компании, «под газом», подставят разбитную молодицу (в Америке во всем свобода!), а потом сочинят невероятную историю, от которой волосы встанут дыбом, вроде того, что-де молодица-то, оказывается, связана с террористами или торговцами наркотиками. Обомлеет российский простачок и готов на все, лишь бы замять дело и продолжать жить, как до этого страшного вроде бы сна. Бывало, что кто-то из забывших стыд соотечественников пытался вынести из магазина неоплаченную вещь. Его легко разоблачали и, помучив изрядно, предлагали забыть конфликт за «маленькую услугу».

Если ты был под хмельком и совершил автомобильную аварию (возможно, не случайную, а подстроенную), тебе могли

предложить опять пойти на мировую все за ту же «крохотную услугу». Во всех случаях они эксплуатировали страх нашего сотрудника перед возможным откомандированием домой.

Всем известным мне случаям предательств всегда сопутствовал фактор угрозы высылки из США и конца профессиональной карьеры. Для подкрепления своих вербовочных аргументов американцы часто использовали деньги.

У меня нет никакого снисхождения к предателям. Во все времена и у всех народов они считались общественными отбросами и подонками. Потеря чести и собственного достоинства — свидетельство распада личности.

К стыду приходится признать, что таких случаев бывало много. Только в разведке я знал более полудюжины предательств.

Так и вырисовалась первая задача: уберечь кадровый состав резидентур в США от проникновения в него агентуры противника путем вербовки кого-нибудь из разведчиков, спасти агентурную сеть и доверительные связи, составлявшие нашу главную ценность.

Посоветовались с Д. И. Якушкиным и решили пригласить на должность заместителя начальника первого отдела кого-либо из опытных работников управления внешней контрразведки, тех самых, кто обобщал и анализировал факты, связанные с вербовочной работой ЦРУ против советских граждан по всему миру. Такой работник нам был нужен, чтобы всесторонне просчитать и сделать менее уязвимыми наши оперативные действия. Выбор пал на Виталия Юрченко, который в ту пору был начальником одного из ведущих отделов в управлении внешней контрразведки. Откуда мы могли знать, что этот человек доставит нам массу неприятностей и уйдет впоследствии в тень, так и не ответив на десятки вопросов? Но это будет потом, а пока мы знали, что Юрченко — в прошлом боевой офицер-подводник, затем сотрудник военной контрразведки, перешедший в Первое главное управление. Все аттестации у него были безупречными. Считалось, что вообще сотрудники управления внешней контрразведки, которым по должности вменялось в обязанность следить за нашей верноподданностью, стояли на порядок выше всех остальных в смысле преданности делу партии и народа. Лишь тихий голос, некоторая вялость движений, молчаливость и размытая мимика лица выдавали натуру скрытную и настороженную. Но ведь таким и положено быть контрразведчикам!

Каким-то шестым чувством, приходящим с опытом, мы решили не вводить его в дела, связанные с Соединенными Штатами, поручили ему курировать кое-что из «хозяйства» по

Канаде и некоторые внутриотдельские вопросы, не связанные с агентурой и доверительными контактами. А для того чтобы окончательно убедиться в компетентности В. Юрченко, решили проконтролировать его на операциях, которые велись в различных местах Европы. Предложили ему поехать в командировку за границу, провести на месте встречу с одним человеком, которого мы подозревали в том, что он является «подставой» ЦРУ, а потом вместе провести анализ всего дела.

Первая же такая операция окончилась в Италии драматически. 1 августа 1985 г. В. Юрченко исчез в Риме, после того как провел запланированные встречи, доложил телеграфом в центр, что все завершилось благополучно и он готовится к вылету домой. Тертые калачи в разведке знают, что люди просто так не исчезают. Два-три дня итальянская полиция искала Юрченко во всех закоулках Рима, после чего доложила, что нет никаких следов возможных действий преступного мира. Советским гражданам, случайно встретившимся ему при последнем выходе из виллы советского посольства, он сказал — одному, что идет по магазинам купить подарки в Москву, а другому бросил, что направляется в Ватиканский музей. В обоих случаях он отказался от автомашины и компании. Это было дурным признаком.

Когда я докладывал Крючкову об обстоятельствах исчезновения Юрченко, мне не пришло в голову искать какие-то оправдательные варианты. Я твердо заявил, что, по-моему, речь идет о предательстве и из этого следует исходить при планировании экстренных мер по локализации провала. Вся ответственность за направление Юрченко в командировку лежала, разумеется, на мне, и я ломал голову, как же могло случиться такое со «сверхпроверенным, супернадежным» работником. Как человека я его еще не успел узнать достаточно глубоко, он проработал в отделе всего несколько месяцев, даже традиционные характеристики для поездки за рубеж составлялись по месту прежней работы, то есть в управлении внешней контрразведки. Формально вроде бы и ответ мне держать пришлось бы в большой компании, но радости это не доставляло. Где же была допущена ошибка? Юрченко не был падок на деньги, не уважал «зеленого змия» из-за болезни желудка, его не мучило честолюбие. За несколько дней до отъезда в фатальную командировку он снял со своего скромного сберегательного счета большую часть денег, чтобы расплатиться за строительные работы на своем садово-огородном участке. Зубной врач, которая лечила нас обоих, сказала, что Юрченко не был храброго десятка и каждый раз дрожал при виде бормашины.

Версии возникали и роились сами собой. Первое

предположение: он был давнишним агентом ЦРУ, завербованным в конце 70-х годов, когда работал офицером безопасности в советском посольстве в Вашингтоне. Основаниями для этого могли послужить следующие два факта. Первый: Юрченко действительно передал в ФБР переброшенную через посольский забор пачку секретных документов, на основании которых был арестован и осужден один из бывших сотрудников спецслужб США, намеревавшийся вроде бы вступить с нами в секретное сотрудничество. Второй: когда В. Юрченко, закончив командировку в 1980 году, возвращался в Москву, то провожать его приехал представитель ФБР с букетом цветов. Мало до смешного! Версия отбрасывалась.

Версия вторая: он «переродился» за время работы в центральном аппарате в Москве и, переходя на работу в американский отдел, искал только случая, чтобы выехать за границу и перекинуться на сторону противника. Пришлось отбросить и эту версию, потому что при смене участков работы он не мог предполагать, что поедет за рубеж. Эта инициатива целиком и полностью шла сверху. Кроме того, не было обнаружено никаких следов какой-либо предварительной подготовки Юрченко к дезертирству.

Оставались варианты, связанные с сугубо личными мотивами вроде здоровья, женщин и т. д. Было хорошо известно, что американцы использовали повышенную мнительность некоторых советских граждан по поводу состояния своего здоровья и тянулись к душе такого человека через обещания оказать квалифицированную медицинскую помощь. Конечно, пришлось и проработать классическую французскую рекомендацию «шерше ля фам». Следы этого фатального фактора в жизни многих мужчин были обнаружены и здесь, но его подлинную роль мы оценить не смогли. По-моему, никому не дано «научно обоснованно» разобраться в сложнейших отношениях, складывающихся между мужчиной и женщиной, и сколь-нибудь объективно судить о них. Мировая литература и искусство дали нам бесчисленное количество примеров непредсказуемости этих отношений. Фрейд только приоткрыл дверь в эту тайную комнату человеческой психики.

Мы ломали головы до самого того дня, когда вдруг получили шифртелеграмму о том, что В. Юрченко звонил в Вашингтоне по телефону в наше посольство и обещал быть через пару часов там собственной персоной. Можно себе представить нетерпение работников центра: впервые в истории предательств человек возвращался с «того света». Как только он переступил порог посольства и начал свои рассказы о применении в отношении

него спецпрепаратов, в Вашингтон было дано указание взять у него кровь и мочу на анализ, провести первичный медосмотр, сохранить имевшиеся у него в кармане таблетки, которыми его пичкали в течение трех месяцев в «застенках» ЦРУ и ФБР. Потом последовали широко освещавшиеся прессой интервью Юрченко представителям иностранной печати в Вашингтоне и по приезде в СССР в Москве. Повторялась одна и та же версия якобы насильственного похищения его на территории Ватикана, тайного вывоза в США, насильственного содержания на одной из секретных вилл, кормления психотропными средствами с целью вытягивания информации, а затем следовали побег от сопровождавшего охранника и честный приезд в Москву.

Американцы были в шоке от решения Юрченко вернуться в СССР. В своих публикациях, а в этом их «щедрость» превзошла наши ожидания, они рассказали обо всех выданных Виталием секретах, смаковали его визиты в Ленгли к самому шефу ЦРУ Уильяму Кейси. Им очень хотелось скомпрометировать в наших глазах Юрченко, подтолкнуть нас на жесткие судебные меры в отношении него, чтобы тем самым ослабить возможную притягательную силу примера Юрченко для других перебежчиков, не очень уютно чувствовавших себя под сенью американского гостеприимства. По установившейся шаблонной привычке американцы резко, на несколько порядков, преувеличивали значение полученной от Юрченко информации. Рональд Кесслер, считающийся информированным летописцем истории разведок, пишет, что «его (В. Юрченко. — *Н. Л.)* информация была бесценной», что он раскрыл в общей сложности 12 агентов, что Первое главное управление сотрясла якобы серия скандальных провалов, разоблачений, побегов и пр. Оставим все это на совести Кесслера. Он даже не обратил внимания на аргументы своих же американских экспертов, утверждавших, что люди, выданные Юрченко, уже не представляли для КГБ никакой оперативной ценности и давно не имели никакого контакта ни с кем. Эти эксперты отстаивали версию о сознательном внедрении Юрченко в ЦРУ, о его преднамеренной подо-сланности. Остается только повторить, что никакими данными о действующей агентурной сети советской разведки на территории США Юрченко не располагал.

Советское руководство поступило правильно, использовав на полную катушку политические преимущества, которые давало возвращение Юрченко из плена ЦРУ. Если американцы нарочито выпячивали полученные ими кое-какие оперативные дивиденды, то руководство в Москве побило их карты очевидными политическими козырями.

Что же касается тайных, то есть подлинных, причин побега и возвращения Виталия Юрченко, то они останутся навсегда в самых дальних темных углах его души. Побудительные мотивы его действий лежали вне политики, глубокие личные травмы толкнули его сначала в США, а потом вытолкнули об-ратно в СССР. Разобраться в них не смогли ни спецслужбы США, ни мы. Правда, мы после его возвращения и не были особенно в этом заинтересованы. Обозреватель газеты «Труд» Владимир Снегирев провел собственное расследование этого дела и результаты его изложил в трех больших статьях 13, 15 и 18 августа 1992 г. Думаю, что он достаточно близко подошел к пониманию этого дела, хотя в «око циклона» заглянуть оказалось не под силу и ему.

Возвращение Юрченко избавило меня от неминуемого наказания по служебной линии, ведь в разведке срабатывало правило «начальник несет личную ответственность за действия своих подчиненных». Я много общался с В. Юрченко, читал все материалы, написанные им или наговоренные на пленку, принимал участие в его дальнейшей судьбе, но, честно скажу, не продвинулся ни на пядь в понимании этой личности. Бог ему судья!

Были у нас и другие оперативные ситуации, при которых советская разведка входила в прямое противоборство с американской контрразведкой. Обычная разведка и контрразведка знают о существовании друг друга, видят своих представителей на некотором расстоянии, но в прямой контакт не вступают. Они внимательно наблюдают друг за другом. Если же образуется зона переплетения интересов той и другой противоборствующих сторон, то разведку ждет беда, ее действия попадают «под колпак». В середине 80-х годов у нас в Вашингтоне создалась такая ситуация, когда один из разведчиков оказался в поле зрения контрразведки, а потом был втянут в ее жернова. Я не называю его имени из чувства сострадания к его родным и близким, потому что впоследствии суд вынес ему приговор о высшей мере наказания.

Сотрудник этот давно вызывал нерасположение к себе тем, что происходил из семьи крупного партийного работника, к тому же и женат на дочери высокопоставленного чиновника партаппарата. Выходец из провинции, он быстро перебрался в Москву, получил разведывательное образование и теперь работал в Вашингтоне. Наше отношение к нему имело четкую основу. Мы не любили, когда «волосатая рука» покровителей начинала вмешиваться в наши внутренние дела. А тут так и произошло. Отдел ежегодно получал определенное количество квартир для улучшения жилищных условий сотрудников. Жилья получали

немного, поэтому старались по цепочке улучшить положение нескольких семей. Скажем, имеющуюся трехкомнатную квартиру предоставляли такому работнику, разросшейся семье которого было тесно в двухкомнатной. Его освободившуюся двухкомнатную передавали тем, кто до этого жил в однокомнатной, а однокомнатную давали совсем «безлошадным». И все были довольны, потому что процедура повторялась довольно часто и у многих сохранялись шансы на решение со временем проблемы жилья.

Как только работник, о котором идет речь, поступил в отдел, так сразу же басовитые звонки начальственных аппаратов стали требовать, чтобы ему вне очереди была предоставлена трехкомнатная квартира. Прямому давлению пришлось уступить, однако отношение к новобранцу стало прохладным. В нашей среде «блатных» не любили, к счастью, их было немного.

Находясь в первой командировке в США, наш «герой» ничем себя не проявил, кое-как «тянул» годы и вдруг… когда его пребывание в США заметно перевалило за экватор, у него появилась заманчивая оперативная «связь». Отношения с этой «связью» развивались быстро, энергично, и вскоре она стала давать секретные материалы научно-технического характера за материальное вознаграждение. Центр внимательно следил за развитием этого оперативного контакта: с самого начала в нем появился какой-то настораживающий привкус. Было непонятно, как в целом вялому и малоактивному работнику удалось проявить цепкость и на исходе командировки приобрести перспективную «связь». Почему эта «связь» была из мира науки и техники, в то время как наш сотрудник работал под прикрытием дипломата и естественной средой его обитания были общественно-политические структуры? Чем объяснить столь быстрый и практически безболезненный переход к фазе секретного сотрудничества, чреватый немалыми опасностями для нашего помощника? Почему эта «связь» была достаточно холодна и даже безразлична к размеру вознаграждения, соглашаясь на все наши варианты? Вопросов возникало много, ставить их — наша повседневная работа. Наша же обязанность — и отвечать на эти вопросы. Это и называется «оперативной кухней».

Работник успел побывать в отпуске, мы вместе с Д. Якушкиным тщательно обсудили с ним все вопросы. Однако во время самой беседы возникли новые. Сотрудник не сумел развеять наши опасения. Мы дали ему указание все новые встречи записывать на портативный магнитофон, который легко маскировался в одежде. Пленки с записями мы получали по почте и расшифровывали в Москве. Вскоре мы пришли к заключению,

что «связь» нашего работника является в лучшем случае «подставой», а в худшем… Было решено командировку прекратить, сотрудника вернуть домой. На нас совершенно не подействовали заклинания, записанные на пленку во время последнего разговора «связи», что она, дескать, не желает и не будет работать больше ни с кем, кроме нашего «героя». Даже магнитофонную брань в адрес «тупоголового центра» мы выслушали с улыбкой. Наши подозрения переросли в убежденность. Но как сделать, чтобы не толкнуть противника на провокацию в последний момент? Мы разработали легенду, в соответствии с которой наш сотрудник отзывался для назначения на более крупный и важный пост, который будет позволять ему периодически, два-три раза в год, бывать в Соединенных Штатах и встречаться со своим агентом. О том, что это только легенда, знали мы вдвоем с Якушкиным. Противник и работник поверили в нее.

По приезде в Москву сотрудник был отчислен из отдела и направлен в подразделение, где он не имел доступа к важной оперативной информации. Прошло всего несколько месяцев, и пришлось арестовать этого человека в связи с поступившими по другим каналам разведки неопровержимыми документальными данными о его сотрудничестве с американскими спецслужбами.

Уже во время следствия он рассказал, что из корыстных побуждений поддался на уговоры владельца магазина радиотехнической аппаратуры и оплатил приобретенные товары водкой, которую беспошлинно покупал как дипломат. Так «увяз коготок». Вместо того чтобы послать куда подальше появившегося доброхота из спецслужб, сотрудник испугался за свою карьеру. Вся дальнейшая история с появившейся оперативной «связью», с передачей документов о секретных разработках научно-технического характера и т. д. была уже «игрой» спецслужб, к счастью, разгаданной и правильно прочитанной у нас в центре.

Я не пошел на суд, стыдно и горько наблюдать такую картину. В своем последнем слове он просил не говорить детям правду о нем. Дай Бог, чтобы они этого и впрямь никогда не узнали!

Глубокое недоумение и сожаление вызывают потуги некоторых газетчиков «героизировать» предателей, окружить их фальшивым ореолом борцов против вчерашнего социального строя. А те, в свою очередь, обрадовавшись моральной поддержке, пишут в свое оправдание «мемуары», перелицовывая полностью историю своего перерождения, приписывая себе заслуги, которых не было, пыжатся от старания казаться важными. Отношение к предателям — это тоже показатель морального здоровья

общества.

К сожалению, много сил и времени отнимала у нас оборонительная борьба против наседавших американских спецслужб. Рональд Рейган, как известно, полностью реабилитировал ЦРУ и ФБР, отпустив им те грехи, которые вскрывались в ходе сенатских слушаний в середине 70-х годов. Он восстановил их численность, расширил права, придал им мощный наступательный импульс. Он не один раз бывал в ЦРУ, встречался с руководителями ведомства. Наше положение в этом отношении было совсем иным. Руководители КПСС и государства относились к разведке отчужденно, как бы стесняясь самой необходимости иметь этот инструмент в системе государства, они все время вели себя так, как будто боялись испачкать свою накрахмаленную репутацию о наши «нечистоплотные» руки. Мы были чем-то вроде внебрачного ребенка у папаш со Старой площади. За всю свою долгую жизнь я видел в здании разведки только одного члена политбюро — Д. Ф. Устинова, который приезжал туда со своим другом Андроповым, да и то в нерабочий день.

В каждодневной борьбе с таким сильным противником, как спецслужбы США, нам некогда было вспоминать обиды и горечь невнимания со стороны своих, надо было выполнять свой солдатский долг перед Родиной, и мы, как умели, держали фронт. Вскоре нам удалось нащупать еще один эффективный способ обнаружения «подстав» противника. Оказалось, что американцы настолько запугали своих граждан всесилием техники, могуществом и превосходством ее над человеком, что рядовой американец не в состоянии противостоять машине. Особенно пугает и обезоруживает американца перспектива встретиться один на один с детектором лжи.

Однажды в далекой стране «третьего мира» в поле зрения наших разведчиков начал часто попадать американский гражданин. Он старался всячески обратить на себя внимание, но первым на установление контакта не шел, памятуя, что в этом случае мы сразу же заподозрим его. Наконец его желание сбылось, мы сами «клюнули» на него. И тут он сразу же стал завлекать нас своими возможностями в самом секретном ведомстве США. Конечно, он вызвал немалый интерес — кто же упустит шанс, который может представиться один раз на протяжении целой жизни оперативного работника! Сверхосторожность в разведке не менее вредна, чем неоправданная лихость.

Работники резидентуры провели с ним ряд встреч в этой неблизкой стране. В беседах американец демонстрировал

готовность идти далеко по пути сотрудничества, но несколько раз высказывал мысль о желательности поддерживать контакт непосредственно на территории США. Эти слова прозвучали первым предупредительным колокольчиком. Нормальные осторожные американцы всегда предпочитали работать там, где контроль и надзор со стороны ФБР за своими гражданами и советскими людьми не такие плотные, как в США. Взвесив все обстоятельства, решили доставить его в Москву, чтобы здесь с ним поговорили наши специалисты по его профессии. Мы рассчитывали, что всю работу будет вести один наш сотрудник, изрядно подрасшифрованный во время прежних командировок. Нам надо было накопить данные личностного характера, получить побольше закрепляющих материалов, собрать всю имеющуюся у него информацию и разработать, если дело пойдет на лад, систему поддержания связи на будущее. Он на все согласился.

Несколько дней он находился в Москве на квартире, проводя все время в составлении ответов на наши вопросы. Для него разработали небольшую культурную программу. Все шло безмятежно. В один из дней, когда закончили анализ всех переданных им материалов, мы пришли к выводу, что он сообщил действительно секретные данные, наносящие ущерб США, но… американцы могли знать, что мы уже располагаем этими сведениями из других источников. Он и в самом деле рассказывал нам все, что мы уже знали, но, как детская механическая игрушка, останавливался всякий раз, когда подходил к краю стола — к границе, за которой лежало пока неведомое нам. Мы и так и сяк пытались вывести его из своеобразного заколдованного круга, но он упорно ходил внутри него. Мы сделали вид, что приняли за чистую монету все его «секретные» откровения, и как-то вечером совершенно неожиданно для него привезли в помещение, где стоял полиграф с обслуживающей бригадой. За минуту до появления в этой комнате ему было сказано, что надо попробовать потренироваться на полиграфе, чтобы повысить стойкость легенды, выработанной для сокрытия факта пребывания в СССР. Надо было видеть, что произошло с этим дотоле собранным, четким, аккуратным человеком: он просто взвился от «негодования», стал кричать, упрекать, браниться, но деваться было некуда.

Показания полиграфа были однозначны, перед нами была квалифицированная «подсадная утка». Он все понял и сопротивлялся, мечтая только выбраться подобру-поздорову из рискованной операции, в которую его загнали руководители ЦРУ. Советская разведка всегда придерживалась честных

джентльменских правил игры. Унижать проигравшего партнера было не в ее правилах. «Подсадная утка» была доставлена на то же место, откуда она стартовала в неудавшуюся оперативную авантюру. Легкий толчок под зад коленом. Несколько месяцев со стороны США не было никакой реакции, а потом все-таки не выдержали: в газетах промелькнуло крошечное сообщение о том, что г-н Х. явился с повинной в ФБР, рассказал о своих похождениях и был отпущен с миром. Этим фиговым листком они пробовали прикрыть свою неудачу. Воспитанные люди давно научились делать хорошую мину при плохой игре.

Было бы утомительно пересказывать новые и новые эпизоды, когда наша разведка входила в непосредственный контакт или, как мы говорили, «в клинч» со спецслужбами США. Мы упорно держались своего принципа — не проиграть ни одного раунда.

Я сознательно говорю о тех событиях нашей секретной войны, ход и результаты которых известны обеим сторонам, в них давно уже нет ничего секретного. А вот что касается тех эпизодов и той работы, которые противнику так и остались неизвестными, то о них говорить, конечно, сейчас рано. Это дело нескорого будущего.

В 1985 году мне довелось совершить довольно продолжительную поездку по трем городам США — Нью-Йорку, Вашингтону, Сан-Франциско, где находились наши разведывательные резидентуры. Основная задача, разумеется, сводилась к тому, чтобы на месте с резидентами провести анализ состояния работы, уточнить направления основных усилий. Надо было познакомиться с самими разведчиками, находившимися на передней линии, почувствовать их психологическое состояние, поддержать, ободрить. Ни у кого в центре не было сомнений, что противнику известно все о моем реальном служебном положении и об общем содержании миссии. Можно было ожидать неприятностей или подвохов с его стороны. Некоторым из моих коллег американцы просто отказали во въездных визах, в других случаях начали шумную газетную кампанию «разоблачительного» характера. Когда я бывал у них раньше в качестве начальника информационно-аналитического управления, они применяли грубый морально-психо-логический прессинг. В хорошей гостинице, где приходилось жить, в моем номере непременно оставляли нарочитые следы своего визита. Если стояла бутылка виски, то во время моего отсутствия ее открывали, опустошали на четверть или на треть, ополовинивали традиционную вазу с фруктами, небрежно разбрасывая объедки и кожуру: знай, дескать, что мы вездесущи.

В этот раз все было тихо и пристойно на удивление. «Если не

пристают — значит, уважают», — удовлетворенно отметил я. На корректное отношение мы всегда отвечали корректностью. Когда в Сан-Франциско за мной было выставлено до нелепости неуклюжее, плотное наружное наблюдение, я никогда не позволял себе использовать их оплошности и оторваться от «хвоста». Бывало так, что на скоростной дороге, не желая постоянно находиться в зоне моего наблюдения через зеркало заднего вида, машины наружного наблюдения уходили вперед и проскакивали съезд на боковые пути, куда мы направлялись. Съехав с магистрали, мы терпеливо дожидались, когда наши «пастухи» найдут нас и восстановят свой душевный покой. Одним словом, отношения складывались, «как в лучших домах Лондона и Жмеринки».

В ходе поездки я хотел проверить, в какой степени обоснованным было мое внутренне отрицательное отношение к американскому образу жизни, к типу американской цивилизации. Пришлось вести диалог с самим собой, временами он переходил в острый спор, но в итоге уже к концу моего последнего пребывания в США я пришел к убеждению, что не кривил душой под влиянием советской пропаганды, коммунистической клишированной идеологии, когда критически, даже неприязненно воспринимал модель общества, сложившегося в США.

Соединенные Штаты не могут быть образцом для развития мировой цивилизации хотя бы потому, что это самое эгоистичное, расточительное общество. Оно потребляет больше всех энергоносителей в расчете на душу населения, оно производит больше всех промышленной грязи и бытового мусора. Если бы все страны достигли когда-нибудь уровня потребления, существующего в теперешних США, то весь мир был бы разорен в течение одного-двух лет. У него не хватило бы для этого никаких ресурсов. В Древнем Риме вельможи на пирах, объевшись, засовывали в рот страусиные перья, вызывали рвоту, после чего вновь принимались за еду. Нечто подобное происходит в обществе потребления, созданном в США. Прекрасно организованное производство товаров и услуг деспотически требует от человека постоянного наращивания потребления вещей и удобств. На исходе ресурсы пресной воды, редеет над человечеством защитный озоновый слой, люди задыхаются от выхлопов сверхмоторизованной цивилизации, а в странах, считающихся маяками человечества, по-прежнему без оглядки бросаются в топки последние ресурсы земного шара. Этот путь временный с исторической точки зрения и элитарный, годный лишь для горстки стран.

В Библии выражение «кесарю — кесарево, а Богу — бо-гово» закрепляло принцип превосходства божественного над земным, духовного над материальным. В Соединенных Штатах все наоборот. Сколько бы вам ни приходилось ездить по странам христианского мира, в подавляющем большинстве городов кафедральный собор — Божий дом — является центром человеческой общины. Соборы строились как самые высокие, самые красивые, самые импозантные здания. Чего стоят Ватикан, собор Парижской Богоматери, храм святого Павла в Лондоне, соборы Кремля, новейшая церковь в суперсовременном Бразилиа и т. д. В США ни одна церковь не высится над городом как символ духовности. Все культовые здания малы, неказисты, задавлены стоящими рядом монументальными небоскребами, занятыми страховыми компаниями, финансовыми корпорациями. Хотя большая часть американских церквей выдержана в готическом стиле, чтобы хоть как-то подняться из каменных колодцев, это лишь подчеркивает их придавленность. Они, как тощие картофельные ростки, тянутся к далеким небесам, к Господу Богу, но так и застывают на полдороге. По крупному счету для Бога в США места нет. Церкви изнутри пустынны, аскетичны. Ни одной лишней копейки, ни одной лишней минуты для Бога. Чахнет в деловой свистопляске не только Божий дух, но дух всякий, прежде всего дух человечности. Давно уже остроумные люди заметили, что надпись на долларовых банкнотах «В Бога мы веруем» должна бы быть уточнена: «В этого Бога мы веруем».

Средний американец живет в постоянной неуверенности в своем материальном благополучии, его терзает страх перед растущей преступностью, перед болезнью, перед возможностью атомной войны. Он чувствует тоску надвигающейся старости, когда родные дети сдадут его в дом для престарелых и будут платить доллары вместо сыновней теплоты и заботы. В этой стране самое высокое потребление в мире различных транквилизаторов. Горстями глотаются таблетки, чтобы уснуть, иной раз навсегда. Кстати, это самая распространенная форма самоубийств среди богемы, интеллигенции. Здесь множество ребят курят наркотики, колются ими. Именно отсюда пошла эпидемия наркомании по цивилизованным странам. Борьба с наркотрафиком и употреблением наркотиков объявлена национальной целью Соединенных Штатов. Бездуховность общества, тотальная подчиненность фактору наживы делают лично меня невосприимчивым к американскому образу жизни. Воистину, не хлебом единым жив человек.

Уезжая из Вашингтона, я сделал запись: «Не хочу больше никогда в Вашингтон, где все не по мне: и чужие успехи в

материальном производстве, и серая беспробудная бездуховность, и даже фаст-фуд (быстрая еда) — великолепная для одного раза, но отвратительная как ежедневный комбикорм на бройлерной ферме».

Американское общество живет в особом информационном поле. Десятки каналов телевидения, сотни газет и журналов, бесчисленные радиостанции почти непрерывно вываливают на головы граждан груды информации. Даже в самые скучные, спокойные дни все равно не прекращается звон и гудеж, но в это время мелкие события искусственно увеличиваются в размерах и преподносятся по тому же первому разряду. Продукция средств массовой информации — это единственный товар, который продается на Западе ниже своей себестоимости. В целом создается довольно любопытное ощущение: вроде бы под ногами, под руками, под задницей, за шиворотом — везде шевелится, шуршит, попискивает информация обо всем, а большинство людей в то же время не знают ничего о сущности происходящего в стране и в мире, не видят причинной связи событий. Кругом информационная пена, в которой захлебывается нормальный человек, теряющий способность оценивать события, не говоря уж об их прогнозировании. В открытом обществе человек начинает чувствовать себя беспомощным, почти как в Китае, где круг людей, принимающих решение, крайне узок, а большинство народа пребывает в информационном вакууме. И там и там нарушается принцип «необходимости и достаточности» информации, который так нужен нормальному человеку.

Постепенно меняется характер американского общества. Почитай до самого начала второй мировой войны миграция в США носила здоровый характер. Из Европы туда ехали действительно смелые, предприимчивые, энергичные, волевые люди, тосковавшие по свободе деятельности, по земле. Эти «сливки» укрепили и деловой, и, чего греха таить, генный фонд США, сделали их (наряду с другими известными причинами) богатой и могучей страной. А теперь, когда они стали сладким пирогом, к ним потянулись совсем другие эмигранты, которые алкают просто сытой жизни. Как мухи на варенье, они летят отовсюду. Из них получаются хорошие потребители, но вовсе не прежние работники. Особенно колоритна в этом отношении эмиграция, приехавшая из СССР. Брайтон-бич стал именем нарицательным для характеристики таких мигрантов, которые начинают серьезно тревожить американцев. «Нью-Йорк тайме» не раз обращалась к этой теме.

Хорошая страна США, удобная, умело организованная, но в какой-то мере искусственная, как язык «эсперанто», и такая же

синтетическая и чужая для коренного жителя Старого Света. 10 октября 1985 г. я с облегчением занял кресло в самолете Аэрофлота и записал в своей дорожной книжке: «Если хочешь получить от Нью-Йорка эстетическое удовольствие, то на него надо смотреть только ночью и только с борта родного самолета, улетающего домой. Роскошные бриллиантовые диадемы огней вокруг заливов постепенно теряют свою яркость и становятся похожими на тлеющие угли покрывающегося пеплом костра. Их свет бледнеет, тает и затягивается, наконец, туманом».

Нелады в разведке

Дом есть дом, встреча с ним всегда и приятна, и горька. Сопоставление домашних порядков с только что виденным за рубежом постоянно рождало один и тот же вопрос: почему же у нас все не так, все нескладно, неустроенно, мерзостно? Ответ было найти несложно: мы создали самое нелепое управление обществом и государством. Массы трудящихся, то есть людей, зарабатывающих себе на жизнь физическим или умственным трудом, никогда не могут нести ответственность за уродливость нашей социально-экономической жизни. Ответственность полностью лежит на верхнем эшелоне власти, не умеющем создать такие условия, при которых люди нормально трудились бы с хорошей отдачей и для себя, и для общества.

1985 год был годом громадных надежд на возрождение Отечества и годом начавшегося отчаяния и безысходности. Все эти чувства были связаны со смертью К. У. Черненко, о которой было объявлено 11 марта. Когда мы узнали, что председателем правительственной комиссии по похоронам назначен М. С. Горбачев, то всем стало ясно, что именно он будет генеральным секретарем партии и руководителем государства. Такова была шаблонная практика, утвердившаяся в партийно-государственном аппарате. Через два дня, 13 марта, об избрании Горбачева было объявлено официально. Страна вздохнула с облегчением. Новому руководителю 2 марта 1985 г. исполнилось только 54 года. Мы так устали от престарелых, немощных, больных, дряхлых руководителей, что на первых порах были готовы удовлетвориться даже малым: был бы вождь просто здоровым. Натерпевшиеся от беспорядков люди смотрели на Михаила Сергеевича с надеждой и верой.

В своих записях я уже тогда пометил, что в его возрасте В. И. Ленин уже умер, оставив перепаханной всю социальную сферу не только России, но доброй части планеты. Страна плохо представляла себе нового лидера и мало знала о нем. У меня же не выходило из головы, что именно Горбачев был ответственным за сельскохозяйственную программу партии, которая оказалась на деле мыльным пузырем, о ней никто уже не вспоминал. Ведь в 1984 году мы были вынуждены закупить за границей рекордное количество зерна — 54 млн. т. Хорош рекорд! А планы закупок на 1985 год составляли 40 млн. т. Это была единственная практическая проверка интеллектуальных и организационных способностей Горбачева. И с ней он совершенно не справился. Но об этом мало кто задумывался. Такова уж наша социальная

психология, отражающая невысокий уровень гражданской зрелости. Мы радуемся чему-то новому прежде всего в пику старому, назло надоевшему, а не потому, что убеждены, что новое есть непременно лучшее. Нам опостылела кремлевская геронтократия, и мы дружно кричим: «Давай молодежь!», не вдумываясь, чем, собственно говоря, кроме возраста, эта молодежь лучше. Мы не знаем ни программ, ни взглядов, ни личных качеств новых руководителей, а уже безоглядно отдаем им сердца по какому-то минутному эмоциональному настроению, которое к тому же быстро проходит, а надетый сапог, плохо пошитый и натирающий мозоли, с ноги уже не сбросишь. И, проклиная свою доверчивость, мы копим недовольство и злость до очередного момента, когда выплеснем свои эмоции на вчерашнего кумира.

Через два с небольшим месяца, 25 мая 1985 г., я записываю: «Что за это время сделано, вернее, наговорено? Улавливаются две главные идеи: предоставление большей самостоятельности предприятиям с внедрением подлинного хозрасчета и ускорение научно-технического прогресса. Как цели, эти задачи ясны и понятны, но беда в том, что не видно инструментария для их достижения. Не ясно, как обеспечить научно-технический прогресс, какими средствами… Слова произносятся все верные, руки сами тянутся аплодировать, хочется верить… но груз всей 57-летней жизни, опыт стольких разочарований, простая рассудочность говорят: «Погоди, не трепыхайся! Новый руководитель ведь и не может произнести других слов. Ему надо что-то сказать разуверившемуся народу. Но верить надо только делам, а слова пусть летят по ветру, коль они так легко сыплются изо рта».

Двойственное, критическое отношение к новому руководителю вскоре стало доминирующим среди моих коллег по работе. Мы полностью поддержали весенние мероприятия по сдерживанию алкоголизации страны, хотя крутизна антиалкогольных мер вызывала иронические усмешки. Как можно было запрещать вино на дипломатических приемах, на государственных обедах, пропагандировать безалкогольные свадьбы? В народе сразу родилось неприятие правительства: «Не дадим занести «зеленого змия» в Красную книгу!» — раздался клич, и взрывом расширилось самогоноварение. Стали нарастать токсикомания и наркомания. Вспомнились горько-ироничные слова Хрущева: «Если ты в квашню запустил руку и достал до дна, то не думай, что ты ее реформировал. Вынь руку и увидишь, как через пару минут все станет как прежде. Так и Россия, она с трудом поддается реформированию». Волюнтаризим, стихийность

принятия решения по антиалкогольной кампании, ее неподготовленность сразу показали всю хлипкость организационно-административных способностей нового руководства. А связанная с крахом этой кампании потеря авторитета и престижа самого Горбачева носила зловещий характер.

Нам в разведке очень понравилось его первоначально твердое поведение по отношению к западным державам. Любому нормальному гражданину не по душе, когда его страну публично унижают или третируют, независимо от предлогов, которыми при этом прикрываются. В сентябре 1971 года из Англии были высланы одновременно 105 сотрудников советских представительств. Мы промолчали, утеревшись. В конце марта 1983 года Франция выслала 47 советских работников. В обоих случаях пропагандистские трубы гудели, что, мол, таким образом велась борьба с русским шпионажем, хотя подавляющее большинство высланных к разведке не имело отношения. Помнится, что когда французы приняли свое решение, то советская сторона в один день прошла все этапы, типичные для дряхлого старика. С утра постановили: «Ответим так же, голова за голову». В обед сникли и прошамкали: «Давайте сократим, но пропорционально составу посольства Франции в Москве». (Кому-то показалось, что французов в СССР значительно меньше, чем русских в Париже, в то время как на самом деле все было наоборот.) К вечеру мы бессильно отказались от всяких ответных мер. Над нами публично смеялись.

Никто не заставлял западные страны давать согласие на увеличение штатов советских посольств, они могли не выдать визу любому не подходящему для них, могли воспользоваться ежегодными отъездами в отпуск нежелательных лиц и закрыть им въезд на свою территорию. Нет! Они предпочли путь шумных оскорбительных кампаний! Они как бы пробовали «на зуб» достоинство наших руководителей.

В сентябре 1985 года М. Тэтчер снова театральным жестом выставила из Англии очередную партию в 25 советских сотрудников. Это была проверка Горбачева, и он ее выдержал. На другой день мы выслали из Москвы 25 англичан. Великобритания опешила, она настолько привыкла к нашей рас-квашенности, что такой ответ выглядел для нее неожиданным. Чтобы показать свой норов, Тэтчер через пару дней выслала еще шесть человек. Мы в ответ — столько же. Мир ахнул и восхищенно сказал: «СССР заставляет себя уважать». А «железная леди», избалованная победами, только смущенно пробормотала в приватном порядке: «Хватит, на этом мы кончаем». Жаль, что об этой капитуляции не

стало известно общественности.

Однако вскоре в твердой поначалу позиции Горбачева появились трещинки, а потом щели и, наконец, разломы.

Страна вползала в длинный туннель под названием «перестройка». Мы долго дискутировали, пытаясь докопаться до скрытого смысла этого слова, и не могли прийти к общему пониманию целевых установок руководства. «Перестройка» свалилась на голову точно так же, как и антиалкогольная кампания, без предварительной проработки, без изучения. До самого ее скорбного конца никто не мог объяснить, во что же мы, в конце концов, перестраиваем свою жизнь, свой уклад хозяйства. Всякие прежние революционные повороты в истории народов предварительно готовились теоретическими трудами, экономическими исследованиями, искусством, наконец. И люди были готовы к повороту. «Перестройка» оказалась самым пустым словом, в которое не было заложено никакого реального и четко продуманного смысла. Это было благое реформаторское пожелание, не больше. Частенько в своем кругу мы вспоминали по аналогии с начавшейся «перестройкой» детский стишок о мальчике, который решил починить качавшийся стул, подпилив одну из его ножек. Пацан не был знаком с правилом «семь раз отмерь, а один раз отрежь» и стал пилить на глазок то одну, то другую ножку, которая, как казалось ему, мешает нормальной устойчивости. Дело кончилось тем, что он вконец испортил стул, но, глядя на дело рук своих, все-таки самокритично произнес: «Эх, ошибся я немножко!» Процесс нашей «перестройки» как две капли воды напоминал эти ребячьи плотницкие экзерсисы.

Осенью 1985 года была предпринята (в который раз!) попытка административно-организационными мерами решить продовольственную проблему страны. Волевым решением было ликвидировано сразу несколько министерств (сельского хозяйства, мелиорации, сельскохозяйственного машиностроения и т. д.) и на их базе создан социалистический концерн «Агропром». «Убиенные» министерства не заслуживают доброй памяти, ибо вся их работа уже была оценена бедственным состоянием наших прилавков, но тут же стало известно, что все министерства входят на правах главных управлений в «Агропром». Созданный бюрократический монстр оказался совсем нежизнеспособным, он еле держался на ногах от собственной тяжести. Позже уже и Горбачев не предпринимал никаких усилий, чтобы как-то изменить положение на селе, его внимание полностью поглотили другие дела.

А тем временем российская деревня ежемесячно теряла людей, пашни зарастали, оставшийся народ пускался во все

тяжкие, лишь бы выжить. Мой знакомый Николай Павлович Королев, директор совхоза «Культура» Скопинского района Рязанской области, говорил мне, что в его хозяйстве на 5 тыс. га пашни приходится 46 тракторов, 22 комбайна и только… 30 механизаторов, умеющих водить эту технику. Из них настоящих тружеников всего десять человек. Мы в тысячный раз приходили к выводу, что главная трагедия села заключалась в полнейшем пренебрежении личностью самого сельскохозяйственного труженика. Новый руководитель партии и государства М. Горбачев много и правильно говорил о необходимости повышения внимания к «человеческому фактору», но разговоры так и оставались разговорами, потом и они постепенно затихли. Положение человека в системе государственного производственного комплекса не изменилось, поэтому все верхушечные административные перестановки не могли дать никакого эффекта.

В то время четко обозначилось специфически русское общественное явление — массовое написание анонимных писем в ЦК партии. В 1984 году на Старую площадь поступило 74 тыс. таких писем, а затем каждый год эта цифра увеличивалась на 22–25 %. Поток этих обличительных документов явно свидетельствовал о том, что в стране творятся крупные беспорядки, господствует беззаконие, нарушаются общепризнанные нормы морали и этики. Человека толкает на написание письма его неустроенная, неладная жизнь. Такой поток писем красноречиво говорил и о том, что высшая государственная власть, казавшаяся ранее всеслышащей и всевидящей, теперь оказывалась слепой и глухой. Она не замечала вопиющих безобразий и, оказывается, не знала, как действуют от ее имени. Анонимные письма свидетельствовали и о том, что простой гражданин, обыватель не верил новым руководителям, не верил в серьезность их гарантий демократической свободы слова и уж тем более не верил, что верховная власть в состоянии обеспечить его личную безопасность в случае расправы над ним местных руководителей. Это была особая уродливая форма «демократии», при которой можно было все сказать, но ни за что не бороться. Пассивное сигнализирование отражало неугасимую жажду справедливости, но оно же свидетельствовало и об отказе от личного участия в исправлении недостатков.

Вирус анонимных писем частично поразил и разведку, как поразили ее многие болезнетворные бактерии, которые уже активно расправлялись с обществом. Мы все-таки жили в определенном морально-нравственном и интеллектуальном «гетто». Здания разведки находятся на отшибе от городских

массивов. Сотрудники ее с учетом времени, затрачиваемого на поездку на работу и с работы, почти весь день проводили в кругу своих коллег. В отпуска чаще всего ездили также в свои ведомственные дома отдыха и санатории. Сама работа с ее высокими патриотическими приоритетами была оградительным барьером против нараставшего «в миру» разложения идеологии, а вслед за ним и распада всей системы жизненных ценностей. Если разведчик находился за рубежом, он острее воспринимал боль за тяжелые недуги Родины и старался по-сыновьи вступиться за свою страну, даже тогда, когда ее поведение (вернее, поведение ее руководителей) оказывалось далеко не безупречным. Несмотря на выработанное годами чувство принадлежности к определенной элите сотрудников разведки, в ее среде все чаще происходили так называемые ЧП — верные симптомы неблагополучия в государстве и обществе.

Я уже говорил о предателях, с которыми был лично знаком, но до меня доходили отголоски и сведения о побегах, случавшихся в других регионах, находившихся под кураторством моих коллег. Было известно, что многие из них сами явились к противнику и предложили свои услуги. Они шли к американцам, поскольку те дороже платят и наверняка примут предложение в силу высокого накала конфронтационности между нашими странами. Наша контрразведка в Москве сообщала, что многие иностранные дипломаты нарочно оставляли открытыми на улицах окна автомашин в надежде, что какой-нибудь доброхот бросит туда записочку с предложением продать имеющиеся у него секреты.

Я пытался уговорить руководство разведки использовать судебные процессы над разоблаченными предателями для того, чтобы снять полнометражный бескупюрный кинофильм о ходе разбирательства и показать его всем офицерам разведки. У меня не было сомнений в том, что это оказалось бы полезным. Всякий, кто увидел бы такой фильм, смог бы лично убедиться в том, что все предатели становились, по их собственным признаниям, на путь сотрудничества с врагом из-за жадности, трусости, той или другой душевной слабости. Все они считали, что вынесенные им приговоры были справедливыми. Это уже потом, в «демократическое» время, оставшиеся в живых за рубежом или выпущенные из мест заключения предатели все до единого стали выдавать себя за борцов против тоталитарной системы.

Были основания полагать, что такие материалы могли подтолкнуть вероятных агентов вражеских спецслужб к мысли о быстрейшем побеге за границу из страха оказаться разоблаченными. И очень хорошо! Бежавший предатель — это

полбеды, он уже опасности представить не сможет, кроме разве статей или книжек, эффективность которых изрядно упала. Я постоянно проводил мысль о допустимости и желательности введения у нас в разведке принципиальной возможности направления на проверку на полиграф любого сотрудника. Убеждал, что в Соединенных Штатах это тривиальная норма безопасности. Предлагал сам подвергнуться такой проверке первым. Мои, может быть, слишком радикальные предложения не были поддержаны и остались неосуществленными, хотя я и сейчас уверен, что ничего антидемократического и ничего антигуманного в этих предложениях нет. Если государство оказывает разведчику полное доверие, то оно должно быть взаимным.

Коллектив иногда будоражили и другие, несравненно более мелкие, но ранее не виданные происшествия. То начнутся систематические кражи часов в раздевалке спортивного бассейна, и приходится проводить целую сложную оперативно-розыскную комбинацию, чтобы обнаружить злоумышленника, который окажется больным человеком — клептоманом. То вдруг некий изувер начинает резать бритвой пальто в раздевалке, и опять отвлекаются силы, а главное, нервы на раскрытие этих преступлений.

Одним словом, напряженность, даже внутренняя, все время возрастала. Появлялись «дела», поражавшие своей фабулой. Так, один из сотрудников научно-технической разведки, ничем особенно не выделявшийся, вдруг в одночасье стал уголовным преступником. Выяснилось, что он завел себе любовницу из числа сослуживиц и однажды заехал с ней в какой-то двор, где они, не выходя из машины, стали распивать шампанское. Потом пошел у них, видимо, крутой разговор, кончившийся тем, что «герой» ударил свою даму бутылкой по голове. Обливаясь кровью, женщина стала звать на помощь, а ее ухажер бросился бежать. На свою беду, навстречу ему шел случайный прохожий, который сделал попытку задержать беглеца. В ответ тот выхватил нож и точным ударом в сердце наповал убил незнакомого человека. Потеряв самообладание, преступник вскочил в машину и пытался скрыться. Через два часа он был задержан милицией. Суд приговорил его к 15 годам лишения свободы, все его начальники получили свою долю наказания, и все вроде бы успокоились.

Но при обыске в его квартире были обнаружены миниатюрный фотоаппарат «Минокс», пометки служебного характера и еще кое-что настораживающее. На следствии выяснилось несоответствие доходов и расходов обвиняемого. Наблюдение за ним в тюрьме дало основание полагать, что он

пытался дать какие-то сигналы своим хозяевам на свободу и даже передать кое-что. В результате началось доследование дела, которое раскрыло шпионскую деятельность этого человека против своей Родины. Он все рассказал о своем сотрудничестве с французами, представитель разведки которых в Москве более десяти раз встречался с ним, передавал деньги за полученную информацию. На этот раз пересмотр дела привел и к другому приговору: расстрел за измену Родине.

Управление внешней контрразведки, которым руководил до этого времени О. Д. Калугин, естественно, знало о неблагополучии в разведке, но у специалистов управления не хватило профессионального умения и настойчивости провести анализ причин назревавшей беды. Каждое событие объявлялось эпизодом, а оно было симптомом болезни.

Кстати, к этому же времени относится и зарождение неприязни, переросшей во вражду, между Калугиным и Крючковым. Ее истоки относятся к концу 70-х годов, и она в течение долгих лет имела характер бюрократической интриганской борьбы за влияние и власть внутри разведки, а потом и в КГБ. Могу поклясться, что никакого политического или глубокого профессионального расхождения в позициях спорящих сторон в те годы не было. Когда сейчас я читаю книгу Эндрю Кристофера и О. Гордиевского и их рассуждения о прогрессивном новаторе, «самом молодом» генерале Калугине, мне трудно удержаться от улыбки. Они ничего не знают о существе разногласий между двумя «К» и стараются выкрасить их в приятные своему глазу цвета идейно-политического противостояния. Мне невольно приходилось ощущать толчки их скрытой борьбы, сотни людей были свидетелями развития ее на официальном уровне, и все равным образом переживали, что в тело разведки вполз дух непрофессионального соперничества и нетерпимости.

Начнем с того, что О. Калугин как специалист пользовался уважением в ПГУ. Он был достаточно эрудирован, умел логично и убедительно строить свои выступления. Управление внешней контрразведки («К») всегда занималось анализом провалов (разумеется, постфактум), и его суждения выглядели обоснованными и вроде бы безупречными. Хотя известно, что анализировать события, уже свершившиеся, значительно легче, чем возможные последствия своих поступков, которые еще только планируешь совершить. Среди коллектива разведки отношение к управлению «К» было весьма сдержанным, да и каким может быть отношение к жандарму в собственных рядах! Для нас-то ведь не было секретом, что служба внешней контрразведки занималась

изучением с приглядом за нами самими. Это был наш собственный СМЕРШ. Конечно, туда не направлялись лучшие кадры разведки. Сам О. Калугин в одном из публичных выступлений признавал «серость» своих кадров. Отсюда и зародилось первое недовольство: самый молодой и блестящий генерал вынужден был руководить малопрестижным «серым» управлением. В амбициях и самомнении отказать О. Калугину было нельзя. Тем более что со всех сторон ему нашептывали о непременном «перспективном будущем». Он пользовался открытым покровительством двух первых заместителей начальника разведки, которые непосредственно курировали управление «К», — Бориса Семеновича Иванова и Михаила Андреевича Усатова (поочередно). Но вскоре добавился и еще более могучий «спонсор». Им был тогдашний начальник Второго главного управления (контрразведки) Григорий Федорович Григоренко, который в прошлом сам работал в ПГУ и был раньше начальником все того же управления «К», хорошо знал Калугина и открыто протежировал ему.

Вопрос, кому руководить разведкой — профессионалу или политическому выдвиженцу, не давал покоя честолюбию некоторых молодых генералов. Калугин не был совершенно одинок. Были и другие попытки поднять хоругвь борьбы за «профессионализацию», прикрывавшую в принципе расчеты на личную карьеру. Ибо, повторяю, не помню, чтобы открыто кем-то был поставлен вопрос о принципиальном пересмотре основных постулатов работы разведки.

Первый знак неблагополучия в личных отношениях Калугина и Крючкова я получил однажды в салоне самолета, на котором делегация ПГУ возвращалась из какой-то поездки в восточноевропейскую страну. (Калугин и я почти автоматически включались в такие делегации. Это было связано с нашим должностным положением.) Во время полета все сидели вокруг стола, обсуждая результаты поездки, и вдруг Крючков предложил выпить по бокальчику за окончание работы. Все приняли инициативу руководства с удовольствием. Подняв бокал, Крючков неожиданно произнес непривычные слова: «Давайте выпьем за то, чтобы каждый из нас дорожил своей принадлежностью к ПГУ, знал один дом и был верен ему!» Из четырех-пяти присутствовавших каждый счел своим долгом добавить что-то к словам шефа. Я тоже добавил что-то вроде: «Жизнь отдана разведке, и этим сказано все!» Один Калугин, насупившись, не произнес ни слова, как-то поскучнел, хотя чокнулся и выпил вместе со всеми.

По вредной привычке анализировать все я расценил тот

разговор как непростой, ибо знал, что шеф не станет просто так бросать подобные тосты на ветер. Вскоре мне пришлось в этом лично убедиться.

Летом 1977 года в МИД возникло дело о предательстве Александра Огородника, занимавшего довольно крупный пост в Управлении по планированию внешнеполитических мероприятий. Он работал раньше в советском посольстве в Колумбии, где от безделья стал увлекаться хождением по злачным местам и там лакомился «клубничкой». Выслеженный спецслужбами, он стал легкой добычей вербовщиков из ЦРУ. Из страха перед крушением карьеры согласился сотрудничать с американцами и, приехав в Москву, начал активно снабжать их информацией, которую получал из кругов МИД, КГБ и Министерства обороны, черпая ее из телеграмм, поступавших в это управление МИД. Выполняя задание ЦРУ, он активно искал доступ в высшие эшелоны партийной власти. Пользуясь положением свободного мужчины, этот хлыщеватый, статный, разбитной Казанова стал обхаживать дочку одного из тогдашних секретарей ЦК КПСС. И надо же такому случиться, что в этот же дом довелось попасть и мне в связи с довольно редким обстоятельством: там «обмывалась» докторская степень одного соискателя, у которого я выступал официальным оппонентом. Я тогда и увидел этого Огородника, пришедшего с охапкой цветов и дорогими подарками. Но, когда меня представили ему как «генерала КГБ», он стушевался, засуетился и быстро испарился, хотя пришел в расчете провести весь вечер. Я ни о чем не догадывался, но могу себе представить, как он перепугался.

Огородник был выявлен советской разведкой и контрразведкой без какого-либо моего участия, и я даже не знал о его аресте, когда однажды мне позвонили из семьи высокопоставленного партийного вельможи с просьбой срочно приехать для консультаций. Я приехал и узнал, что Огородник исчез неведомо куда, его разыскивает мама, в расстройстве «невеста» — дочка и т. д., и т. п. Я почувствовал запах чего-то очень неприятного, попросил не предпринимать никаких действий до моего совета.

Приехав на объект ПГУ, я срочно попросил О. Калугина зайти ко мне в кабинет (мы были равными по служебному положению и званию, но я старше на несколько лет). Действуя строго по солдатской этике, я сообщил все известные мне сведения об Огороднике О. Калугину, ибо дело было непосредственно в его компетенции. Он доверительно сказал, что Огородник — американский шпион и уже ведется следствие, что принесенные мной сведения исключительно важны, ибо речь шла о метастазах

шпионской сети в высших эшелонах власти. Я тогда еще не знал, что в момент ареста Огородник воспользовался ядом, переданным ему американцами, и покончил жизнь самоубийством, унеся с собой многие секреты.

Я позвонил по телефону пострадавшей семье, посоветовал то, что мне рекомендовал Калугин, и думать забыл про это происшествие.

Каково же было мое удивление, когда через пару дней раздался звонок прямого телефона от начальника разведки (эти телефоны звали в других местах «матюгальниками»), потребовавшего немедленно зайти к нему. В кабинете он сказал: только что звонил Андропов и выразил возмущение тем, что работники разведки, как выясняется, состоят в близком знакомстве с иностранными шпионами, и прямо назвал меня как такого растяпу. У меня аж перехватило в горле от возмущения. «Неужели Калугин вам не доложил о моем разговоре с ним, я ведь сам обо всем давно рассказал ему как должностному лицу, занимающемуся всеми случаями иностранного шпионажа?» — «Нет, — ответил шеф, — он ничего не сказал мне, а пошел сразу к Г. Ф. Григоренко в контрразведку, и они постарались бросить тень на Первое главное управление. Щи и объясняйся с Андроповым!» Я позвонил председателю КГБ, написал по его просьбе подробную докладную обо всем происшедшем, а потом имел неприятное объяснение с Калугиным, сказал, что считаю его поведение непорядочным. Шел 1977 год. Как было далеко до того времени, когда личные неприязненные отношения начнут прикрываться фиговыми листками политических расхождений!

Было ясно, что, пока Крючков остается начальником разведки, Калугину придется искать другое место работы. О политических взглядах Калугина в то время было известно, что они куда ортодоксальнее, чем у большинства генералов разведки. В ПГУ широко комментировался конфликт, разгоревшийся в управлении «К» между Калугиным и секретарем парткома этого же управления полковником Николаем Ивановичем Штыковым. Штыков позволил себе в присутствии Калугина неучтиво, иронически отозваться об известной «трилогии» Л. И. Брежнева, которую навязывали тогда в качестве материала для изучения в партийных организациях. Калугин не постеснялся публично отчитать своего секретаря парткома за политическую близорукость и недопонимание важности проблемы. Штыков рассказывал об этом не раз, даже в своих публичных выступлениях.

Когда в 1980 году Калугин был вынужден занять пост первого заместителя начальника управления КГБ по Ленинграду и

Ленинградской области, он решил написать кандидатскую диссертацию по своей специальности — внешняя контрразведка. Я не могу отказать Калугину в способностях, и его работа была вполне достойна кандидатской степени. Я ее читал сам, поскольку был в те времена еще и председателем научно-методического совета разведки, где работа рецензировалась. Я не помню сейчас точного ее названия, но она была посвящена подрывной деятельности американских спецслужб против советских граждан и учреждений за границей. В ней содержались и более широкие политические обобщения, вполне в духе тогдашних представлений о наших отношениях с США. Тут уже проявилась нетерпимость с другой стороны. Все инстанции в ПГУ воспротивились самой перспективе постановки диссертации Калугина на защиту в научно-исследовательских институтах разведки. Особенно противилось его бывшее управление «К», которое должно было стать ведущим подразделением в оценке качества диссертационного исследования.

Поскольку существо конфликта мне было уже понятно, я позвонил Калугину в Ленинград и порекомендовал поставить работу на защиту в любом гражданском исследовательском центре, вычеркнув то, что делало необходимым гриф «Секретно». Но шлея обеим сторонам уже попала под хвост, и Калугин сказал, что будет бороться за то, чтобы защититься именно в разведывательном институте. «Ну что ж, давайте…» — оставалось вздохнуть мне.

Критерием профессионального мастерства того или иного работника разведки является только конечная практическая польза. Я бы на месте всех, кто так или иначе жонглировал в политических целях «делом Калугина», поостерегся от превосходных степеней прилагательных. Они неуместны. В информационно-аналитическом управлении приходилось не раз говорить начальникам оперативных подразделений о том, что завербованный ими агент является «подставой», или «липой». Мне доводилось огорчать таким образом и Калугина, когда после победных и наградных литавр по поводу «приобретения ценного источника» оказывалось, что мы купили, как говорят, «ободранную кошку за зайца». Для проверки агентуры у нас имелся широкий и надежный инструментарий, практически безупречный, если речь шла о политической информации.

Из первых рук, от участников операций, мне были известны случаи, когда Калугин ошибался, решая вопрос о добросовестности американцев, заявлявших о готовности сотрудничать с социалистическими разведками. Есть много и других, куда более темных оперативных дел, о которых здесь не

место говорить.

Все сказанное мной — лишь свидетельство очевидца перипетий вокруг Калугина, получивших искаженную трактовку в средствах массовой информации и ряде «исследований». Последовавшие репрессалии в отношении Калугина в виде лишения его наград и звания были очень неудачными и непродуманными шагами, я уж не говорю об их несправедливости, но они логически завершают конфликт, зародившийся в середине 70-х годов. Я ранее писал, что Крючков подолгу помнил о причиненном ему зле, и иногда такая память толкала его на ошибочные и неправедные шаги.

Объективно позиция Калугина нанесла интересам разведки, конечно, немалый ущерб. Никто не в силах точно подсчитать, сколько иностранных граждан отшатнулось от контактов с советскими, а потом российскими дипломатами, журналистами, экономистами, опасаясь, что они могут оказаться разведчиками (и что их связь станет предметом широкого обсуждения в прессе). В любой войне личных абмиций нельзя забывать об интересах национальной безопасности.

В закатные годы застоя разведка подверглась еще одной напасти. С «самого верха» ей стали давать задания, мягко говоря, не по профилю ее работы. Ее стали превращать в «затычку для каждой бочки». Диапазон ее деятельности начал опасно расширяться. Однажды, например, мы получили задание подготовить прогноз колебаний цен на мировом рынке золота. Задание было крайне деликатным, к его выполнению было разрешено привлечь весьма ограниченный круг работников. Причем нас предупредили, что поручение дается в связи с предстоящим выходом СССР с крупной партией золота на мировой рынок. Ошибка в прогнозе может означать потерю многих десятков, а может, и сотен миллионов долларов. Когда я сформулировал задачу перед специалистами своего управления, то раздались недовольные голоса: «А что, у нас нет Государственного банка? Что будет делать Министерство внешней торговли? Куда подевались советские банкиры, которые постоянно работают за рубежом и руководят советскими банками?» На такие вопросы у меня ответа не было, и пришлось сослаться на предположение, что, возможно, нам доверяют в таких делах больше, чем иным специалистам, репутация которых может быть подмочена постоянными связями с заграницей. Такие спонтанные реакции возмущения не были редкостью, но люди быстро успокаивались, польщенные тем, что именно к ним обращаются со столь неординарной просьбой. Но оставалась большая проблема — как решить поставленную задачу. Ведь

разведка никогда не занималась такими делами, у нас не было даже представления о необходимом технологическом процессе, а срок был поставлен весьма жесткий — одна неделя.

Началась работа, в которой все было импровизацией. Одним поручалось вычертить график движения цен на золото за последние три года; другие занимались выявлением состояния мировых запасов этого металла, ходом строительства новых шахт, разрезов; третьи оценивали научно-технический прогресс в области золотодобычи и его влияние на себестоимость золота; четвертые исследовали кривую забастовочного движения на приисках, пятые — промышленное и торговое потребление металла и т. д., и т. п. Не раскрывая предмета нашей заинтересованности, мы втемную опросили широкий круг специалистов, так или иначе связанных с золотом. В конце недели мы собрались и в процессе «мозгового штурма», длившегося несколько часов, обсудили все собранные сведения. В результате пришли к выводу, что в ближайшие три-четыре недели будет сохраняться устойчивая тенденция роста цены на золото. Вывод сформулировали в неформальном рабочем документе, адресованном председателю КГБ, и в состоянии невероятного нервного напряжения стали следить за колебаниями и скачками цены на проклятое золото на бирже.

Мы не были подготовлены к таким поручениям и выполняли их на уровне просто здравого смысла и неглубокого научного исследования. К счастью, небеса были милостивы к нам. Цена на золото действительно в указанный период шла все время вверх, и мы, как дети, радовались, что угадали правильно, хотя в душе чувствовалась тревога при мысли, что неважно обстоят дела у государства, которое обращается к нам с такими заданиями.

Нам приходилось неоднократно составлять документы об организации сельскохозяйственного производства в социалистических странах Восточной Европы, особенно в Венгрии. И мы подолгу думали, как объяснить, что рекомендации «передовой» сельскохозяйственной науки в СССР о введении ротации культур не совпадают с практикой в той же Венгрии или в США, где по нескольку лет кряду сеяли кукурузу на одних и тех же полях, применяя точно разработанную систему внесения удобрений. Приходилось думать не о получении образцов и технологических документов, а уже об описании организационно-производственного, управленческого дела. Это порождало отчаяние.

Разведка на постоянной основе занималась проблемами дна Мирового океана, ее представители даже участвовали иногда в международных совещаниях экспертов, которых на чиновничьем

жаргоне называли «подонками». Проблемы Арктики и Антарктики также не сходили с повестки дня, причем заниматься ими приходилось вовсе не в разведывательном ключе, а в плане политики, экологии, экономики, транспорта и т. п.

Все подобные поручения размывали контуры профессионального поля деятельности разведки, вели к появлению элементов поверхностности, непрофессионализма в освещении достаточно случайных для разведки проблем. Они вызывали раздражение в коллективе, и это раздражение иногда выливалось и в открытых выступлениях на производственных совещаниях.

Мне трудно объяснить, почему с «самого верха» обращались с такими вопросами в разведку, но думаю, что причины следующие: во-первых, разведка обязательно выполняла поручение в точно указанный срок, и, во-вторых, мы никогда не уходили от ответственности, не напускали тумана и неопределенности в свои документы. Мы обычно говорили, что считаем свой прогноз верным на столько-то процентов (от 60 и выше).

Слава Богу, что у разведки появилось собственное научно-исследовательское подразделение, которое сняло часть нагрузок информационно-аналитического управления. Располагая большим количеством открытых источников информации, это подразделение могло ответить на много вопросов, рожденных слабой компетенцией наших высших руководящих структур.

Общее разбалтывание разведывательной машины дополняла монотонная, серая партийная работа, оторванная от реальных глубинных процессов жизни. Вот как мне виделись партийные мероприятия тогда, десять лет назад: «Вчера целый день просидели на партийной конференции. Все шло и прошло, как обычно за последнее время, гладко-гладко. Прямо-таки проскользили по мероприятию, не зацепившись ни за кого ничем. В таком виде стандартизированные конференции давно себя изжили. Все в них стало рудиментарным, даже буфеты с улучшенным ассортиментом харчей. Когда-то давно, на заре туманной юности, когда прототип нынешних конференций только зарождался, в стране было голодно, холодно, все порушено. Делегаты неделями добирались до центров партийной жизни, жевали сухарные крошки, синели от недоедания. Партия старалась, чтобы ее мероприятия были вехами в сознании делегатов. Их поили горячим чаем, подкармливали бутербродами — не виданным для многих лакомством, давали регулярные горячие обеды. Тогда это была необходимость, люди валились с ног от недоедания. А теперь… груды тортов, фруктов,

бутербродов, штабели бутылок с пивом, «пепси-колой» (ей-то уж совсем тут не место). Пузатые самовары, пузатые буфетчицы, пузатые делегаты. Их надо голодом лечить, а не перекармливать в дни партмероприятий.

С книгами то же самое. Тогда, при явной нехватке печатной продукции, делегатам давали труды Ленина, брошюры с партийными документами, статьи «Правды». Люди везли их на места, как политический динамит, которым рвали вековой социальный лед России. Теперь форма осталась, но люди стоят за «дефицитом», они спрашивают Ю. Семенова, В. Шукшина. Политическую литературу не берут или берут аптечными дозами.

Президиум собрания некогда был настоящим рабочим органом, из-за разных точек зрения, тенденций, даже фракций было рискованно поручать одному лицу ведение партийного собрания, конференции. Сейчас президиум — это «почетные ложи». В первых рядах сидит самое большое начальство, во втором — второстепенное начальство, в третьем — третьестепенные лица. Задача — не работать, а чинно высидеть до конца. Рассказывают, что А. А. Громыко лучше других умеет терпеливо высиживать долгие бдения: до обеденного перерыва он держит левую ладонь на правой руке на столе, а после обеда наоборот. Вот и вся работа.

Оттого-то в зале из президиума чаще видны не лица, а макушки и даже затылки дремлющих людей, потому-то делегаты опрометью бросаются к дверям при объявлении перерыва, и их бывает трудно собрать звонками на очередное заседание. В зале появляются залысины в виде назанятых мест.

Редко кто из участников собраний уж помнил слова партийного гимна «Интернационал». Текст стали печатать на тыльной стороне обложки записных книжек, которые выдавались делегатам. Но хоровое пение получалось и слабым, и нестройным, тогда партийные начальники обзавелись пластинками с патефонной записью «Интернационала» и стали запускать его на полную громкость после окончания мероприятия. Так постепенно глохла и чахла партийная душа.

В сентябре 1985 года покончил самоубийством один из самых уважаемых мною людей — Владимир Алексеевич Любимов, мой однокашник по учебе в МГИМО и коллега по работе. Редкой породы был человек. Эмоциональный, легковозбудимый, одержимый страстью к поискам разумных, справедливых решений, он внушал страх проходимцам, захребетникам, просто бездельникам. Они считали его «чокнутым». В спорах он действительно заводился донельзя. Однажды ко мне пришел здоровенный детина с жалобой на то, что В. Любимов побил его.

Я выразил сомнение: как мог изнуренный работой, непрерывным курением, хилый, немолодой человек сотворить такое с сейфообразным крепышом. Но оказалось, что и в самом деле, когда верзила предложил совершить какой-то мелкий обман начальства, Володя заехал ему в ухо и выгнал вон из кабинета. Любимов был настолько разъярен, что «обиженный» не решился требовать реванша.

Когда Любимов выезжал в краткосрочные командировки за границу, то больше половины резидентов, кому он оказывал помощь и содействие в решении конкретных проблем, присылали в центр восторженные отзывы, а меньшая часть разражалась злобной хулой и требованиями, чтобы никогда впредь таких… не выпускали из Союза. Очень эрудированный и острый на язык человек, он был не в состоянии понять, почему другие люди могут быть глупее и примитивнее его. Обладая талантом с избытком, блестящий аналитик, он сорил идеями направо и налево, но не мог заставить себя написать диссертацию. Идеалист до мозга костей, он не вынес начавшегося очевидного развала партии и государства. В возрасте 57 лет выбросился из окна своей квартиры. Когда я узнал о трагической развязке, мне на ум пришли почему-то идиотские стишки одного из декадентов: «Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него хоть на миг, но иной». Мир праху одного из честнейших и талантливейших людей, кого мне пришлось узнать в жизни!

У меня уже давно зрело желание как-то публично высказать свое мнение о том, каким я представлял себе коммуниста как тип человека. Я воспользовался предложением одного моего старого товарища, работавшего в журнале «Коммунист», и написал статью о Че Геваре, жизнь которого мне казалась воплощением коммунистического идеала личности. Я и сейчас, в слякотное безвременье, не откажусь ни от единого слова этой статьи, опубликованной в марте 1985 года, как раз тогда, когда Горбачев забрался на облучок партийной колесницы. В отличие от длинной вереницы известных нам политических деятелей-«коммунистоидов», Че Гевара никогда не разделял свое слово и свое дело. Он любил повторять выражение Хосе Марти, великого кубинского патриота: «Самая лучшая форма сказать что-либо — взять и сделать это!» Если он выступал за участие служащих в добровольном производственном труде, то одним из первых отрабатывал положенные 240 часов в год подручным каменщика, рубщиком сахарного тростника, грузчиком на сахарных заводах. Че был глубоко убежден, что одним производством товаров и услуг нельзя решить все проблемы общества, надо одновременно и создавать другого человека.

Образ Че Гевары не был воспринят руководством КПСС именно из-за его слишком высоких требований морально-этического порядка, предъявляемых к коммунистическим руководителям. Наши вожди — вальяжные кабинетные сибариты — не воспринимали аскетического, непримиримого трубадура нового коммунизма, ставшего после своей гибели в Боливии в 1967 году кумиром левонастроенной молодежи во всем мире. Моя статья осталась незамеченной, даже на фоне попыток возрождения «ленинских норм» партийной жизни. Но меня это не задело. Я счастлив, что статья о Че идет сразу же после статьи Юлии Друниной в том же номере журнала. Случайное соседство подчеркнуло идейное родство.

«Горбаниада»

Надежда на то, что партия возродится, найдет в себе силы возглавить ею же самой начатое движение к реформам, не покидала всех тех, кто искренне разделял идеи о социалистической альтернативе развития общества. Все чаяния, в том числе и честных офицеров разведки, сосредоточились на предстоявшем вскоре XXVII съезде партии. Он собрался в самом конце февраля 1986 года. Подготовка съезда велась скоропалительно, на проработку и осмысление документов давалось очень мало времени. Члены политбюро получили проекты доклада генерального секретаря 4 февраля, а уже на 6 февраля было назначено заседание политбюро, на котором должен был утверждаться окончательный текст. 48 часов на читку и анализ документа объемом в 150 машинописных страниц, документа, которым намеревались отметить начало новой, обновленческой эры, конечно, маловато. Более того, это несерьезно. Мне удалось познакомиться с текстом доклада за несколько дней до съезда, и я записал тогда: «Драматических перемен не просматривается. Ехать в следующее пятилетие будем на той же машине, только ей надо сделать ТО-2 (технический осмотр-2): смазать ходовую часть, подтянуть гайки, заменить свечи, подрегулировать зажигание и т. д. Да, и запретить водителю пить за рулем. Кое-чего мы должны добиться, но сверхзадачу не решим. Через пять лет вернемся к этим берегам и, боюсь, вздохнем печально».

Сам съезд подтвердил, что лимит доверия не бесконечен. Б. Н. Ельцин прямо сказал делегатам: «Нас не должна размагничивать постоянная политическая стабильность в стране». Вообще Ельцин стал самым модным политическим деятелем в стране. Он все «разносил» с неуязвимых позиций. Даже себя. Сказал так: «Могут спросить, а чего же не выступал так остро на прошлом съезде? Отвечу: не хватило смелости и политического опыта».

На этом съезде было всем заметно, что «ноги» у партии стали разъезжаться, как у коровы на льду. Е. К. Лигачев определил свою позицию как консерватор, когда резко одернул «Правду» за излишнее критиканство в статье Т. Самолис от 13 февраля 1986 г. под заголовком «Очищение». В статье почти не было авторского материала, она вся состояла из выдержек из писем читателей — рабочих, крестьян. Идеи, содержавшиеся в ней, были бритвенно остры, вроде «Долой все спецкормушки!», «Между ЦК и рабочим классом колышется малоподвижный, инертный и вязкий

партийно-административный слой, которому не очень-то хочется радикальных перемен», «Очередь в партию — абсурд», «Нам не нужны формулировки типа «освобожден в связи с переходом на другую работу», скажите, за что снят и куда направлен».

Эта статья напугала многих сильнее, чем самая суровая критика с высоких трибун. Все, кого это касалось, отлично понимали разницу между критикой сверху и критикой снизу. От первой давно были выработаны средства защиты. Можно промолчать, можно поддакнуть в тон критике, можно кое-что сделать, а потом долго и громко докладывать о содеянном. Критика снизу — слишком сильнодействующее лекарство, допустимое в крайне малых дозах. Стоило чуть увеличить дозу, как у аппаратчиков началась «медвежья болезнь».

Съезд «пощекотал» партию левыми речами многих делегатов, но практических результатов не дал. Оценки его были противоречивыми. Ко мне домой зашли старые друзья с Кубы, присутствовавшие на съезде, и стали спрашивать, насколько прочен обновленческий путь, не будет ли контрнаступления «мастодонтов», не наткнется ли этот процесс на противодействие аппаратчиков. Я отвечал, что меня тоже волнуют эти вопросы, но в несколько иной редакции, а именно: хватит ли пороха, то бишь смелости и энергии, чтобы перелить слова в дела?

Съезд закончился комическим исполнением устаревшего гимна, когда секретари обкомов, министры, генералы, руководители партий и государств поют: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов…»

Мы в разведке были довольны тем, что В. А. Крючков, наш шеф, был избран в состав 304-членного Центрального Комитета. В середине марта 1986 года к нам в городок разведки Крючков привез делегацию от Свердловской партийной организации, которая была на съезде. Возглавлял эту делегацию тогдашний первый секретарь Свердловского обкома партии Ю. В. Петров. Конечно, их поразил наш чистый, хорошо спланированный «островок» с монументальными служебными зданиями и великолепным актовым залом на 800 человек. Ровные ряды дисциплинированных, прилично одетых, дружно аплодирующих молодых мужчин производят такое впечатление, будто посетитель попал в на редкость высокоорганизованный, эффективный и очень важный институт. Секретность придает всему дополнительную загадочность. Люди, даже очень бывалые, чуточку теряются от этого впечатляющего антуража.

Но на этот раз настала наша очередь изрядно растеряться. Петров очень просто и умно рассказал о съезде, о своей области, третьей, подчеркнул он, в стране по производству промышленной

продукции, о своих товарищах по работе. Потом стал говорить о планах на 1986–1990 годы, раскладывать задания по годам и сказал буквально следующее: «Нам здесь все ясно, но вот как добиться выполнения этих цифр, мы не знаем». Он обернулся к сидевшему за столом президиума своему товарищу, председателю Свердловского облисполкома, и спросил, согласен ли он с ним. Тот понуро кивнул. У меня почти перехватило дыхание… Если не знает он, первый секретарь крупнейшей парторганизации, то что же знает многоликий безответственный съезд, поставивший нереальные задачи? Петров как будто понял по прошедшей волне в зале, что он сильно смутил слушателей таким признанием. Он стал вспоминать годы войны, когда производительность труда возросла в 7 раз за три года, когда родилось «советское чудо из чудес», но этим самым как бы подчеркнул беспомощность сравнения. Тот опыт неприемлем, он — священная могила.

Послесъездовское время сразу же заполнилось суетливой болтовней. Я сделал такую запись 28 июля 1986 г.: «Нынешние дни запомнятся злоупотреблением слов и явным недостатком дела. Телевизоры не умолкают с утра до ночи, киоски полны газет и журналов, собрания, совещания наползают одно на другое. Залы для словопрений надо бронировать за две недели даже у нас в разведке. Все остальное время там точат лясы другие. Если бы эти толковища давали хоть какой-нибудь толк…»

Мы начали замечать тревожную тенденцию потери интереса со стороны политических руководителей к работе разведки. Меньше стало политических заданий, совсем прекратилась обратная связь, разрушалось взаимопонимание между ведомствами. В связи с чернобыльской аварией в деятельности научно-технической разведки наступило какое-то оживление, от нее потребовалась помощь в добывании кое-каких приборов, медицинских препаратов и т. д. Но это было, скорее, обращение к открытым связям и возможностям, которые имелись у сотрудников, находившихся за рубежом. Большая часть и приборов, и препаратов была открытой, и их можно было приобрести-за деньги. К тому же весь мир откликнулся на нашу трагедию, проявив живое участие, и особых сложностей выполнение заданий не представило. Разведка старалась закрепить за собой репутацию организации, работающей быстрее и дисциплинированнее других.

Внутриполитическая борьба все заметнее поглощала основное время и энергию руководителей: хозяйственные трудности, тяжелые катастрофы и аварии довершали грустную картину. Послы и резиденты вовсю старались привлечь внимание политического руководства к практическим вопросам

международной проблематики. Но сама информация, приходившая из-за рубежа, мельчала по тематике, по содержанию, очень часто деградировала до описания реакции, с которой встречались за границей те или иные непременно «исторические инициативы» советского руководства.

В течение двух десятков лет мне каждое утро приходилось просматривать сотни телеграмм — как разведывательных, так и мидовских, и военных. 10 октября 1986 г. я в сердцах записал следующее: «Информация по внешнеполитическим делам — это истинное бедствие. Груды бумаги, набитые тривиальными рассуждениями о текущих вопросах. Многословие — родная сестра пустословия — главная черта «информации». Под грифом «секретно» засылается в Москву всяческая муть, почерпнутая из прессы, причем нередко с прямыми ссылками на нее. Объемы этих «сведений» и рассуждений столь громоздки, что пользоваться ими нельзя. Можно часами читать эту словесную шелуху, и в результате в душе лишь поднимается волна раздражения и отвращения к малограмотным писакам, носящим высокие дипломатические ранги или занимающим иные крупные посты.

И сколько постановлений ни принимает ЦК по поводу сокращения и упорядочения переписки, улучшения ее информативного качества, все идет коту под хвост. Все строчат и строчат с одной-единственной целью: авось заметят усердие. Бумага стоит пока выше дел».

Эти недостатки в равной степени относились ко всем авторам информации из-за рубежа. Но мы время от времени одергивали резидентов, посылая им указания о необходимости увеличивать информационную плотность документов, выжимать из них воду. Для послов таких препон не существовало, и не редкостью стали телеграммы в 10–20 страниц, на которых излагалось содержание беседы с каким-нибудь иностранцем, в то время как изложение существа беседы занимало несколько строк.

Еще во времена Андропова в разведке было принято железное правило: любой информационный материал не должен превышать трех страниц. Это в равной мере касалось информационных телеграмм и аналитических документов. К аналитическим документам разрешалось в качестве приложения добавлять необходимые справочные материалы. Этого правила мы держались достаточно строго, хотя под различными предлогами, чаще всего под предлогом «важности», позволяли себе увеличить документ на страницу, но не больше.

Теперь этот «бурный поток» информации, унаследовавший в гипертрофированном виде все недостатки застойного периода,

мало кого интересовал. Новый руководитель партии и государства по своим привычкам и характеру отличался от деятелей застоя. Про Брежнева ходили всякие анекдоты, подчеркивавшие его несамостоятельность в связях с внешним миром, выступления по бумажке. М. С. Горбачев взял другую манеру — ведение внешней политики методом импровизации с помощью до крайности узкого круга своих ближайших советников, среди которых главное место принадлежало Э. А. Шеварднадзе и А. Н. Яковлеву. По крайней мере, именно они формулировали основные направления во внешнеполитическом курсе Горбачева. Роль профессионалов внешней политики была значительно урезана и в МИД. Об этом писали тогдашний первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и покойный маршал С. Ф. Ахромеев в книге «Глазами маршала и дипломата» (критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г.). Упала роль политбюро в выработке внешнеполитического курса. В таких условиях роль других ведомств, включая разведку, оказалась совсем приниженной. В упомянутой книге Ахромеев писал: «Ни разу на моей памяти М. С. Горбачев обстоятельно военно-политическую обстановку в Европе и перспективы ее развития в 1986–1988 годах с военным руководством не обсуждал».

Мы в разведке были неприятно поражены появлением 15 января 1986 г. заявления генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о программе полного ядерного разоружения, рассчитанной на 15 лет. Поражены не только тем, что нас никто не привлекал к работе над этим документом, но и самим его содержанием, волюнтаристским характером, оторванностью от реальной мировой действительности, политической, пропагандистской направленностью. Даже самый элементарный просчет возможной реакции в мире на это выступление мог бы убедить авторов в том, что оно не встретит никакой поддержки со стороны ядерных держав. Все четыре члена ядерного клуба не проявляли ни малейшего намерения всерьез приступить к ликвидации своих ядерных арсеналов. Но мало того, надо было еще задать себе вопрос, в состоянии ли Россия обеспечить свою безопасность и независимость без ядерного оружия. Что касается меня, то я глубоко убежден в том, что при обширности нашего в целом малонаселенного государства, при наличии к нам серьезных территориальных претензий со стороны некоторых соседей, при нараставшем научно-техническом отставании страны, при неблагополучном положении в ее обычных вооруженных силах отказ от ядерного оружия является самоубийственным для СССР и для России сегодня. Другими

средствами мы не в состоянии надежно защитить свою территорию. Это утверждение вовсе не значит, что я сторонник сверхнормативных ядерных сил, безмерного накапливания опасного оружия, но страна на длительное обозримое время не может полагаться на другую военную гарантию своей независимости, кроме обладания достаточным и необходимым ядерным арсеналом.

Эта инициатива генерального секретаря стала головной в целой серии подобных мыльных пузырей вроде «общеевропейского дома», «общечеловеческих ценностей», которые сопровождали Советский Союз на Голгофу, к месту его распятия.

Мы однозначно приветствовали реальные подвижки в нашем мышлении, ориентированные на поиск путей выхода из тупиковых ситуаций. К ним относятся инициативы по выходу Советского Союза из Афганистана, все шаги, направленные на сокращение ядерных вооружений, свертывание наших обязательств перед странами «третьего мира» и др. Нам, как и всем гражданам, было понятно, что, только сбрасывая балласт из корзины воздушного шара, можно обеспечить полет на какое-то время, необходимое для ремонта несущей оболочки.

В конце сентября 1986 года довольно неожиданно на разведку обрушилось поручение принять участие в подготовке встречи на высшем уровне между Рейганом и Горбачевым в Рейкьявике, намеченной на 10–12 октября. С каждым разом наше участие в подобных мероприятиях приобретало все более «охранный» характер. Главные заботы Комитета государственной безопасности концентрировались на обеспечении бесперебойной связи с главой государства и партии и личной безопасности. Даже при выборе самого места встречи учитывались эти факторы, уж очень допекали и раздражали шумные демонстрации добровольных и платных радетелей свободы, прав личности, которые, меняясь вахтами, несли пикетирование наших посольств и миссий, равно как и мест переговоров с участием советских руководителей. Хорошо проводить переговоры в стране, где все население не достигает четверти миллиона человек, где «сионистов» всего 18 душ, где жители — прямые потомки викингов — молчаливы, сдержанны и полны собственного достоинства. Обстановка просто приятная. Если бы не шумная, нахальная толпа в 2,5 тыс. журналистов, саранчой осевшая в трех местных отелях, то можно сказать, что лучшего и искать не следовало бы. Для комфортного размещения нашей делегации к берегам Исландии пошли два корабля — плавучих отеля. Если в вопросах обеспечения связи и безопасности все было отработано

специалистами КГБ до мельчайших деталей, то потенциал разведки оказался по существу не востребованным для подготовки содержательной части переговоров. Мы по собственной инициативе составили несколько документов по вопросам, вынесенным в повестку дня, направили их Горбачеву и не получили, естественно, никакого ответа ни от него, ни от его помощников.

Предварительное изучение программы пребывания Горбачева в Рейкьявике насторожило нас крайне ограниченным временем, отведенным первоначально для собственно переговоров. Ради чего надо было ехать за тридевять земель? За два дня, 11 и 12 октября, предполагалось уделить двусторонним переговорам только шесть часов. Я мысленно прикидывал: половину времени надо отдать переводчикам — останется три часа, затем разделить остаток на двух собеседников — и получалось, что каждый располагал временем в полтора часа, чтобы изложить свои соображения по сложнейшим вопросам, таким, как СОИ, стратегические системы оружия, ракеты средней дальности, подземные испытания ядерного оружия и т. д. Что можно сделать за столь короткое время, даже если предположить, что эксперты и министры будут трудиться все оставшееся время?

По ходу встречи время бесед было увеличено до десяти часов, и, хотя позиция Горбачева отличалась достаточной наступательностью, все импровизированное громоздкое мероприятие, если говорить нормальным человеческим языком, провалилось. Главный расчет на то, что удастся уговорить Рейгана отказаться от СОИ в обмен на крупномасштабное сокращение ракетно-ядерных арсеналов, не оправдался. Кстати говоря, во всех материалах разведки постоянно присутствовали сведения о неготовности американского президента пойти на разумный компромисс, его увлеченности идеями СОИ. Но, видимо, наши материалы не принимались во внимание.

Встреча в Рейкьявике показала, что внешнеполитическое руководство страны скорее увлекалось внешней, показной стороной своих инициатив, их политической броскостью, но не было озабочено их практичностью и конкретностью.

В целом в это время и в последующие годы наблюдался заметный перекос в приоритетах государственного руководства. Все главные заботы должны были быть связаны с социально-экономическими проблемами, внутренней политикой, национальными проблемами, от их решения зависели и судьба строя, и завтрашний день государства, но руководство страны в лице Горбачева упорно тянуло в сферу внешней политики. Спокойному наблюдателю было видно, что Советскому Союзу

предстояла длительная полоса сдачи некоторых внешнеполитических позиций, отступлений, перегруппировок сил. Такую черновую, невыигрышную работу разумнее было бы поручить упорным специалистам-профессионалам, которые бы лучше спланировали и осуществили неблагодарную стратегическую операцию по упорядочению внешней политики и приведению ее в соответствие с новым курсом страны и ее реальными возможностями. Но как отказаться от личного участия во внешне звонких, протокольно броских, помпезных встречах, шумных пресс-конференциях, почетных караулах из оловянных солдатиков, банкетах… На этом фронте все приятно. Пара-тройка колких вопросов во время пресс-конференции не в счет, язык, как известно, без костей. Зато какие репортажи на первых полосах газет, сколько телевизионного времени! Разве что-нибудь подобное можно выдоить из тяжких внутренних проблем? Встречи с гражданами своей страны изнурительны накалом недовольства и даже враждебности со стороны людей, уставших от пустомельства. Ответить им нечем, потому что нет ни программы действий, ни внутренней убежденности в правильности своего пути, ни материальных возможностей помочь людям.

Когда внешней политикой занимаются иностранные государственные деятели, мы им прощаем определенную увлеченность, они ведь не несут никакой ответственности за экономическое развитие общества, рыночная экономика саморегулируется, а у нас государство являлось единственным владельцем всего производственного потенциала страны, на руководстве лежала и основная ответственность за экономическое благополучие страны и народа. Вот этим-то оно никак и не хотело заниматься, несмотря на кричащую необходимость.

Одна за другой следовали поездки Горбачева, не диктовавшиеся государственной необходимостью, лишь вызывавшие раздражение в самых широких кругах народа. Поползли злые слухи о роли супруги главы партии в этой деформации приоритетов Горбачева.

Начиная с конца 1986 года мне довелось принимать участие в рабочей группе межведомственной комиссии по вопросам разоружения. Она состояла из руководителей ряда министерств и ведомств, имевших непосредственное отношение к этой проблематике, — МИД, МО, руководителей военно-промышленной комиссии Совмина СССР, руководства нескольких отделов ЦК КПСС, КГБ. Условно эту комиссию называли «большая пятерка». При ней существовала рабочая группа, сформированная из экспертов этих министерств и ведомств («малая пятерка»),

куда и я входил, представляя КГБ. «Большая пятерка» собиралась на Старой площади, чаще всего в кабинете секретаря ЦК Л. Н. Зайкова, а рабочая группа обычно заседала в здании Генерального штаба, в кабинете заместителя начальника Генерального штаба. В рассмотрении проектов документов, подготовленных в рабочей группе, участвовали эксперты, и мы были невольными свидетелями порядка выработки и принятия решений самыми высшими руководителями партии и государства.

Поскольку многие вопросы, которые там обсуждались в связи с направлениями развития науки и политики в области вооружений, и сейчас остаются национальными секретами, я остановлюсь лишь на том, как бессистемно и импровизированно принимались некоторые решения по важнейшим вопросам, связанным с безопасностью страны. У меня сложилось твердое убеждение, что никакой ясной концепции, а тем более осмысленной программы разоружения у нас тогда не существовало. Выдвигавшийся принцип «разумной достаточности» фигурировал только как словесная формула. Научно и экономически обоснованного военно-технического наполнения ее не существовало. Никто из политических или военных руководителей не смог бы тогда ответить даже сам себе, в чем же выражалась эта «разумная достаточность», переведенная на язык количественных показателей вооруженных сил, вооружений, экономических затрат.

В ходе работы «большой» и «малой» пятерок все время «искрило» из-за плохих контактов между МИД и Министерством обороны. Собственно, сами контакты были нормальными, но подходы к решению проблем были пропитаны разным содержанием. Мидовские эксперты всегда отстаивали ту линию, которая могла гарантировать принятие и подписание соглашения американской стороной. Это была последовательная линия уступок. Она могла диктоваться ведомственным стремлением во что бы то ни стало добиться «результата» в виде очередного согласованного и готового к подписи документа. Складывалось впечатление, что дипломаты-профессионалы не выдерживали тягучих, трудных переговоров, отказывались от противоборства со своими американскими коллегами и готовы были пойти на сдачу позиций. Могли быть и другие причины. Отстаивая на рабочей группе те или иные позиции, они никогда не ссылались на то, что их точка зрения наиболее точно соответствует интересам государства. «Успешность переговорного процесса» заменяла им категорию «национальной безопасности».

Самым уязвимым местом в подходе Шеварднадзе и его

сотрудников к переговорному процессу было то, что они работали бессистемно, хаотично, не подчиняя свои усилия и усилия других ведомств какому-то определенному принципу, лежащему в основе политики государства. В истории дипломатии известны эпизоды, когда дипломаты даже потерпевших поражение государств умудрялись спасти территориальную целостность и защитить интересы своих стран путем выдвижения какого-либо универсального принципа, выгодного своей стране. Например, после разгрома наполеоновской армии и высылки самого императора на остров Святой Елены над Францией нависла угроза расчленения, но ее тогдашний министр иностранных дел Талейран выдвинул на Венском конгрессе принцип «легитимизма», то есть торжества законности, и тем самым отстоял границы Франции. При создании системы Организации Объединенных Наций великие державы-победительницы взяли за основу принцип равенства государств и, в общем, последовательно провели его в жизнь. Даже во время драматически тяжелых переговоров с немцами в 1918 году в Брест-Литовске учитывался принцип «мир во что бы то ни стало». А вот наши с американцами переговоры по разоружению велись без опоры на какой-либо принцип, иначе говоря, беспринципно.

Каждый раз, когда внимание МИД обращалось на необходимость определиться в этом краеугольном вопросе, его представители либо отмахивались, либо откровенно сердились. Предлагалось, в частности, положить в основу всех переговоров по разоружению принцип «равной безопасности», которому и подчинить всю дальнейшую работу. Один из членов нашей делегации в Женеве, где шли сами переговоры, как-то шепнул мне на ухо: «Не настаивай, не пройдет, мы уже пробовали обсудить этот вопрос в Женеве, американцы не согласились ни в какую». Через какое-то время все смирились с «принципом беспринципности», и вся работа устойчиво приобрела характер нервического реагирования на целенаправленное наступление американской стороны. От этого и заседания рабочей группы или даже «большой пятерки» носили не регулярный характер, а спорадический, в зависимости от активности делегации США. Временами нас начинало лихорадить и заседания проводились каждые три-четыре дня, а потом наступало расслабление и месяцы проходили в прострации и бездействии.

Мне могут возразить, что, мол, и не обязательно изыскивать какой-то основополагающий принцип для переговоров. Могу согласиться, но в этом случае уместен вопрос: ради чего тогда ведутся двусторонние переговоры? Китай, например, не ведет ни с кем переговоров о разоружении, он определяет уровень своих

вооруженных сил и вооружений самостоятельно, в зависимости от своих национальных потребностей. Он не насилует ни свою науку, ни промышленность, ни армию, подчиняя их чьей-то воле. Зачем нам переговоры, если мы не получаем ни равной безопасности, ни даже фиксации какого-то пропорционального соотношения наших вооруженных сил, ни признания исторически сложившейся их конфигурации? Не проще ли тогда пойти по пути самостоятельного, независимого формирования своих сокращенных оборонительных сил, освободившись от постоянно указующего перста партнеров по переговорам? Руководство Министерства обороны и его эксперты придерживались принципа сохранения всего, что было накоплено за предыдущие годы. На них, пожалуй, и лежала главная ответственность за конкретную ненаполненность принципа «разумной достаточности». В результате весь переговорный процесс носил малоуправляемый характер. Приходилось либо приспосабливать нашу позицию к очередной выплеснутой в печать «инициативе» Горбачева, либо отбиваться от американских предложений, которые они чаще всего выкладывали за столом переговоров в более отработанном для документа виде. Делегации СССР, которая вела переговоры в Женеве, приходилось весьма трудно, ее постоянно лихорадило. Одни требовали от нее результативности, а другие — твердости в отстаивании интересов безопасности.

Американцы чувствовали, а скорее всего, знали о постоянных межведомственных трениях, видели нестабильность нашей переговорной позиции и готовность к пересмотру уже заявленных точек зрения. Они строили свою тактику на переговорах на принципе неуступчивости, выдвижения предложений, ориентированных на сокращение количественных параметров наших вооруженных сил, на ограничение их боевых возможностей. Их совсем не беспокоил фактор времени, у них не было желания достичь немедленных решений любой ценой. Они последовательно вели линию на обеспечение себе односторонних преимуществ. Когда не удавалось в течение длительного времени вырвать что-либо у наших переговорщиков, американцы добивались своего на «высшем уровне».

За время работы в группе я так и не понял и никто ясно не мог ответить, когда и где Горбачев дал американцам согласие на уничтожение нашего самого совершенного ракетного комплекса «Ока» с дальностью стрельбы менее 500 км, ведь этот тип оружия вообще не обсуждался на переговорах.

В Рейкьявике непонятно каким образом с языка у Горбачева сорвалось согласие признать американский тяжелый бомбардировщик, вооруженный гравитационными ядерными

бомбами и ракетами с ядерной боеголовкой СРЭМ, за эквивалент одной боеголовки. Ни в какой рабочей группе этот вопрос не прорабатывался. Да и какому здравомыслящему человеку придет в голову приравнивать одну боеголовку к 24 ядерным ракетам, каждая дальностью до 600 км? Однако же это произошло вопреки самым очевидным интересам национальной безопасности. А потом, когда наш генеральный секретарь уже дал на что-либо согласие, мы считали невозможным пересматривать нашу позицию. Ведь все генеральные считались непогрешимыми, по крайней мере до момента своей смерти или снятия с поста.

В каких-то вопросах и самим военным не хватало гражданского мужества, чтобы заявить о своих позициях по существу. Я помню, как каялся Сергей Федорович Ахромеев в том, что поставил свою подпись под документом, составленным в МИД, по которому СССР соглашался на то, чтобы военно-морские силы не обсуждались на переговорах по ограничению обычных вооружений в Европе. Это означало, что американцы сохранят подавляющее преимущество на морях и океанах, а мы будем с ними обсуждать в основном вопрос о сокращении сухопутных и военно-воздушных сил, в которых у СССР имелось некоторое преимущество. Продолжалась игра в одни ворота. И продолжалась она очень долго.

10 марта 1990 г. в кабинете у Л. Н. Зайкова на Старой площади произошел эмоциональный взрыв. Я заранее предчувствовал крупную ссору на публике. Министерство обороны и отделы оборонной промышленности обвиняли МИД в том, что Шеварднадзе не прислушивается к мнению рабочей группы, более того, нарушает утвержденные к переговорам директивы и заявляет американцам такие позиции, которые наносят ущерб национальным интересам СССР. Это подтверждалось тем, что Шеварднадзе прекратил рассылать отчетные документы о своих переговорах с США, никто давно не знал, о чем Эдуард Амвросиевич вел диалог с госсекретарем Бейкером и какие обязательства МИД брал от имени всей страны.

Военные были крайне возмущены тем, что в начале февраля 1990 года на переговорах с Бейкером в Москве Шеварднадзе в обход рабочей группы дал американцам согласие на то, чтобы засчитывать за каждым тяжелым бомбардировщиком 10 крылатых ракет воздушного базирования с радиусом действия более 600 км, тогда как реально каждый такой бомбардировщик может нести вдвое больше — 20 крылатых ракет. В то время в строю у американцев имелось 110 тяжелых бомбардировщиков, и они получили, таким образом, наше согласие на преимущество в 1100 ядерных боеприпасов только по этому типу вооружений. Никто

никогда не давал согласия на такую систему зачета.

Э. А. Шеварднадзе понял, что ему предстоят неприятные часы, и на несколько дней упредил нападавших, направив записку на имя Зайкова, в которой обвинил всю рабочую группу в неоправданном затягивании сроков рассмотрения предложений МИД. Такого мне видеть еще не приходилось: член политбюро жаловался на экспертов-исполнителей, причем без всяких оснований, просто так, чтобы раньше крикнуть: «Сам дурак!»

На заседании 10 марта 1990 г. «забойную» роль взял на себя начальник Генерального штаба Михаил Алексеевич Моисеев, который в присутствии Л. Н. Зайкова, Д. Т. Язова, В. М. Фалина и др. (Шеварднадзе не явился, прислав своего заместителя В. П. Карпова) прямо заявил о том, что из-за чиновничьего зуда как можно скорее подготовить документы о сокращении вооружений на подпись Горбачеву мы идем на необъяснимые и неоправданные уступки американцам, нарушая даже те договоренности, которые с ними были ранее достигнуты. США и СССР достигли согласия в том, чтобы иметь каждому по 1600 носителей ядерного оружия и по 6 тыс. боеголовок, но в результате последующих суетливых, неумелых маневров-ходов Шеварднадзе американцы приобрели право и наше согласие на то, чтобы иметь у себя не 6, а 11 тыс. боеголовок, то есть почти вдвое большее количество ядерных боеприпасов, установленных на носителях. Хотя слова Моисеева адресовались лично Шеварднадзе, но все присутствовавшие отлично понимали, что они бьют и по Горбачеву. Все мы не раз были свидетелями, когда споры в рабочей группе или в «большой пятерке» заходили в тупик, причем чаще всего руководители МИД оставались в одиночестве. Тогда, как правило, Шеварднадзе говорил: «Хорошо, оставим этот вопрос, я переговорю с Михаилом Сергеевичем». Это означало: «Ладно, сидите тут со своими возражениями, а мы поговорим и примем решение». Так оно и бывало чаще всего. Понимал направленность критики и Зайков, председательствовавший на заседаниях «большой пятерки». Он довольно грубо попробовал оборвать Моисеева, сказав: «Вы больно много себе позволяете!», на что немедленно получил ответ: «Не больше, чем мне положено по моим служебным обязанностям».

Даже Язов стал успокаивать Моисеева, а дрогнувший Зайков примирительно сказал: «Ну хорошо, мы с Дмитрием Тимофеевичем переговорим, если надо — с Михаилом Сергеевичем».

Представители МИД молчали. Обстановка была до крайности нервной. Никакого привычного пиетета не чувствовалось. Каждый

из присутствующих ощутил свою личную ответственность за завтрашний день.

Это заседание оказалось как бы итоговым. Зайков сказал в заключение, что впредь все мы, причастные к проработке вопросов разоружения, не должны упоминать о существовании комиссии ЦК КПСС как директивного органа. Теперь остается только Межведомственная рабочая группа как единственный конституционный орган для этих вопросов. Мы упреждали события. Партия еще не отказалась от своей «руководящей роли», еще не был избран президент СССР как полновластный заменитель генерального секретаря, а наша комиссия уже прекращала свое существование.

Возвращаясь мысленно к годам вооруженного противостояния с Соединенными Штатами, не перестаешь удивляться самоубийственной безоглядности, с которой наше тогдашнее политическое руководство шло след в след по пути гонки вооружений за Соединенными Штатами. Они создали расщепляющиеся головные части ракет, мы ответили тем же; они стали развертывать крылатые ракеты, мы немедленно приступили к созданию такого же оружия; нам стало известно, что США обладают бинарным химическим оружием, мы тут же приступаем к идентичным разработкам и т. д. Асимметрия вооружений складывалась только там, где нас сдерживали производственные мощности. У нас меньше стратегической бомбардировочной авиации, но это потому, что наши авиастроительные возможности не позволяют развернуться на всю американскую амплитуду. Ведь любой член политического руководства знал, что производственный потенциал США примерно в 2 раза мощнее нашего, что качество рабочей силы у них намного выше, ниокровские работы не в пример лучше организованы и технически обеспечены, что нам просто нельзя по законам экономики «тянуть из себя жилы» на их уровне. И все-таки мы упорно совали свою голову под гильотину, настолько велико было влияние разросшегося военно-промышленного комплекса, требовавшего все больших и больших ассигнований. Когда в 1983 году уважаемый и умнейший за последнее время руководитель партии и государства Ю. В. Андропов принял решение уйти с переговоров в Женеве только потому, что там не учитывались атомные потенциалы Англии и Франции и американцы не соглашались с принципом, что военный потенциал СССР должен быть равен суммарному ядерному арсеналу США, Англии и Франции, то оставалось только схватиться за голову. Неужели мы намеревались всерьез вешать на себя хомут вооружений, равных вооружениям США, Англии и Франции, вместе взятым?

Сам для себя я все время искал пути решения проблемы безопасности страны без очевидного смертельного риска для ее экономики, без ее экономического истощения. Мне приходили в голову самые сумасшедшие идеи. Я часто делился ими в самом узком кругу своих друзей. Например, обращая их внимание на то, что американцы никоим образом не соглашаются на наши предложения об отказе от направленного воздействия на природную среду, от идеи так называемых «метеорологических войн», более того, они активно работают в этом направлении, я высказывал мысль о том, что следует сосредоточить внимание наших специалистов на создании глобального оружия, применение которого было бы одинаково опасно для любого из противников в будущей войне. Мне представлялось, что следует отказаться от психологии, основанной на возможности победы в будущей войне; именно на этих уже отживших расчетах строили свою доктрину наши военные, но еще больше этой психологией руководствовались наши потенциальные противники. Ликвидировать такие расчеты можно только путем создания «глобального оружия», которое сделало бы бессмысленной и ненужной гонку вооружений. Собственно, такое оружие уже фактически существовало в виде ядерных вооружений. Но ведущие военные державы уже исподволь готовились к дозированному его применению, ведя работу по их миниатюризации. Велись и теоретические проработки, связанные с ограниченной ядерной войной, проводились испытания новых боеприпасов. Глобальная роль ядерного оружия размывалась. Военные опять привыкали к мысли о возможности выиграть войну с помощью ядерных вооружений.

Если партнеры не соглашались на принятие принципа «равной безопасности», его можно было заменить принципом «равной опасности». Реальная угроза всеобщей катастрофы непременно заставила бы искать пути разумного налаживания жизни на Земле. Зато мир избавился бы от непомерных расходов на бессмысленную гонку вооружений, от истощающего психического напряжения перед ожидаемым конфликтом. Кто-то даже сформулировал эти размышления так: «Что лучше — страшный конец или страх без конца?» А в самом деле, что лучше: «Умереть стоя или жить на коленях?» Я уверен, что можно было жить вечно стоя, без страха в ожидании конца. Как хорошо было бы жить в мире, где по дорогам не ползают отвратительные бронированные чудовища, в небе не выжигают кислород, оставляя шлейфы отравы, армады военных самолетов, по морям не плавают безобразные стальные ящики, набитые, как тараканами, самолетами и вертолетами, а под водой не бродят акулоподобные

субмарины, несущие только смерть в своих ракетных отсеках. И все грозят, грозят, грозят… Уж лучше вместо всех этих бесчисленных и постоянно множащихся угроз иметь одну, смертельную, а потому практически невозможную к реализации, и жить спокойно.

Мне говорили, что в этом случае противостоянию двух военных блоков вынуждены будут подчиниться и другие народы, которые также подвергнутся воздействию «глобального оружия». Я отвечал, что они уже подвергаются негативному воздействию военного противостояния: они не получают для своего развития нужной помощи извне, они вынуждены защищаться в этом враждебном мире, с оглядкой на внешние факторы вести свою торговлю, политику.

Пока на внешнеполитических фронтах наблюдалось довольно беспорядочное отступление, стыдливо занавешиваемое драненьким покрывалом «нового мышления», внутри страны шел опасный, неконтролируемый процесс раскачивания лодки. В 1986 году Горбачев, в отличие от Андропова, попробовал в открытую помериться силами с националистическими партийно-государственными кланами в республиках. Он наверняка был знаком и раньше с имевшимися материалами о поведении Рашидова в Узбекистане и теперь дал им ход. Возникло так называемое «хлопковое дело», в результате которого прояснилось подлинное лицо Рашидова — очковтирателя, бая, распоряжавшегося целой республикой, как своим феодальным поместьем.

В октябре того же года из компартии был исключен Усубалиев, недавний первый секретарь ЦК компартии Киргизии. Общая картина перерождения та же: взяточничество, обман центрального правительства, кумовство и пр. При нем всегда был второй секретарь, некто Макаренко, который тоже был исключен из партии. Усубалиев, состоявший к тому времени на партучете Общества по охране исторических и архитектурных памятников, попросил разрешения выступить в свою защиту в ходе собрания. Он в течение четырех с половиной часов говорил и говорил, пытаясь откреститься хотя бы от части грехов, но все оказалось напрасным. Рядовые члены партии остались непреклонны.

В развитие начатой политики было арестовано несколько первых секретарей обкомов Узбекистана и крупных партийных работников из Туркмении. У одного из них при аресте изъяли 6,5 млн. рублей, что по тем временам было огромной суммой.

Горбачев не представлял себе, видимо, силы сложившихся национально-партийных мафий. Несколько позже он, выступая перед камерами телевидения, называл их (имея в виду Армению)

«политическими авантюристами, рвущимися к власти, мафией, противящейся перестройке». Однажды в сердцах даже бросил такую фразу: «Мы доберемся до них и в Армении, и в Азербайджане!» Нет, не добрался! «Дерево надо рубить по себе», — говорит старая русская пословица. Он только вспугнул сложившиеся группировки, насторожил их и, если хотите, провоцировал сепаратистско-националистические настроения.

Борьба с преступностью партийно-государственных верхушек в союзных республиках оказалась такой же контрпродуктивной, как и борьба с алкоголизмом. Причина — неподготовленность, переоценка собственных сил, никудышный расчет перспектив.

В конце 1986 года было достигнуто соглашение об уходе из Афганистана в течение двух лет. Этот шаг заслуживает безусловного одобрения, хотя он и был предпринят с запозданием. Обсуждая в своем кругу это решение, мы вспоминали уход Франции из Алжира, Соединенных Штатов — из Вьетнама и делали выводы о том, что последствия будут разными. И в том и в другом случае наши предшественники по интервенциям терпели военные поражения или по крайней мере убедились в невозможности достижения поставленных целей военным путем, в неприемлемости политических издержек, связанных с продолжением интервенции. В этом отношении наши судьбы были схожими. А дальше пути расходились. У Франции с Алжиром и у США с Вьетнамом с окончанием войны завершался период взаимной враждебности, начинались поиски путей сотрудничества, победители стремились к экономическому взаимодействию с побежденными, они проявляли крайнюю заинтересованность не только в сохранении, но и в развитии двусторонних отношений. Экономический фактор начинал свою вечную созидательную работу. Развязка нашего конфликта и уход из Афганистана вряд ли могли привести к восстановлению прежних, хотя бы прежних, отношений с этой страной. Мы были слишком беспомощны в экономическом отношении, чтобы всерьез рассчитывать на создание новой, более прочной основы для сотрудничества.

Запад, который с таким неистовым остервенением эксплуатировал афганскую тему в период пребывания там советских войск, чтобы нанести максимальный ущерб СССР, теперь на глазах терял интерес к этой израненной, многострадальной стране. А уж когда советские войска покинули Афганистан, сама тема отошла на далекий, задний план мировой политики. Как выяснилось, никого, собственно, глубоко и не интересовала судьба самого народа Афганистана. Никто не торопится прийти на помощь раздираемому братоубийственной

войной народу, никого не волнует возросшее число жертв. Западники просто-напросто эвакуировали свои посольства из Кабула, «умыли руки» и предоставили судьбе несчастное население.

В разведке по-прежнему падал накал работы. Теперь уже с горечью вспоминаю, что нередко в руки попадали очень интересные дела, за которые в другое время, без сомнения, надо было работников представлять к орденам, а теперь интерес к ним почти угасал. Разведка потеряла своих адресатов, заинтересованных потребителей информации. Меня не покидала мысль, что наши ведущие политические лидеры пели, как глухари, свою собственную песню, не обращая внимания ни на что. Они не видели и не слышали ничего вокруг. Иногда поражало полное, стопроцентное расхождение в оценке окружающей политической действительности. Например, весной 1988 года по указанию тогдашнего председателя КГБ В. М. Чебрикова мне пришлось совершить поездку по трем прибалтийским республикам с задачей составить реальную картину политической обстановки в этом регионе. Разумеется, все основные сведения были уже известны, но лишний раз убедиться с помощью «свежего глаза» было нелишне. В течение почти трех недель я находился в поездке, провел несколько десятков встреч с представителями партийного и государственного аппарата этих республик, обстоятельно проанализировал ситуацию с нашими коллегами из комитетов государственной безопасности, побывал у представителей местной интеллигенции, в колхозах, на предприятиях. Эту поездку мы совершили вместе с опытным разведчиком генералом Ромуальдом Анатановичем Марцинкусом, литовцем по национальности, прекрасно знакомым с проблематикой прибалтийских республик.

По возвращении я доложил лично Чебрикову свои выводы, суть которых сводилась к тому, что сформированные новые общественно-политические структуры вроде «Саюди-са», народных фронтов и др. ведут дело к полному отрыву республик от Советского Союза, к восстановлению буржуазных порядков. Бездеятельность центральных властей, отсутствие ясности в их позиции парализовывали активность тех сил, которые имелись в каждой республике и которые убежденно выступали за сохранение Советского Союза. В качестве предложения о возможной линии поведения я сформулировал мнение о необходимости предоставления этим республикам реального хозрасчета, при котором они сохранили бы полную независимость в хозяйственном развитии, не разрывая связи с Союзом. Поскольку главным содержанием программы

оппозиционных сил был протест против «экономического ограбления» региона, то следовало бы дать этим республикам определенную свободу. Предлагалось предоставить им особый статус автономии, наподобие того, которым пользовалась Финляндия в составе Российской империи. На такой основе можно было сплотить значительные общественно-политические силы и удержать от разрыва союзные отношения. Непринятие энергичных мер грозило нарастанием жестко сепаратистских настроений со всеми вытекающими последствиями.

Каково же было мое удивление, когда я узнал об оценках ситуации в Прибалтике, сформулированных А. Н. Яковлевым, съездившим туда чуть позже! Из его слов вытекало, что ничего тревожного в регионе не происходило, что общественно-политические структуры были ориентированы на поддержку «перестройки», никакой угрозы целостности СССР не было. Любой непредубежденный наблюдатель мог увидеть опасные для СССР политические метастазы, и только Яковлев рисовал совершенно неадекватную реальности картину. Предположить, что он не видел реалий, невозможно.

Судьбе было угодно свести меня с ним вторично в эти годы. Речь идет не о личных встречах, а о параллельных оценках ситуаций. В конце 1989 года назначенный уже председателем КГБ Крючков распорядился, чтобы я выехал в ГДР и использовал все имевшиеся возможности, дабы вынести заключение о перспективе сохранения ГДР как независимого государства — союзника СССР. Год этот, как известно, стал фатальным в истории ГДР, которая только что, в октябре, отметила 40 лет со дня своего создания. По случаю этой даты в Берлин приехал Горбачев, принеся сюда кометный хвост «перестройки». Э. Хонеккер, сторонник сохранения твердой системы, называемой командно-бюрократической, был изолирован, а вскоре устранен с поста руководителя партии и государства. Началась чехарда политических временщиков, усилился напор по всем каналам из Западной Германии, 9 ноября 1989 г. была открыта государственная граница. В этот день газеты вышли с уникальными полосами, на которых было написано всего два слова: «Спасибо, Горби». Ни о какой демократизации или социалистическом обновлении речи не шло, хотя Горбачев и наша печать именно об этом и твердили.

Прибыв в Берлин, я связался с нашим представителем, генералом Анатолием Георгиевичем Новиковым, умным и честным солдатом и прекрасным человеком. Вместе с ним мы составили план работы и начали энергично собирать информацию. Опять бесконечные беседы, бессонные ночи,

встречи, встречи, встречи. Наконец настало время докладывать в центр о наших выводах. Они были суровыми и не оставлявшими никаких сомнений. Мы с Новиковым (телеграмму мы подписывали вдвоем) сообщили в центр, что никаких шансов на сохранение ГДР в качестве самостоятельного, суверенного государства — члена Варшавского пакта нет, равно как практически — нет и шансов на сохранение в ГДР социалистического строя. Националистические страсти захватили полностью страну, политическое руководство, состоящее из новых людей, не может овладеть ситуацией.

Мы рекомендовали избавиться от всяких иллюзий и начать планировать наши практические шаги, в том числе касавшиеся пребывания нашей армии и экономических отношений с ГДР, исходя из реальной обстановки. Нам достоверно известно, что эта телеграмма легла на стол Горбачеву. Буквально через пару дней после ее отправки в Берлин прибыл А. Н. Яковлев. Не исключено, что телеграмма могла послужить поводом для его приезда, потому что ранее он не планировался. Я по газетам видел, что Яковлев ходил буквально по тем же кабинетам, где тремя днями раньше побывали и мы (правда, у нас круг контактов был значительно шире), подолгу беседовал с нашими дипломатическими представителями. Но когда пришлось знакомиться с изложенными на бумаге с результатами его поездки, то пришлось подивиться вялости, размытости, уклончивости формулировок.

Политическое руководство оказалось неготовым к стремительному крушению социализма в странах Восточной Европы, хотя сигнал об этом дал сам Горбачев, поехавший в декабре 1988 года на сессию Генеральной Ассамблеи ООН и, как всегда, не удержавшийся от соблазна выдать новую «инициативу», заявив об отмене «доктрины Брежнева». Я уже говорил, что «доктрина Брежнева», если иметь в виду использование военной силы для поддержки социалистических порядков в странах Восточной Европы, была на деле отменена за восемь лет до этого, когда мы отказались поддерживать силовыми методами военное положение в Польше. И это не было исключением. В мае 1993 года в мексиканской газете «Соль де Мехико» появилось интервью с Раулем Кастро, который рассказал, что именно в 1980 году, во время его пребывания в Москве, он был приглашен на встречу с группой членов политбюро, которые жестко и открыто заявили ему, что Советский Союз не станет воевать за Кубу и что кубинцам впредь надо полагаться на собственные силы. Весь 1989 год был годом крушения социалистических режимов в Восточной Европе. Ни Горбачев, ни кто-либо другой не сделали никакой

попытки скоординировать свои усилия на согласованной программе перестройки. Клич был один: «Спасайся, кто как может!» Не спасся, как известно, никто.

Прощание с разведкой

Пребывание в кабинете заместителя начальника разведки в «Ясенево» становилось невыносимо тягостным. Очевидная ненужность всяких наших усилий, бессилие при виде рушащихся позиций государства, особо острая боль от легкопросматриваемой перспективы национального унижения, распада, лживость и пустопорожность бесчисленных выступлений так называемых членов руководства — все это угнетало. Поэтому я с радостью прочитал полученное мной через друзей письмо бывшего адъютанта генерала Омара Торрихоса — лейтенанта Хосе де Хесуса Мартинеса, который приглашал меня в Панаму от имени фонда Торрихоса. Правда, между строк легко прочитывалось, что командование Национальной гвардии в лице генерала Антонио Норьеги выражает заинтересованность во встречах со мной для двусторонних консультаций. Понимая, что для разведки в Панаме уже не остается особых интересов, я переговорил с представителями МИД, Министерства внешней торговли, Министерства рыбного хозяйства, руководителями Аэрофлота. У меня набрался объемистый пакет вопросов, практическое решение которых могло бы дать нашей стране прямую выгоду. В правительстве решили, что, располагая довольно солидными связями в Панаме, я сумею провести переговоры успешнее, чем действовавшие до того представители различных ведомств. Получив «добро», я отправился за океан.

Мой план был прост: договориться в принципе об установлении дипломатических отношений между СССР и Панамой или, на худой конец, открыть консульства, чтобы заработал нормальный постоянный канал межправительственных отношений. Далее предполагалось достичь соглашения о ремонте наших рыболовных судов в панамских мастерских, дабы не гонять их за тридевять земель в базы приписки. За ремонт наши рыбаки были готовы платить частью своего улова, надо было только оговорить наше право торговать рыбой.

Предстояло отрегулировать условия чартерных рейсов самолетов Аэрофлота, которые предназначались для смены экипажей рыболовецких судов. Задачи носили совершенно очевидный народнохозяйственный характер, и всякие домыслы о зловещих подрывных замыслах пусть останутся на совести их примитивных сочинителей.

Первым делом по прибытии в Панаму я посетил памятные для себя места, связанные с генералом Торрихосом. Сопровождаемый постоянно лейтенантом Хосе де Хесусом

Мартинесом (Чучу), я побывал в городском доме покойного генерала, где был организован музей. Войдя в бывший кабинет Торрихоса, я остолбенел… спиной к нам стоял сам Торрихос, слегка склонившийся к огромной карте Панамы, занимавшей всю заднюю стену кабинета. Мне показалось, что он сейчас обернется и спросит, как бывало: «Привет! Как долетел, какие новости из Москвы?» Его фигура, его поза, его мундир, до боли знакомая шляпа с загнутыми полями… И молчание… Такого впечатления я никогда не испытывал при встречах с восковыми фигурами. Их выдают фальшивые лица. Здесь же лицо было в памяти моего сердца, все остальное — как в жизни.

В другой комнате мое внимание привлекла фотография похоронной процессии 4 августа 1981 г., когда Панама провожала в последний путь своего самого яркого национального героя. Я не мог оторвать глаз от центральной фигуры траурного шествия — кавалерийской лошади под седлом, к которому пристегнута генеральская сабля. На седле шляпа и фляга покойного. В стремена вставлены его сапоги, но только носками назад. Эта булгаковская деталь несла в себе такую глубокую жуткую мистику, что мурашки начали бегать по спине.

Я упросил свозить меня и в Фаральон, где впервые увидел генерала. Читаю свои записи: «Все там уже не так. Раньше дом не имел ограды и свободно дышал всеми порами. Теперь он обнесен высоким кирпичным забором, по верху которого тянется противная гряда из битого бутылочного стекла. Чучу с трудом достучался. Вышел плюгавенький человечек, который впустил нас в дом.

Слава Богу, стоит еще дом охраны и навес, под которым всегда сидели солдаты. Сейчас все зарастает травой, даже бетонная вертолетная площадка перед домом. Пристройка, где раньше находилась «главная спальня», дававшая когда-то мне приют, снесена. Дом как бы потерял родного брата, осиротел. От моря его теперь отделяет проволочная сетчатая загородка с колючей проволокой поверху. Теперь уж не подойдешь, как бывало, к урезу Тихого океана, да и перебрасываться колкими словечками с бредущими домой по берегу пьяненькими рыбаками через такую изгородь несподручно. А генерал так любил эти разухабистые перебранки-диалоги с ними…

На веранде все так же, только гамак генерала висит иначе, нескладно. В доме все помечено печатью смерти и запустения. Все комнаты закрыты, кроме гостиной, где стоят фотографии его родителей, снимок генерала с красавицей женой Ракель и еще с каким-то, судя по лицу, европейским политиком. Они всегда бывают сытые, гладкие, самодовольные. У генерала никогда не

бывало на лице такого выражения, на нем лежали следы глубокого сострадания к людям».

Вздохнув — прошлое, увы, невозвратно, — я вернулся в столицу и занялся практическими делами. За пять дней, с 16 по 20 января 1989 г., удалось провести с дюжину важных встреч и бесед с руководящими деятелями страны. Среди них были замминистра иностранных дел Хосе Мария Кабрера, посол Панамы в ООН, советник Норьеги профессор Ренато Перейра, руководители политических партий и организаций. Целый день был посвящен беседам с генеральным прокурором республики Карлосом Вильяласом и начальником Панамской службы по борьбе с наркотиками Луисом Киелем. Встречи с ними были организованы по моей просьбе, мне хотелось убедиться, насколько обоснованны были обвинения американцев в адрес генерала Норьеги в участии в наркобизнесе, ибо я не чувствовал бы себя спокойным, если бы оставались сомнения.

Генеральный прокурор сообщил, что обратился официально к властям США с просьбой предоставить имевшиеся у них данные о причастности генерала Норьеги к наркобизнесу, однако получил отказ. Он далее рассказал, что основные обвинения в адрес Норьеги базируются на показаниях некоего Мильяна Родригеса, который в свое время был арестован панамскими властями за участие в торговле наркотиками и следствие по делу которого велось совместной американо-панамской группой, но затем он был выдан США и после шестимесячного пребывания в тюрьме в США вдруг начал давать показания против Панамы, что вызвало серьезные подозрения.

Мне рассказали о том, что Панама получила Золотую медаль Международной организации по борьбе с наркотрафиком, что в стране имелась единственная в Латинской Америке школа служебного собаководства, специализировавшаяся на обнаружении тайников с наркотиками. Более того, американские авиакомпании, самолеты которых летают из Южной Америки в США, специально просили панамцев проводить обследования их лайнеров во время остановок в Панаме, чтобы избежать тяжелых штрафов и другой юридической ответственности в случае обнаружения на борту наркотиков по прибытии в США. Объяснения были достаточно убедительны в том, что касается страны и ее правительственных структур. О самом генерале Норьеге мы, естественно, не говорили.

19 января состоялась встреча и с генералом. Разговор шел в присутствии нескольких человек, я не возражал против кино- и фотосъемок, так что ни о какой разведывательной деятельности, секретности речи не могло быть. Да и сам разговор носил

политический характер. Норьега говорил о долготерпении панамцев, их выдержке, умении не поддаваться на провокации, навязчивом желании американцев сорвать выполнение договоров о передаче Панаме канала и его сооружений 1 января 2000 г. Были определены основные направления развития советско-панамских отношений.

Трудно было представить себе, что ровно через 11 месяцев США нанесут по крошечной Панаме чудовищный военный удар, сотрут с лица земли казармы и штаб-квартиру Национальной гвардии, расположенные в самом центре густонаселенного района столицы, погубят тысячи ни в чем не повинных жителей из бедных кварталов, вплотную окружавших здания, занятые Национальной гвардией. Мир так и не узнает точного числа жертв этой агрессии. И все это будет представлено как акция, направленная на поимку одного генерала Норьеги, виновного в наркобизнесе. В нормальном международном сообществе подобные цели такими варварскими средствами не достигаются. Кровь невинных детей, стариков, простых трудяг, обильно пролитая американцами в дни агрессии, всегда будет стучать в сердце честного панамца, как «пепел Клааса» стучал в сердце Тиля Уленшпигеля.

Наступил день прощания, я знал, что это, скорее всего, прощание с Панамой навсегда. Уже в самолете я записал: «Карибы! Это особый мир, как мир цирка, оперетты, трагического римского Колизея. Здесь все друг друга знают, чуть ли не родственники в каком-то колене. Слабость и уязвимость каждого карибского государства делают их руководителей хитрыми, ловкими и умными. Торрихос говорил, что быть руководителем крупной державы — нехитрое дело. Сила есть — ума не надо. Чем могущественнее держава, тем прямолинейнее, незатейливее и просто глупее бывают ее руководители. Я люблю карибских политиков за их детскую наивность, за их мелкие тактические обманы, за легкость «на подъем», за простоту и человечность в общении. Да мало ли за что еще! Я их люблю, и конец делу. Они стали частью моей жизни, лучшей ее частью. Я понимаю Грэма Грина, который тоже влюблен в Карибы и посвятил им столько книг. Я полюбил их 36 лет назад, когда познакомился с Раулем Кастро на борту «Андреа Гритти», и до сих пор не изменяю им и Мексике, моей постаревшей второй родине-матери.

Мне жаль расставаться с Карибами, их руководителями, кокосовыми поясами вдоль пляжей, душной жарой, невыносимой голубизной моря и чудесными жителями этого райского уголка, созданного природой… Пора вешать, как говорят профессиональные боксеры, перчатки на гвоздик. Своему

правительству мы, в общем, никогда не были нужны. Оно и без нас все давно знало».

С какой бы миссией ни находился за рубежом наш брат, с оперативно-разведывательной или чисто дипломатической, противник, то есть спецслужбы США и других стран, все равно будет видеть в нем крайне нежелательную личность, опасного врага, все равно будет ставить наружное наблюдение, вести прослушивание его гостиничного номера, изводить провокационными звонками, давить, как говорят, на все мозоли. Даже если разведчик, известный американцам по какой-либо причине ранее, включался в состав официальных советских делегаций, все равно он «пользовался» особым вниманием и становился первой мишенью любых компрометирующих акций.

Возвращение на родину всегда бывает для разведчика праздником, ведь только под родным небом сбрасываешь с себя железные обручи повышенной настороженности, тяжелые вериги самодисциплинированности. Все существо против воли даже как-то рассупонивается, и душе просторно, она не съеживается в комок. Но на этот раз встреча с родиной не радовала. Все мои коллеги по разведке признавались, что работают, как заведенные куклы, действуют по ранее заданной самими себе программе. Я записал в те дни: «Мы едим, пьем, ходим на работу, моргаем, спим, не в полной мере понижая, что то государство, служению которому была отдана вся жизнь, рушится на глазах, и мы бессильны помочь Отечеству. Я не стыжусь, что служил величию и славе Родины. Мне стыдно, что среди моих соотечественников нашлось столько грошовых душонок, которые радуются крушению Родины, ее бессилию и немощи, выдавая их за добродетель».

С другой стороны, я ведь давно знал, что тектонические изломы в судьбе нашего народа неизбежны, что жить по-старому мы бы все равно не смогли. Своей дочери Ирине я за десяток лет до наших дней внушал, что ей придется жить в ином обществе, что она будет свидетельницей бурных социальных потрясений. Рождение в 1986 году внучки Натальи я воспринял как символ рождения новой, перестроенной жизни родины. Но я был уверен, что накопленного общественного разума, цивилизованности должно было хватить, чтобы провести неизбежные перемены без потерь для народа, для миллионов и миллионов тружеников земли нашей. И в этом я ошибся.

1989-й, год крушения социалистической системы в Европе, стал одновременно и годом установления реального двоевластия в СССР. Б. Н. Ельцин постепенно превратился в лидера оппозиционных сил, противостоявших коммунистической партии.

27 марта состоялись первые выборы в новый, реформированный парламент — Съезд народных депутатов, из числа которых должен был быть выбран постоянно работающий Верховный Совет СССР. Выборы проходили впервые на многопартийной основе. В Москве гвоздем всей избирательной борьбы было противостояние двух кандидатов в депутаты: Б. Ельцина, сохранявшего пост первого заместителя председателя Госстроя, и Е. Бракова, генерального директора ЗИЛа, поддержанного официальными властями. Все недовольные политикой партии и правительства оказались в лагере Б. Н. Ельцина. Они выделялись своей многочисленностью, активностью, непримиримостью.

Руководители КПСС, демонстрируя вопиющую политическую близорукость, совершали одну ошибку за другой. Они почему-то держали «в секрете» текст выступления Ельцина на пленуме ЦК в октябре 1987 года, когда он заявил об отставке с партийных постов и сделал тем самым шаг к своей большой политической карьере. Только теперь заявление появилось в печати и поразило своей бессодержательностью. Сбивчивая речь, клочковатое изложение, что вот, мол, темпы перестройки медленные, что она теряет поддержку в народе, что кое-кто опять начинает славословить генерального секретаря… И все. Теперь любой щелкопер мог написать в сто раз больше и хлеще. Но ведь люди в течение полутора лет домысливали содержание этого выступления. Они приписывали новому Робину Гуду все, что хотели бы сами сказать в глаза партбюрократии. Рождались легенды об обличительных филиппиках, направленных против Раисы Максимовны, занимавшейся якобы скупкой драгоценностей и нарядов и стонавшей от удовольствия, когда ее снимали телевизионные камеры.

Перед самыми выборами в начале марта какой-то крепко сколоченный партдурак додумался составить «секретный» документ против Ельцина и разослать его всем партийным организациям Москвы. В этой бумаге — без адресатов и без авторов — Ельцина обвиняли в нигилизме, в попытках расколоть руководство, в саморекламе и пр. Никаких рекомендаций в документе не давалось, людей «просто» знакомили с ее содержанием. Это была грубая политическая ошибка, вернее, глупость. Даже самые дисциплинированные члены партии были поражены бестактностью такой формы анонимного нашептывания. Когда слух об этом подметном письме распространился по Москве, вспыхнул скандал. Секретари райкомов партии стали изымать документ. Но дело было сделано. Б. Ельцин стал чем-то вроде протопопа Аввакума, страстотерпца и великомученика. Лучшего подарка никто бы ему сделать не мог.

16—17 марта пленум ЦК делает очередной политический ляпсус. Якобы от группы рабочих — членов ЦК вносится предложение создать комиссию по расследованию деятельности Ельцина. Это уж совсем оказалось не в духе времени. В защиту Ельцина встали даже те, кто вчера о нем и слыхом не слыхал. Начали создаваться инициативные комитеты, общества в его защиту.

Во Франции говорят: «Если умер — то надолго, а если дурак — то навсегда». 19 марта руководство совершает еще одну глупость. В этот день в парке имени Горького должна была проводиться с согласия Моссовета демонстрация-митинг в поддержку Ельцина. Однако милиция его запретила.

Тогда 20 тыс. сторонников Ельцина, смяв жиденькое милицейское оцепление, прошли на Советскую площадь и провели митинг там, потребовав от Горбачева дать Ельцину доступ к средствам массовой информации для изложения своей программы, поместить информацию об этом митинге и распустить комиссию по расследованию деятельности Ельцина. Через пару дней Горбачев капитулирует и дает указание о публикации платформы своего противника. Ельцин, распаленный успехом, требует теперь ликвидации руководящей роли партии, постановки ее под контроль народных депутатов.

На выборах 27 марта 1989 г. Ельцин получил около 90 % голосов и стал общенациональным лидером, поддержанным многомиллионной армией москвичей. Строй, основанный на господствующем положении партии, лично Горбачев получили торпедный удар прямо в борт. Теперь они обречены все время увеличивать крен, набирая воду в пробоину, пока вся система не перевернется вверх днищем.

Все, что происходило потом, несло на себе печать катастрофического упадка власти в центре, вызванного честолюбивым соперничеством между Ельциным и Горбачевым. Помимо всего прочего, само качество этих двух лидеров, их непримиримая драчливость отталкивала от России, от центра бывшие союзные республики. Никому не хотелось вмешиваться или оказаться втянутым в сутяжное противостояние.

Вихрь «черной» беспросветной информации о положении в стране крутит-вертит людей, слепит им глаза, валит с ног, сбивает с толку. Он дует отовсюду: извне и изнутри. Ельцин стращает Горбачева призраком волны насилия, гражданской войны. Запад перестает верить нам. 27 сентября 1989 г. я записал, что начальник восточного отдела «Дойче банк» в беседе с крупным партийным работником прямо сказал, что на Западе больше не верят в стабильность в СССР. Кредитоспособность

нашей страны поставлена под сомнение (ее ведь никогда не проверяли в серьезных делах). Займов больше не дадут, хотя всего год назад их предлагали наперебой. «Вы уж извините, — говорят теперь, — но как партнер вы непривлекательны». Почти такую же беседу провел с послом в Италии Луньковым генеральный директор концерна ФИАТ Аньелли, сказавший: «Вы уже четыре года митингуете и не работаете. Мы и то устали. Не ждите от нас подачек. Надо наконец наводить порядок и делать дело!»

Группа экспертов Федеральной резервной системы США вернулась из поездки в СССР в ужасе от увиденного. Их потрясла дезорганизация наших финансов. Они не могли представить себе, как нынешний рубль, имеющий сто различных обликов, может быть связующим элементом всей экономической системы. «Это все равно, — говорят они, — что пользоваться метром разной длины при строительстве».

В середине октября 1989 года Горбачев, действуя в духе прежних традиций, собрал руководителей средств массовой информации, чтобы сделать им серьезное внушение за излишний разгул «чернухи», за апокалипсические прогнозы, сеющие нервозность, а временами панику среди населения. «Как вы не понимаете, — говорил он, — что мы все стоим по колено в бензине и всего одной спички хватит, чтобы вызвать взрыв». Он напустился на главного редактора «Аргументов и фактов» В. Старкова, который-де неверно вывел рейтинг политических деятелей, поставивший самого Горбачева после таких фигур, как А. Сахаров, Т. Гдлян и др., и посоветовал ему подать в отставку. Но Старков огрызнулся: мол, подавай сам. Встреча еще дальше отодвинула печать от партии. В газетах, на телевидении, по радио лилась та же политическая «порнуха». Вчерашние лакировщики остервенели и поливали от всего сердца своих прежних благодетелей. Лакей, почувствовавший себя хозяином, всегда отвратителен. Он и бестактен и неграмотен. Непревзойден только в одном — в хамстве.

В тяжкое время для отечества печать не смогла стать разумным наставником, поводырем общества. Она была к этому не подготовлена и продолжала играть роль придатков, причем очень агрессивных, общественно-политических сил, разошедшихся по разным сторонам баррикады.

Как бы подчеркивая совершившийся де-факто переход нашей страны в низшую лигу государств, 1 декабря 1989 г. во время ненужной встречи на высшем уровне СССР — США на Мальте (опять подальше от демонстрантов, побезопаснее) на борту теплохода «Максим Горький» государственный секретарь США Д.

Бейкер передал нашему министру Э. Шеварднадзе в руки справку вне повестки дня… просто так… для памяти. Называлась эта справка так: «Возможности, утраченные СССР, в результате оказания военной и экономической помощи зарубежным странам». Там говорилось, что СССР тратит в год 15,5 млрд, рублей на помощь семи странам (Афганистану, Анголе, Камбодже, Кубе, Эфиопии, Никарагуа, Вьетнаму), в то время как острые нехватки подрывают стабильность в самом Советском Союзе. «Вы же имеете на 90 млрд, неудовлетворенного спроса у себя в стране, а продолжаете оказывать помощь зарубежным странам». Далее следовали «советы». Всего, мол, 100 млн. долл, хватило бы, чтобы построить завод по выпуску 20 т зубной пасты. За 500 млн. вы (т. е. мы) увеличили бы выпуск мыла на душу населения в 10 раз. За всю сумму «помощи» вы могли бы построить 1,4 млн. квартир в год или 388 тыс. км автодорог и т. д., и т. п.

Так Бейкер указывал нам занять должное место «в углу под лавкой», отказаться от последних оставшихся союзников и заняться тем, что варить мыло и делать зубную пасту.

В начале января 1990 года, последнего года моей работы в разведке, я пригласил на обед одного моего старого друга — крупного дипломатического работника, сотрудника МИД. Мне хотелось поговорить с ним, выяснить взгляд на обстановку человека очень спокойного, взвешенного. Постоянная привычка критически относиться к себе заставляла думать, не слишком ли я «зачерняю» видение мира, смотрю на него сквозь закопченное стекло, не сказывается ли на мне определенная профессиональная деформация. Мой собеседник — опытный профессионал, русофил, человек исключительно широкого кругозора. Он рассказывал, как, позевывая, Буш безразлично выслушивал на Мальте затяжные словесные извержения Горбачева о нашей перестройке, о том о сем, а сам тем временем обдумывал последние детали готовившегося через 18 дней удара по Панаме. Мой гость оценил нашу политику в отношении США как чистейшей воды словоблудие, «словесные наледи». «США, — сказал он, — не сделали ни одного, ни единого шага навстречу интересам СССР. Они приняли игру в слова, не больше. На всех встречах они пытливо изучают нас, по разработанному сценарию задают самые разнообразные вопросы, по-следовательски глядят в глаза: что в них отразится, какова будет реакция?»

Кстати говоря, американцы в это время резко усилили разведывательную работу в СССР. Профессиональные разведчики в Москве, «чистые» дипломаты проводили по нескольку встреч в день со своими «связями», собирая информацию, давая

рекомендации. Но их сил не хватало. На помощь из США двинулись десятки экспертов, делегаций, «гостей посла», быстро рос корпус журналистов-западников, количество которых в прежние времена более или менее соответствовало численности советских журналистов, аккредитованных в США.

Гости «из-за бугра» хлынули в СССР буквально валом. Был утерян контроль за направлением приглашений и выдачей виз. Помню, какое недоумение было написано на лицах наших коллег-контрразведчиков, когда из печати они узнали о появлении на атомных объектах около Челябинска группы американских «экспертов». Потом оказалось, что их лично пригласил один из политиканствовавших академиков. Никто толком не мог объяснить, какую пользу могли получить от этого визита СССР или Россия. Для американцев же такое посещение было равнозначно крупному разведывательному успеху.

Развал государственной машины становился всеобщим. 10 января 1990 г. Шеварднадзе созвал совещание, где присутствовали члены советских делегаций, которые вели переговоры в Женеве (по сокращению стратегических вооружений) и в Вене (по сокращению обычных вооружений). Он заявил, что нужны подвижки и развязки любой ценой. «Успех переговоров — гарантия перестройки». Он ясно дал понять, что надо уступать и уступать, а потом добавил: «Вы понимаете, что я говорю это с одобрения с самого верха».

16—17 января, ровно через неделю, Л. Н. Зайков созвал на Старой площади состав рабочей группы по разоружению, то есть нас, которым было поручено разрабатывать и готовить проекты директив и указаний для делегаций, ведущих переговоры. Он заявил собравшимся: «Вот что, товарищи, надо посерьезнее думать об обороноспособности страны, об угрозе противника, не просто «сливать воду». Вы понимаете, надеюсь, что я вам говорю это не от себя только, но и от самого верха».

На совещании у Зайкова я тоже был, а на совещании у Шеварднадзе были мои подчиненные, которые рассказали мне о содержании инструкций. Мы долго чесали в затылках, соображая, что же на самом деле думали «верха» и чего они хотели. Удивительным иноходцем был Горбачев!

Работа разведки все больше и больше теряла свою прежнюю значимость для государства. После ухода Крючкова на пост председателя КГБ начальником разведки в конце 1988 года был назначен генерал-майор Л. В. Шебаршин. Я хорошо знал нового руководителя, хотя наша оперативная деятельность протекала в разных регионах: его — в Южной Азии, а моя — на Американском континенте. В ПГУ у него сложилась прочная репутация сильного

профессионала и свободного от каких-либо шор политического аналитика. Он прошел все этапы формирования и созревания руководителя разведки: от оперативного уполномоченного до начальника управления. Путь его не был усыпан лишь розами, бывали в его жизни трудные времена, особенно последовавшие после предательства Кузичкина в Иране, где в то время Шебаршин был резидентом. На какой-то период мне довелось даже быть его начальником: он работал заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки. Шебаршин легко и быстро осваивал новые большие участки, явно принадлежал к породе нонконформистов. Такой выбор начальника разведки был оптимальным.

При Шебаршине нам пришлось в значительной мере «раскрыться» перед общественностью. Нападки на Комитет государственной безопасности в демократической печати становились настолько злобными и провокационными, что руководство разведки с благословения Крючкова начало часто выступать перед трудовыми коллективами, разъяснять смысл и содержание своей работы, доказывать, что разведка — не паразит на шее народа, а его глаза и уши, к тому же разведка является прибыльным даже в денежном отношении предприятием: мы добывали такие научно-технические секреты, которые стоили десятки и сотни миллионов долларов.

Так, мне пришлось вместе с Шебаршиным побывать на встрече с коллективом известного авиастроительного завода «Знамя труда» в Москве, я был с такой же миссией на заводе имени Лихачева, в Московском государственном университете, в Министерстве железнодорожного транспорта и т. д. Интерес аудитории к нашим выступлениям был огромный. Атмосфера в трудовых коллективах оставалась неизменно дружелюбной. Я не помню ни одного вопроса из сотен задававшихся, продиктованного желанием уколоть, уязвить, на чем тогда специализировалась часть журналистов. Я даже собирался поехать по совету Крючкова на Урал в крупные промышленные центры, но события помешали этим планам. Эти встречи убедили меня в одном: основная масса трудового народа с одинаковым презрением относилась ко всем политиканам, свившимся в один кроваво-грязный клубок и рвавшим друг другу глотки в борьбе за власть. Люди были озабочены совсем другими проблемами: каков завтрашний день страны, выживет ли народ, какова судьба промышленного потенциала родины.

Л. В. Шебаршину удалось сохранить разведку как целостную организацию, как боеспособную силу, правда, далеко не в полной мере востребованную политическим руководством. Насколько я

знаю, и сейчас, почти три года спустя после моего прощания с разведкой, она живет и работает, выстояв в очень трудное время смены ориентиров и уточнения задач. Ныне в ставшем для нас родным домом «Ясенево» по-прежнему несут свою вахту в подавляющем большинстве честные патриоты России, готовые заменить своих боевых товарищей, находящихся в передовой цепи, или решать непростые задачи здесь, на месте, своими особыми средствами. Мужества им и успехов!

24 апреля 1990 г. в разведке состоялась последняя на моей памяти отчетно-выборная партийная конференция. Главным вопросом были выборы делегатов от разведки на последний съезд КПСС, намеченный на июль, но весь зал с нетерпением ожидал и выступления председателя КГБ Крючкова с докладом об обстановке в стране. Доклад, прямо скажем, не удовлетворил аудиторию. По словам Крючкова, главным вопросом теперь становилась реформа экономики — «самое масштабное событие после Октября». «Нам нужна рыночная экономика, которая поддавалась бы регулированию». Опять шло провозглашение целей, а не конкретизация планов практического осуществления реформы. Говорил он как-то обтекаемо, суть реформы все время ускользала. Совершенно непривычно для Крючкова, многолетнего шефа разведки, было употребление цифр, которые вызвали сомнение в зале. У слушавших осталось чувство тревоги, неуверенности, нарастающего недоверия даже к своим руководителям.

Разведка посылала на съезд трех делегатов. В непривычно демократической обстановке было выдвинуто семь кандидатур, первыми были Крючков и Шебаршин. Мое имя тоже фигурировало среди других пяти кандидатов. Председатель КГБ и начальник разведки прошли подавляющим большинством голосов при тайном голосовании, что, среди прочего, отвечает на вопрос, пользовались ли они авторитетом и доверием корпуса разведчиков. Я не стал снимать свою кандидатуру, хотя сложившаяся практика и такт требовали от нас, подчиненных, снятия кандидатур, когда на эти выборные места баллотировались вышестоящие начальники. Какой-то бес внутри нашептывал: «Если вдруг окажешься избранным на съезд, то выступи резко и радикально против всей партийной верхушки, запутавшейся в интригах и ведущей партию к краху». Я намеревался, собственно, утрамбовать содержание всей этой книги в 7-8-минутное выступление и непременно добиваться права на участие в прениях.

Мне вспомнился разговор, состоявшийся у меня с Крючковым на лесной дорожке, по которой мы нередко ходили в одно время

на работу. Почему-то он вдруг спросил меня: «Не собираетесь ли вы заняться политикой?» Я ответил: «Политикой я бы занялся, а вот политиканством — никогда в жизни». — «Как вы понимаете политику?» — последовал вопрос, на что я ответил, что понимаю под политикой такую линию поведения, при которой лидер четко и ясно формулирует свою политическую и социально-экономическую программу действий, делает ее публичной, борется за то, чтобы большинство избирателей-сограждан восприняли и разделили эту программу, а потом стремится воплотить ее в жизнь. Вот мне и показалось, что на выборах делегатов на съезд мелькнул призрачный шанс выступить уже не на профессиональную, а на политическую тему. Но, как шутят мужики в родной деревне, «бодливой корове Бог рог не дает». Ни один из пяти других кандидатов не набрал требуемых 50 % голосов и на съезд не попал. Разведка даже потеряла право на третий мандат.

Конечно, я был наивен, полагая, что мне удастся пробиться к трибуне, вряд ли я сумел бы это сделать даже с мандатом в кармане. Пришлось смотреть по телевизору агонию и кончину партии, с именем которой не одно поколение шло на смерть, а это много значит.

Съезд собрался в Кремле 1 июля 1990 г. Заслушали всех членов политбюро. Все доложили, что работали прекрасно. Непонятно, почему же тогда все обстояло так скверно. Ошикали только Вадима Медведева, которому было поручено руководить идеологической работой. А вообще лучше сказать словами французов, больших мастеров изящной словесности. Вот что написала «Монд» о нашем съезде в эти дни (кстати, с этой оценкой я полностью согласен): «Лихорадочная и беспорядочная суета почти пяти тысяч делегатов. Главное, что их характеризует: они больше абсолютно не представляют, где они оказались и чего хотят. Консерваторы? Реформисты? Следует забыть эти категории и понять, что один и тот же зал поразил всех, устроив овацию главному идеологу перестройки Яковлеву, а затем лидеру консерваторов Лигачеву. Одни и те же лица с одинаковым энтузиазмом аплодировали личностям, напоминающим примерно Вилли Брандта и Жоржа Марше. На этом съезде аплодируют тем, кому есть что сказать и кто умеет делать это с убежденностью. Содержание при этом не имеет значения… Съезд производит впечатление тонущего корабля, пассажиры которого устремляются к спасательным шлюпкам… Ельцин 3 июля намеренно покинул зал, чтобы участвовать в сессии Верховного Совета своей республики…»

12 дней сотрясала воздух в Кремлевском дворце верхушка

партократии. Она была зла, растерянна, опухла от ностальгии по «руководящей роли», но оказалась не в состоянии посмотреть правде жизни в глаза, обратиться к самой партии, то есть к миллионам рядовых коммунистов. В конце концов, отчаявшись, они отдали голоса М. С. Горбачеву, и им пришлось избрать на пост заместителя генерального секретаря совершенно бесцветного, серого партаппаратчика Ивашко, бежавшего в Россию с Украины, где он развалил работу компартии республики. Егор Лигачев — последний кондовый «рыцарь» КПСС «без страха и упрека» — был отвергнут на выборах в ЦК 3642 голосами при 776 «за».

Съезд ни капельки не сблизил 260 млн. простых людей с партией. Он не выдвинул ясной, понятной и практической программы. В партийном активе не появилось ни одного нового яркого имени. На фоне общего дефицита самым страшным был дефицит людей с мыслями и характером.

Не успел я остыть от душевного кипения, вызванного съездом, как вдруг раздался звонок от шефа, который сказал: «Не падай в обморок от неожиданности, но позвони такому-то. Тебя хотят выдвинуть кандидатом в народные депутаты по Краснодарскому краю против О. Калугина». Батюшки-светы! Очередное наваждение! Я позвонил, выдвинул свои резоны, сомнения в разумности такой инициативы, когда наша конкуренция может превратиться в «опереточную забаву». Прошло всего с десяток минут, как выяснилось, что регистрация кандидатов в Краснодарском крае закончилась днем раньше, там их уже набралось человек 20 и поезд, как говорится, уже ушел. «Ну и ну, — крутили мы с коллегами головами, — какую бы инициативу ни выдвинули наши руководители, она обязательно окажется позавчерашней».

На тех выборах, проходивших в горячечной обстановке антикоммунизма, Калугин победил, а через пару лет там же с треском провалился, не набрав и 3 % голосов. Такую цену платят не только краснодарцы, но и весь наш, к сожалению, наивный в политике народ. Прозревает поздно! Слава Богу, все-таки прозревает.

Помнится, что в один из дней начала сентября напросились мы с Шебаршиным на прием к председателю КГБ Крючкову. Оценивая опыт политической борьбы последних двух лет, мы убеждали нашего руководителя в том, что КПСС как политическая сила окончательно скомпрометировала себя действиями своих руководителей и бездействием партийной массы, что на ней сфокусировалось недовольство всеми нашими болячками. Народ возлагает на нее ответственность за все. С нынешним партийным

руководством у нас одна дорога — в пропасть. Встает вопрос: стоит ли идти с этим руководством в пропасть? Не лучше ли публично объявить о департизации Комитета государственной безопасности, спасти профессиональную организацию от втягивания ее в водовороты политических страстей?

Крючков внимательно выслушал нас, задавая лишь временами уточняющие вопросы. Он не высказал своего отношения к нашему предложению, было видно, что в душе он разделяет нашу оценку партийного руководства, бывшего тогда и государственным руководством, но в то же время несет на себе кандалы партийной дисциплины, входя в высшие руководящие органы партии. Он мог бы и по партийной, и по служебной линии принять в отношении нас любые меры, но он этого не сделал. Да и мы знали, что идем не к замшелому консерватору, а к человеку, болевшему душой за Родину. Теперь было видно, что социалистическое Отечество не спасти, надо спасать хотя бы корпус защитников государства и правопорядка, в нем будет нуждаться любая национальная власть, которую породят народ и наша история.

В печати все время со зловонным запахом рвутся бомбы, которыми политические противники забрасывают осажденную крепость КГБ, достается и разведке как части его. Какой-то «неопознанный полковник с тридцатилетним стажем работы в КГБ» дал пространное интервью «Собеседнику» (приложение к «Комсомольской правде»). Острие выступления направлено против Андропова, Крючкова, хотя досталось и другим. Говорится о 22 предателях, о подкармливании партгосаппаратчиков деньгами зарубежных резидентур разведки, о взяточничестве, о кадровых симпатиях вне зависимости от способностей и многом другом. Автор хвастливо заявляет, что «может сказать в сто раз больше», хотя нам очевидно, что он уже наговорил в сто раз больше, чем надо было бы, следуя правде. Но обозначенные пункты атаки не являются вымышленными, они были всамделишними, видно, что человек «отсюда», но трусоват и прячется под «неопознанностью». В подтексте интервью чувствуется жар неудовлетворенного честолюбия, так часто толкавшего людей на непорядочные поступки.

Но в разведке все шушукаются, многие злорадствуют в адрес упомянутых в интервью людей, действительно, может быть, не лучших в разведке. Они, упомянутые, ходят, втянув голову в плечи. В коллективе идет явное брожение. В среде офицеров растет желание вывести разведку из КГБ, деполитизировать ее, подчинить президенту, а может быть, передать России…

Л. В. Шебаршин еще шире распахивает двери открытости

разведки. В первые выходные дни сентября каждого года, ближе к дню рождения Ф. Э. Дзержинского, мы проводим наш профессиональный праздник, когда новое поколение разведчиков приносит присягу верности Отечеству. Потом следуют короткий митинг, возложение венков к символической могиле «неизвестного разведчика», спортивный праздник. В 1990 году впервые в этот день территория нашего городка была открыта для членов семей нового пополнения разведки. Непривычно видеть принаряженных женщин, стайки детей, заинтригованно всматривающихся в окна наших служебных зданий, радующихся необычной чистоте, порядку. А тут еще солнце, медь оркестра, флаги… Слушаем короткую, но страстную речь Джорджа Блейка, умного, волевого легендарного разведчика, который поверил в социализм и не отказался от него. Он сказал, что мечта человечества о справедливом коммунистическом обществе не умрет, сколько бы сейчас ее ни топтали и ни хаяли. Она будет реальностью на другом витке истории. Я с ним согласен.

А на «воле», за забором, оравы честолюбцев требуют власти, как диабетики инсулина во время приступа.

Грызня «вождей» час от часу становится все более лютой. Горбачев норовит править с помощью указов, а Ельцин каждый раз посылает его далеко-далеко. Оба яростно тянут одеяло на себя. Первый твердит, что он за постепенность, а второй — за рынок. Вот и вся премудрость этой политики, надоевшей, как тяжелый сон в ненастную ночь. Далеко за полночь светятся экраны телевизоров, в которых набившие оскомину лица все говорят, говорят и говорят. Правы те, кто считает, что наше национальное сознание помутилось.

Нигде с такой яростью не дерутся за власть, потому что нигде власть не дает человеку так много, как у нас.

Мы умудряемся последовательно бороться против конфронтационных подходов во внешней политике и в то же время раздуваем пламя конфронтационности в своих собственных внутренних делах. Трясина все глубже засасывает политическое руководство. Болотная ряска уже подходит к подбородку. Надежды, что ноги вдруг нащупают случайно твердое дно, нет. В глазах руководителей все чаще виден страх затравленного зверя, поэтому любой ценой им хочется оттянуть смертный час.

19 октября 1990 г. Совет Министров принял решение встать на колени перед США и просить их предоставить нам гуманитарную помощь медикаментами. Не говорится, куда пойдут эти медикаменты или какие препараты нам нужны. «Дайте хоть что-нибудь!» — таков отчаянный вопль руководителей политики и экономики. В самом конце октября 1990 года

Горбачев вернулся из пятидневной поездки в Испанию и Францию, где буквально выклянчивал какую-нибудь помощь. Хозяевам было просто неудобно совсем отказать Нобелевскому лауреату, и они пообещали положить что-нибудь в его протянутую руку. Испанцы посулили 1,4 млрд, долл., а французы — около 1 млрд. долл. Но, как всегда за последние годы, эти обещания — не более чем поглаживания по головке, они не вылились в конкретные соглашения, никто не может сказать, будут ли давать эти средства государства или расчет делается на частные кредиты, когда будут предоставлены средства, на каких условиях, на какие цели мы собираемся их израсходовать.

Внешне весь мир, как бы сговорившись, обращается с нами вполне корректно, делая вид, что мы такие же, как все, но в душе рассматривает нас как экономического и политического банкрота.

Меня просто потрясло общение с нами американцев по поводу проверки некоторых наших предприятий микробиологического профиля, на которые указал очередной предатель, работавший в этой отрасли и бежавший во всеобщей суматохе за границу. Заместитель государственного секретаря Бартоломью пригласил нашего посла в Вашингтоне и сказал примерно следующее: «Вот что, скажите там своим, что мы хотим с 28 ноября этого года послать к вам 12 инспекторов. Среди них будут и англичане (изнасилование предполагалось коллективное! — *Н. Л.)*. Вы им покажете на первый раз четыре объекта (далее следовало их перечисление. — *Н. Л.)*. Прошу любить и жаловать наших людей. Они пробудут на каждом объекте по два-три дня. Дайте им списки всех научных и профессиональных работников, а самих работников предупредите, чтобы они были на своих рабочих местах. Мы будем беседовать с любым из них по нашему выбору. Кстати, приготовьте все финансовые бумаги, отчетность — они нам пригодятся. Откройте доступ ко всему предприятию. Мы будем брать пробы и фотографировать».

Посол, воспитанный на принципах соблюдения взаимности, пытался было заговорить о приезде наших специалистов, но Бартоломью досадливо махнул рукой и брезгливо добавил: «О чем вы? Никакой взаимности… мы не хотим отвлекаться от важного дела. Да, еще имейте в виду, что сказанное мной одобрено на нашем высшем уровне, только там решили не пачкать об это дело свои руки…» Я изложил телеграмму посла СССР в Вашингтоне по памяти, но почти дословно.

Не надо говорить, что всякий, с кем разговаривают таким языком, уже не имеет права на уважение. Сколько бы наши горемычные лидеры ни повторяли, что мы — великая держава, с

ней как с таковой уже никто не считался. В старину мудрецы говорили, что во рту не станет слаще, если будешь повторять: «Халва, халва…»

Три дня, 19–21 ноября 1990 г., без умолку тарахтели телевизоры и радиоприемники, расписывая важность парижской встречи 35 президентов, премьер-министров и министров иностранных дел европейских государств, а также США и Канады. Подписывалось соглашение о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Журналисты сыпали на слушателей мешки пустых слов, раздувая зоб и не говоря о существе дела. А суть встречи такова: нам пришлось подписать акт о капитуляции в «холодной войне». Но какой! Мы теряли всех своих союзников и урезали до продиктованного уровня наши вооружения. Что нам оставляют? 5150 самолетов против 6800 у НАТО (при качественном превосходстве натовских самолетов почти по всем параметрам); 1500 вертолетов против 2000 у НАТО; 13,1 тыс. танков против 20 тыс. у НАТО; 20 тыс. бронемашин против 30 тыс. у НАТО; 13 тыс. стволов артиллерии против 20 тыс. у НАТО.

Чтобы скрыть эту правду, говорят о равенстве вооружений двух блоков — НАТО и Варшавского пакта, но ведь и таракану понятно, что Варшавского пакта больше нет. Польша поговаривает о приглашении войск НАТО на свою территорию, а Венгрия, не таясь, просит о том, чтобы ее приняли в НАТО. В «общеевропейском доме», о котором столько говорено нашими политическими гипнотизерами общественного мнения, нам уготовано в лучшем случае место в чулане.

Там же, в Париже, западные политические руководители деловито решали практический вопрос, согласовывали на двусторонних встречах планы предстоявшего разгрома Ирака. На наше сомнамбулическое поведение западники смотрели с нескрываемой иронией, полагая, что подписанный в Париже документ будет последним, под которым стоит подпись руководителя исчезающего государства — СССР. В те дни я записал: «Президент наш сильно сдал. Это заметно даже внешне. Он состарился, похудел, лицо стало маскообразным, потеряло черты и выражение нормального человека. Давит его шапка Мономаха, а снять он ее сам не может, нет у него на это никаких сил, ни физических, ни духовных. И ведь придавит она его вскорости к земле окончательно! Какой был бы чудесный сюжет для кинорежиссера вроде Куросавы!»

Мы в разведке занимаемся совсем уж не своим делом, нам приходится по заданию сверху готовить материалы справочного характера под каждый очередной сеанс политической

импровизации. Нас просят, например, дать материал о работе вице-президента США. Это значит, что мы тоже намереваемся ввести институт вице-президентства. Мы привыкли выполнять поручения, хотя, наверное, Институт США и Канады мог бы сделать это квалифицированнее. Видимо, перед ними пока не хотят раскрывать карты.

Не успели управиться с этим заданием, как просят прислать справку о Совете национальной безопасности США (нам, видно, захотелось того же). Делаем соответствующий документ. А потом сыплются поручения об аппарате Белого дома, о правительстве США и т. д. В конце концов от нас требуют подготовить проект документации о нашем будущем Совете безопасности, о составе и структуре союзного правительства. Причем на эту работу дают всего 36 часов, к тому же они захватывают воскресенье. Это уже предел дезорганизации и растерянности!

А разведка озабочена тем, откуда достать продовольствие для своих сотрудников. В те дни шеф собрал руководителей подразделений и сказал, что пора подумать о собственном подсобном хозяйстве — свиньях, кроликах, несушках, посмотреть, какие земли можно пустить под сельскохозяйственное производство, искать прямых поставщиков по договорным ценам, устанавливать контакты по всей стране. Наши хозяйственники говорят, что восемь совхозов готовы помочь нам продовольствием, но при условии, что мы дадим рабочую силу, продадим или передадим списанные автомашины, и только сверх того готовы взять по договорным ценам плату в деньгах. Мы уже и раньше старались ослабить свою зависимость от государственных поставок, но не успели набрать обороты, а теперь надо браться за все.

Вносится предложение, чтобы все офицеры, работающие за рубежом, отчисляли 1 % от зарплаты в валюте на приобретение медикаментов для наших поликлиник и больниц, там ведь лечатся и родственники командированных, и пенсионеры. Одним словом, во всем чувствуется ускоренное приближение катастрофы.

Во время своей последней разведывательной поездки по ряду стран в декабре 1990 года мне хотелось поддержать дух разведчиков, оторванных от родины, оглушенных потоками противоречивой информации из СССР, выработать меры по спасению наших оперативных возможностей. Сам я понимал, что еду прощаться с боевыми товарищами, в том числе и из иностранцев.

В посольствах царило смятение. Недавних освобожденных секретарей парткомов срочно «перекрашивали» в советников по

административно-кадровой работе. Несмотря на это, они дрожали, как бы сверху или снизу не был поставлен законный вопрос о необходимости упразднения их должности вообще. Послы, даже (а чаще всего — особенно!) те, кто раньше проработал в аппарате ЦК по четверть века, стали рядиться активнее других в демократические шкуры. Они приказывали выносить бюсты Ленина из представительских помещений, вызывая тем самым скандалы в коллективах. Более всего поразило нежелание людей воззращаться на родину, стремление любой ценой продлить свое пребывание в командировке.

А это самым разрушительным образом действовало на мораль и нравственность. Люди готовы были унижаться, подхалимничать, лишь бы задержаться подольше вдали от расхристанной родины.

Для меня самым тяжелым было наблюдать падение престижа государства и народа. Еще три года назад нас уважали. Русский, советский человек неизменно вызывал интерес, замешанный на загадочной непознаваемости, циклопических размерах страны, бездонности ее культуры, на страхе, наконец. В один исторический миг мы как бы растеряли свои достоинства и остались с одними недостатками. Мы стали вызывать сожаление, в лучшем случае нам выражали сочувствие, а то и просто жалость. Мы стали неинтересны как представители всякой попрошайничающей страны «третьего мира».

Пишу эти слова с чувством глубокой горечи, эти выводы я сделал после того, как увидел все своими глазами, после десятков бесед с советскими гражданами и десятков бесед с иностранцами, старыми друзьями и новыми знакомыми. В этих словах нет ни капельки от самобичевания мазохиста. Какое сатанинское наказание для человеческой личности — жить в так называемое историческое время, а мы живем именно в такое! Все время вспоминались слова, вычитанные уже не помню где: «Счастливы народы, у которых нет истории». И в самом деле, до тех пор, пока самыми любимыми вехами истории будут войны, революции, контрреволюции, перевороты, заговоры, казни, люди будут несчастны, их судьбы искалечены.

В ночь с 12 на 13 января 1991 г. десантники Советской Армии штурмом взяли телебашню в Вильнюсе, что привело к мощному выбросу протуберанца протеста в Литве, поставившему крест на всех надеждах сохранения этой республики в составе СССР. Все три столицы прибалтийских республик в одночасье оказались забитыми баррикадами, тяжелой строительной техникой, завалами, чтобы не дать пройти танкам, БМП. Русские и тут умудрились перессориться. Пока представители центрального

правительства искали виновника происшедших событий в своей среде и, естественно, не находили, Ельцин помчался в Таллинн и там призвал армию уходить из Прибалтики, подписал соглашения о взаимной поддержке, об уважении суверенитета, о недопустимости использования вооруженной силы и т. д. Он только забыл тогда об интересах русского населения, оставшегося за рубежами расчлененной родины, за что ему досталось и от армии, и от соотечественников.

Я уже раньше говорил, что три прибалтийские республики по целому ряду причин наименее других инкрустировались в структуру СССР, они все время держались как бы на отшибе. Националистический сердечник в них был несравненно крепче. США и многие западные страны не признавали (де-юре или де-факто) включения этих республик в состав СССР, что придавало дополнительную специфику «прибалтийской проблеме». Действовать с позиций силы здесь было неуместно. Кстати, это знали и видели высокопоставленные сотрудники Комитета госбезопасности. Тогдашний председатель КГБ Литовской ССР генерал-майор Р. А. Марцинкус, сам литовец, в таком духе информировал Москву. А когда до него дошли сведения о готовившемся применении силы, он, не задумываясь, подал в отставку и больше на государственную службу не возвращался.

Разведка оставалась вне фокуса государственного внимания. Это остро чувствовалось по молчавшим телефонам на служебном столе. Невольно думалось, что отступающее государство, как и отступающая армия, меньше нуждается в разведке, она идет по своей земле, топчет собственные интересы, а на чужую уже не скоро вернется.

28 января 1991 г. меня вызвал начальник разведки и сказал о моем предстоящем назначении начальником аналитического управления Комитета госбезопасности.

На посту главного аналитика Лубянки

Я знал, что на раздумье мне дано несколько минут. Затем в кабинете раздастся телефонный звонок от председателя КГБ, который уже сделает это предложение официально. Уходить из ПГУ мне не хотелось. Песочные часы моей жизни отсыпали 63-й год. Мысль об отставке уже прочно обосновалась в голове. Менять коллектив, друзей, уклад жизни и работы было поздно. Но было так же ясно, что в разведке сейчас мне делать нечего. К тому же я становился одним из старейших по возрасту заместителей начальника разведки. Выбор был прост: или соглашаться, или сразу подавать в отставку. Были собственные доводы в пользу того, чтобы принять предложение. Все-таки последние почти два десятка лет сформировали меня как профессионального информационного работника, а это как раз такой профиль, в котором острее всего нуждалось руководство и ведомства, и государства. Меня в какой-то мере увлекала мысль ознакомиться с нашими домашними делами; я надеялся, что мне приоткроется некая скрытая сторона явлений, до которой глаз мой дотоле не добирался. Иначе говоря, хотелось окунуться в свое домашнее варево, чтобы, по крайней мере не понаслышке, потом судить об этих «исторических» временах. Сил и физических, и духовных хватало. В конце концов, и завершать службу на посту начальника самостоятельного управления не в пример почетнее, чем уходить заместителем пусть даже начальника разведки.

Поэтому, когда раздался звонок от председателя, ответ был почти готов: «Я солдат и готов выполнить приказ!» Начались короткие сборы-проводы. Какими же тяжкими они оказались в эмоциональном отношении! Правду говорят: когда прощаешься с другом, то наполовину умираешь сам. А тут пришлось прощаться почти со всем за 33 года накопленным душевным богатством. Сколько увидел влажных глаз, сам ходил с постоянным внутренним приказом: «Держись!» А через пару дней окончательно покинул родное «Ясенево» и обосновался в новом кабинете в доме 1/3 на углу Пушечной улицы.

Аналитическое управление Комитета госбезопасности было самым молодым подразделением КГБ, оно существовало всего несколько месяцев и являло собой типичную «новостройку». Предыдущий его начальник Валерий Федорович Лебедев был только что назначен заместителем председателя КГБ. Управления как такового пока не существовало: был лишь скелет его, да и то

построенный наполовину. Работники были собраны из других подразделений, они сильно отличались между собой по уровню подготовки, опыту работы, даже возрасту. По существу это была пока еще учебная команда, но на раскачку времени не оставалось.

Знакомство с информационным хозяйством Комитета госбезопасности вскрыло давно знакомую картину: заскорузлое местничество, слабый профессионализм и желание каждого крупного оперативного начальника «раздувать ноздри», то есть создавать видимость, что именно он-то и держит Бога за бороду. Каждое главное управление или просто управление имело свой собственный информационный отдел, в который сливались несостоявшиеся или отработанные кадры. Численность отделов была внушительной, иногда до сотни человек, а отдача рахитичной. Способность к осмыслению общегосударственных проблем, глубинных тенденций развития общества оставалась на крайне низком уровне. Но ни один руководитель самостоятельного управления не готов был передать получаемую информацию в «чужое» аналитическое управление и лишиться возможности доклада пусть ущербной и корявой, но своей информации. В КГБ не было никакого единого банка данных по внутриполитической и социально-экономической проблематике.

Мы начали планировать практически с азов создание более или менее современного информационно-аналитического управления в КГБ, опираясь на вполне добротный, оправдавший себя опыт такого подразделения в разведке. Сотрудники управления приняли меня хорошо, с доверием. Да и у меня не было ощущения новичка, выброшенного без скафандра за борт космического корабля, фронт работы со всеми его изъянами виделся четко.

Сложнее было «вписаться» в среду высшего звена начальства, чувствовалось его скрытое недружелюбие к «прытким» выходцам из разведки, которым предстояло забрать всю информслужбу в одни руки. Я успокаивал себя тем, что коллеги все равно скоро поймут неизбежность централизации информационного дела, его профессионализации. Наши первые шаги были обнадеживающими. Мы стали предлагать готовить совместные документы другим управлениям, и они охотно шли на это. Так постепенно, путем двух-трехсторонних наработок, мы и пришли бы через годик к требуемому результату. А пока надо было проявить гибкость, такт и убеждать людей в нашей правоте умением лучше вести аналитическую работу.

Материалов у нас было предостаточно, мы ежедневно получали большое число информационных телеграмм из республик, краев, областей. Информация в основном была

негативная, то есть реально отражавшая тенденции развития обстановки в стране. Первое, что я узнал, сев за стол начальника управления, — это то, что Москва в 1991 году получит не 1,4 млн. т мяса, как в прошлом году, а всего 1 млн. т. Поставки молока сократятся с 6 млн. до 5 млн. т, 17 % всего сахара в стране перегоняется на самогон. Рост прогнозировался только в области преступности.

Такими сведениями никого не удивишь, по ним можно измерять только скорость падения уровня жизни, ритм, темп разрушения сложившегося уклада, а направление давно известно всем и вся. На главное место, в центр внимания выползает вопрос о сохранении или распаде Союза Советских Социалистических Республик. Отдельные республики уже окончательно определили свою позицию в этом вопросе (я имею в виду прибалтийские, а также Грузию и Армению), но остальные еще колеблются. 11 февраля 1991 г. в кабинете у председателя КГБ, где обсуждался вопрос о наших задачах в деле спасения СССР, сидело пять-шесть десятков самых высокопоставленных руководителей центральных и местных органов государственной безопасности. Меня неприятно поразило, что многие выступавшие в испуге твердили, что ждут разработок и указаний, как бороться за сохранение единой Родины. Аналитическое управление получило задание подготовить такие документы и разослать их на места. Мы привлекли наших коллег из других подразделений и в кратчайший срок составили развернутые тезисы, которые были направлены на места.

В контексте борьбы за сохранение Союза ключевое место занимала фигура Б. Н. Ельцина. Всех нас заботило то, что его авторитет и влияние росли не на позитивных достижениях в какой-либо области, а на резкой критике и неприятии Горбачева, партии, которые уже всем мешали, как бельмо на глазу. Но, даже находясь в оппозиции, Б. Ельцин прорисовывался как на редкость противоречивый, непоследовательный человек, действующий под влиянием сиюминутных настроений. И тем не менее никакой враждебности по отношению к российскому лидеру среди сотрудников не было, была обычная настороженность, вытекающая из нашего правила: «Не обращай внимания на слова, суди о людях по их поступкам и делам». Мы получали от Крючкова задания готовить информационные материалы специально для Б. Н. Ельцина и выполняли их непременно в срок и на максимально доступном нам уровне квалификации. Так, Ельцин собирался в середине февраля 1991 года ехать на Северный Кавказ, и мы трудились пару суток без перерыва, чтобы подготовить нужные материалы, в которых учли даже

протокольно-бытовые рекомендации местных старожилов, продиктованные традициями и обычаями народов региона.

Самые острые комментарии вызывали именно клочковатость, дробность политического мировоззрения Б. Ельцина. После кровавых событий в Вильнюсе он занял непримиримую позицию по отношению к союзному правительству. Он наговорил кучу любезностей прибалтийским радикалам, потребовал от Генерального секретаря ООН созыва международной конференции по Прибалтике. А буквально через несколько недель, напуганный падением своего рейтинга, он в спешном порядке помчался в Калининград, где, по существу, извинялся и заискивал перед армией и был вынужден замолвить словечко за россиян, остающихся в Прибалтике, о которых ранее забыл.

18 февраля 1991 г. ожидалось принятие на сессии Верховного Совета СССР решения о повышении цен на продовольственные и промышленные товары. Это, совершенно очевидно, диктовалось условиями производства и обстановкой в стране, но никто из политиков не хотел связывать себя с этой непопулярной мерой. Б. Ельцин на заседании Совета федерации дал свое согласие на повышение цен, а спустя несколько дней прислал письмо и взял данное согласие обратно. Его явно задергали советники. Он выступит то за сохранение Союза, то за скорейшую кончину союзных структур, то за российскую армию, то за сохранение союзных вооруженных сил. Он злился, что Буш не принимал его как равного, а продолжал питать какую-то слабость к Горбачеву, своему давнишнему удобному партнеру.

20 февраля Б. Ельцин дал свое драматическое интервью корреспонденту программы «Время» Сергею Ломакину, который действовал в манере хороших западных журналистов, то есть корректно и тактично формулировал острые вопросы, которые должны были раскрыть сущность политического деятеля. Колкие вопросы о постоянных противоречиях в словах и поведении рассердили Б. Ельцина, он достал записку, которую старался скрыть от зрительского глаза, и прочитал: «Я свой выбор окончательно сделал. Я размежевываюсь с президентом. Я требую его ухода в отставку и передачи власти Совету федерации». Все, рубикон перейден!

Бросив эти слова в бурлящую страну, Б. Ельцин уехал в Переяславль-Залесский, оттуда в Ярославль. Первая реакция в нашем политическом истеблишменте (если есть применительно к нам такое понятие) — испуг и отторжение идеи конфронтации. Об этом ясно заявили Кравчук и Назарбаев — руководители Украины и Казахстана. Большая часть Верховного Совета СССР выступила против Б. Ельцина. Демократы отчаянно бросились на

защиту Б. Ельцина. Запад с удовольствием наблюдал потасовку, хотя внешне радость свою не выказывал, предпочитая говорить об озабоченности, сочувствии и т. д. Им больше всего хотелось, чтобы схватка длилась как можно дольше, чтобы мы самопожирали себя, а вот когда ободранный победитель будет торжествовать свой печальный триумф, вся западная свора накинется на него, если он рискнет подняться во весь человеческий рост. Кое-кто из вчерашних союзников Ельцина стал подумывать об очередной перемене лагеря.

Эти оценки тогдашних событий формировались под влиянием сотен информационных телеграмм, ежедневно приходивших в управление со всех концов СССР и из-за рубежа.

На Манежной площади чуть не каждый день шумели митинги. 22 февраля там собралась изрядная толпа, чтобы «защитить гласность и демократию». Формально митинг организовал Союз кинематографистов, хотя список ораторов был стандартным. Все они были из «ДемРоссии». 23 февраля собралась огромная манифестация сторонников сохранения Союза и Советской Армии. На 24 февраля была объявлена очередная сходка «в защиту демократии, Ельцина» и еще чего-то. Я бывал почти на всех сборищах, чтобы не слушать непременно сфальсифицированную информацию о митингах, которую сочиняют наши газетчики. На митинге 24 февраля бросилось в глаза обилие «стихотворных лозунгов», явно сочиненных одной рукой и исполненных в одной мастерской. Они были бестактны и оскорбительны.

Митинги стали сопровождаться драками. В Ленинграде на Дворцовой была потасовка, в Москве на Тверской отмечена «перестрелка» гнилыми овощами. Чаще задирается оппозиция, явно провоцируя беспорядки. В общем-то, это ее исторический удел — кусать, жалить, бодать, пока она не расчистит себе место у «корыта», потом начнется очередной, привычный виток истории до следующей потасовки у того же «корыта».

1 марта заместитель председателя КГБ В. Ф. Лебедев пригласил меня на встречу с работниками идеологического отдела ЦК КПСС. Раньше нас туда не подпускали на средний радиус действия ракеты, а теперь, видите, им захотелось послушать наши оценки обстановки в стране. В большом здании на Старой площади жизнь еле-еле теплилась, будто хозяева уехали далеко и надолго. Заведующий отделом, мужчина лет 40 с небольшим, уже успел отрастить животик, туго натягивающий рубашку. Пуговицы еле держались, петли стали уже тройной величины от постоянной нагрузки. Удивляюсь, почему мне в глаза лезут такие детали. Про себя отмечаю, что все идеологи,

вроде Лойолы, Геббельса, Суслова, были тощими и аскетичными. Их, наверное, пожирал огонь внутренней страсти. Этот не из тех. Скорее охоч до вкусненького и до «клубнички». Проходим в зал, где собралось человек 30–40, из них три женщины, по виду — не фанатички веры.

После своего начальника говорю в течение минут пятнадцати, страстно и убежденно выступая за Союз, бросая им в глаза обвинение в пассивности и безразличии по отношению к процессу развала Союза, призывая сделать все за оставшееся время до назначенного на 17 марта референдума о судьбе единства Отечества. Аудитория явно шокирована, удивлена. Люди мямлят, благодарят «за помощь», задают очень вялые вопросы. Слушатели с застиранными лицами похожи на испуганных кроликов в клетке. «Куда им, — думается мне, — вздыбить Россию на референдум! Им бы решить личный вопрос, подошел ли час бежать из этого здания или еще подождать малость, авось Бог пронесет». И здание, и люди напомнили мне сложившийся стереотип Зимнего дворца в далеком октябре 1917 года.

Я шел через площадь к себе на работу, а в сердце дотаивали последние крупицы надежды на возрождение партии. А я ведь один из 20 млн. членов партии, которые верили в высокие идеалы коммунизма, каким представляли его себе по-каления и поколения обездоленных, добрых, открытых людей — от Христа и до наших дней.

В воскресенье, 10 марта, по всей стране прокатилась волна митингов протеста против референдума. Вообще митинги, акции, забастовки наползают друг на друга. Никто ни с чем не согласен, временами даже с самим собой. Референдум — это предлог, на самом деле идет борьба за власть. Подавляющая масса лозунгов снова или хулит Горбачева, или хвалит Ельцина. В Москве на той же Манежной опять собрались 120 тыс. Это очень много! По другим городам цифры участников значительно скромнее: в Ленинграде — 50–70 тыс., Нижнем Новгороде — 10 тыс., Волгограде — 6 тыс., Самаре — 6 тыс., Саратове — 2 тыс., Свердловске — 23 тыс., Омске — 600 человек, Челябинске — 4 тыс., Владивостоке — 5 тыс. и т. д. Оппозиция явно организуется быстрыми темпами. Все митинги направлялись и управлялись приехавшими из Москвы народными депутатами блока «Демократическая Россия». К интеллигенции начинают примыкать рабочие. Еще пару лет назад шахтеры выгоняли политагитаторов, пытавшихся примазаться к забастовочному движению. А теперь иначе. Угольщики почти повсеместно требуют отставки Горбачева и его окружения. Главным

помощником оппозиции является сам первый и — теперь уже ясно — последний президент СССР, неуверенный, непоследовательный, недалекий. Вылитый царь Федор, сынок Ивана Грозного.

Подошли информационные материалы из ЦК партии, из которых видно, что 5 марта Горбачев опять собирал высший эшелон руководства КПСС (секретари обкомов, крайкомов и пр.). Долго и сладко рассказывал о своей недавней поездке в Белоруссию, и выходило, что и любит его народ, и слушает, и даже понимает. А слушатели упорно подводили его к разговору на тему «почему же власть рушится?», и он не хотел говорить об этом. Так и разошлись, как и собрались: без слез, без горя, без любви. Пустые «мероприятия» вели к деморализации даже высшего эшелона партийного руководства.

17 марта был проведен наконец референдум о сохранении Союза ССР в обновленном виде. Результаты голосования оказались выше самых оптимистических ожиданий. Народ высказался в пользу сохранения единого государства. В РСФСР в голосовании приняло участие 75 % избирателей, 71 % из которых высказались «за», на Украине соответствующие цифры составили 83 и 70 %, в Белоруссии — 83 и 83 %. В остальных республиках проценты были еще выше. В шести республиках: Литве, Латвии, Эстонии, Молдове, Грузии, Армении — всесоюзный референдум блокировался местными властями, против участвующих в голосовании был развязан моральный террор. И все-таки в Латвии к урнам пришло свыше 500 тыс. человек, в Литве — более 600 тыс., в Молдове — более 800 тыс. Конечно, голосовавшие принадлежали к наиболее политически активной части русскоязычного населения, но их не назовешь «незначительными группами пенсионеров».

Казалось бы, что еще нужно было политическим руководителям для сохранения СССР? Высшая воля народа была высказана ясно и недвусмысленно. Оставалась самая малость: отлить результаты референдума в законы, запрещающие проповедь сепаратистских взглядов, квалифицирующие как антинародные действия, ведущие к развалу Советского Союза. Ничего этого не было сделано. Союзная власть не использовала исключительно благоприятную обстановку для спасения единого Отечества. Захваченная круговертью политиканской борьбы, она быстро забыла итоги всенародного опроса, а оппозиция после короткого замешательства вновь безнаказанно стала подкидывать головешки в костер сепаратизма. Воля народа была нагло попрана!

Теперь, вспоминая те дни, нельзя не заметить, что москвичи в

ходе того же референдума голосовали по вопросу о введении выборной должности мэра Москвы. Большинство жителей столицы поддержало эту идею, в своей основе демократическую. Но каково же было разочарование, когда первый избранный мэр Москвы Г. Попов вскоре подал в отставку и на его место был уже назначен указом президента России Ю. Лужков. Опять по воле народа прогулялись в грязных сапогах диктата. Не приходится удивляться, что авторитет любой власти, обращающейся таким образом с суверенной волей народа, будет неизменно падать.

Конец марта прошел в особо взвинченной обстановке, потому что предстоял съезд народных депутатов России. Среди народных депутатов не было той проельцинской эйфории, которая стала характерна для «послепутчевой» атмосферы. «Бульдозерный» характер Б. Ельцина начинал пугать все больше и больше его вчерашних сторонников. После этого драматического интервью телевидению с объявлением войны Горбачеву 19 февраля 1991 г. в Верховном Совете России произошел открытый раскол. Шесть видных руководителей законодательного органа выступили с публичным письмом, в котором отмежевались от политической линии Председателя Верховного Совета РСФСР. На митингах сторонники Ельцина носили лозунги вроде «Президентской шестерке не перебить российского туза». Предстояла «разборка», тем более что Б. Ельцин публично пригрозил расправой с новоявленными диссидентами. Для подкрепления своих позиций он поехал в Ленинград на Кировский завод, где шесть часов ходил по цехам, провел девять митингов, демонстративно пообедал в рабочей столовой за 1 руб. 20 коп., как сообщили услужливые журналисты, и в целом добился своего, сорвав аплодисменты рабочей аудитории. Он самочинно списал 128 млн. руб. задолженности завода центру (не думая о законности такой меры), призвал коллектив переходить в подчинение РСФСР, обещал полную самостоятельность предприятию, сказал, что выделит валюту для закупки на Западе дизельных моторов для минитракторов. Похлопал директора по плечу, сказав: «Ты наш парень, мы тебе доверяем!»

А в эти же самые дни Горбачев выступал целый вечер по телевидению, якобы интервьюируемый директором телевидения Кравченко. Говорил он в своем духе — гладко, а теперь еще и «раздумчиво» ни о чем. По моей служебной обязанности полагалось бы внимательно слушать президента СССР, чтобы знать политическую линию руководства страны, но сколько я ни напрягал свой слух и внимание, ничего не мог понять из словесной мешанины. Дело происходило 26 марта. В сердцах я переключил на первую попавшуюся программу и — о Боже! —

увидел серую тень Горбачева — Вадима Викторовича Бакатина, который тоже проводил пресс-конференцию. Он вещал о том, что не согласен с запретом уличных шествий и демонстраций, о чем было объявлено в печати в указе премьер-министра В. Павлова. Эта мера, мол, вообще не в духе президента Горбачева и т. д. Такого мне не приходилось видеть нигде в мире, чтобы премьер-министр страны говорил одно, министр его правительства — прямо противоположное, а президент страны вообще ничего вразумительного не сказал. Конечно, на все их запреты никто не обращал внимания.

28 марта имело место «стояние на реке Угре». Оппозиция вывела на улицы тысяч 50 своих сторонников, власти вывели воинские части и милицию, чтобы не допустить митингов внутри Садового кольца. Демонстранты наткнулись на заслоны, прорывать их побоялись, помахали кулаками и ушли к площади Маяковского, куда на белой машине приехал Б. Ельцин, выступивший с обычной «долой-речью». Провинция не всколыхнулась на истерические призывы, никакой всеобщей политической забастовки не последовало, а с таким напряжением ожидавшийся съезд народных депутатов даже принял некоторые антиельцинские решения. Он разрешил диссидентской «шестерке» выступить с содокладом и отказался рассматривать меры по реализации положительных итогов референдума по учреждению поста президента России.

В итоге Б. Ельцин вышел победителем. Он получил чрезвычайные полномочия для вывода республики из кризиса. На 12 июня 1991 г. были назначены выборы президента России.

8 апреля в 11.30 Горбачева посетила делегация депутатской группы «Союз», заявившая: «Вам надо уходить. Вы ничего не можете. Надо созвать внеочередной съезд народных депутатов СССР и оформить сдачу власти». В ответ последовали истерики и взрыв политиканства с целью не допустить созыва съезда. «Держи меня, соломинка, держи!..» — так пелось в популярной тогда песенке.

Ошарашенная партократия никак не могла понять, что же происходит в стране. Из Львова приходили в ЦК телеграммы с требованием: «Не допустите, чтобы у нас отобрали Дом политпросвещения!» Из Еревана: «Велите им вернуть нам здание ЦК компартии!» Из Тулы: «Помогите достать кокс для Косогорского металлургического завода!» Но ЦК уже не имел никакой силы.

Горбачев, по всем признакам, был готов формально капитулировать перед своим политическим оппонентом Б. Ельциным, если бы тот гарантировал ему сохранение хотя бы

призрачной власти.

На работе у нас был непрерывный аврал. Временами появлялось ощущение, что все информационные системы государства перестали функционировать и оставалась одна надежда на КГБ. Приходилось выполнять многочисленные просьбы, шедшие от аппарата премьер-министра, из ЦК КПСС. Все просили по возможности дать обобщенную картину обстановки в стране, определить основные тенденции ее развития и ближайшие перспективы. Никаких трудностей в выполнении просьб не было, поступавшая отовсюду информация была на редкость непротиворечивой, временами даже утомляла своим однообразием. Повсеместно шел развал экономики, гасли доменные печи, останавливались коксовые батареи. Только с начала 1991 года было недодано против плана 4 млн. т кокса, 6 млн. т чугуна, 9,3 млн. т стали, 8 млн. т проката. Из 123 доменных печей в стране 33 были погашены. Во многих регионах бушевали забастовки, особенно мучительной была «буза» шахтеров, приобретшая явно политическую окраску. Все показатели в сельском хозяйстве шли в одном направлении, они свидетельствовали о прогрессирующем разрушении отрасли.

Политический фронт характеризовался нарастанием сепаратистских настроений, быстрым углублением кризиса внутри КПСС, устойчивым продвижением вперед тех сил, которые выступали под названием «Демократическая Россия».

20 апреля 1991 г. меня вызвали во внеурочное время на службу, и два зампреда стали несколько путано объяснять, что надо поехать на собрание депутатской группы «Союз» и выступить. В конце концов выяснилось, что один из ораторов из Прибалтики, выступая на этом собрании, сказал, что в их дела вмешиваются из-за рубежа, и предложил послушать представителя КГБ. Руководство решило просить меня побывать там и ответить на вопросы.

Группа «Союз» была, пожалуй, самой влиятельной фракцией в последнем парламенте СССР, и она проводила свое собрание в зале заседаний дома 27 по Калининскому проспекту. Поскольку мне никаких конкретных указаний не давалось, я решил не использовать частные оперативные данные о вмешательстве Запада в дела прибалтийских республик. Таких данных было полно в открытых источниках. Я загорелся идеей высказаться от всей души по вопросу о сепаратизме. Мне казалось, это будет прямо по «профилю» депутатской группы и прозвучит весьма актуально.

До глубокой ночи я сидел на работе и двумя пальцами на машинке тюкал текст выступления, который никто не видел и с

которым я приехал в указанный день на собрание депутатской фракции «Союз». Вот что я сказал тогда депутатам:

«Уважаемые товарищи народные депутаты!

Спасибо вам за предоставленную возможность выступить на таком высоком собрании. Депутатская группа «Союз» провозгласила своей целью отстоять историческое наследие наших предков. Подавляющее большинство моих коллег и я вместе с ними безоговорочно становимся под ваше знамя в этом благородном деле. Я проработал более четверти века в разведке, много лет отдал аналитической работе, и поверьте слову старого солдата: у нас будет много врагов не только из числа доморощенных удельных князьков, но и зарубежных стратегов, которые боятся, что наше великое государство с его территорией, ресурсами, демографией, уровнем образованности населения может при нормальной организации своей жизни быстро превратиться в действительно могучую державу. Соединенные Штаты несут в себе врожденный страх перед другими великими державами. И не нужна никакая великая держава на территории СССР: ни коммунистическая, ни демократическая, ни монархическая. В дни Потсдамской конференции после второй мировой войны США выдвигали проекты разделения Германии на несколько государств, им же принадлежит и план раздела Китая в 1945 году. Теперь наступила наша очередь. Они любят препарировать слабых или ослабевших. Это не возрождение образа врага, а довольно очевидная истина. Послушайте хотя бы один день передачи радиостанции «Свобода», состоящей на бюджете конгресса США Они буквально сочатся злобой по отношению к нашему единому государству, весь их материал направлен на разжигание ненависти между народами СССР. В передачах на Азербайджан они науськивают население республики на армян, их дикторы, вещающие на армянском языке из соседней студии, натравливают слушателей на азербайджанцев и т. д. И постоянным мотивом остается разжигание ненависти к русским.

Почитайте статьи и выступления Збигнева Бжезинского, бывшего специального помощника президента США по национальной безопасности, и вы увидите, что он патологически зациклен на уничтожении СССР как единого государства.

Госсекретарь Джеймс Бейкер во время последнего посещения Москвы дал понять, что США признают СССР в границах 1933 года, когда они установили с нами дипломатические отношения. Что это значит? Это не только Прибалтика, за отторжение которой они выступали всегда, долгие годы за свой счет содержали в Вашингтоне «посольства» Литвы, Латвии и Эстонии. Границы 1933 года будут означать пересмотр границ с Финляндией (такие

голоса там уже раздаются), ревизию границ на западе Украины и Белоруссии, границ с Румынией, отторжение половины Сахалина и Курильских островов. По существу, мы сталкиваемся с программой раздела Советского Союза. Две стаи стервятников, своих и чужих, закружили над ослабевшим телом Отчизны.

Эти стаи летают не раздельно, а сбиваются в одну. Скажу вам известную вещь: долгие годы американские официальные представители всячески обходили стороной прибалтийские республики, уж очень они боялись, что вынужденный контакт с местными советскими властями скомпрометирует их позицию непризнания вхождения этих республик в состав СССР. А сейчас невозможно остановить массовый наплыв граждан США, включая официальных представителей, в этот регион. Дело дошло до того, что гражданин США, бывший капитан «зеленых беретов» Эйва инструктировал группы «саюдистов», которые взяли на себя охрану здания Верховного Совета в Вильнюсе. Он же учил изготавливать взрывные устройства, обучал приемам ведения боя в городе. На Западе печатаются денежные знаки сепаратистского правительства, оттуда же поступают средства связи, множительная техника и многое другое. Разработку Конституции Литвы консультировали граждане США Уэйман (из Гарвардского университета) и Джонсон (эксперт по административно-правовым вопросам).

А как любят на Западе наших трубадуров сепаратизма! Для них выделяются самые лакомые кусочки — высокооплачиваемые лекции, высшие гонорарные ставки за статьи и интервью. И за все это требуется только одно — поносить свое Отечество и призывать к его развалу. За голубой цвет глаз на Западе никто не заплатит ни копейки, расчетливые политические зазывалы платят только за работу, выгодную и нужную им. Ни в одной стране мира не бродят определенные парламентарии по заграницам в таком количестве, как наши, в поисках приработка, когда дома работы хоть отбавляй. Возникает вопрос: может, они и идеями подпитываются в этих поездках?

Хотелось бы напомнить, что американские конгрессмены не имеют права получать подарки стоимостью выше 50 долл., не могут принимать оплату проезда, проживать за чужой счет в гостиницах или брать иные подношения. Все это рассматривается как обязательная норма этики, нарушения которой караются вплоть до лишения мандата. Сразу же скажу, что по законам США всякая политическая или общественная организация, которая в какой-либо форме будет ставить целью разрушение целостности США, будет объявлена антиконституционной и ее судьба будет решаться в суде.

Американцы поощряют у нас все, что запрещают у себя дома.

В последние годы обращает на себя внимание повышенная активность радио, газет и журналов западных стран в предоставлении своих страниц и вещательного времени для политических и общественных деятелей, бывших и настоящих, из СССР. Трудно представить себе, чтобы рядового американца, англичанина или немца уж очень интересовал очередной протуберанец слов нужного Западу политика. В данном случае чужие журналы, газеты служат лишь отражающим зеркалом, пускающим раздражающие зайчики ненависти в глаза нашему народу. Эти интервью берутся, чтобы легализовать подкормку избранного человека и подлить масла в огонь наших внутренних неурядиц. Мы все дети одного Отечества, и нечего нам звать в помощь и в судьи чужих дядек.

Нередко в дипломатических переговорах и застольных тостах западные представители говорят о своей озабоченности развитием ситуации в Советском Союзе и о желательности сохранения целостности нашего государства. Они могли бы доказать это давно делом. Достаточно было бы снять торгово-экономическую блокаду, распространенную на всю наукоемкую технологию, сменить ключи в пропагандистском наступлении. Они этого не делают. Зато они панически боятся, что в результате развала Советского Союза ядерное оружие может оказаться одновременно в руках противостоящих группировок и последствия такого положения станут непредсказуемыми. Они даже многократно заводили разговоры о том, что может-де сложиться ситуация, при которой отдельный подвижный ракетный комплекс может быть захвачен какой-либо диверсионно-террористической группой и стать опасным средством шантажа. Но даже из этой озабоченности они делают свои собственные выводы! Начинают поговаривать, что может создаться обстановка, при которой будет оправдано установление международного контроля над ядерным оружием и ядерными объектами Советского Союза. Здесь уже речь пойдет не о разделе Советского Союза, а о его фактической оккупации. Вот в каком направлении работают головы геостратегов за рубежом.

Обо всем, что я сказал. Комитет государственной безопасности своевременно и подробно информировал руководство страны, и мы очень встревожены, что может повториться трагическая история кануна Великой Отечественной войны, когда разведка во весь голос кричала о неминуемом приближении фашистского вторжения, а Сталин считал эту информацию неверной и даже провокационной. Во что это нам обошлось, вы знаете!

Товарищи депутаты! Всем сердцем я разделяю вашу боль и заботу о сохранении Союза. Уже как историк по профессии хочу сказать, что лицемерны обвинения в адрес некоей «русской империи», созданной насилием. Через борьбу за объединение прошли все великие державы, и лидеры этой борьбы остались в памяти как величайшие патриоты. Авраам Линкольн не допустил развала Соединенных Штатов. Он не побоялся начать даже гражданскую войну, чтобы сокрушить Конфедерацию южных штатов. История его оправдала. Англия длительное время воевала с Шотландией, а затем с Ирландией, пока не стала Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии. Королева Елизавета велела отрубить голову последней шотландской королеве Марии Стюарт. Англичане не намерены уходить из Ольстера, оставлять Мальвинские острова, сколько бы ни сокрушалось мировое общественное мнение.

В Азии Китайская Народная Республика решает проблему Тибета с учетом своих национальных интересов. Индия четко и ясно определила свою позицию в кашмирском вопросе.

В Африке появилось много сепаратистских движений. Вы, безусловно, помните Катангу, отделявшуюся от Заира, Биафру, воевавшую за отделение от Нигерии, Западную Африку, Эритрею и т. п. Чтобы не давать сепаратистской опухоли разрушать молодые государства, Организация африканских государств постановила не признавать законность всяких трайбалистских движений (т. е. племенных, национальных), направленных на ломку границ и территориальной целостности. Неужто африканцы окажутся мудрее нас и их позиция станет нам укором?

И последнее. Всякий объединительный государственный процесс объективно сродни прогрессу. Бисмарк, «мечом и кровью» объединявший в прошлом веке Германию, создал основы для роста и процветания нации и государства. Виктор Эммануил, с одной стороны, Гарибальди, с другой, создали единую Италию. Для развития нужны большие хозяйственные пространства, единый рынок, крепкая денежная система, надежный правопорядок. К этим ценностям всегда стремилась буржуазия. К развалу, к национальной замкнутости, деревенской обособленности всегда звали люди с феодальным образом мышления.

В руках депутатов, прежде всего союзного уровня, сейчас будущее Родины. История не простит пассивности и бездействия. Она будет судить только по делам, по результатам. Сегодня каждому советскому гражданину хочется увидеть день, когда заседание съезда народных депутатов СССР сравнится по решительности и значимости с Нижегородской сходкой в далеком 1611 году, когда Кузьма Минин одной речью поставил на дыбы

страну, создал ополчение и пошел выручать Москву, погрязшую в интригах с поляками и склоках между собой. Желаем вам успехов в работе!

21.04.91»

На пленуме ЦК КПСС, собравшемся в Москве 24 апреля 1991 г., Горбачева как генсека так сурово критиковали первые 22 оратора, что он не выдержал, выступил 23-м и попросил об отставке. И тут — о святый Боже! — все стали просить его не уходить. Как в романсе: «Не уходи, побудь со мною!» Из 400 участников пленума только 13 проголосовали за отставку, а еще 14 воздержались. Ну и «орлы»! Куда же девался весь антигорбачевский запал? Ведь в канун пленума 26 парторганизаций краевого и областного уровня открыто выразили недоверие Горбачеву, да чего там говорить, вся партия кипела! Но, когда наступил момент принимать решение, у партийной верхушки сразу заработали инстинктивные номенклатурные тормоза. Так и хотелось закричать: «Да здравствует закулисная политика! Виват кабинетным корифеям! Вечная слава трусам и оппортунистам!» Конечно, это было собрание политических трусов, и они в который раз испугались предоставляемой им свободы. Ни у кого не возникло мысли об обращении ко всей партии, об открытии общесоюзной партийной дискуссии, способной оживить партийные организации. Был избран путь самоубийства!

Днем раньше, 23 апреля, на даче в Новоогареве, Горбачев подписал акт о капитуляции под сепаратистским нажимом со стороны республиканских вождей, ибо серьезно стал опасаться либо насильственного введения чрезвычайного положения, либо досрочных выборов и его мирного устранения из Кремля.

Вспомнив, что Горбачев родом из Ставрополья, я с улыбкой прочитал 28 апреля в «Комсомольской правде», по-моему, издевательскую заметочку, которую не могу не привести полностью: «Побить мировой рекорд в свисте попытаются участники конкурса «Свистун-91», который будет проходить в Ставрополе. Рекорд установлен в 1983 году и составляет 122 децибела. По сведениям устроителей, гоночный автомобиль производит шум в 125 децибел, а 192 приводят к летальному исходу. Как известно, от свиста деньги в карманах выводятся. Здесь же, если повезет, можно высвистеть видеомагнитофон, персональный компьютер, предложенные организаторами из ассоциации содействия Обществу Красного Креста в качестве призов. Свистеть — не вредно».

В эти дни я делал заметки чаще, чтобы зафиксировать свои ощущения, вызванные неотвратимостью катастрофы. 24 мая я

записал: «Заседания, суета, всплески растерянности, нервические задания, поручения — все как в кино, когда хотят показать последние дни режима, власти. «Дни Турбиных» еще наполнены человеческим содержанием, а в наши дни и оно вроде бы исчезло. Какая-то сатанинская какофония. Политическая фауна постоянно мимикрирует, проделывая самые забавные, прямо-таки цирковые номера. Сам президент сидит в ложе Большого зала консерватории и единственный не аплодирует, слушая, как Елена Боннэр публично разносит все коммунистическое на вечере памяти А. Сахарова в связи с его 70-летием. Ельцин тоже сидит, но уже аплодирует. Все стараются обежать друг друга справа, хотя называют это обгоном слева.

Из хаотического нагромождения политических структур, рушащихся и создающихся, из болтовни «государственных деятелей», словесной диареи журналистов у меня создается смутное ощущение, что самое страшное позади — угроза гражданской войны. В ее объективную неизбежность я никогда не верил, хотя политиканы пинками гнали к ней потерявших разум от нищеты, бесперспективности людей. Нам не за что умирать, нечего делить между собой. Народ един в своем несчастье. Все политические силы согласны в том, что нужна нормальная рыночная экономика, все говорят о неприемлемости возвращения к старым порядкам, о необратимости демократии, все говорят о возрождении. Все «душераздирающие» разногласия сводятся вульгарно к тому, кто из спорящих хотел бы управлять страной и какой ценой он готов добиваться этого».

В самом конце мая мне довелось быть с В. А. Крючковым в служебной командировке на Кубе. Вокруг этой поездки в прессе наплели кучу домыслов, в то время как речь шла о самом простом — о сахаре. К маю стало ясно, что запасы сахара катастрофически сокращаются. Обычно СССР производил сам 8 млн. т в год, 3,5–4 млн. т нам поставляла Куба, и приходилось прикупать еще на свободно конвертируемую валюту 1,5 млн. т на мировом рынке. Оказалось, что под урожай 1991 года мы не смогли засеять 30 % отведенных под сахарную свеклу площадей из-за общего бедлама. Валюты в казне уже не было. Да и кубинцы думали сократить поставки в СССР на 1 млн. т, поскольку наша страна катастрофически не выполняла свои торговые обязательства перед Кубой.

Чтобы предотвратить наступление сахарного кризиса, было принято решение о поездке Крючкова на Кубу. Ни о какой секретности речи быть не могло. На Кубе удалось посетить целый ряд крупных строек, заводов, учреждений, воочию увидеть отчаянные усилия правительства и народа вырваться из двойной

экономической блокады — американской и советской. Первая была актом политического давления, а вторая — объективным итогом разрушения нашего хозяйственного механизма. Встречи с людьми были открытыми, многолюдными.

Я специально во время этих бесед отходил в сторону, наблюдал за лицами, за выражением глаз, за жестами, слушал обрывки разговоров. Честно скажу, что видел лица погасшие, безразличные, источенные трудностями жизни, но не нашел ни одного враждебного, искаженного ненавистью, злобного лица, каких у нас навалом. Не слышал ни одного острого враждебного вопроса, ни одной жалобы, нытья, без которых не обошлась бы ни одна встреча подобного рода у нас. Никто не сгонял работающих к машине Фиделя, никто не толкал, не отпихивал любопытствующих. (Охрана лишь внимательно следила за тем, чтобы Фидель стоял лицом к лицу с аудиторией, пусть даже нос к носу.)

Вспоминалось, что на Кубе никогда не было репрессий. Эта удивительная революция не пожрала никого из своих детей. Здесь есть что-то другое из социальной психологии. Я надеюсь ответить на этот вопрос в другой книге.

В ходе переговоров мы заверили, что постараемся выполнить все намеченные поставки, а кубинцы пообещали, что сдержат слово и отгрузят в 1991 году не менее 3,5 млн. т сахара. Цель поездки была достигнута.

На прощальном банкете, который проходил, кстати, в резиденции советского посла на Кубе Юрия Владимировича Петрова, сменившего в свое время Ельцина на посту первого секретаря обкома КПСС в Свердловске, а после возвращения с Кубы длительное время работавшего руководителем администрации Ельцина уже как президента России, Крючков единственный раз коснулся темы сохранения Советского Союза, сказав, что в СССР еще не все потеряно и что есть силы, энергично выступающие против раздела Отечества.

12 июня 1991 г., во вторник, объявленный нерабочим днем, чтобы привлечь людей к урнам, состоялись выборы первого президента России. Победил Ельцин. За него проголосовали 45,5 млн. избирателей, против — 32,2 млн. От, условно говоря, коммунистической платформы выступали четыре кандидата: бывший премьер-министр Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин, командующий Приволжским военным округом генерал-полковник А. М. Макашов и председатель Кемеровского Совета народных депутатов А. М. Тулеев. Они в общей сложности набрали 25,5 млн. голосов. Пятым был эксцентричный лидер либерально-демократической партии В. В. Жириновский, собравший 6,2 млн.,

или около 8 %, всех голосов.

На выборах не было борьбы партий и программ, боролись только личности, и победила в то время самая яркая, самая заслуженная в своей оппозиции к Горбачеву, к КПСС, к старому строю. Люди проголосовали против старой системы. За какую новую систему они отдали голос, они себе слабо пред-ставляли. Ведь Ельцин никогда до выборов не говорил, что поведет дело к реставрации капитализма. Все шесть кандидатов одинаково монотонно говорили о плюрализме в экономике и в политике, с разницей лишь в темпах. Слушать их было скучно. Потешал лишь Жириновский своими петушиными наскоками на Ельцина да экстравагантными всплесками типа: «Уберите этого газетчика из зала. Я — кандидат в президенты! Чего это он вздумал задавать мне вопросы?»

КПСС потерпела поражение по всем азимутам, и теперь ее судьба — догнивать в оппозиции.

Напуганный Горбачев стал искать защиты у своего былого недруга Ельцина и был готов отдать все, чтобы его только не попросили из Кремля. Он несколько дней сидел в Новоога-реве с новыми «удельными князьями» и писал под их диктовку «Союзный договор», ликвидирующий Союз. Верховный Совет СССР, раздробленный на депутатские крупицы, беспомощно болтал последние речи. Скоро, через полгода, ему предстояло прекратить свое существование по воле «9 + 1» (так называлась новоогаревская группа, состоявшая из 9 руководителей республик и президента СССР).

17 июня премьер Павлов поставил в Верховном Совете вопрос о предоставлении ему чрезвычайных полномочий. Его поддержали Язов, Крючков, Пуго. Но все развивалось настолько вяло, тягомотно, что окончилось очередным документом — «решением», которое ничего не решало.

Как Горбачев пожалел в свое время Ельцина, оставив его в 1987 году на посту министра, хотя и погрозив пальцем со словами: «Имей в виду, в политику я тебя больше не пущу!», так и Ельцин был готов «возвратить должок», оставив Горбачева на положении приживалы в Москве, на декоративной должности. Вскоре в США, куда Ельцин поехал с первым государственным визитом через неделю после выборов, он сказал: «Я никогда не буду пытаться занять место Горбачева. Я ему это обещал».

Остатки коммунистической рати были деморализованы полностью. Мне в руки попало письмо в ЦК члена политбюро и секретаря ЦК КПСС Антоновича, который сам боролся на выборах за место народного депутата РСФСР от Первомайского района Москвы против Ю. Афанасьева, ректора Историко-архивного

института, выступавшего под флагом радикальной демократии. Глубоко уважаемый мной Антонович честно писал, что партия отвергается народом, на нее возлагается вина и за прошлое, и за шестилетнее топтание на месте под скрип «перестройки». Под ее знаменем уже нельзя выиграть никакие выборы, сколько ни старайся. «Я, — писал он, — распространил 250 тыс. листовок, провел сотни встреч и все-таки проиграл сопернику, который вообще не вел избирательной кампании, впрочем, как и Г. Попов, как и Б. Ельцин.

Они были уверены в том, что антикоммунистический настрой в обществе автоматически обеспечит им победу. Они лучше знали настроение народа».

Поражение и раскол — два родных брата. Большинство сибирских и дальневосточных парторганизаций заявило о своем несогласии с курсом формального руководителя Горбачева. Они поставили вопрос о созыве внеочередного съезда и рассмотрении «оргвопроса», то есть снятии Горбачева с поста генсека. Для нормальной логики нормальных людей это совершенно естественно. Лидер, приведший партию к потере власти, к потере авторитета, к нарушению всех социалистических ценностей, составлявших партийный идеологический фундамент, должен был бы уйти и сам, будь он чуть-чуть посовестливее и уважай хоть капельку столь модные «общечеловеческие ценности». Честность, наверное, не последняя ценность этого рода. Но наш политический истеблишмент живет не по этим правилам, у него свой кодекс поведения: любой ценой (именно любой!) оставаться у власти, не останавливаясь ни перед чем, для всего найдется оправдание. Вялый во всех других делах, Горбачев вновь забурлил активностью, стараясь не допустить созыва съезда, чтобы не оказаться в роли ответчика на трибуне-эшафоте.

Обращение сибиряков и дальневосточников всполошило партийные верхи, партия начала просыпаться снизу, чего так старались не допустить во все годы агонии. Сразу же по Москве поползли слухи о неминуемом со дня на день выходе из партии Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина и др. Открыто стали говорить о том, что в партии раскол и очередь лишь за его организационным оформлением. Шеварднадзе, находясь в поездке в Австрии, сказал, что надо создавать новую демократическую партию. Это дало повод для начала расследования против него как члена ЦК КПСС. Но он уже давно в душе простился со своим партийным пьедесталом и витал на других крыльях в других эмпиреях.

Атомизация КПСС означала удар и по другим партиям, которые десятками создавались в стране. Люди перестали доверять всем партиям, самому политическому инструменту в

виде партии. Любая партия как форма организации политических сил была заранее скомпрометирована. Наступило время широких, расплывчатых «движений», через опыт которых уже прошли многие страны Восточной Европы, отринувшие социализм. Набирали силу «Демократическая Россия», «Рух» на Украине, «Саюдис» в Литве и т. д.

Формальный раскол в КПСС стал фактом 2 июля 1991 г., когда А. Н. Яковлев вместе с Шеварднадзе, Руцким, Силаевым, Петраковым, Шаталиным и др. опубликовали заявление о создании «Движения за демократию» (очередное «движение»). Заявление выглядело попыткой «чистых» демократов-интеллигентов встать над грязной лужей, в которой барахтались актеры политической драмы. В их заявлении звенела нота элитарности тех, «кто уверен в своих силах и знаниях», «кто не боится конкуренции» и т. п. Дух заявления пропитан ненавистью ко всему, что связано с государством, в этом они выглядели почти сродни анархистам. Навязчивым и подозрительным был перекос в сторону безграничных свобод личности. Президент Горбачев, полностью потерявший ориентацию во времени и пространстве, все же распорядился, чтобы его пресс-секретарь сделал от его имени заявление, что он поддерживает это движение, ибо «оно направлено на достижение согласия, единства…» и т. д.

Кроме макромира я еще живу в нашем профессиональном микромире. Корпус офицеров государственной безопасности начинает давать трещины. Причин много, но к ним добавилось и плохое материальное обеспечение. Зарплата невелика и стабильна, в то время как цены постоянно растут. В моем управлении появились просто бедствующие офицеры. В семьях, где трое детей, родители еле-еле сводят концы с концами. Я как начальник управления имею право помочь таким семьям в размере двух месячных окладов в течение года, но это капля в море. Нищета для спецслужб — смертный приговор. Чтобы выжить, люди будут уходить, либо — и это неизмеримо хуже — искать приработок на стороне. Мой коллега — начальник соседнего управления говорит, что к нему на стол еженедельно ложатся три-четыре рапорта об уходе. Люди честно говорят, что им «надо кормить семью». Уходят, как правило, те, кто активнее в жизни, умнее, жизнеспособнее.

Среди старшего генералитета явная растерянность и замешательство. В столовой — единственном месте для свободного общения — они гудят, как растревоженный пасечником улей, норовя кого-нибудь ужалить. Отдельные голоса еще слышны: «Вот надо бы…», но все-таки доминируют озабоченность, неуверенность, разброд. Я больше отмалчиваюсь.

Иногда на меня шипят: «Ты чего молчишь, аналитик?» А что я им скажу, зачем буду расстраивать их в час обеда? Все и без моих сентенций ясно, слишком очевидны и грубы силы, формирующие сегодняшний лик нашей истории.

Чтобы успокоиться, вечерами читаю Ключевского. Беру его работу «Иностранцы о России» и с горечью вижу, что в XV–XVII веках мы производили на иноземцев тяжелое впечатление не только своей отсталостью, но и морально-нравственными качествами. Иностранные послы Олеарий, Поссевитин, Флетчер и др. почти в один голос отмечали, что в России царит деспотизм без меры, «черных, тягловых» людей грабят, кто и как умеет, дьяки и чиновники славятся только лихоимством, в моде хвастовство силой и богатством, даже когда их на самом деле нет; народ проявляет бесконечное терпение и готовность жить в лишениях; непредприимчивость и довольствование «чем Бог послал» всеобщи; бездорожье и скудные условия жизни ужасающи. Положа руку на сердце, признаю, насколько живучи оказались эти черты — все до единой производные от деспотизма. Наверное, лучшим временем для нашего народа был XIX век, когда при всех неисчезавших мерзостях жизни о них уже открыто писали Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов. Именно в это время начал пробиваться какой-то нравственный критерий, появилась шкала человеческих ценностей, все больше рождалось людей с понятием о чести и достоинстве.

Самой отвратительной чертой нашего времени стало всеобщее и скандальное разрушение морально-этических устоев личности. Безнравственность, неуважение к самому себе, нечистоплотность становились господствующим типом поведения. Бомж-алкоголик, укравший ребенка из оставленной у двери магазина детской коляски и предложивший продать его за пол-литровку водки, сродни по уровню морали высокопоставленному государственному сановнику, «покупающему» за символическую цену государственную дачу со всем ее содержимым и земельным участком в придачу.

10 июля 1991 г. я сидел на работе с включенным телевизором и смотрел церемонию вступления Б. Ельцина на пост президента России. Его слова о готовности заменить любую идеологическую схему церковным морально-этическим кодексом ложились успокоительно на душу. Присутствие Патриарха всея Руси Алексия И, его призыв к гражданскому миру, к отказу от сведения счетов, к ориентации на светлые идеалы также рождали надежды. Громкозвучно разносились слова о возрождении России, о ее величии. Невольно подумалось, что в принципе такой путь «к Храму» тоже возможен, но, наверное, при другом поколении

политических пастырей. Подтверждая это сомнение, на экран снова выплыло знакомое лицо Горбачева, который натужно пытался изобразить из себя одновременно и старшего по положению, и преданного подчиненного. Зал частенько встречал его слова хихиканьем. Мне его стало жаль.

Finita la comedia

22 июля я ушел «при полном штиле» в Комитете государственной безопасности в очередной отпуск, еще не ведая, что к нормальной работе уже не возвращусь никогда. Отпускная пора была в полном разгаре, и уезжали отдыхать многие руководители управлений. Никаким заговором в наших коридорах не пахло. По традиции я съездил на неделю в родное село Алмазово, где, вспоминая молодость, от души поработал косой, топором, чистил скотный двор, приводил в порядок домик своей 75-летней двоюродной сестры. Оттуда отправился в Сибирь, в Красноярск, там с семьей купили билеты на теплоход «А. Чехов», плывший рейсом до бухты Диксон. Совершить путешествие по Енисею, повидать Сибирь было нашей давнишней мечтой. Поездка удалась на славу, посмотрели все примечательное, что есть на трехтысячекилометровом маршруте. Я до земли кланяюсь тем сибирякам, которые радушно принимали нас по пути, щедро делились своими знаниями родного края, открывали нам сокровищницу своих сердец. Вот тут и вспомнились некрасовские слова: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь…» Всюду могучая красота природы, естественные богатства нашей земли, лесов и рек поражали воображение, и встречали большей частью неприятие дела рук человеческих На них лежала печать разрыва между землей и человеком. Люди чаще всего выглядят временными жильцами в этом крае, безразличными ко всему, кроме желания немедленно вырвать из него самый сочный и жирный кусок. Хищничество, бескультурье, убогость временщика больше всего ранили сердце.

Отпуск мой должен был закончиться в начале сентября Вернувшись из Сибири в середине августа, я мирно трудился «во саду ли, в огороде» на казенной даче, превращенной моими собственными руками в цветущую плантацию, пока не раздался тревожный звонок по служебному телефону, извещавший меня о том, что в воскресенье, 18 августа, в 22.30 в кабинете председателя состоится совещание, на которое приглашаются члены коллегии (я был введен в состав коллегии еще в конце февраля).

К назначенному часу большинство руководителей управлений и членов коллегии приготовились к проведению совещания, но последовала команда всем быть свободными и собраться лишь утром 19 августа. Все понимали, что происходило что-то важное, но мы не имели даже представления о содержании

и масштабах ожидавшихся событий.

Отмена вечерней коллегии состоялась уже поздно, и я решил не возвращаться на загородную дачу, тем более что водителя служебной автомашины я уже отпустил отдыхать. Заночевал в своем кабинете: мне такие ночевки были привычны за долгие годы работы в информационно-аналитических подразделениях. Рано утром 19 августа дежурный по управлению разбудил меня, сообщив, что по телевизору передают документы об объявлении чрезвычайного положения. Я прилип к «стеклу». Испуганный, мятый диктор бесцветным голосом извещал просыпающихся сограждан о наступлении иного измерения в судьбе Отечества.

Я вспоминал аналогичные моменты в жизни других стран и народов. Там подобные объявления преподносились в совершенно иной эмоциональной обстановке. Выступали новые, ранее незнакомые лица, они действовали в непривычной, не студийной обстановке, тон заявлений был решительным, энергичным, не оставляющим сомнения в правоте действий. Все бывало необычным, потому что необычной была сама ситуация. А на нашем экране все было вяло, бескровно, полуобреченно.

Все последующие дни так называемого «путча» полностью подтвердили правоту первых ощущений. Про наше управление все как будто забыли. Ни от кого не было ни указаний, ни поручений. Руководство как бы растворилось. Чисто механически мы отбирали из поступивших телеграмм наиболее, как нам казалось, яркие и направляли их в секретариат председателя КГБ для последующей рассылки адресатам, которых там лучше могли определить. Такое выпадение нашего управления из поля зрения руководства не могло не быть дурным предзнаменованием, оно означало, что все внимание его поглощено иными, далекими от нас проблемами. Без какого-либо толка я просиживал рабочие часы с острым ощущением надвигающегося краха. С улицы доносились звуки проходившей бронетехники, время от времени звонили телефоны, и голоса друзей и коллег добавляли тревоги и беспокойства. Все спрашивали, что происходит, а я не мог ответить ничего вразумительного, потому что сам был в неведении.

21 августа стало известно об аресте членов ГКЧП. Все ясно, предчувствия не обманули. Можно было с искренним пафосом сказать: «Финита ля комедия!» Перестройка не была перестройкой, коммунисты не были коммунистами, демократы никакие вовсе не демократы, путч похож на фарс.

На другой день мне исполнялось 63 года. Я принял решение порвать с миром политиканства навсегда. Этот день выдался самым нервным. С утра приехал и прошел в кабинет председателя

новый шеф КГБ, вчерашний начальник разведки Л. В. Шебаршин. Он сразу созвал коллегию, в ходе которой за одну минуту проштамповали два решения: объявили органы госбезопасности департизированными и отмежевались от действий «путчистов».

В это время пришло сообщение, что на Лубянской площади создалось угрожающее положение, растущая толпа вела себя агрессивно, раздавались голоса, призывавшие к захвату здания КГБ. Было принято решение отпустить всех сотрудников по домам, чтобы не увеличивать риска для личного состава и уменьшить возможность возникновения столкновения. Новый председатель КГБ настойчиво требовал полного запрещения использования оружия даже в целях самозащиты. Это вызвало недовольные возгласы: «Мы не позволим, чтобы нас, как баранов, перерезали в кабинетах, мы будем защищаться». Но председатель упорно стоял на своем.

Л. В. Шебаршин не раз пытался дозвониться Горбачеву, но тот не брал трубку, а когда взял, то ничего вразумительного сказать не мог. В зале заседаний росло напряжение. И тут целиком включилась новая скорость нагнетания истерики: дежурный по приемной вызвал к телефону сидевшего за общим столом В. Иваненко, занимавшего пост и. о. председателя КГБ России и члена коллегии КГБ СССР. Через пару минут он возвратился красный, взъерошенный, взял со стола свою папку и резко пошел к дверям, сказав на ходу: «В Белом доме истерика. Говорят: «Какого черта ты заседаешь с этой бандой преступников? Немедленно уходи оттуда». Поеду успокаивать!» Кто-то бросил вслед: «Это последний человек, которому будет позволено свободно уйти из этого здания».

Доклады дежурной службы становились все более тревожными. Было внесено предложение: послать телеграммы Горбачеву и Ельцину с просьбой лично вмешаться и предотвратить насильственный захват служебного здания. Телефоны оказались бесполезными, на звонки никто не отвечал. Решили «отметиться» на всякий случай, пусть знают, что мы не хотели насилия. Я набросал текст телеграммы и передал ее Шебаршину, который ее чуть укоротил, убрав слова о том, что некоторые офицеры готовы защищать свою жизнь с оружием в руках, и отправил. Мы остались ждать со щемящим чувством тоски. По ходу мы набрасывали соображения о реформе Комитета госбезопасности путем его разукрупнения. Такие планы разрабатывались нами и раньше, за несколько месяцев до этого, так что надо было лишь актуализировать документы. Но работа, понятное дело, шла вяло. Мысленно мы были на площади.

Минут через 20–30 после отправки телеграммы на Лубянку

приехал Б. Ельцин, переговорил с собравшимися, после чего угроза захвата здания, документации и возможного кровопролития стала спадать. Перед уходом домой мне доставили большую радость: ко мне пришла группа моих товарищей по работе. В руках у них были бутылка коньяка, фрукты, конфеты. Они завесили серую печаль своих лиц улыбками, стали поздравлять меня с днем рождения, о чем я совершенно забыл. Какие умницы! А я ведь велел всем покинуть здание.

Тональность тостов была возвышенной. Всем было ясно, что мы прощались. Я им сказал, что принял решение уйти в отставку, посоветовал им самим держаться, не поддаваться унынию и панике, служить России — второго Отечества у нас нет и не будет — и ее народу в новых условиях. Товарищи желали мне стойкости, выражали уверенность, что я найду свое место и в новых условиях. Они были не просто корректны, но по-сыновьи внимательны и трогательно заботливы.

Кто-то вспомнил, что всего пять дней назад мне было присвоено звание генерал-лейтенанта, указ был подписан М. С. Горбачевым 17 августа 1991 г. Это звание я унесу с собой на добрую память о честно отданных Родине годах службы. Но ни одна деловая бумага уже не уйдет из управления с моей подписью под этим званием. Кончено!

22 августа утром вновь объявили общий сбор коллегии. Приехал очередной председатель Комитета госбезопасности В. В. Бакатин. Он извинился за то, что его никто не представляет и он это делает сам в надежде, что возражений не будет. Собравшиеся криво и мрачно ухмыльнулись. Мягким актерским тоном он сказал, что «пришел в КГБ, чтобы его ликвидировать». Дальше он стал успокаивать, что, дескать, никто не собирается развязывать демократический террор, сводить счеты. Пусть, мол, люди нормально трудятся и т. д. Все выслушали молча.

Вернувшись к себе в кабинет, я написал два документа: рапорт на имя Бакатина об отставке и объяснительную записку о своих личных действиях за три дня, в течение которых в стране была «путчевая» смута. Я подчеркнул в документах, что ни один из моих подчиненных не получал от меня никаких поручений в связи с происшедшими событиями, ничего не знал и не мог знать об их приближении. На этом закончился день 22 августа 1991 г. Следующие дни — субботу и воскресенье — я был на даче, мы с Шебаршиным засели за шахматы, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей. Но игра не шла, разговор упрямо поворачивал на темы, связанные с путчем. Выяснилось, что он тоже намерен уйти в отставку. Договорились, что сделаем это почти синхронно.

В 9 часов утра в понедельник, 26 августа, я был у дверей кабинета председателя с рапортом об отставке. Бакатин на секунду выходил из кабинета, на мою просьбу принять рапорт грубо ответил: «Вы бы мне еще всунули бумагу в коридоре». Я сказал: «Вы знаете о моем решении, а рапорт получите через секретариат». Больше я Бакатина не видел, и слава Богу. Слышал о нем только отрицательные мнения от его ближайшего окружения, жаловавшегося на его грубость и партхамство, хамелеонство и невыносимое позерство. Но всего этого, спасибо судьбе, я не испытал, да и не стал бы испытывать при любом стечении обстоятельств.

Моя отставка была молниеносно принята. Уже на другой день я сдал дела столь же скоропостижно назначенному сменщику В. А. Рубанову, который когда-то работал помощником у Бакатина в бытность последнего министром внутренних дел. «Смена караула» была проведена с соблюдением всех приличий. Пришел заместитель начальника управления кадров, представил нового шефа управления, и даже мне было предоставлено слово. Я, как мог, тепло поблагодарил своих коллег, товарищей и друзей и наказывал им держать высоко профессиональную честь управления, как бы трудно ни складывались обстоятельства. Ответные слова не были произнесены, я прочитал их в глазах моих товарищей.

* * *

Прошло два года с того времени, как я закрыл за собой дверь служебного кабинета навсегда. Первые месяцы испытывал состояние шока, когда хотелось запечататься в квартире, вырубиться из окружающего мира. Я не читал газет, не смотрел телепередачи. Постепенно, медленно возвращалось ощущение жизни. Появились предложения поработать в новых структурах. Это дало возможность восстановить связи с людьми, пробудить интерес к судьбе своего окружения. Вскоре измятые крылья мысли расправились, и думы вновь вернулись к вечному предмету забот — о судьбе Отечества и народа.

Почему произошла историческая трагедия именно в моем государстве, быть гражданином которого я почитал за честь? Скучный ученый, каким и я мог бы стать, привел бы десятки политических, социально-экономических и иных причин, кои предопределили нашу горестную судьбу. Но есть одна общая причина, которая может вобрать в себя все иные, которая задушила нас. Этой причиной была ложь, она незаметно забила

все поры нашего бытия, превратилась в раковую болезнь нашей крови, убила нашу душу. Ложь живет и в других обществах, у других народов, но там она дремлет, как туберкулезная палочка в здоровом организме. У нас, особенно после 1917 года, ложь нашла чрезвычайно питательную среду в виде доверчивого, малограмотного населения с крайне низким уровнем гражданского сознания. Ложь пожаром охватила нашу общественную жизнь, стала почти неотъемлемой частью национального сознания, напрочь поразила литературу, искусство, погубила журналистику. Она стала основной формой общения между лидерами и народом и остается таковой по сей день.

Когда-то давно я видел жуткий эстрадный номер. Ведущий заранее договаривался с 20 сидящими на сцене статистами, чтобы они, не моргнув глазом, называли показываемый им черный шар белым, а белый — черным. Потом на сцену приглашался ничего не подозревавший случайный человек с улицы, его сажали на стул, и на его глазах ведущий спрашивал у каждого из 20 статистов-заговорщиков, какого цвета шар. Один за другим они отвечали: «Белый!», хотя на самом деле шар был черным. Напоследок изобретатель «номера» обращался с этим же вопросом к случайному человеку с улицы, и тот, помявшись, сдавленным голосом отвечал: «Белый!» Примерно таким был и наш механизм насаждения лжи. О его эффективности знали в полном объеме те политиканы-заговорщики, которые карабкались вверх по пирамиде правящих кресел.

Насаждая феодально-бюрократическую систему, нас обманывали, убеждая, что это социализм, зауряднейшую личность подавали как «выдающегося руководителя партии и советского государства», бедность выдавали за процветание, потом стали называть развал государства путем возрождения России, распад общества, расцвет преступности, всеобщую коррумпированность представлять как демократию. Нас отучили видеть вещи такими, какие они есть. Нам повредили разум. Повинны в создании липкой паутины лжи, лишающей наш народ свободы движения, только те, кто одержим особой страстью — властолюбием, и те, кто из корысти помогает им ткать эту паутину. Властолюбцы, как правило, недогружены разумом, но перегружены амбициями. Они будут лгать порой неумело, грубо, но, главное, неутомимо всю свою жизнь.

Политические лидеры, независимо от того, мученики они или герои, — всегда одержимые недугом власти люди. Счастья от них простым нормальным гражданам нет. Они не несут никому благополучия и покоя. Народ — лишь пьедестал для их

«героических» дел. Их собственное «я» затмевает все остальное, они отличаются от своих соплеменников болезненной гипертрофией честолюбия. Мы только тогда научимся противостоять ветрянке лжи, когда будем трезво-критически относиться к претендентам на роль наших поводырей и будем судить их только по их делам, по результатам их деятельности, а не по обещаниям и посулам. Это и будет наш шаг, а может быть, и весь путь к гражданскому выздоровлению.

Мне понадобилось 40 лет жизни, чтобы начать сомневаться, 50 — чтобы прозреть, 60 — чтобы очиститься от наваждения политических гипнотизеров. Отвергая политиканскую нечистоплотность личностей или групп личностей, которые ради грошового приза — личной власти — разорили материально, обокрали духовно и обрекли на физическое вымирание один из самых великих народов мира, давший человечеству Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского, Чехова, Менделеева. Я остаюсь приверженцем социалистического выбора, которому чистосердечно служил. Не большевики изобрели его, и не Маркс был его автором. Корни человеческой мечты о равенстве, о братстве уходят в древние времена. Учение Христа и его апостолов — это только наиболее полно и письменно изложенное представление о справедливом обществе. Мечта о нем всегда сопровождала человечество и в форме религиозных верований, и в форме научных утопий, и в виде практических попыток построить такое общество на Земле. Таких попыток было много, социалистическая революция в России была самой масштабной, самой глубокой и влиятельной из всех ранее предпринимавшихся человечеством. Она окончилась неудачей. Но не потому, что порочна сама идея, а потому, что она была извращена и испоганена теми, кому народ позволил узурпировать власть.

Камо грядеши? Куда пойдет моя, наша Родина? Сегодня, в 1994 году, можно, сжав сердце в комок, сказать, что Россия являет собой зрелище гибнущего очага своеобразной русской цивилизации. Мы являемся свидетелями угасания одного из выдающихся народов мира. Силы нашего народа исчерпаны в результате невероятного перенапряжения материальных и духовных ресурсов на протяжении целого века. Только по официальным данным Министерства обороны, за годы советской власти мы потеряли 10 млн. убитыми в многочисленных войнах и 30 млн. искалеченными, больными, контуженными. В это число входят только военнослужащие, в основном молодые, здоровые мужчины. Примерно вдвое больше потерь было среди гражданского населения от голода, эпидемий, военных действий, репрессий, угона за границу. Истреблена генетическая

сердцевина нации. По расчетам российского Генерального штаба, сделанным в конце XIX века, в России должно было бы жить к истечению следующего, *XX* века 450 млн. человек, а в действительности нет и 160 млн. жителей.

В 1991 году Россия уже в целом больше хоронила, чем рождала. В 1992 году демографы предсказывали сокращение населения в абсолютных цифрах на 1 млн. человек. Дальше будет еще хуже, так как, по статистике, русская женщина рождает всего 1,5–1,8 ребенка за свою жизнь. Вымирание будет прогрессировать. Особенно быстро оно идет в исконно русских областях: Рязанской, Тульской, Владимирской, Московской, Тверской.

За последние десять лет (1980–1990 гг.) средняя продолжительность жизни русского человека сократилась на десять лет. Этот показатель пойдет вниз и дальше, так как 80 % населения сейчас живут ниже черты бедности, лишены возможности нормально питаться, а следовательно, обречены на деградацию, болезни и ускоренную кончину. Невыносимо тяжелые условия жизни обрекают народ на самоубийство. В 1991 году было сделано 3,5 млн. абортов (сравните с 1,5 млн. рождений). Это целое погубленное поколение. Это не менее страшно, чем ужасы бериевского времени, унесшие жизни 800 тыс. наших соїраждан.

Население на российской земле напоминает остатки истребленного народа. 25 млн. пенсионеров-стариков доживают большей частью в нищете свой незадачливый век. Они вскоре уйдут, и численность русского народа сократится до 80–85 млн. человек.

Еще 25 млн. русских живут теперь за рубежами России. На них, превратившихся в национальное меньшинство, сейчас вымещают злобу представители «коренных национальностей» за грехи псевдосоциалистических правительств. Этим миллионам грозит либо изгнание, либо вымирание, либо ассимиляция.

По состоянию на 1 января 1986 г., в стране имелось 4 тыс. специальных детских учреждений и школ для неполноценных детей. В них содержались 667 тыс. человек — жертв алкоголизма и неизжитых социальных трудностей. Социологи считают, что примерно такое же число детей с подобными недостатками осталось в семьях: одним оказалось не под силу устроить своего ребенка в специализированное детское учреждение, где число мест ограничено, другие предпочли нести свой крест сами, жалея детей. Мы скрываем этот позор от себя, не изучаем его причин, не ведем профилактической работы, а потому и не предлагаем средств лечения. Общество не профилактировано, а потому число этих горемычных детей растет. Они подрастут, научатся кое-как

заниматься физическим трудом, выйдут «на волю» и начнут воспроизводить другое поколение несчастных.

Стараниями горе-политиков в нашей стране создана среда, враждебная для обитания человека как биологической особи. В 1993 году, чтобы новая молодая семья могла приобрести свою квартиру, ей надо заплатить 600 средних месячных заработков, то есть внести сбережения за 55 лет трудовой жизни.

При нынешней дезинтеграции общества никто не имеет представления о размахе алкоголизма и наркомании в нашем обществе. Иностранцы, живущие в Москве, с ужасом говорят о вероятных масштабах поражения нашего общества СПИДом при полном отсутствии контроля со стороны медицинских властей и распущенности нравов.

Состояние медицины, образования, спортивно-оздоровительной работы говорит о том, что государственные, правительственные структуры бросили свой народ на произвол судьбы и предоставили его самому себе.

Но русский народ под влиянием почти вековой разрушительной работы машины подавления утерял навыки самоорганизации, он разобщен до крайности, забит и запуган. Деморализация, духовное опустошение перешли за критически допустимую отметку. Потому-то национальное самосознание русского народа почти не ощущается, умирает душа народа. Он безразлично подчиняется разгулу преступности, безропотно отдает в руки наглых аферистов все общественное состояние, нажитое веками труда многих поколений предков. Нынешние поводыри государства ничего не делают, чтобы реанимировать угасающий народ.

Вопрос «Есть ли будущее у России?» задавал себе академик И. Шафаревич и не нашел ответа. Не нахожу его и я. Сколько ни всматриваюсь в Россию, не вижу на сегодня сил, способных возглавить действительное возрождение страны и русского, российского народа.

Армия, хранительница и защитница родины и народа в последней инстанции, позволила себя разрубить, как тушу, на куски сепаратистскими топорами. Генералитет погряз в коррупции, офицерский корпус мечется в отчаянии перед угрозой увольнения и нищеты, новобранцы под любым предлогом уклоняются от службы, солдаты бегут.

Те, кто в поте лица добывает хлеб свой насущный, поглощены заботой о каждодневном выживании, они устали от лжепророков, поражены понятным глубоким неверием и апатией. Ныне власти предержащие даже формально исключили их из числа привилегированных слоев общества. Слова «трудящиеся»,

«трудовой народ», «рабочий класс» теперь почти не употребляются, они находятся под подозрением.

Наш народ, наше государство, наше Отечество постигла беда, сравнимая разве что с татаро-монгольским нашествием. Мы переживаем время глубокой духовной депрессии, чего не было даже в самые тяжелые периоды Великой Отечественной войны. Слово «патриот» стало почти ругательным в продажной печати. Трещит и грозит рассыпаться тысячелетняя Россия, завещанная нам десятками поколений наших предков. А вынесенные на самый верх власти новые политики ведут нескончаемую распрю за право быть абсолютным повелителем на национальном пожарище. Неужто не помнят они притчу о суде Соломоновом, когда царь повелел разрубить пополам ребенка, право на которого оспаривали две женщины, но тогда подлинная мать закричала: «Не смейте рубить, отдайте лучше ей!» И Соломон велел отдать дитя его настоящей родительнице.

Антон Иванович Деникин в «Очерках русской смуты» вспоминает слова генерала А. Ф. Рагозы, командовавшего в 1917 году румынским фронтом, который, как бы заглядывая вдаль, печально сказал: «Видимо, русскому народу Господь Бог судил погибнуть, и поэтому не стоит бороться против судьбы, а, осенив себя крестным знамением, терпеливо ждать ее решения».

Не могу принять такой путь. Убежден, что все наши беды и хвори не присущи самому народу, от природы доверчивому, щедрому, доброму. Мы стали жертвами профессиональных революционеров, профессиональных политиков, гениев-самозванцев, их холуев-аллилуйщиков. Нам бы побольше самоорганизации, здорового критицизма к претендентам в вожди, гражданской сознательности и активности. Россия может возродиться, если процесс пойдет снизу, от народа. Сверху ждать ничего не приходится!

Как и где искать нам спасения? Народ может сохранить себя, выжить, уберечь свою культуру даже в условиях полной изъязвленнсти своего политического истеблишмента, если сосредоточится в семье, вечной и самой прочной ячейке общества. В ней все устроено на выверенных жизнью основах — общности имущества, справедливом разделении труда, подлинной заботе друг о друге. Пусть политиканы впустую сотрясают воздух, сучат ножками в безопорной пустоте, напрасно ищут толпу рукоплещущих простаков. От крепкой, здоровой семьи, как от живого корня, пойдут свежие побеги нации, свободные от тли и жуков-короедов.